

ISSN 2524-0668

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия В

Экономика и право

1 / 2026

Редакционная коллегия серии В (экономика и право)

Главный редактор – д-р экон. наук, проф. **Е. С. Шилец**

Зам. главного редактора – д-р экон. наук, проф. **В. Н. Сердюк**

Ответственный секретарь – канд. экон. наук, доц. **А. А. Кужелева**

Члены редколлегии: д-р экон. наук, проф. **Н. А. Балтачеева**; д-р юрид. наук, проф. **Н. В. Барбашова**; д-р экон. наук, доц. **Л. Л. Бунтовская**; д-р экон. наук, доц. **Т. В. Воронина**; д-р экон. наук, проф. **Л. И. Дмитриченко**; д-р экон. наук, проф. **П. В. Егоров**; д-р экон. наук, проф. **Т. О. Загорная**; д-р экон. наук, доц. **Т. В. Ибрагимхалилова**; д-р юрид. наук, проф. **Ю. А. Крохина**; д-р юрид. наук, проф. **С. В. Лихачёв**; д-р экон. наук, д-р геогр. наук, проф. **М. Г. Никитина**; д-р экон. наук, доц. **О. Л. Некрасова**; д-р экон. наук, д-р юрид. наук, проф. **П. В. Павлов**; д-р экон. наук, проф. **И. В. Петенко**; д-р экон. наук, доц. **А. В. Половян**; д-р экон. наук, доц. **Ю. Н. Полшков**; д-р экон. наук, проф. **С. В. Салита**; д-р экон. наук, проф. **О. С. Сухарев**; д-р юрид. наук, доц. **Е. М. Сыноква**; д-р экон. наук, проф. **Ю. И. Трещевский**; д-р экон. наук, проф. **А. М. Чаусовский**; д-р экон. наук, проф. **А. Г. Шеломенцев**.

The Editorial Board of the Series B (economics and law)

The Editor-in-Chief – dr. of econ., prof. **E. S. Shilets**

The Deputy of the Editor-in-Chief – dr. of econ., prof. **V. N. Serdyuk**

Executive Secretary – cand. of econ., docent **A. A. Kuzheleva**

The Members of the Editorial Board: dr. of econ., prof. **N. A. Baltacheeva**; dr. jurid. sciences, prof. **N. V. Barbashova**; dr. of econ., docent **L. L. Buntovskaya**; dr. of econ., docent **T. V. Voronina**; dr. of econ., prof. **L. I. Dmitrichenko**; dr. of econ., prof. **P. V. Egorov**; dr. of econ., prof. **T. O. Zagornaya**; dr. of econ., docent **T. V. Ibragimkhalilova**; dr. jurid. sciences, prof. **Yu. A. Krokhina**; dr. jurid. sciences, prof. **S. V. Likhachev**; dr. of econ., dr. of geogr. sciences, prof. **M. G. Nikitina**; dr. of econ., docent **O. L. Nekrasova**; dr. of econ., dr. jurid. sciences, prof. **P. V. Pavlov**; dr. of econ., prof. **I. V. Petenko**; dr. of econ., docent **A. V. Polovyan**; dr. of economics, docent **Yu. N. Polshkov**; dr. of econ., prof. **S. V. Salita**; dr. of econ., prof. **O. S. Sukharev**; dr. jurid. Sciences, docent **E. M. Synkova**; dr. of econ., prof. **Yu. I. Treshevsky**; dr. of econ., prof. **A. M. Chausovsky**; dr. of econ., prof. **A. G. Shelomentsev**.

Адрес редакции: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
ул. Университетская, 24
283001, Донецкая Народная Республика, г. Донецк

Тел: +7 (856) 302-92-56, 302-09-71

E-mail: fcl.ef@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/ec>

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право» включен в **Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук от 25.06.2024 г., на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей: 5.2.1. Экономическая теория; 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика; 5.2.4. Финансы; 5.2.5. Мировая экономика; 5.2.6. Менеджмент; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Журналу присвоена категория **К2 в рейтинге ВАК** (позиция 973) от 30.05.2025 г.

Журнал включен в **Единый государственный перечень научных изданий «Белый список»** от 09.09.2025 г.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право» включен в базу **РИНЦ** № 230-11/2025 от 17 ноября 2025 г.

Печатается по решению Ученого совета

ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Протокол № 9 от 20.04.2026 г.

© ФГБОУ ВО «ДонГУ», 2026

Бессарабова А. А. Теоретико-методологические основания и эмпирические перспективы институционализации инновационного маркетинга как инструмента культуры бизнес-процессов	5
Васильев А. С. Алгоритмическая координация рынка труда: теоретическая модель трансформации институтов ценообразования рабочей силы	16
Герасенко А. В. Система, независимость и безопасность как триада продовольственной сферы: взаимосвязь и разграничение ключевых категорий	25
Горчакова И. А., Гладкова Л. А., Сухинина О. А. Оптимизационные адаптивные модели: теоретико-прикладные аспекты	39
Давлианидзе Я. С., Дрындак А. А. Финансовая безопасность личности как ключевой элемент экономической культуры	48
Дегтярева А. А., Балтачеева Н. А. Креативная экономика: эволюция концепций и роль человеческого потенциала в трансформационных процессах	59
Демидов С. С. Природа сферы услуг как ориентир развития современной региональной экономики	71
Ибрагимхалилова Т. В., Дудник В. В. Экономика предложения в туризме: формирование конкурентоспособного туристического продукта с помощью цифровых инструментов	81
Ильченко А. А. Финансовый консалтинг как институциональный механизм повышения уровня жизни населения: теоретический анализ и региональные аспекты (на примере новых регионов РФ)	93
Кинько Е. Н., Кузьменко В. В. Искусственный интеллект как фактор экономического роста: потенциал и институциональные ограничения	105
Колчева Д. В. Управление маркетинговой деятельностью таможенных органов: институциональный аспект	116
Костина Т. В. Правовые риски и экономические потери участников рынка ценных бумаг Российской Федерации при реализации киберугроз	125
Кочура И. В., Дейнега А. А., Левина И. В. Особенности процесса воспроизводства основных фондов угледобывающих предприятий Донбасса	140
Кошелева Е. Г. Биорегиональный подход в системе пространственного развития территорий: роль государства и механизмы реализации	153
Масинев Д. В. Трансформация банковских услуг под воздействием новых технологий и цифрового регулирования: последствия для трансграничных корпоративных сделок	178
Пундик М. А. Анализ современной практики прогнозирования бизнес-процессов на отечественных предприятиях торговли	188
Сокрутенко О. - А. С. Интеграция кластерного подхода и государственно-частного партнерства как механизм повышения конкурентоспособности	200

инновационно-инвестиционного потенциала региона	
Ф о м и н а М . В . Общественный сектор экономики: специфические особенности и тенденции развития	212
Х о р о ш е в а Е . И . , Х о р о ш е в а А . С . Дефиниции «банковский сектор» и «банковская система»: тождество и отличие	222
Ш е б о л к и н а О . И . Традиционные и цифровые инструменты формирования клиентского опыта в туристской индустрии	233
Т о л о ч к о Д . Е . , К а ф а н о в а О . В . Незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ): проблема бланкетности диспозиции и межотраслевой коллизии	246

Bessarabova A. A. Theoretical and methodological foundations and empirical prospects for the institutionalization of innovative marketing as a tool of business process culture	5
Vasilev A. S. Algorithmic coordination of the labor market: a theoretical model of the transformation of labor pricing institutions	16
Gerasenko A. V. System, independence, and security as a triad of the food sphere: interconnections and distinctions of key categories	25
Gorchakova I. A., Gladkova L. A., Sukhinina O. A. Optimization adaptive models: theoretical and applied aspects	39
Davlianidze Ya. S., Dryndak A. A. Personal financial security as a key element of economic culture	48
Degtyareva A. A., Baltacheeva N. A. Creative economy: evolution of concepts and the role of human potential in transformational processes	59
Demidov S. S. The nature of the service sector as a guideline for the development of the modern regional economy	71
Ibragimkhalilova T. V., Dudnik V. V. Supply-side economics in tourism: creating a competitive tourism product using digital tools	81
Ilchenko A. A. Financial consulting as an institutional mechanism for improving the standard of living of the population: theoretical analysis and regional aspects (on the example of new regions of the Russian Federation)	93
Kinko E. N., Kuzmenko V. V. Artificial intelligence as a driver of economic growth: potential and institutional constraints	105
Kolcheva D. V. Management of marketing activities of customs authorities: institutional aspect	116
Kostina T. V. Legal risks and economic losses of security market participants in the Russian Federation during the implementation of cyber threats	125
Kochura I. V., Deynega A. A., Levina I. V. Features of the reproduction process of fixed assets of Donbass coal mining enterprises	140
Kosheleva E. G. Bioregional approach in the system of spatial development of territories: the role of the state and implementation mechanisms	153
Malygina V. D., Grosova D. A. Market of socially harmful goods as a risk-generating factor of society's socialization	178
Masinev D. V. Transformation of banking services under new technologies and digital regulation: implications for cross-border corporate deals	188
Pundik M. A. Analysis of modern practice of forecasting business processes at domestic trade enterprises	200
Sokrutenko O.-A. S. Integration of cluster approach and public-private partnership as a mechanism for enhancing the competitiveness of the region's innovation and investment potential	212
Fomina M. V. Public sector of the economy: specific features and development trends	222

K h o r o s h e v a E . I . , K h o r o s h e v a A . S . Definitions of «Banking sector» and «Banking system»: identity and difference	233
S h e b o l k i n a O . I . Traditional and digital tools for shaping customer experience in the tourism industry	246
T o l o c h k o D . E . , K a f a n o v a O . V . Illegal entrepreneurship (Article 171 of the criminal code of the Russian Federation): the problem of blanket disposition and intersectoral conflict	5

ЭКОНОМИКА

УДК 339.138

DOI 10.5281/zenodo.20432747

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО МАРКЕТИНГА КАК ИНСТРУМЕНТА КУЛЬТУРЫ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ

© 2026. А.А. Бессарабова

В статье рассматривается концепция институционализации инновационного маркетинга как системного инструмента формирования и трансформации культуры бизнес-процессов в современных организациях. На основе интеграции теорий институциональной экономики, маркетингового управления и организационной культуры предлагается комплексная модель, описывающая механизмы внедрения инновационных маркетинговых практик в организационные структуры и их влияние на реконфигурацию бизнес-процессов. Проведен анализ эмпирических данных, полученных в ходе исследования компаний технологического и потребительского секторов, демонстрирующий корреляцию между степенью институционализации инновационного маркетинга и показателями адаптивности организационной культуры. Результаты работы указывают на необходимость перехода от фрагментарного применения маркетинговых инноваций к их системной интеграции в качестве структурного элемента корпоративной культуры, что обеспечивает устойчивое конкурентное преимущество в условиях динамичной рыночной среды.

Ключевые слова: инновационный маркетинг, культура бизнес-процессов, институционализация, маркетинговое управление, маркетинг, инновации, модель институционализации, клиентоцентричность.

Постановка проблемы. Несмотря на повсеместное признание роли инноваций в маркетинге, большинство организаций сталкивается с проблемой их поверхностного и фрагментарного внедрения, что ограничивает долгосрочный стратегический эффект. Инновационные практики часто остаются инициативами отдельных энтузиастов или разовыми проектами, не трансформируя глубинные организационные процессы и культуру, что создает разрыв между потенциальной силой инновационного маркетинга как драйвера роста и его реальным вкладом в устойчивое конкурентное преимущество, порождая проблему системной интеграции маркетинговых инноваций в основу деятельности организации.

Актуальность темы исследования. Актуальность исследования обусловлена переходом мировой экономики в фазу так называемой гиперконкуренции и цифровой турбулентности, где единственным постоянным фактором ее развития становится изменение. Следовательно, способность организации к постоянной адаптации своих бизнес-процессов, основанной на глубокой клиентоцентричности, превращается в ключевой фактор выживания на современном рынке. В этом контексте инновационный маркетинг из набора инструментов эволюционирует в критически важную культурную и институциональную основу, требующую научного осмысления механизмов его устойчивого внедрения и закрепления в организационной практике.

Анализ последних исследований и публикаций. Особенности инновационного маркетинга, цифровых технологий и развития виртуального рынка были отражены в исследованиях таких ученых, как Ф. Котлер [11], Е. М. Азарян [1, 2, 3], В. О. Бессарабов

[2, 4, 5], О. В. Мелентьева [2], Н. Ю. Возиянова [8], А. Н. Германчук [9, 10] и других. Внимание вопросам развития институциональной теории уделено в исследованиях Д. Норта [13], П. Димаджио и У. Пауэлла [14].

Анализ современных публикаций [1-12] в области маркетинга и организационных изменений демонстрирует растущий интерес к темам agile-маркетинга, «data-driven» культуры и кросс-функциональной интеграции. Однако существующие работы, как правило, фокусируются либо на технологических аспектах, либо на «точечных» методологиях, упуская из виду более фундаментальный институциональный аспект – процесс превращения данных инноваций в неотъемлемую, легитимную часть организационного порядка и системы ценностей.

Гипотеза исследования состоит в том, что степень институционализации инновационного маркетинга, понимаемая как его глубокая интеграция в формальные структуры, нормативные системы и культурные образцы организации, оказывает статистически значимое положительное влияние на ключевые параметры культуры бизнес-процессов, а именно на: ориентацию на клиента, готовность к изменениям, культуру экспериментов и уровень межфункционального сотрудничества.

Цель исследования заключается в разработке теоретической модели институционализации инновационного маркетинга как инструмента культуры бизнес-процессов и ее верификации на эмпирическом материале.

Материалы и методы исследования. Методологическую основу составили методы теоретического анализа (систематизация концепций институциональной теории, инновационного и стратегического маркетинга) и эмпирического исследования. Эмпирическая часть включала анкетирование руководителей маркетинговых и стратегических подразделений компаний из технологического, потребительского и финансового секторов с использованием шкалы Ликерта для оценки уровня институционализации. Дополнительно проводился анализ внутренней документации компаний и сопоставление данных с параметрами организационной культуры, измеренными по адаптированной методике OSAI. Для обработки данных применялись корреляционный и регрессионный анализ.

Результаты исследования. В контексте стремительной цифровой трансформации и усиления гиперконкурентности рыночной среды маркетинг перестает быть исключительно функциональной областью, отвечающей за продвижение продуктов и услуг. Современные организации сталкиваются с необходимостью глубокой перестройки своих бизнес-процессов, где маркетинг выступает не как отдельная служба или отдел, а как интегрированный культурный элемент, определяющий логику взаимодействия всех подразделений организации. Инновационный маркетинг, понимаемый как непрерывный процесс генерации, адаптации и внедрения новых методов, технологий и подходов к созданию и коммуникации ценности, становится ключевым драйвером организационных изменений. Однако внедрение разного рода инноваций часто остается поверхностным, не затрагивающим глубинные институциональные основы организации.

При это институционализация, в рамках исследуемой проблематики определяется как процесс превращения инновационных маркетинговых практик в устойчивые, формализованные и легитимные элементы организационной структуры и культуры, что предполагает их интеграцию в системы управления, нормы поведения, процедуры принятия решений и ценностные ориентиры организации. Другими словами, институционализация инновационного маркетинга выступает как инструмент

культивирования новой бизнес-культуры, ориентированной на клиента, адаптивность, экспериментальность и кросс-функциональное взаимодействие.

Здесь уместно подчеркнуть, что традиционный маркетинг рассматривался как набор инструментов (4P: Product, Price, Place, Promotion), направленных на удовлетворение потребностей рынка. Однако с развитием концепций маркетинга отношений, сервис-доминантной логики и ценностного предложения, маркетинг стал восприниматься как философия бизнеса, пронизывающая все организационные процессы. Культура бизнес-процессов в данном контексте определяется как совокупность формальных и неформальных правил, норм, ценностей и поведенческих паттернов, регулирующих выполнение операционных и стратегических задач компании.

Инновационный маркетинг вводит в культуру элементы постоянного изменения, обучения и экспериментирования, который включает:

1. Технологические инновации: использование больших данных, искусственного интеллекта, автоматизации коммуникаций и т.д.

2. Процессные инновации: внедрение agile-методологий в маркетинговые кампании, кросс-функциональные рабочие группы.

3. Концептуальные инновации: переход к ценностно-ориентированному маркетингу, ко-креация с потребителями.

В свою очередь, институциональная теория [13, 14] рассматривает институты как «правила игры» в обществе – формальные законы и неформальные нормы, структурирующие человеческое взаимодействие. В тектологии институционализация означает процесс, в ходе которого новые практики приобретают статус «принятых», становятся частью организационной реальности и поддерживаются системами легитимности.

Для инновационного маркетинга институционализация предполагает:

– формальную интеграцию, включение инновационных маркетинговых метрик в систему показателей эффективности организации, создание структурных единиц (например, отделов маркетинговых инноваций);

– нормативную интеграцию, формирование ожиданий, что сотрудники всех департаментов участвуют в генерации маркетинговых инноваций;

– культурно-символическую интеграцию, маркетинговые инновации становятся частью корпоративной идентичности, символизируя прогрессивность и клиентоориентированность.

На основе теоретического синтеза предлагается трехступенчатая модель институционализации, которая состоит из трех взаимосвязанных стадий (рис. 1):

Стадия 1. Инициация и легитимация. Инновационные маркетинговые практики возникают как ответ на внешние рыночные сигналы или внутренние эксперименты. Ключевой процесс, в данном случае, это получение легитимности от руководства и основных стейкхолдеров через демонстрацию эффективности, например пилотные проекты.

Стадия 2. Структурирование и интеграция. Инновационные практики формализуются в процедуры, регламенты, должностные инструкции, на основе которых создаются межфункциональные комитеты, системы бюджетирования и отчетности, ориентированные на маркетинговые инновации, за счет чего происходит их внедрение в регулярные бизнес-процессы.

Стадия 3. Культурная ассимиляция и репродукция. Практики становятся неотъемлемой частью корпоративной культуры, новые нормы (например, «тестировать прежде чем масштабировать») принимаются на уровне подсознательных установок

сотрудников, в связи с чем, инновационный маркетинг воспринимается как «то, как мы работаем», а не как внешнее навязывание.

Рис. 1. Трехступенчатая модель институционализации инновационного маркетинга

Несомненно, важным, в данном контексте, является рассмотрение факторов, влияющих на успешность институционализации инновационного маркетинга (табл. 1).

Таким образом, определено, что основными факторами влияния являются: стратегическая поддержка руководства, наличие кросс-функциональных коммуникационных каналов, система измерений и показателя эффективности, организационная готовность к изменениям, внешние институциональные давления, которые необходимо учитывать для институционализации инновационного маркетинга.

Таблица 1

Факторы, влияющие на успешность институционализации инновационного маркетинга

Фактор	Описание	Влияние на институционализацию
Стратегическая поддержка руководства	Осознание необходимости инноваций в маркетинге на уровне руководства, выделение ресурсов и создание условий для их внедрения.	Определяет легитимность и ресурсную базу, высокое влияние.
Наличие кросс-функциональных коммуникационных каналов	Междисциплинарные рабочие группы, совместные платформы для обмена идеями.	Ускоряет интеграцию инноваций в различные бизнес-процессы.
Система измерений и показателя эффективности	Введение метрик, оценивающих не только финансовый результат, но и инновационную активность маркетинга (например, индекс скорости внедрения новых инструментов).	Формализует процесс, создает подотчетность.
Организационная готовность к изменениям	Уровень толерантности к риску, предыдущий опыт успешных инноваций.	Снижает сопротивление, способствует культурной ассимиляции.
Внешние институциональные давления	Конкурентная динамика, изменения в поведении потребителей, технологические прорывы.	Стимулируют инициацию инноваций, могут форсировать легитимацию.

Для верификации модели институционализации инновационного маркетинга было проведено исследование среди 120 человек из секторов высоких технологий, потребительских товаров и финансовых услуг в период с января по март 2026 года. Для анализа использовались следующие методы:

1. Анкетирование руководителей маркетинговых и стратегических отделов (n=120 чел.). Анкета включала вопросы для оценки степени институционализации инновационного маркетинга по 5-балльной шкале Ликерта (параметры: формальная интеграция, нормативная поддержка, культурное принятие; всего 12 вопросов).

2. Анализ внутренней документации (регламенты, должностные инструкции, KPI-системы) 40 компаний для подтверждения формальной интеграции (данные по материалам которые были предоставлены для анализа).

3. Сравнение показателей адаптивности организационной культуры по методике OCAI (Organizational Culture Assessment Instrument) с уровнем институционализации инновационного маркетинга.

Для каждого сектора были рассчитаны средние баллы институционализации по трем субиндексам, а также интегральный индекс (среднее по всем 12 вопросам). Для расчетов использовались стандартные формулы среднего арифметического и выборочного стандартного отклонения (табл. 2).

Таблица 2

Средние значения и стандартные отклонения по параметрам институционализации

Сектор	Чел.	Формальная интеграция (ФИ)	Нормативная поддержка (НП)	Культурное принятие (КП)	Интегральный индекс	Стандартное отклонение
Технологический	50	4.5	4.0	4.1	4.2	0.55
FMCG (товары повседневного спроса)	40	3.8	3.4	3.3	3.5	0.72
Финансовые услуги	30	3.1	2.7	2.6	2.8	0.68

Расчет: Для технологического сектора средний балл по формальной интеграции рассчитан как сумма всех ответов на вопросы 1-4 всех 50 респондентов, деленная на 200 (50×4 вопроса). Аналогичный расчет проведен для всех параметров. Интегральный индекс – среднее всех 12 вопросов.

Для проверки взаимосвязи между формальным наличием структуры (дихотомическая переменная: «есть выделенный отдел инноваций» – да/нет) и интегральным индексом институционализации (количественная переменная) был проведен корреляционный анализ по Пирсону. Расчет проводился по формуле:

$$r = \frac{\sum((x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y}))}{\sqrt{[\sum(x_i - \bar{x})^2 \times \sum(y_i - \bar{y})^2]}} \quad (1)$$

Где x_i – бинарный показатель наличия отдела (1 – есть, 0 – нет), y_i – интегральный индекс институционализации для i -й компании.

Результат расчета: $r = 0.76$, что интерпретируется как сильная положительная корреляция. Статистическая значимость проверялась с помощью t-критерия: $t = r \times \sqrt{(n-2) / (1-r^2)} = 0.76 \times \sqrt{118 / (1-0.5776)} = 0.76 \times 10.86 / 0.65 = 12.7$, что при $df=118$ значительно превышает критическое значение t-распределения для $p < 0.01$ ($t_{кр} \approx 2.36$ для двустороннего теста). Таким образом, связь статистически значима на уровне $p < 0.01$.

Для оценки влияния степени институционализации (независимая переменная) на четыре параметра культуры бизнес-процессов (зависимые переменные: ориентация на клиента, готовность к изменениям, культура экспериментов, межфункциональное сотрудничество) была построена серия из четырех линейных регрессионных моделей.

Уравнение регрессии для каждого параметра:

$$Y_j = \beta_0 + \beta_1 \times X + \varepsilon \quad (2)$$

где Y_j – значение j -го параметра культуры (от 0 до 100 по шкале OSAI);

X – интегральный индекс институционализации (от 1 до 5);

β_1 – коэффициент регрессии, показывающий, на сколько единиц изменится параметр культуры при увеличении индекса институционализации на 1 балл;

β_0 – свободный член;

ε – случайная ошибка.

Расчет стандартизованных коэффициентов β (бета-коэффициенты) выполнялся для приведения всех переменных к единой шкале (среднее=0, стандартное отклонение=1), что позволяет сравнивать силу влияния между разными параметрами.

Детальный расчет для первого параметра «Ориентация на клиента» (Y_1):

1. Построение регрессионной модели методом наименьших квадратов (МНК) по 120 наблюдениям.

2. Расчет коэффициента детерминации $R^2 = 0.34$, что означает, что 34% вариации показателя «ориентация на клиента» объясняется уровнем институционализации.

3. Стандартизованный коэффициент β составил 0.58.

4. Проверка значимости: F-тест ($df_1=1, df_2=118$) показал $F=60.7, p<0.001$.

5. t-тест для коэффициента β : $t=7.8, p<0.01$.

Результаты для всех четырех моделей представлен в таблице 3.

Таблица 3

Результаты расчета всех параметров

Параметр культуры	R^2	Коэффициент β (стандартизованный)	t-статистика	Статистическая значимость (p)
Ориентация на клиента	0.34	0.58	7.8	<0.01
Готовность к изменениям	0.37	0.61	8.3	<0.01
Культура экспериментов	0.30	0.55	7.1	<0.01
Межфункциональное сотрудничество	0.20	0.45	5.4	<0.01

Из 40 компаний, выбранных для глубинного анализа, в 32 (80%) результаты анализа внутренней документации полностью совпали с ответами респондентов по блоку «Формальная интеграция». В 6 компаниях были выявлены расхождения на 0.5-1 балл (документация фиксировала менее формализованную структуру, чем указано в анкете), и в 2 компаниях – расхождения более чем на 1 балл, что позволило скорректировать данные для представленных компаний, используя документальные свидетельства как более объективный источник, что повысило надежность итоговой выборки.

Высокий стандартизованный коэффициент β для «готовности к изменениям» (0.61) указывает на то, что именно этот параметр наиболее чувствителен к уровню институционализации, что логично: когда инновации в маркетинге закреплены в структурах, нормах и культуре, сама логика организации начинает требовать постоянной адаптации и гибкости. Относительно более низкий, но все еще значимый коэффициент для «межфункционального сотрудничества» (0.45) может объясняться тем, что маркетинговые инновации действительно стимулируют взаимодействие между отделами, однако на пути этого взаимодействия существуют институциональные барьеры, которые институционализация маркетинга сама по себе полностью не устраняет.

Разница между секторами (технологический сектор: 4.2 и финансовый: 2.8) указывает на то, что институционализация является не только следствием, но и предиктором культурных различий. Финансовый сектор с его жесткой регуляторной средой и консервативной культурой демонстрирует наиболее низкие показатели, что подтверждает необходимость целенаправленных усилий по институционализации в таких средах.

В ходе открытых вопросов анкеты были выделены основные барьеры:

1. Сопrotивление «традиционных» структур (особенно в отделах продаж и производства, которые воспринимают маркетинговые инновации как угрозу традиционным процедурам).

2. Ресурсные ограничения (недостаток финансирования для долгосрочных экспериментов, которые не гарантируют возврат инвестиций).

3. Недосток компетенций (отсутствие навыков работы с новыми маркетинговыми технологиями среди персонала организаций).

4. Короткий горизонт планирования (давление на квартальные результаты мешает инвестировать в инновационные маркетинговые проекты с долгосрочной отдачей).

Таблица 4

Распределение барьеров по секторам (в % от числа компаний, отметивших барьер)

Барьер	Технологический сектор	Продовольственный сектор	Финансовый сектор
Сопrotивление структур	25%	55%	70%
Ресурсные ограничения	30%	60%	65%
Недосток компетенций	20%	50%	75%
Короткий горизонт планирования	15%	45%	80%

Финансовый сектор демонстрирует наиболее выраженные барьеры, что объясняется высокой регуляторной нагрузкой и традиционно консервативной культурой.

На основе результатов исследования формулируются следующие рекомендации для организаций, стремящихся к институционализации инновационного маркетинга как инструмента культуры бизнес-процессов:

1. Создание формальных структур с кросс-функциональным участием, в котором будут принимать участие представители других отделов, что обеспечит интеграцию инноваций в широкий спектр процессов.

2. Разработка системы метрик, балансирующей краткосрочные и долгосрочные результаты. Включение таких индикаторов, как «число успешных пилотных маркетинговых проектов», «уровень вовлеченности других отделов в маркетинговые инновации», «скорость внедрения новых маркетинговых технологий».

3. Инвестиции в обучение и развитие компетенций сотрудников.

4. Культивирование нарративов успеха. Систематическое освещение успешных маркетинговых инноваций внутри организации для построения нормативной легитимности.

5. Адаптация процессов бюджетирования. Создание «инновационных маркетинговых фондов» с более гибкими правилами расходования, позволяющих быстро тестировать новые идеи.

Исследование имеет ряд ограничений: относительно небольшая выборка, концентрация на трех секторах, уклон на самоотчетные данные анкет. Будущие исследования должны включать лонгитюдные исследования для отслеживания динамики институционализации, более глубокие методы, такие как «case studies», а также расширение на другие секторы.

Перспективным направлением является изучение взаимосвязи институционализации инновационного маркетинга с цифровой трансформацией организации в целом.

Выводы. Институционализация инновационного маркетинга представляет собой не просто внедрение новых инструментов или техник, а глубокий процесс структурной и культурной интеграции, который переопределяет то, как организация создает и коммуницирует ценность для потребителей. Данная статья демонстрирует, что успешная

институционализация ведет к формированию более адаптивной, клиентоориентированной и экспериментальной культуры бизнес-процессов.

Для руководства основным выводом является необходимость перехода от отдельных инноваций к системному построению институциональных рамок, поддерживающих непрерывную маркетинговую инновационность. Следовательно, требуется не только внедрение инвестиций в технологии, но и в изменение организационных структур, систем измерений и, что наиболее важно, корпоративных ценностей и норм. В условиях возрастающей неопределенности и скорости рыночных изменений институционализация инновационного маркетинга может стать критическим фактором устойчивого конкурентного преимущества, превращая маркетинг из функции в основополагающий элемент бизнес-культуры.

Обоснование научной новизны в представленном исследовании. Научная новизна заключается в междисциплинарном синтезе аппарата институциональной теории и современных концепций маркетинга для решения проблемы устойчивого внедрения инноваций, в связи с чем, предложена оригинальная трехступенчатая модель институционализации инновационного маркетинга как инструмента культуры бизнес-процессов, состоящая из трех стадий: легитимация – структурирование – культурная ассимиляция, посредством которых получены первые количественные оценки, подтверждающие ее взаимосвязь с конкретными параметрами организационной культуры.

Перспективы дальнейших исследований Перспективными направлениями являются лонгитюдные исследования для анализа динамики институционализации, кросс-культурные сравнительные исследования влияния национального бизнес-контекста, а также углубленное изучение роли лидерства и внутриорганизационных коммуникаций в преодолении сопротивления изменениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азарян Е.М. Современные тенденции развития торговых отношений в виртуальной среде / Е.М. Азарян, И.И. Княжевский // Сборник научных работ серии "Экономика". - 2016. - Вып. 3. - С. 58-65.
2. Азарян, Е. М. Логико-статистическое моделирование интегрального показателя финансовой устойчивости / Е. М. Азарян, В. О. Бессарабов, О. В. Мелентьева // Экономический анализ: теория и практика. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 79-100. – DOI 10.24891/ea.24.4.79. – EDN BNKFOC.
3. Азарян, Е. М. Концептуальные основы развития виртуальных рынков в условиях цифровой бизнес-среды / Е. М. Азарян, А. А. Попова // Торговля и рынок. – 2023. – Т. 2, № 4(68). – С. 30-41. – EDN VXVTHA.
4. Бессарабов, В. О. Институционально-экономический механизм стратегирования развития финансовой грамотности населения / В. О. Бессарабов, А. А. Ильченко // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 1, № 2(143). – С. 115-121. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.02.01.014. – EDN MOTHTT.
5. Бессарабов, В. О. Проблемы развития отечественных предприятий сервиса и торговли в условиях новых вызовов и цифровизации экономики / В. О. Бессарабов, В. Ю. Энглези // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 1, № 1(142). – С. 18-25. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.01.01.003. – EDN BWGUJB.
6. Бессарабова, А. А. Модель прогнозирования развития рынка рекламных услуг на основе дедуктивного логического вывода / А. А. Бессарабова, А. И. Грановский // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 1, № 10(147). – С. 49-59. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.10.01.006. – EDN NTHKDO.
7. Бессарабова, А. А. Модель развития инновационного маркетинга на основе искусственного интеллекта / А. А. Бессарабова // Экономическое развитие России. – 2025. – Т. 32, № 12. – С. 46-50. – EDN MNHSSK.
8. Возиянова, Н. Ю. Преимущества цифровой среды в управлении брендами / Н. Ю. Возиянова, М. А. Гончаренко // Формирование геоэкономической стратегии развития региона в период пандемии

коронавируса: Коллективная монография / Под общей редакцией О.Л. Некрасовой. - Донецк: ФЛП Кириенко С.Г., 2021. - С. 222-228.

9. Германчук, А. Н. Маркетинговые исследования удовлетворенности потребителей ценностным предложением интернет-магазинов / А. Н. Германчук, М. В. Войтюк-Ченакал // Стратегия предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности. - 2022. - № 11. - С. 131-137.

10. Германчук, А. Н. Влияние цифровизации на совместное создание и совместное разрушение ценности в маркетинге / А. Н. Германчук // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – Т. 14, № 12-1. – С. 447-455. – DOI 10.34670/AR.2024.52.52.045. – EDN XHZLPE.

11. Котлер Ф. Маркетинг от А до Я: 80 концепций, которые должен знать каждый. менеджер / Ф. Котлер; Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишерз, 2019. - 211 с.

12. Попова, А. А. Потенциал цифровизации экономики в Донецкой Народной Республике / А. А. Попова // Вестник Института экономических исследований. – 2021. – № 3(23). – С. 39-56. – EDN NVCLVH.

13. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

14. DiMaggio P. J., Powell W. W. 1991. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. In: Powell W. W., DiMaggio P. J. (eds.). The New Institutionalism in Organizational Studies. Chicago and London: The University of Chicago Press

Поступила в редакцию 17.04.2026 г.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS AND EMPIRICAL PROSPECTS FOR THE INSTITUTIONALIZATION OF INNOVATIVE MARKETING AS A TOOL OF BUSINESS PROCESS CULTURE

A.A. Bessarabova

This article examines the concept of institutionalizing innovative marketing as a systemic tool for shaping and transforming business process culture in modern organizations. By integrating theories of institutional economics, marketing management, and organizational culture, it proposes a comprehensive model describing the mechanisms for implementing innovative marketing practices into organizational structures and their impact on business process reconfiguration. An analysis of empirical data obtained from a study of companies in the technology and consumer sectors demonstrates a correlation between the degree of institutionalization of innovative marketing and indicators of organizational cultural adaptability. The results of the study highlight the need to move from the fragmented application of marketing innovations to their systemic integration as a structural element of corporate culture, which ensures sustainable competitive advantage in a dynamic market environment.

Keywords: innovative marketing, business process culture, institutionalization, marketing management, marketing, innovation, institutionalization model, customer-centricity.

LIST OF REFERENCES

1. Azaryan E.M. Modern trends in the development of trade relations in the virtual environment / E.M. Azaryan, I.I. Knyazhevsky // Collection of scientific papers in the series "Economics". - 2016. - Issue 3. - Pp. 58-65.

2. Azaryan, E. M. Logical and statistical modeling of the integral indicator of financial stability / E. M. Azaryan, V. O. Bessarabov, O. V. Melentyeva // Economic analysis: theory and practice. - 2025. - Vol. 24, No. 4. - Pp. 79-100. - DOI 10.24891/ea.24.4.79. - EDN BNKFOC.

3. Azaryan, E. M. Conceptual foundations for the development of virtual markets in the digital business environment / E. M. Azaryan, A. A. Popova // Trade and market. - 2023. - Vol. 2, No. 4 (68). - Pp. 30-41. - EDN BXBTNA.

4. Bessarabov, V. O. Institutional and economic mechanism for strategizing the development of financial literacy of the population / V. O. Bessarabov, A. A. Ilchenko // Economy and management: problems, solutions. - 2024. - Vol. 1, No. 2 (143). - Pp. 115-121. - DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.02.01.014. - EDN MOTHTT.

5. Bessarabov, V. O. Problems of Development of Domestic Service and Trade Enterprises in the Context of New Challenges and Digitalization of the Economy / V. O. Bessarabov, V. Yu. Englezi // Economy and

Management: Problems, Solutions. - 2024. - Vol. 1, No. 1 (142). - P. 18-25. - DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.01.01.003. - EDN BWGUJB.

6. Bessarabova, A. A. Model for Forecasting the Development of the Advertising Services Market Based on Deductive Logical Inference / A. A. Bessarabova, A. I. Granovsky // *Economy and Management: Problems, Solutions*. - 2024. - Vol. 1, No. 10 (147). - P. 49-59. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.10.01.006. – EDN NTHKDO.

7. Bessarabova, A. A. Model for the Development of Innovative Marketing Based on Artificial Intelligence / A. A. Bessarabova // *Economic Development of Russia*. – 2025. – Vol. 32, No. 12. – Pp. 46-50. – EDN MNHSKC.

8. Voziyanova, N. Yu. Advantages of the Digital Environment in Brand Management / N. Yu. Voziyanova, M. A. Goncharenko // *Formation of a Geo-Economic Strategy for Regional Development During the Coronavirus Pandemic: Collective Monograph / Under the general editorship of O. L. Nekrasova*. - Donetsk: FLP Kiriyenko S. G., 2021. - Pp. 222-228.

9. Germanchuk, A. N. Marketing research of consumer satisfaction with the value proposition of online stores / A. N. Germanchuk, M. V. Voytyuk-Cenakal // *Enterprise strategy in the context of increasing its competitiveness*. - 2022. - No. 11. - Pp. 131-137.

10. Germanchuk, A. N. The impact of digitalization on the joint creation and joint destruction of value in marketing / A. N. Germanchuk // *Economy: yesterday, today, tomorrow*. - 2024. - Vol. 14, No. 12-1. - Pp. 447-455. - DOI 10.34670/AR.2024.52.52.045. - EDN XHZLPE.

11. Kotler F. *Marketing from A to Z: 80 Concepts Every Manager Should Know* / F. Kotler; Translated from English. - Moscow: Alpina Publishers, 2019. - 211 p.

12. Popova, A. A. The Potential of Digitalization of the Economy in the Donetsk People's Republic / A. A. Popova // *Bulletin of the Institute of Economic Research*. - 2021. - No. 3 (23). - Pp. 39-56. - EDN NVCLVH.

13. North D. *Institutions, Institutional Changes, and the Functioning of the Economy*. Moscow: Foundation for the Economic Book "Nachala", 1997.

14. DiMaggio P. J., Powell W. W. 1991. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. In: Powell W. W., DiMaggio P. J. (eds.). *The New Institutionalism in Organizational Studies*. Chicago and London: The University of Chicago Press.

Бессарабова Анна Александровна

кандидат экономических наук, доцент, докторант кафедры маркетинга и торгового дела, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской части

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган Барановского», РФ, ДНР, г. Донецк

annushka.popova@gmail.com

+7-949-408-04-38

ORCID: 0000-0003-4726-4970

Bessarabova Anna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Doctoral Student of the Department of Marketing and Commerce,

Leading Researcher of the Research Department

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail-Tugan Baranovsky», Russia, city Donetsk

УДК 331.101.26:004.89
DOI 10.5281/zenodo.20432853

АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ КООРДИНАЦИЯ РЫНКА ТРУДА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТОВ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

© 2026. А.С. Васильев

В статье исследуется трансформация институтов ценообразования рабочей силы в условиях интеграции алгоритмических систем в процессы найма, управления производительностью и оплаты труда. Автор развивает концепцию алгоритмической координации как самостоятельного третьего механизма распределения труда, функционирующего наравне с рыночным и иерархическим. Доказано, что алгоритмическая координация смещает процесс формирования заработной платы от конкурентно-переговорных процедур к логике алгоритмической оптимизации, генерируя новые формы институциональной зависимости и системно перераспределяя экономическую ренту в пользу операторов цифровых платформ. Полученные результаты расширяют теоретический аппарат экономики труда, обосновывают необходимость пересмотра подходов к измерению производительности, регулированию трудовых отношений и разработке стандартов алгоритмической прозрачности в цифровой экономике.

Ключевые слова: экономика труда, алгоритмическая координация, рынок труда, ценообразование рабочей силы, транзакционные издержки, информационная асимметрия, экономическая рента, цифровые платформы.

Постановка проблемы. Традиционные институты ценообразования рабочей силы, базирующиеся на неоклассической парадигме совершенной конкуренции и институциональных моделях коллективных переговоров, сталкиваются с системным кризисом релевантности в условиях ускоренной цифровизации трудовых отношений. Механизмы формирования заработной платы, исторически опирающиеся на открытые рынки и внутрифирменные иерархии, постепенно вытесняются алгоритмическими системами распределения, оценки и оплаты труда, функционирующими в цифровой среде. Данная трансформация порождает фундаментальную теоретическую проблему: как изменение координирующего механизма с рыночно-иерархического на алгоритмический модифицирует транзакционные издержки поиска, структуру асимметрии информации и процесс установления равновесной цены труда, а также перераспределяет экономическую ренту между работниками, работодателями и владельцами цифровых платформ.

Актуальность темы исследования. В 2024-2026 гг. интеграция алгоритмов машинного обучения, динамического ценообразования и рейтинговых систем в процессы найма, управления производительностью и оплаты труда достигла уровня, требующего пересмотра базовых категорий экономики труда. Сокращение демографического предложения рабочей силы в ряде экономик, включая Российскую Федерацию, ускоряет замещение традиционных управленческих инструментов алгоритмической координацией, однако институциональная и теоретическая адаптация отстает от технологической динамики. Непонимание природы алгоритмического ценообразования ограничивает способность государства и бизнеса прогнозировать структурные сдвиги в распределении доходов, оценивать риски цифрового неравенства и разрабатывать эффективные меры регулирования. Исследование данной проблематики обусловлено необходимостью создания теоретического аппарата, способного описывать

современные трудовые отношения без опоры на устаревшие дихотомии «рынок – фирма».

Анализ последних исследований и публикаций. Современная научная дискуссия о трансформации институтов ценообразования рабочей силы в условиях цифровизации развивается в нескольких взаимосвязанных направлениях: анализ влияния технологий на структуру занятости и квалификационные требования, исследование новых форм управления человеческими ресурсами, изучение нестандартной занятости, а также теоретическое осмысление алгоритмического контроля.

Фундаментальный вклад в понимание влияния цифровых технологий на рынок труда внесли Сердюк О. Ю. и соавтор [1], показавшие, что автоматизация и внедрение цифровых инструментов переопределяют должностные обязанности, трансформируют требования к квалификации и модифицируют механизмы формирования заработной платы. Авторы подчёркивают, что работники сталкиваются с необходимостью одновременного развития технических компетенций и «мягких» навыков, а распространение gig-экономики создаёт дифференцированные эффекты: гибкость и дополнительный доход для одних категорий работников и нестабильность доходов для других [1]. Данный вывод коррелирует с более ранними исследованиями Юрьева В. М. и Чвановой М. С. [2], которые ещё в 2014 г. акцентировали внимание на новых возможностях и рисках для человека в информационном обществе, предвосхитив дискуссию о двойственной природе технологических изменений.

Вопросы цифрового управления человеческими ресурсами системно исследуются также Сердюк О. Ю. и соавтором [3], которые определяют ключевые факторы ускорения цифровой трансформации функций управления персоналом: быстрое развитие информационных технологий, рост сетевых организационных форм и глобализацию. Авторы демонстрируют, что цифровизация охватывает все этапы управления персоналом – от подбора и найма до оценки эффективности и оплаты труда, – и подчёркивают необходимость стандартизации операционных процессов для обеспечения конкурентоспособности организаций [3]. Эта позиция находит развитие в работе Гридиной В. В., Дашковой Е. С. и соавторов [4], где обосновывается, что цифровые инструменты оценки персонала становятся критическим фактором повышения конкурентоспособности в условиях трудодефицитной конъюнктуры рынка.

Проблематика нестандартных форм занятости и их региональной специфики раскрывается в исследовании Дашковой Е. С., Дороховой Н. В., Петенко И. В. и др. [5], где на материале Воронежской области и Донецкой Народной Республики выявлено активное развитие диверсификации форм занятости. Авторы устанавливают, что распространение нестандартной занятости является преимущественно добровольным выбором работников, однако сопровождается комплексом позитивных и негативных эффектов, требующих дифференцированного регулирования [5]. Данный вывод перекликается с анализом прекарности труда, представленным Бочаровым В. Ю. и Климовой С. Г. [6], которые на основе обзора социологических конференций демонстрируют, что прекарная занятость деформирует социальную роль работника и становится новой формой эксплуатации вследствие низкой оплаты, ограниченных социальных гарантий и снижения квалификации.

Теоретико-методологические основания исследования алгоритмической координации опираются на переосмысление классических подходов. Коновалов И. А. [7] проводит системный обзор эволюции теории процесса труда от классических работ Г. Бравермана до современных исследований платформенного труда. Автор показывает, что концептуальный каркас теории – индетерминированность труда, антагонизм

капитала и труда, технология как выражение этого противоречия – сохраняет объяснительную силу для анализа алгоритмического менеджмента, при условии двойственного понимания контроля: как за техническими операциями, так и за знаниями в производственном процессе [7]. Данный подход позволяет преодолеть ограниченность неоклассических моделей, что соответствует позиции Орловой Д. Р. и Анисимовой А. И. [8], обосновывающих необходимость гетеродоксальных подходов для адекватного отражения социальных и экологических вызовов современной экономики.

Вопросы развития человеческого капитала в цифровой экономике рассматриваются Ганич Л. В. [9], которая предлагает стратегии оптимизации управления персоналом через развитие компетенций и профессионализма сотрудников. Автор подчёркивает, что высокие технологии и автоматизация изменяют требования к навыкам, делая непрерывное обучение императивом конкурентоспособности [9]. Данный вывод согласуется с выводами коллективной монографии под редакцией Адильчаева Р. Т., Аймагамбетова Е. Б., Алетдиновой А. А. и др. [10], где проблематика труда анализируется в контексте глобальных вызовов и поиска перспектив социально-экономического развития территорий.

Критический синтез представленных источников позволяет выявить существенный исследовательский пробел. Работы последних лет действительно демонстрируют, что цифровые платформы снижают издержки поиска работы и вакансий, однако одновременно создают новые формы контроля и информационной асимметрии [6-7]. Институциональные исследования подчёркивают «эрозию» коллективных договоров и стандартов квалификации, заменяемых платформенными правилами и алгоритмическим менеджментом [3, 7]. Поведенческая экономика вносит важный вклад в понимание эффектов рейтинговых систем, алгоритмической предсказуемости и ограниченно рационального доверия к рекомендациям искусственного интеллекта [1, 9]. Тем не менее, большинство публикаций рассматривают цифровые платформы как экзотические сегменты рынка или инструменты снижения транзакционных издержек, не выделяя алгоритмическую координацию в самостоятельный теоретический конструкт с эндогенными механизмами ценообразования. Именно данный пробел обосновывает необходимость разработки теоретической модели, представленной в настоящем исследовании.

Выделение нерешённых проблем. В существующей теоретической базе отсутствует формализация алгоритмической координации как третьего механизма распределения труда, функционирующего наравне с рынком и иерархией. Не решена проблема моделирования влияния платформенных рейтингов и ИИ-скрининга на функцию поиска работы и кривую резервной заработной платы. Остаётся открытым вопрос о том, как динамическое ценообразование, управляемое алгоритмами, трансформирует традиционное равновесие спроса и предложения рабочей силы, и каким образом экономическая рента перераспределяется от трудовых коллективов к владельцам алгоритмических инфраструктур. Кроме того, недостаточно изучены институциональные последствия замены коллективных переговоров и стандартизированных квалификаций персонализированными алгоритмическими правилами оценки труда.

Гипотеза исследования. Предполагается, что алгоритмическая координация рынка труда, снижая классические транзакционные издержки поиска и частично компенсируя информационную асимметрию в краткосрочном периоде, формирует новые институциональные барьеры в виде рейтинговой зависимости, алгоритмической непрозрачности и динамической дифференциации оплаты. В результате равновесная

заработная плата перестаёт определяться исключительно предельной производительностью труда и начинает смещаться в сторону алгоритмически оптимизированных резервных цен, что ведёт к концентрации экономической ренты у операторов цифровых платформ и изменению структуры распределения доходов в пользу капиталовложений в алгоритмическую инфраструктуру.

Целью исследования является разработка теоретической модели алгоритмической координации как самостоятельного механизма распределения труда.

Материалы и методы исследования. В исследовании использован аппарат институциональной экономики труда, элементы поведенческой экономики (ограниченная рациональность, алгоритмическое доверие, эффекты рейтинговой предсказуемости) и методы сравнительного институционального анализа. Теоретическое моделирование включает модификацию функции поиска за счёт введения параметра алгоритмической совместимости, трансформацию функции резервной заработной платы под влиянием динамического ценообразования и формализацию распределения экономической ренты через призму контроля над алгоритмическими правилами.

Результаты исследования. Теоретическая модель алгоритмической координации формализуется как эндогенный механизм распределения рабочей силы, функционирующий параллельно классическим рыночному и иерархическому институтам. В отличие от неоклассической парадигмы, где цена труда определяется статическим пересечением агрегированных кривых спроса и предложения, и институциональной традиции, где ключевую роль играют коллективные договоры, тарифные сетки и внутрифирменные регламенты, алгоритмическая координация базируется на непрерывном вычислительном сопоставлении, динамическом ценообразовании и цифровом репутационном капитале. Модель строится на расширении стандартной функции поиска и согласования за счёт введения параметра алгоритмической совместимости, эндогенной функции резервной заработной платы и формализации информационного неравенства, порождаемого предсказательной логикой искусственного интеллекта (ИИ) (табл. 1).

Базовые аксиомы модели включают три положения:

во-первых, информационная среда рынка труда характеризуется алгоритмической асимметрией, возникающей вследствие неравного доступа к агрегированным предсказательным данным, весовым коэффициентам сопоставления и правилам динамической калибровки оплаты;

во-вторых, вероятность успешного трудоустройства определяется не только интенсивностью поиска и количеством вакансий, но и накопленным цифровым репутационным капиталом, который аккумулирует историю выполненных задач, верифицированных отзывов и платформенных метрик соответствия;

в-третьих, цена труда перестаёт быть результатом переговорного или конкурентного равновесия и формируется по алгоритмическому правилу, учитывающему мгновенный баланс локального спроса и предложения, индивидуальные предсказательные показатели производительности и инфраструктурные приоритеты платформы.

Формально модель описывается системой взаимосвязанных конструктов: функция сопоставления дополняется параметром алгоритмической совместимости, функция резервной заработной платы становится зависимой от динамического ценового сигнала, а распределение экономической ренты определяется долей контроля над алгоритмическими правилами.

Таблица 1

Архитектура теоретической модели алгоритмической координации рынка труда
(разработано автором)

Блок модели	Экономическая интерпретация	Институциональное следствие
Функция сопоставления	Вероятность трудоустройства зависит от интенсивности поиска, числа вакансий и алгоритмической совместимости	Рейтинговая зависимость снижает издержки повторного поиска, но усиливает селективность входа и формирует цифровой порог участия
Ценообразование труда	Зарплата формируется как адаптация к алгоритмическому ценовому сигналу с учётом резервной цены и локального баланса	Замена коллективных переговоров и тарифных сеток непрерывной динамической калибровкой под платформенные приоритеты
Алгоритмическая асимметрия	Диспропорция в доступе к предсказательным данным, весовым коэффициентам и правилам оптимизации	Концентрация информационной ренты у операторов инфраструктуры; работники и фирмы оперируют ограниченными производными метриками
Распределение экономической ренты	Доля контроля над алгоритмическими правками отражает степень контроля над алгоритмическими правилами сопоставления и ценообразования	Систематическое смещение ренты от трудовых агентов и традиционных работодателей к владельцам алгоритмических платформ
Условие равновесия	Участие в системе эффективно при балансе выгоды от трудоустройства и издержек поддержания репутации и адаптации к правилам	Устойчивость механизма зависит от прозрачности алгоритмических весов, мобильности цифрового капитала и степени институциональной защиты

В рамках модели алгоритмическая координация трансформирует три структурных блока функционирования рынка труда:

1. Первый блок касается вероятности трудоустройства: платформенные рейтинги вводят нелинейную зависимость между накопленным цифровым репутационным капиталом и шансом на сопоставление, что снижает транзакционные издержки повторного поиска, но одновременно формирует барьеры входа для новых участников, не обладающих историей цифровых взаимодействий;

2. Второй блок относится к ценообразованию: равновесная заработная плата смещается от предельной производительности и отраслевых стандартов к резервной цене, оптимизированной алгоритмом под текущие условия ликвидности труда, что повышает краткосрочную эластичность предложения, но снижает долгосрочную предсказуемость доходов работников;

3. Третий блок описывает распределение информационной ренты: платформы обладают преимущественным доступом к агрегированным предсказательным метрикам и весовым структурам алгоритмов, тогда как работники и традиционные работодатели оперируют ограниченными производными показателями, что создаёт качественно новую форму асимметрии, не сводимую к классической модели Акерлофа.

Равновесие в модели алгоритмической координации достигается при условии, когда предельная выгода от участия в алгоритмической системе сопоставления равна предельным издержкам поддержания цифрового репутационного капитала и адаптации к динамическим ценовым правилам. Сравнительная статика демонстрирует, что повышение параметра алгоритмической совместимости ускоряет сходимость к локальному равновесию, но увеличивает чувствительность заработной платы к краткосрочным шокам спроса и платформенным приоритетам. При росте доли контроля над алгоритмическими правилами (концентрация контроля над алгоритмической инфраструктурой) экономическая рента систематически перераспределяется в пользу

операторов платформ, а традиционные институты коллективного согласования и отраслевого регулирования теряют трансформационную функцию, уступая место кодовым правилам и пользовательским соглашениям. Модель показывает, что алгоритмическая координация не является технологической модификацией рынка или фирмы, а представляет собой самостоятельный институциональный слой, в котором логика оптимизации, контроля над данными и динамического ценообразования определяет структуру занятости, формирование доходов и распределение экономической ренты.

Предложенная модель демонстрирует, что алгоритмическая координация формирует устойчивый третий механизм распределения труда, в котором ценообразование рабочей силы, структура поиска и распределение ренты определяются вычислительной логикой и контролем над цифровыми правилами сопоставления. Модель позволяет эндогенно описать трансформацию транзакционных издержек, генерирование алгоритмической асимметрии и перераспределение экономической ренты, что расширяет аналитический аппарат институциональной экономики труда и создаёт теоретическую основу для последующей эмпирической верификации, разработки метрик цифровой производительности и формирования нормативных стандартов алгоритмической прозрачности в современных трудовых отношениях.

Сравнительная характеристика механизмов координации на рынке труда представлена в табл. 2

Таблица 2

Сравнительная характеристика механизмов координации на рынке труда: рыночный, иерархический и алгоритмический подходы *(разработано автором)*

Параметр координации	Рыночный механизм	Иерархический механизм	Алгоритмическая координация
Источник ценообразования	Взаимодействие спроса и предложения, коллективные переговоры	Внутренние тарифные сетки, административные решения	Динамические алгоритмы, платформенные правила, рейтинговые метрики
Транзакционные издержки поиска	Высокие (информационный поиск, переговоры, верификация)	Средние (внутрифирменная мобильность, бюрократические процедуры)	Низкие в краткосрочном периоде, но возрастают при изменении алгоритмических правил
Асимметрия информации	Двусторонняя (работник – работодатель)	Вертикальная (управление – исполнители)	Алгоритмическая (непрозрачность весов, рейтинговая зависимость, предсказательные метрики)
Распределение экономической ренты	Распределяется через рыночную конкуренцию и институты коллективного представительства	Концентрируется в рамках фирмы, частично перераспределяется через соцпакеты	Концентрируется у владельцев платформ и алгоритмической инфраструктуры
Институты регулирования	Трудовое законодательство, отраслевые соглашения, стандарты квалификации	Внутренние регламенты, корпоративные стандарты, политики по управлению персоналом	Код платформы, условия пользовательского соглашения, алгоритмическая прозрачность

Построенная теоретическая модель демонстрирует, что алгоритмическая координация не является простым технологическим улучшением рыночного механизма, а представляет собой качественно иную институциональную форму, в которой ценообразование труда смещается от переговорных и конкурентных процедур к алгоритмической оптимизации. Платформенные рейтинги трансформируют функцию вероятности трудоустройства, вводя зависимость от накопленного цифрового репутационного капитала, что снижает издержки повторного поиска, но повышает барьеры входа для новых участников. ИИ-скрининг ускоряет сопоставление характеристик труда и вакансий, однако одновременно генерирует новую форму информационной асимметрии, связанной с непрозрачностью весовых коэффициентов алгоритмов и смещением фокуса с измеримой квалификации на предсказательные метрики. Динамическое ценообразование, основанное на алгоритмическом балансе спроса и предложения в реальном времени, модифицирует кривую предложения труда, делая её более эластичной в краткосрочном периоде, но менее предсказуемой в долгосрочном. Экономическая рента перераспределяется от работников и традиционных работодателей к владельцам платформ и разработчикам алгоритмов, поскольку контроль над правилами сопоставления и ценообразования становится новым источником рыночной власти.

Выводы и дальнейшая дискуссия. Алгоритмическая координация формирует устойчивый третий механизм распределения труда, в котором ценообразование рабочей силы определяется не столько предельной производительностью или переговорной силой, сколько логикой алгоритмической оптимизации и контролем над цифровыми правилами сопоставления. Снижение классических транзакционных издержек сопровождается возникновением новых форм институциональной зависимости, связанных с рейтинговой репутацией, динамической дифференциацией оплаты и непрозрачностью алгоритмических весов. Экономическая рента систематически смещается от трудовых агентов к операторам платформ, что требует пересмотра традиционных подходов к измерению производительности труда и регулированию трудовых отношений. Дальнейшая дискуссия должна быть сосредоточена на вопросах алгоритмической прозрачности как нового элемента трудового права, институционализации коллективного представительства в цифровой среде и разработке метрик, учитывающих влияние алгоритмического контроля на долгосрочное человеческое развитие.

Обоснование научной новизны в представленном исследовании. Разработана теоретическая модель, в которой платформенные рейтинги, динамическое ценообразование и ИИ-скрининг интегрированы в функцию поиска и согласования, что позволяет эндогенно описать трансформацию транзакционных издержек и асимметрии информации.

Перспектива дальнейших исследований в данном направлении. Дальнейшие исследования целесообразно направить на эмпирическую верификацию предложенной теоретической модели с использованием микроданных платформ занятости и корпоративных систем управления персоналом. Требуется разработка секторально дифференцированных модификаций модели, учитывающих специфику высококвалифицированного труда, промышленных производств и сферы услуг. Перспективным направлением является интеграция алгоритмической координации в макроэкономические модели перекрывающихся поколений для оценки долгосрочных последствий перераспределения ренты и изменения структуры человеческого капитала. Кроме того, необходимо развитие нормативно-теоретического аппарата, включающего

стандарты алгоритмической прозрачности, механизмы цифровой коллективной координации и инструменты измерения производительности в условиях гибридных трудовых отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сердюк О.Ю. Влияние цифровых технологий на рынок труда / А.С. Васильев, О.Ю. Сердюк // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2024. – № 2. – С. 22-28. – DOI: 10.5281/zenodo.14191681. – EDN: PBMMLP.
2. Юрьев В.М., Человек в информационном обществе: новые возможности и перспективы / В.М. Юрьев, М.С. Чванова // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. – 2014. – № 2(24). – С. 13-24. – EDN: SWMKRP.
3. Сердюк О.Ю. Цифровое управление человеческими ресурсами / О.Ю. Сердюк, А.С. Васильев // Вести Автомобильно-дорожного института. – 2023. – № 1(44). – С. 58-62. – EDN: KNKFQC.
4. Перспективы использования цифровых инструментов оценки персонала в условиях трудоемкой конъюнктуры рынка труда / В.В. Гридина, Е.С. Дашкова, Н.В. Дорохова [и др.] // Современная экономика: проблемы и решения. – 2024. – № 3(171). – С. 68-79. – DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2024/3/68-79. – EDN: NWVVJL.
5. Региональные особенности диверсификации форм нестандартной занятости населения в новых экономических условиях / Е.С. Дашкова, Н.В. Дорохова, И.В. Петенко [и др.] // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2025. – № 1. – С. 45-56. – DOI: 10.17308/econ.2025.1/12871. – EDN: QRETFZ.
6. Бочаров В.Ю. Готова ли российская социология труда реагировать на новые вызовы? (аналитический обзор двух научных конференций) / В.Ю. Бочаров, С.Г. Климова // Социологический журнал. – 2022. – Т. 28, № 2. – С. 178-191. – DOI: 10.19181/socjour.2022.28.2.8993. – EDN: TQWUKY.
7. Коновалов И.А. Теория процесса труда: от тейлоризма к алгоритмическому менеджменту / И.А. Коновалов // Экономическая социология. – 2023. – Т. 24, № 2. – С. 109-167. – DOI: 10.17323/1726-3247-2023-2-109-167. – EDN: NVYGGV.
8. Орлова Д.Р. Формирование гетеродоксальной парадигмы в условиях вызовов современной экономики / Д.Р. Орлова, А.И. Анисимова // Финансы и кредит. – 2025. – Т. 31, № 9. – С. 53-70. – DOI: 10.24891/uiqtod. – EDN: UIQTOD.
9. Ганич Л.В. Оптимизация управления персоналом в эпоху цифровой экономики путем развития человеческого капитала / Л.В. Ганич // Стратегические приоритеты социально-экономического развития территорий : материалы Международного круглого стола, Донецк, 27 ноября 2024 года. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2025. – С. 78-84. – EDN: UUWYQC.
10. Современные проблемы обеспечения устойчивого развития социально-экономических систем / Р.Т. Адильчаев, Е.Б. Аймагамбетов, А.А. Алетдинова [и др.]. – Донецк : Издательство ДонНУ, 2023. – 283 с. – EDN: CGEADX.

Поступила в редакцию 19.04.2026 г.

ALGORITHMIC COORDINATION OF THE LABOR MARKET: A THEORETICAL MODEL OF THE TRANSFORMATION OF LABOR PRICING INSTITUTIONS

A.S. Vasilev

This article examines the transformation of labor pricing institutions under the integration of algorithmic systems into recruitment, performance management, and compensation processes. The author develops the concept of algorithmic coordination as an independent third mechanism of labor allocation, functioning alongside market and hierarchical structures. It is demonstrated that algorithmic coordination shifts wage formation away from competitive and bargaining procedures toward the logic of algorithmic optimization, generating new forms of institutional dependence and systematically redistributing economic rent in favor of digital platform operators. The findings expand the theoretical framework of labor economics and substantiate the need to revise approaches to

productivity measurement, labor relations regulation, and the development of algorithmic transparency standards in the digital economy.

Keywords: labor economics, algorithmic coordination, labor market, labor pricing, transaction costs, information asymmetry, economic rent, digital platforms.

LIST OF REFERENCES

1. Serdyuk O.Yu. The Impact of Digital Technologies on the Labor Market / A.S. Vasilev, O.Yu. Serdyuk // Bulletin of Donetsk National University. Series B. Economics and Law. – 2024. – № 2. – P. 22-28. – DOI: 10.5281/zenodo.14191681. – EDN: PBMMLP.
2. Yuryev V.M. The Individual in the Information Society: New Opportunities and Prospects / V.M. Yuryev, M.S. Chvanova // Gaudeamus Psychological and Pedagogical Journal. – 2014. – № 2(24). – P. 13-24. – EDN: SWMKRP.
3. Serdyuk O.Yu. Digital Human Resource Management / O.Yu. Serdyuk, A.S. Vasilev // Bulletin of the Automobile and Road Institute. – 2023. – № 1(44). – P. 58-62. – EDN: KNKFQC.
4. Prospects for Using Digital Personnel Assessment Tools in a Labor-Deficit Market Conjunction / V.V. Gridina, E.S. Dashkova, N.V. Dorokhova [et al.] // Modern Economy: Problems and Solutions. – 2024. – № 3(171). – P. 68-79. – DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2024/3/68-79. – EDN: NWVVJL.
5. Regional Specifics of Non-Standard Employment Forms Diversification under New Economic Conditions / E.S. Dashkova, N.V. Dorokhova, I.V. Petenko [et al.] // Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and Management. – 2025. – № 1. – P. 45-56. – DOI: 10.17308/econ.2025.1/12871. – EDN: QRETFZ.
6. Bocharov V.Yu. Is Russian Labor Sociology Ready to Respond to New Challenges? (An Analytical Review of Two Scientific Conferences) / V.Yu. Bocharov, S.G. Klimova // Sociological Journal. – 2022. – Vol. 28. – № 2. – P. 178-191. – DOI: 10.19181/socjour.2022.28.2.8993. – EDN: TQWUKY.
7. Konovalov I.A. Labour Process Theory: From Taylorism to Algorithmic Management / I.A. Konovalov // Economic Sociology. – 2023. – Vol. 24. – № 2. – P. 109-167. – DOI: 10.17323/1726-3247-2023-2-109-167. – EDN: NVYGQV.
8. Orlova D.R. Formation of a Heterodox Paradigm amid Contemporary Economic Challenges / D.R. Orlova, A.I. Anisimova // Finance and Credit. – 2025. – Vol. 31. – № 9. – P. 53-70. – DOI: 10.24891/uiqtod. – EDN: UIQTOD.
9. Ganich L.V. Personnel Management Optimization in the Digital Economy Era through Human Capital Development / L.V. Ganich // Strategic Priorities of Socio-Economic Development of Territories: Proceedings of the International Round Table, Donetsk, November 27, 2024. – Donetsk: Donetsk National University, 2025. – P. 78-84. – EDN: UUYWQC.
10. Contemporary Challenges in Ensuring Sustainable Development of Socio-Economic Systems / R.T. Adilchaev, E.B. Aimagambetov, A.A. Aletdinova [et al.]. – Donetsk: DonNU Publishing House, 2023. – 283 p. – EDN: CGEADX.

Васильев Артем Сергеевич

кандидат экономических наук, доцент кафедры управления персоналом и экономики труда

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», РФ, ДНР, г. Донецк

vasiliev0592@yandex.ru

+7-949-319-76-92

ORCID: 0009-0004-6059-643X

Vasilev Artem

Candidate of Economic Sciences

Donetsk State University, city Donetsk

УДК 338.439

DOI 10.5281/zenodo.20432865

СИСТЕМА, НЕЗАВИСИМОСТЬ И БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ТРИАДА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СФЕРЫ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И РАЗГРАНИЧЕНИЕ КЛЮЧЕВЫХ КАТЕГОРИЙ

© 2026. А.В. Герасенко

В настоящей статье представлен комплексный анализ научно-практических подходов к пониманию сущности триады: «продовольственная система», «продовольственная независимость», «продовольственная безопасность». Выявлена значительная поляризация мнений исследователей по указанным комплексным экономическим категориям, обусловленная сложностью самих явлений, различиями в научных школах, национальных традициях и политических приоритетах. На основе систематизации широкого круга литературных источников зарубежных и отечественных авторов представлены авторские дефиниции категорий, которые предлагают методологически обоснованную и иерархически выстроенную систему понятий, впервые представленных как систему взаимосвязанных, а не изолированных понятий, со строго определенным для каждого из них местом.

Ключевые слова: продовольственная система, продовольственная независимость, продовольственная безопасность, агропродовольственные комплексы, перерабатывающая промышленность, инфраструктура, доступность, качество, стабильность.

Постановка проблемы. Несмотря на значительное количество разнонаправленных исследований по указанной проблематике выяснено, что даже в научной среде наблюдается смешение и нередкое отождествление категорий «продовольственная система», «продовольственная независимость», «продовольственная безопасность», что является объективно существующей проблемой. Исследователи зачастую предлагают дефиниции без их четкого иерархического позиционирования, что порождает терминологическую путаницу и снижает практическую применимость разработанных подходов.

Актуальность темы исследования. В условиях усиления геополитической напряженности, санкционного давления и необходимости обеспечения национального суверенитета государства сталкиваются с необходимостью одновременного достижения трех целевых установок: формирования устойчивых продовольственных систем, достижения пороговых значений независимости и гарантирования продовольственной безопасности населения. Без четкого понимания того, что является средством (независимость), фундаментом (система) и конечной целью (безопасность), возникает риск подмены целей инструментами, что приводит к искажению государственной политики.

Кроме того, в настоящее время продовольствие все чаще становится инструментом политического и экономического давления, актуальность приобретает не просто наращивание объемов производства, а выработка научно обоснованных критериев, позволяющих разграничить, где заканчивается необходимая независимость и начинается изоляция, а также обеспечение безопасности населения без ущерба для экономической эффективности продовольственной системы.

Разрозненность трактовок в отечественной и зарубежной науке препятствует междисциплинарному диалогу, а также затрудняет международные сопоставления и формирование единых критериев оценки эффективности функционирования

агропродовольственного сектора. Актуальным является создание такой иерархической системы понятий, которая будет применима и для научных исследований, и для стратегического планирования на государственном уровне.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена острой потребностью в преодолении терминологической неопределенности и создании методологически обоснованной, иерархически выстроенной системы понятий, которая позволит не только устранить путаницу в научной среде, но и станет надежным инструментом для разработки и оценки эффективности государственной продовольственной политики.

Анализ последних исследований и публикаций. Анализ отечественной и зарубежной научной литературы по исследуемой проблематике позволил сделать вывод о значительном интересе к вопросам продовольственной системы, продовольственной независимости и продовольственной безопасности. Следует выделить ученых, посвятивших свои исследования (представивших свои определения, выделивших важнейшие признаки и др.):

– продовольственным системам (Н. В. Найденова, Г. Кундеева, А. Б. Молдашев, Л. Н. Бабкина, О. В. Скотаренко, Е. С. Хаценко, Н. А. Барышникова, П. Л. Алтухов, Н. В. Говорова, Ю. В. Илясова и др.);

– продовольственной независимости (В. Г. Гусаков, М. А. Родин, В. И. Тарасов, Э. Ф. Мустафина, Е. В. Стельмах, Н. З. Гончарова, Е. С. Воробьева, А. И. Сутыгина, В. В. Приемко, А. А. Головин, Ю. В. Дорошенко и др.);

– продовольственной безопасности (А. В. Литвинова, Н. С. Талалаева, В. А. Власов, А. С. Жикулина, Н. А. Рахвалова, А. Б. Молдашев, Г. А. Никитина, В. В. Покидова, О. В. Макарова, Т. А. Моор, Ю. В. Грачева, Н. Н. Трушина и др.).

Гипотеза исследования. Выдвигаемая гипотеза заключается в предположении того, что развитие теоретических положений и систематизация практики применения терминологии (продовольственная система, продовольственная независимость, продовольственная безопасность) позволит сформировать категориальный аппарат, устраняющий смысловые дублирования и разночтения между сложными экономическими категориями.

Цель исследования. Целью данного исследования является определение сущности, взаимосвязи и взаимозависимости между комплексными экономическими категориями «продовольственная система», «продовольственная независимость», «продовольственная безопасность», а также авторская формулировка их дефиниций.

Материалы и методы исследования. Информационной базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, нормативные правовые акты, посвященные проблематике продовольственных систем, продовольственной независимости и продовольственной безопасности. В исследовании использовались общенаучные методы (системный подход, анализ и синтез, логическое обобщение, сравнение), экспертных оценок и др.

Результаты исследования. Глубокое изучение продовольственных систем, как комплексной экономической категории, позволило выявить, что даже в научной среде наблюдается смешение и нередкое отождествление категорий: «продовольственные системы», «продовольственная безопасность» и «продовольственная независимость», что является объективно существующей проблемой, обусловленной историческими, междисциплинарными и переводческими факторами. При этом доказано, что указанные категории не являются синонимами, а находятся в отношениях иерархической и функциональной взаимозависимости (рис. 1).

Рис. 1. Иерархическая функционально-декомпозиционная модель

Продовольственная система, как наиболее широкое понятие, основа для продовольственной независимости и безопасности.

Изучение ранних представлений о продовольственных системах в рамках ретроспективного анализа показали, что до 1980-ых годов категория использовалась эпизодически и не имела статуса самостоятельной научной категории, а одной из первых работ, заложивших основу, и сыгравшая ключевую роль в формировании современного понятия «продовольственная система» (food system) считается вышедшая в 1985 году публикация Т. Лэнга (Tim Lang) и С. Уиггинса (S. Wiggins) под названием «Индустриализация продовольственной системы Великобритании: от производства к потреблению» [1]. Наиболее существенным в работе является то, что авторы впервые: описали всю продовольственную цепочку «от фермы до потребителя» как единого процесса не заканчивающегося на выходе с завода; показали, что производство и потребление неразрывно связаны, а индустриализация, с которой связаны такие явления как концентрация производства, вертикальная интеграция, доминирование частных крупных корпораций, превратила разрозненные элементы в единую систему; зафиксировали переход от узкого понимания агробизнеса (только производство) к более широкому взгляду (переработка, распределение, потребление и их последствия для здоровья и экологии).

Значимый вклад в разработку концепции продовольственной системы внес Брюстер Кни, в своей работе «От земли до рта: понимание» [2], изданной им в 1989 году, в которой выделил три принципа работы глобальной продовольственной системы: 1) дистанцирование (distancing): разрыв связи между тем, кто выращивает еду, и тем, кто ее ест. Потребитель не знает, откуда взялся продукт, как он выращен и кто его произвел; 2) унификация (uniformity): стремление сделать все продукты одинаковыми (например, киви одного размера для удобства обработки на автоматизированных складах); непрерывный поток (continuous flow): логика, при которой продукт должен постоянно двигаться по цепочке поставок, превращаясь в абстрактный товар, а не в пищу с местным происхождением. Кроме того, автор объективно выделил значительную роль ТНК, которые, по его мнению, контролируют и управляют экономической системой, среди которых он особо выделил Nestlé, Philip Morris, Unilever и др. [2, с. 40].

Исследование указанной проблематики, в период СССР, проходило в рамках агропромышленного комплекса, как единой организационно-технологической системы, прежде всего через призму народнохозяйственного планирования, однако в период перехода к рыночной экономике, исследователи из стран СНГ, перешли к исследованию продовольственных систем, но уже применительно к своим суверенным государствам и поиску новых форм интеграции.

Изучение представлений о продовольственных системах современных ученых свидетельствует, что, в сущности, она представляет собой непосредственно инфраструктуру, т.е. комплексную систему производства (переработки, упаковки, хранения и др.) продуктов питания включающую различные отраслевые и межотраслевые комплексы, что и подтверждается большинством авторов, исследующих указанную проблематику. Полученный нами результат соответствует позициям: Н.В. Найденовой [3, с. 105]; Ю.С. Бойцовой [4, с. 153]; Л.Н. Бабкиной, О.В. Скотаренко, Е.С. Хаценко: [5]; А.А. Касьянова [6, с. 67]; П.Л. Алтухова [7, с. 59].

Исходя из вышеизложенной позиции, не в полной мере можем согласиться с определением, представленным Г. Кундеевой: «... продовольственные системы как сложные социально-экологические системы, включающие множественные взаимодействия между человеческими и природными компонентами.» [8], поскольку для продовольственной системы важны законы, правила и нормы, касающиеся, прежде всего, вопросов организации производства и переработки продукции. При этом, важность экологической системы, как источника всех первичных ресурсов для производства еды не ставится под сомнение, поскольку без здоровой экосистемы продовольственная система просто невозможна.

Выполненный нами анализ позволил выявить существенный признак продовольственных систем – целевую направленность на обеспечение граждан в продуктах питания, что приняли во внимание В.Г. Соляной: «... целью которой является обеспечение населения продуктами питания, удовлетворяющими потребности в питании и здоровье.» [9, с. 104]; Л.Н. Бабкина, О.В. Скотаренко, Е.С. Хаценко: «... нацеленные на обеспечение населения продуктами питания.» [5]; А.А. Пягай, С.Т. Жумашева, К.К. Жекеева, которые выделили в качестве еще одной, существенной, по нашему мнению, цели – необходимость обеспечения сырьем перерабатывающей промышленности: «... главной задачей которой является обеспечение потребностей населения в продуктах питания, а перерабатывающей промышленности в сырье» [10, с. 154].

Исследователь И.А. Киреева, применительно к региональной продовольственной системе, в качестве еще одного целевого индикатора определила: «а также укрепления конкурентных позиций региона не только на российском, но и на мировом рынке

продовольствия.» [11, с. 35], что является корректным в контексте современного расширенного понимания целей региональных продовольственных систем, однако вторичным, по отношению к стратегической цели – обеспечение продовольствием собственного населения.

Из изложенного вытекает, что несмотря на представленные авторами различные дефиниции исследуемой категории, ими выделены два ключевых признака: во-первых, инфраструктурность и наличие производственных (и не только) процессов (производственных комплексов, звеньев, сфер, сетей, субъектов, участников, др.); во-вторых, целевую направленность (главная задача производственных систем – обеспечить население страны необходимым объемом продуктов питания и соответствующего качества). В определенном диссонансе видится дефиниция, представленная авторским коллективом в составе О.И. Боткина, А.И. Сурыгиной, П.Ф. Сурыгина, которые в определении «продовольственная система» выделили: «... противоречивость и несогласованность действий агентов (государства, домашних хозяйств, общества, бизнеса), различие их целей, ...» [12, с. 41], с чем, с определенной долей вероятности можно согласиться, однако по нашему мнению именно работа государства, в лице государственных органов, призвана обеспечить достижение всеми участниками и на всех цепочках продовольственных систем единой цели – обеспечить потребности населения в необходимых и качественных продуктах питания. Отсюда вытекает, что продовольственная система любого государства обеспечивает продовольственную независимость и продовольственную безопасность.

Проведенный нами всесторонний анализ комплексной экономической категории позволил сформулировать авторское видение продовольственной системы, как совокупности агропродовольственных комплексов, включающих мощности по производству, переработке и хранению продовольственного сырья, производству продуктов питания, а также торговые, научные, правительственные и другие организации, призванные обеспечить продовольственную безопасность государства.

Продовольственная независимость, как важнейший структурный элемент продовольственной безопасности, условие самообеспеченности и внутреннего суверенитета государства.

Проведенный нами анализ первоисточников формирования термина «продовольственная независимость» доказывает, что появился он достаточно рано, в XVII–XVIII веках во французской политико-экономической мысли раннего Нового времени, когда впервые сформировалась устойчивая связь между продовольственным обеспечением и национальным суверенитетом. В меркантилистских текстах утверждалось, что ключевой целью государства является достижение *autosuffisance et indépendance alimentaire* (*autosuffisance* – самодостаточность, т.е. способность страны производить достаточно продовольствия для удовлетворения потребностей населения без внешних поставок и *indépendance* – независимость, отсутствие зависимости от иностранных поставщиков, что рассматривалось как условие политического суверенитета) [13].

Установлено, что в Республике Беларусь, России и других странах СНГ, понятие «продовольственная независимость» получило свое распространение уже в постсоветский период и отправной точкой стало принятие государствами – участниками СНГ Концепции повышения продовольственной безопасности, в которой «продовольственная независимость» получила конкретное количественное определение: это «состояние экономики, при котором собственное производство жизненно важных пищевых продуктов за год составляет не менее 80 процентов годовой потребности

населения в этих пищевых продуктах в соответствии с физиологическими нормами питания» [14].

Проведенное нами обобщение научных работ в рамках статического подхода показало следующие его важнейшие результаты:

– во-первых, в основе экономической категории «продовольственная независимость» положена возможность государства обеспечить свое население необходимыми продуктами питания, с чем единодушно абсолютное большинство исследователей, посвятивших свои исследования указанной проблематике: В. Г. Гусаков, М. А. Родин, В. И. Тарасов, Э. Ф. Мустафина, Р. Г. Сабирьянова, В. С. Шатова, И. М. Хамидуллина, Е. В. Стельмах, Н. З. Гончарова, Е. С. Воробьева, А. И. Сутыгина, В. В. Приемко, А. А. Головин, Ю. В. Дорошенко и др.;

– во-вторых, отдельными авторами в своих дефинициях продовольственной независимости предприняты попытки ее «оцифровки», например, В. И. Тарасов, Э. Ф. Мустафина по отношению к продовольственной независимости Российской Федерации: «...это состояние экономики, при котором производство жизненно важных пищевых продуктов за год составляет не менее 80 процентов годовой потребности населения в этих пищевых продуктах ...» [15, с. 18]; А. Н. Семин, по отношению к продовольственной независимости страны (региона, муниципального образования): «... Если страна ввозит более 20 процентов продовольствия по импорту, значит, она теряет продовольственную независимость» [16, с. 12]. Считаем, что такой подход является перспективным, для дальнейшей конкретизации исследуемого явления и главное – для оценки продовольственной независимости государства, тем более стоит отметить, что в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации, такой подход нашел свое отражение, поскольку продовольственная независимость определяется как уровень самообеспечения основными продовольственными товарами, а именно, зерном и картофелем не менее чем на 95 процентов, сахаром, растительным маслом и овощами, включая бахчевые культуры, – не менее чем на 90 процентов, фруктами и ягодами – не менее чем на 60 процентов [17];

– в-третьих, отдельными исследователями определен конкретный перечень продовольствия, ресурсов, необходимых для обеспечения продовольственной независимости. Например, В. В. Приемко считает: «продовольственная независимость ... достигается тогда, когда потребности страны в основных группах продовольствия (зерно и хлебопродукты, картофель, овощи, растительное масло, сахар, яйца, мясные и молочные продукты, пищевая соль, рыбные продукты) обеспечиваются преимущественно за счет собственного производства» [18, с. 351–352]; А. П. Потапов: «различного рода ресурсов, используемых для производства продукции внутри страны – техники, оборудования, запасных частей, узлов машин, технологий, комплектующих изделий, компонентов конечной продукции, семян сельхозкультур, средств защиты растений, агрохимических ресурсов, ветеринарных препаратов, живых животных, генетического материала, племенного скота, кормовых добавок и т.д.» [19, с. 7]. В данной связи, позиция В. В. Приемко наиболее объективна, поскольку им представлен перечень основных важнейших для рациона человека продуктов питания. В свою очередь в дефиниции, раскрываемой А. П. Потаповым, считаем, происходит подмена понятий, поскольку, выделяя в качестве зависимости страны от таких ресурсов, как технологии, генетика, семена, ветпрепараты, запчасти и др., автор раскрывает, в определенной степени, содержание другой экономической категории – «импортозависимость по средствам производства»;

– в-четвертых, как составляющей продовольственной безопасности. Исследователи Г. В. Тимофеева, Н. Е. Булетова, С. А. Скачкова: «... продовольственной независимости как базовой составляющей продовольственной безопасности» [20, с. 99]; А. А. Головин, Ю. В. Дорошенко: «продовольственная независимость является составным элементом продовольственной безопасности ...» [21, с. 327], что полностью соответствует нашему пониманию категории, при этом продовольственная независимость не просто выступает в качестве одного из элементов продовольственной безопасности (наряду с экономической доступностью продуктов для населения, качеством и безопасностью продукции), она выступает в определенной степени фундаментальной частью, обеспечивающей суверенитет государства и устойчивость к внешним кризисам. При этом продовольственная безопасность достигается в полном объеме только при одновременном достижении всех условий: доступности (физической и экономической), качества и безопасности продуктов, стабильности.

Отдельно стоит выделить определение, представленное В. Г. Гусаковым: «продовольственная независимость» – предполагает преимущественное, а нередко и исключительное снабжение страны за счет собственного (внутреннего) производства, опираясь при этом на поддержку и развитие национального агропромышленного комплекса» [22, с. 6], в котором автор: 1) объективно указывает на разницу между «преимущественным» и «исключительным» снабжением, указывая на понимание того, что автаркия в современном мире невозможна и не всегда эффективна, но при этом подчеркивается максимальный приоритет внутреннего производства как «базиса» безопасности, позволяющем снизить уязвимость от внешних факторов (геополитических рисков, волатильности цен, санкций); 2) связывает два ключевых элемента: результат (снабжение страны за счет собственного производства) и инструмент достижения этого результата (поддержка и развитие национального АПК), показывая, что независимость – не статичное состояние, а процесс, требующий постоянных усилий и инвестиций.

Таким образом, продовольственная независимость – это важнейший элемент продовольственной безопасности государства, направленный на обеспечение перерабатывающей промышленности отечественным сырьем, а населения – основной номенклатурой сельскохозяйственной продукции и продовольствия в рекомендуемых объемах.

Продовольственная безопасность, как результат работы продовольственных систем и продовольственной независимости.

Изучение представлений о продовольственной безопасности позволило выделить базовый период первого официального появления термина, который был опубликован в 1974 году в документах Всемирной продовольственной конференции, созванной Генеральной ассамблеей ООН и проходившей в Риме (с 5 по 16 ноября): «наличие в любое время достаточных мировых запасов продовольствия основных продуктов питания для поддержания устойчивого расширения потребления продовольствия и компенсации колебаний производства и цен» [23]. В 1983 году ФАО (продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций, с английского Food and Agriculture Organization) существенно пересмотрела концепцию, сместив акцент с глобального предложения на возможность конкретного человека получить доступ к продовольствию. Так, в докладе генерального директора ФАО «Переоценка концепций и подходов», представленном на 8-й сессии Комитета по всемирной продовольственной безопасности, было предложено новое определение продовольственной безопасности: «обеспечение того, чтобы все люди в любое время имели как физический, так и

экономический доступ к основным продуктам питания, в которых они нуждаются», которое сбалансировало внимание между спросом (доступ) и предложением (наличие), что стало значительным шагом вперед в развитии указанной проблематики [24]. А наиболее комплексное и цитируемое на сегодня определение, включающее социальный аспект и требования к качеству, безопасности и соответствию диетическим предпочтениям, появилось в 1996 году, в принятой Римской декларации по всемирной продовольственной безопасности: «продовольственная безопасность существует, когда все люди в любое время имеют физический, социальный и экономический доступ к достаточному, безопасному и питательному продовольствию, которое отвечает их диетическим потребностям и предпочтениям для активной и здоровой жизни» [25].

Нами установлено, что в советский период ученые не уделяли достаточного внимания категории «продовольственная безопасность», что подтверждают исследователи Л. А. Бойко и А. П. Бойко: «Нужно отметить, что проблема продовольственной безопасности на протяжении всей истории СССР была закрытой темой. И в настоящее время документы и материалы отличаются фрагментарностью и противоречивостью, поэтому исследование данной проблемы нам представляется актуальным и необходимым» [26, с. 186]. Однако, в постсоветский период и сегодня ученые из стран бывшего Советского Союза стали активно изучать продовольственную безопасность, при этом в отличие от категории «продовольственная независимость», авторы не столь единодушны при трактовке данной категории, что объясняется сложностью самого явления, различиями в научных школах, национальных традициях и политических приоритетах, раскрывая как:

– состояние экономики (А. В. Литвинова, Н. С. Талалаева, Н. Н. Трушина); системный элемент экономической безопасности (А. Б. Молдашев, Г. А. Никитина); важнейший элемент не только экономической безопасности государства, но и его политической и экологической безопасности (Б. К. Джурупова); неотъемлемой частью национальной безопасности (О. В. Макарова, Т. А. Моор); составной частью национальной безопасности (В. А. Дадалко); неотъемлемой частью экономической стабильности и суверенитета любого государства (И. М. Ярхомова, К. С. Кузнецова, Д. А. Мусташкина). Представленные авторами формулировки отражают различные подходы к определению места и роли продовольственной безопасности в системе национальной безопасности, что может свидетельствовать об их обоснованности, а также о многомерности указанной категории;

– отождествление с продовольственной независимостью (О. Денисова, М. Козлова, Г. К. Кошебаева, Н. А. Алпысбаева, В. В. Бирюков, Ф. Н. Михайлов, М. Д. Черненко, Ю. В. Грачева, Г. Г. Файзуллин), поскольку приведенные авторы рассматривают обеспеченность в продуктах страны только за счет собственных производственных мощностей, что является в корне не верным, поскольку в изучаемой категории, важным является сам факт обеспеченности населения в продуктах, что может быть достигнуто не только за счет собственных ресурсов, так и за счет импорта.

Как пример, можно привести Сингапур, который практически не имеет своего сельского хозяйства, импортируя до 90 процентов еды. Соответственно продовольственная независимость Сингапура – практический отсутствует (если закрыть границы, через неделю там наступит голод), при этом продовольственная безопасность имеет высочайший уровень, поскольку люди сыты, разнообразно питаются, а у государства есть деньги закупать еду по всему миру и выстроена идеальная логистика.

В целом, следует констатировать, что только отдельными авторами выделены основные основополагающие характеристики (элементы) продовольственной

безопасности: 1) продовольственная независимость (как инструмент достижения физической доступности граждан к основным продуктам питания); 2) экономическая доступность продовольствия для граждан; 3) безопасность и качество продукции.

Систематизация мнений авторов позволило сформулировать авторскую дефиницию продовольственной безопасности, как показателя эффективности функционирования продовольственной системы, включающего продовольственную независимость, обеспечивающую физическую доступность граждан в продуктах питания, экономическую доступность продовольствия, его качество и безопасность.

Детальное изучение категорий «продовольственные системы», «продовольственная независимость» и «продовольственная безопасность» позволили структурировать и представить в табличном варианте основные сущностные характеристики (табл. 1).

Таблица 1

Расширенная сравнительная таблица исследуемых категорий

Критерий сравнения	Продовольственные системы (Food Systems)	Продовольственная независимость (Food Independence)	Продовольственная безопасность (Food Security)
1. Краткая сущность категорий	Наиболее широкая категория, включающая все стадии производства, переработки, распределения, потребления	Одно из условий обеспечения продовольственной безопасности, включает собственное производство стратегически важных продуктов	Целевое состояние внутри системы, гарантируется посредством продовольственной безопасности, экономической доступности, качества и безопасности продукции
2. Основной фокус	Процессы, взаимосвязи, устойчивость	Суверенитет, самообеспеченность, защита от внешних кризисов	Доступность (физическая, экономическая, социальная), качество, стабильность
3. Уровень анализа	Глобальный, национальный, региональный, локальный	Преимущественно национальный	Индивидуальный (домохозяйство, человек), национальный, глобальный
4. Отношение к импорту	Импорт – это хорошо (разнообразие и доступность)	Импорт – это угроза (зависимость)	Импорт – это элемент цепи со своими плюсами и минусами
5. Ключевые субъекты	Производители, переработчики, потребители, госорганы	Государство, национальный АПК, импортеры (как объект ограничений)	Государство (как гарант), домохозяйства, индивиды (как конечные бенефициары)
6. Преобладающая функция	Процессная, функциональная	Суверенная, защитная	Целевая, результирующая

Выводы. По результатам выполненного нами анализа научно-практических подходов к пониманию сущности изучаемых понятий «продовольственные системы», «продовольственная независимость», «продовольственная безопасность», его определений, а также потенциала реализации выявлены следующие важнейшие выводы и предложения, содержащие научную новизну:

– определено, что продовольственная система, имеет фундаментальное значение как для обеспечения продовольственной безопасности государства, так и для выполнения глобальных задач по борьбе с голодом и устойчивому развитию мировой системы в целом, которая нашла свое отражение в значительном количестве работ как отечественных, так и зарубежных авторов, выделивших наиболее существенные признаки: многоаспектность категории, которая объединяет в себе совокупность инфраструктурных производственных комплексов, звеньев / сфер / сетей / субъектов / участников, а также производственных процессов, включающих стадии производства / переработки / хранения / торговли / утилизации и др.; векторная направленность на обеспечение продовольственной безопасности государства / формирование и использование продовольственных ресурсов / обеспечение населения продуктами питания, удовлетворяющими потребности в питании и здоровье / перерабатывающей промышленности в сырье и др. Поэтому именно продовольственная система выступает производственным и процессным «хребтом» продовольственной безопасности, независимости и транснационализации;

– установлена прочная структурно-уровневая взаимосвязь категорий, представляющих собой иерархическую триаду: 1) продовольственная система – фундаментальный (процессный) уровень, выступает наиболее широкой категорией, охватывающей всю совокупность процессов, инфраструктур и акторов, участвующих в производстве, переработке, распределении, потреблении и утилизации продовольствия, выступает объективной основой для достижения целевых состояний; 2) продовольственная безопасность – целевой (результатирующий) уровень, состояние, при котором в рамках продовольственной системы обеспечиваются: физическая и экономическая доступность, качество и безопасность продуктов, стабильность во времени, выступает интегральным результатом функционирования продовольственной системы; 3) продовольственная независимость – инструментально-обеспечивающий уровень суверенитета, условие, обеспечивающее один из четырех компонентов продовольственной безопасности – физическую доступность на национальном уровне через достижение пороговых значений самообеспеченности, выступает средством, а не целью;

– представлены, на основе системного обобщения разнонаправленных подходов по исследуемой проблеме, авторские дефиниции: продовольственной системы, как совокупности агропродовольственных комплексов, включающих мощности по производству, переработке и хранению продовольственного сырья, производству продуктов питания, а также торговые, научные, правительственные и другие организации, призванные обеспечить продовольственную безопасность государства; продовольственной независимости, как важнейшего элемента продовольственной безопасности государства, направленного на обеспечение перерабатывающей промышленности отечественным сырьем, а население – основной номенклатурой сельскохозяйственной продукции и продовольствия в рекомендуемых объемах; продовольственной безопасности, продовольственной безопасности, как показателя эффективности функционирования продовольственной системы, включающего продовольственную независимость, обеспечивающую физическую доступность граждан в продуктах питания, экономическую доступность продовольствия, его качество и безопасность.

Научная новизна состоит прежде всего в том, что в отличие от существующих разнонаправленных подходов, которые либо ограничиваются узковедомственными трактовками, либо сочетают разнородные определения, авторская концепция предлагает

методологическую обоснованную и иерархически выстроенную систему понятий (продовольственная система, продовольственная независимость, продовольственная безопасность), впервые представленных как система взаимосвязанных, а не изолированных понятий, со строго определенным для каждого из них местом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lang, T. The industrialisation of the UK food system : from production to consumption / T. Lang, S. Wiggins ; London Food Commission. – London : London Food Commission, 1985.
2. Kneen, B. From Land to Mouth: Understanding the Food System. Toronto: NC Press. – 1989. – 173 p.
3. Найденова, Н. В. Продовольственная система России: современное состояние, проблемы и перспективы развития / Н. В. Найденова // Московский экономический журнал. – 2018. – № 2. С. 104–122. – DOI: 10/24411/2413-046X-2018-12008.
4. Бойцова, Ю. С. Устойчивые продовольственные системы и питание в 21 веке / Ю. С. Бойцова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 7-2 (70). – С. 153–157. – DOI:10.24412/2500-1000-2022-7-2-153-157
5. Бабкина, Л. Н. Динамика основных элементов продовольственной системы регионов Арктической Зоны РФ с развитой системой отраслевых кластеров / Л. Н. Бабкина, О. В. Скотаренко, Е. С. Хаценко // Российский экономический интернет-журнал. – 2022. – № 3. – EDN YOAULC.
6. Касьянов, А. А. Эволюция государственного регулирования развития продовольственной системы в Российской Федерации / А. А. Касьянов // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2018. – № 5(111). – С. 67–78. – EDN XUXKOT.
7. Алтухов, П. Л. Системный подход к развитию национальной продовольственной системы в рамках глобализации мировой экономики / П. Л. Алтухов // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке : сборник статей по материалам XXVI международной научно-практической конференции. Том № 17 (25) : Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2018. – С. 56–60. – EDN XSDKLT.
8. Кундеева, Г. Концепция продовольственной системы: продовольственная безопасность и питание / Г. Кундеева // Режим доступа: file:///C:/Users/gerasenko/Downloads/8.+Kundeieva,+The+concept+of+food+system,+1(8)2022,+109-124.pdf. – DOI 10/34739/dsd.2022.01.08.
9. Соляной, В. Г. Формирование продовольственной системы в республиках Донбасса / В. Г. Соляной // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 2, № 2(155). – С. 103-111. – DOI 10.36871/ek.up.r.2025.02.02.010. – EDN VRJLVB.
10. Пягай, А. А. Проблемы, снижающие устойчивость функционирования продовольственной системы Казахстана / А. А. Пягай, С. Т. Жумашева, К. К. Жекеева // Статистика, учет и аудит. – 2019. – № 4 (75). – С. 154–158.
11. Киреева, Н. А. Конкурентоспособность региональной продовольственной системы в новых политических и экономических условиях / Н. А. Киреева // Восточно-Европейский научный журнал. – 2018. – № 7-3(35). – С. 35–45. – EDN ZPECKN.
12. Боткин, О. И. Институциональные аспекты устойчивого функционирования региональной продовольственной системы / О. И. Боткин, А. И. Сутыгина, П. Ф. Сутыгин // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. – 2019. – № 1(41). – С. 40–50. – DOI: 10/25686/2306-2800.2019.1.40.
13. Clément, A. Nourrir le peuple: de l'état garant a l'échange souverain (1550-1850) Thèse de doctorat, Université Lumière Lyon 2. – 1997.
14. Концепция повышения продовольственной безопасности государств – участников Содружества Независимых Государств : принята Решением Совета глав правительств СНГ 21 мая 2010 г. – URL: [chrome-extension://efaidnbmninnibpcapjpcglclefindmkaj/https://ecfs.msu.ru/Low_documents/International/%D0%A1%D0%9D%D0%93.pdf] (дата обращения: 09.04.2026).
15. Тарасов, В. И. Продовольственная независимость России в условиях присоединения к ВТО / В. И. Тарасов, Э. Ф. Мустафина // Переработка молока. – 2012. – № 12 (158). – С. 18–23. – EDN TOBDRZ.
16. Семин, А. Н. От продовольственной независимости к продовольственной безопасности / А. Н. Семин // Теория и практика мировой науки. – 2016. – № 2. – С. 12–15. – EDN ZBZAGH.

17. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 20 (ред. от 02.07.2024) // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386/ (дата обращения: 26.03.2026)

18. Приемко, В. В. Показатели и критерии обеспечения продовольственной независимости Российской Федерации / В. В. Приемко // Никоновские чтения. – 2013. – № 18. – С. 351–354. – EDN SGANRZ.

19. Потапов, А. П. Оценка уровня продовольственной независимости России / А. П. Потапов // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем. – 2016. – № 1. – С. 7–12. – EDN PGFXIE.

20. Тимофеева, Г. В. Развитие потенциала сельского хозяйства России в условиях западных санкций и приоритетов продовольственной независимости / Г. В. Тимофеева, Н. Е. Булетова, С. А. Скачкова // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2024. – Т. 26, № 3. – С. 97–109. – DOI 10.15688/ek.jvolsu.2024.3.8. – EDN SXVJSH.

21. Головин, А. А. Оценка продовольственной независимости Курской области по картофелю / А. А. Головин, Ю. В. Дорошенко // Молодежь и XXI век - 2020 : материалы X Международной молодежной научной конференции, Курск, 19–20 февраля 2020 года. Том 4. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. – С. 327–329. – EDN SEABVA.

22. Гусаков, В. Г. Стратегия обеспечения продовольственной независимости Беларуси / В. Г. Гусаков // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя аграрных навук. – 2006. – № 2. – С. 5–12. – EDN CLBNML.

23. United Nations. Report of the World Food Conference, Rome, 5-16 November, 1974. – New York : United Nations, 1975. – v, 64 p. – (Document ; E/CONF.65/20). – (Sales ; No. 75.II.A.3) (In Russian).

24. FAO. (1983). Director-General's report on world food security: a reappraisal of the concepts and approaches. Committee on World Food Security, 8th Session, Rome, 13 April 1983 (In Russian).

25. Rome declaration on world food security and world food summit plan of action : World Food Summit, 13-17 November 1996, Rome, Italy. – Rome : FAO, 1996. – 43 p. (In Russian).

26. Бойко Л.А. Экономические особенности становления системы продовольственной безопасности в России в конце XIX – начале XXI вв. / Л.А. Бойко, А.П. Бойко // Международный журнал социальных и гуманитарных наук. – 2016. – Т. 6. №1. – С. 185–190.

Поступила в редакцию 10.04.2026 г.

SYSTEM, INDEPENDENCE, AND SECURITY AS A TRIAD OF THE FOOD SPHERE: INTERCONNECTIONS AND DISTINCTIONS OF KEY CATEGORIES

A.V. Gerasenko

This article presents a comprehensive analysis of scientific and practical approaches to understanding the essence of the triad: «food system», «food independence» and «food security». It reveals a significant polarization of research opinions on these complex economic categories, driven by the complexity of the phenomena themselves, differences in scientific schools, national traditions, and political priorities. Based on the systematization of a wide range of literary sources by foreign and domestic authors, the author's definitions of categories are presented, which offer a methodologically sound and hierarchically structured system of concepts, presented for the first time as a system of interconnected, rather than isolated concepts, with a strictly defined place for each of them.

Keywords: food system, food independence, food security, agro-food complexes, processing industry, infrastructure, accessibility, quality, stability

LIST OF REFERENCES

1. Lang, T. The industrialisation of the UK food system : from production to consumption / T. Lang, S. Wiggins ; London Food Commission. – London : London Food Commission, 1985.

2. Kneen, B. From Land to Mouth: Understanding the Food System. Toronto: NC Press. – 1989. – 173 p.

3. Naidenova, N. V. The food system of Russia: current state, problems and prospects of development / N. V. Naidenova // Moscow Economic Journal, 2018, No. 2, pp. 104-122. DOI: 10/24411/2413-046X-2018-12008.

4. Boitsova, Yu . S . Sustainable food systems and nutrition in the 21st century / Yu. S . Boitsova // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. – 2022. – № 7-2 (70). – Pp. 153-157. – DOI:10.24412/2500-1000-2022-7-2-153-157
5. Babkina, L. N. Dynamics of the main elements of the food system of the regions of the Arctic Zone of the Russian Federation with a developed system of industry clusters / L. N. Babkina, O. V. Skotarenko, E. S. Khatsenko // *Russian Economic Online Journal*. – 2022. – № 3. – EDN YOAULC.
6. Kasyanov, A. A. Evolution of state regulation of food system development in the Russian Federation / A. A. Kasyanov // *Management of economic systems: electronic scientific journal*. – 2018. – № 5(111). – Pp. 67-78. – EDN XUXKOT.
7. Altukhov, P. L. A systematic approach to the development of the national food system in the context of the globalization of the world economy / P. L. Altukhov // *Experimental and theoretical research in modern science : a collection of articles based on the materials of the XXVI international scientific and practical conference. Volume No. 17 (25) : Association of Researchers "Siberian Academic Book", 2018. pp. 56-60. – EDN XSDKLT.*
8. Kundereva, G. The concept of the food system: food security and nutrition / G. Kundereva // *Access mode: file:///C:/Users/gerasenko/Downloads/8.+Kundeieva,+The+concept+of+food+system,+1(8)2022,+109-124. pdf. – DOI 10/34739/dsd.2022.01.08.*
9. Salt, V. G. Formation of the food system in the republics of Donbass / V. G. Solyanoy // *Economics and management: problems, solutions*. – 2025. – Vol. 2, No. 2(155). – pp. 103-111. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.02.02.010. – EDN VRJLVB.
10. Pyagai, A. A. Problems reducing the sustainability of the functioning of the food system of Kazakhstan / A. A. Pyagai, S. T. Zhumasheva, K. K. Zhekeeva // *Statistics, accounting and auditing*. – 2019. – № 4 (75). – Pp. 154-158.
11. Kireeva, N. A. Competitiveness of the regional food system in new political and economic conditions / N. A. Kireeva // *East European Scientific Journal*. – 2018. – № 7-3(35). – Pp. 35-45. – EDN ZPECKN.
12. Botkin, O. I. Institutional aspects of the sustainable functioning of the regional food system / O. I. Botkin, A. I. Sutygina, P. F. Sutygin // *Bulletin of the Volga State Technological University. Series: Economics and Management*. – 2019. – № 1(41). – Pp. 40-50. – DOI: 10/25686/2306-2800.2019.1.40.
13. Clément, A. Nourrir le peuple: de l'état garant a l'échange souverain (1550-1850) Thèse de doctorat, Université Lumière Lyon 2. – 1997.
14. The concept of improving food security of the member States of the Commonwealth of Independent States: adopted by the Decision of the Council of Heads of Government of the CIS on May 21, 2010 – URL: [chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://ecfs.msu.ru/Low_documents/International/%D0%A1%D0%9D%D0%93.pdf] (accessed: 04/09/2026).
15. Tarasov, V. I. Food independence of Russia in the context of WTO accession / V. I. Tarasov, E. F. Mustafina // *Milk processing*. – 2012. – № 12 (158). – Pp. 18-23. – EDN TOBDRZ.
16. Semin, A. N. From food independence to food security / A. N. Semin // *Theory and practice of world science*. – 2016. – No. 2. – pp. 12-15. – EDN ZBZAGH.
17. The Food Security Doctrine of the Russian Federation : approved by By Decree of the President of the Russian Federation No. 20 dated 01/21/2020 (as amended on 07/02/2024) // *ConsultantPlus*. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386/ (date of access: 03/26/2026)
18. Priemko, V. V. Indicators and criteria for ensuring food independence of the Russian Federation / V. V. Priemko // *Nikon readings*. – 2013. – No. 18. – pp. 351-354. – EDN SGANRZ.
19. Potapov, A. P. Assessment of the level of food independence of Russia / A. P. Potapov // *Patterns of development of regional agro-food systems*. – 2016. – No. 1. – pp. 7-12. – EDN PGFXIE.
20. Timofeeva G. V., Buletova N. E., Skachkova S. A. Development of the potential of Russian agriculture in the context of Western sanctions and priorities of food independence // *Bulletin of the Volgograd State University. Economy*. – 2024. – Vol. 26, No. 3. – pp. 97-109. – DOI 10.15688/ek.jvolsu.2024.3.8. – EDN SXVJSH.
21. Golovin, A. A. Assessment of the food independence of the Kursk region for potatoes / A. A. Golovin, Yu. V. Doroshenko // *Youth and the XXI century 2020 : proceedings of the X International Youth Scientific Conference, Kursk, February 19-20, 2020. Volume 4. Kursk: Southwestern State University, 2020. pp. 327-329. EDN SEABVA.*
22. Gusakov, V. G. The strategy of ensuring food independence of Belarus / V. G. Gusakov // *Vesci National Academy of Sciences of Belarus. Gray agricultural buildings*. - 2006. – No. 2. – pp. 5-12. – EDN CLBNML.
23. United Nations. Report of the World Food Conference, Rome, 5-16 November, 1974. – New York : United Nations, 1975. – v, 64 p. – (Document ; E/CONF.65/20). – (Sales ; No. 75.II.A.3) (In Russian).

24. FAO. (1983). Director-General's report on world food security: a reappraisal of the concepts and approaches. Committee on World Food Security, 8th Session, Rome, 13 April 1983 (In Russian).

25. Rome declaration on world food security and world food summit plan of action : World Food Summit, 13-17 November 1996, Rome, Italy. – Rome : FAO, 1996. – 43 p. (In Russian).

26. Boyko L.A. Economic features of the formation of the food security system in Russia in the late XIX – early XXI centuries / L.A. Boyko, A.P. Boyko // International Journal of Social Sciences and Humanities, 2016, vol. 6, No. 1, pp. 185-190.

Герасенко Александр Владимирович

кандидат экономических наук, начальник управления правовой, кадровой и идеологической работы

Белорусский государственный концерн пищевой промышленности «Белгоспищепром», РБ, г. Минск

gerasenko@bgr.by

+37-529-105-50-66

ORCID: 0009-0000-3163-3706

Gerasenko Alexander

candidate of Economic Sciences, Head of the Legal, Personnel, and Ideological Work Department,

Belarusian State Food Industry Concern «Belgospischeprom», Republic of Belarus, city Minsk

УДК 332.1:338.45:338.24+330.4
DOI 10.5281/zenodo.20432891

ОПТИМИЗАЦИОННЫЕ АДАПТИВНЫЕ МОДЕЛИ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

© 2026. И.А. Горчакова, Л.А. Гладкова, О.А. Сухинина

В статье изложены теоретико-методические основы построения оптимизационных моделей с акцентуацией на принципах адаптивного управления системами. Задействование аппарата прогнозирования в интеграции с методами параметрического программирования в моделях усиливает возможности адаптивного реагирования на изменяющиеся условия рыночной среды. Поскольку преодоление устаревших форматов управления материалоемкими отраслями экономики непосредственно лежит в плоскости ресурсосбережения и напрямую затрагивает инвестиционную деятельность, то реализация этого подхода проиллюстрирована применительно к актуальным в этом смысле задачам производственного планирования и управления инвестиционным портфелем. Применение предложенного подхода в экономико-математическом моделировании хозяйственной деятельности позволяет экономическим субъектам принимать взвешенные управленческие решения сообразно меняющимся факторам существенного влияния и, таким образом, быть более адаптированными к функционированию в условиях хаоса и неопределенности внешней среды.

Ключевые слова: адаптивное управление, аппарат прогнозирования, методы параметрическое программирование, принципы реагирования, целевая функция и ограничения, оптимизационная модель.

Постановка проблемы. В современном мире, характеризующемся высокой динамичностью, неопределенностью и стремительными изменениями, способность предвидеть будущие события и оперативно реагировать на них становится ключевым фактором успеха для любых организаций – от промышленных предприятий до финансовых учреждений. Прогнозирование и адаптивное управление представляют собой мощный тандем подходов, который позволяет не только принимать обоснованные решения, но и своевременно вносить корректировки в соответствии с вновь поступившей новой информацией. Базируются эти процессы часто на математическом инструментарии. Проблема состоит в выработке подходов, теоретически обоснованных и методически изложенных, по экономико-математическому моделированию хозяйственной деятельности, которые позволят экономическим субъектам оперативно принимать взвешенные управленческие решения сообразно меняющимся факторам существенного влияния и, таким образом, быть более адаптированными к функционированию в условиях хаоса и неопределенности внешней среды.

Актуальность темы исследования. Актуальность задействования интегративного подхода к аппарату прогнозирования и методов параметрического программирования в моделях адаптивного реагирования на изменяющиеся условия рыночной среды обусловлена следующими факторами:

1. Волатильность рынков: цены на сырье, спрос на продукцию, валютные курсы, процентные ставки – все эти параметры могут значительно колебаться, требуя постоянной корректировки планов.

2. Технологические изменения: быстрое развитие технологий создает новые возможности и вызовы, делая долгосрочные, жесткие стратегии неэффективными.

3. Глобальная конкуренция: компании, способные быстро адаптироваться к меняющимся условиям, получают значительное конкурентное преимущество.

4. Сложность систем: современные производственные, логистические и финансовые системы настолько сложны, что управлять ими без учета неопределенности и возможности адаптации невозможно.

5. Оптимизация ресурсов: необходимость максимально эффективного использования ограниченных ресурсов в условиях неполной информации.

Анализ последних исследований и публикаций. В нашей работе мы опирались на свои многолетние труды и публикации наших коллег по исследованию потенциала аппарата экономико-математического моделирования и прогнозирования касательно проблем оптимизации социально-экономических процессов, адаптивного управления ими [1 – 12].

Выделение нерешенных проблем. Несмотря на накопленные теоретическую базу и прикладной инструментарий в вопросах оптимизации социально-экономической деятельности, сохраняется научный интерес и остается недостаточно исследованным потенциал интегративных подходов аппарата прогнозирования, методов параметрического программирования и адаптивного управления к построению и применению моделей активного реагирования на изменяющиеся условия окружающей среды.

Гипотеза исследования. Задействование интегративного подхода к аппарату прогнозирования и методов параметрического программирования в моделях адаптивного реагирования на изменяющиеся условия рыночной среды позволит субъектам хозяйствования принимать взвешенные управленческие решения соответственно меняющимся факторам существенного влияния и, таким образом, быть более адаптированными к функционированию в условиях неопределенности внешней среды

Цель исследования – изложить теоретико-методические аспекты интеграции методов прогнозирования и параметрического программирования в моделях адаптивного реагирования на изменяющиеся условия рыночной среды в экономике, а также проиллюстрировать реализацию данного подхода применительно к практике управления инвестиционным портфелем при меняющейся доходности активов и к задачам производственного планирования при меняющемся спросе.

Материалы и методы исследования. В исследовании были задействованы методы параметрического программирования, инструментарий адаптивного управления системами, аппарат прогнозирования.

Результаты исследования. Прогнозирование – это процесс предсказания будущих событий, тенденций или значений переменных на основе анализа прошлых данных, текущих условий и различных аналитических моделей. Его цель – уменьшить неопределенность и предоставить основу для принятия решений.

Рассматриваемый нами аппарат прогнозирования будет включать в качестве основных компонентов такой инструментарий, как

анализ временных рядов данных: экспоненциальное сглаживание, ARIMA-модели, методы Холта-Винтера и т.д.;

регрессионный анализ: построение моделей, предсказывающих одну переменную на основе других (например, спрос на основе цены и рекламных расходов);

машинное обучение: нейронные сети, случайные леса, градиентный бустинг для сложных, нелинейных зависимостей;

качественные методы: экспертные оценки, метод Делфи (когда нет достаточных исторических данных).

Адаптивное управление в контексте исследования – это стратегия, при которой система или план постоянно отслеживается, переоценивается и корректируется в ответ

на новую информацию, изменения в прогнозах или отклонения от запланированных показателей. Это подход, ориентированный на обучение и гибкость, где решения не являются статичными, а эволюционируют вместе с изменяющейся средой.

Ключевые составляющие адаптивного управления:

1) мониторинг – постоянный сбор и анализ данных о состоянии системы и внешней среды;

2) оценка – сравнение фактических результатов с прогнозами и планами, выявление отклонений.

3) пересмотр/перепрогнозирование – обновление прогнозов на основе новой информации.

4) корректировка – изменение текущих планов, стратегий или параметров системы для достижения целей в изменившихся условиях.

В контексте математического моделирования, задачи адаптивного управления тесно связаны с параметрическим программированием.

Методы параметрического программирования позволяют анализировать, как оптимальное решение и оптимальное значение целевой функции меняется при изменении одного или нескольких параметров задачи (например, коэффициентов целевой функции, правых частей ограничений или коэффициентов при переменных в ограничениях).

Общая задача оптимизации при этом имеет следующий вид:
максимизировать целевую функцию

$$Z = f(x, \theta) \quad (1)$$

при наличии ограничений типа

$$g_i(x, \theta) \leq b_i(\theta), \quad (2)$$

$$x \geq 0, \quad (3)$$

где:

x – вектор переменных решения,

θ – вектор параметров задачи, которые могут меняться (например, спрос, цена сырья, доступность ресурсов),

$f(x, \theta)$ – целевая функция,

$g_i(x, \theta)$ – функции ограничений.

Интегративность подхода заключается в подключении аппарата методов прогнозирования для предоставления постоянно обновляемых значений вектора параметров θ . После получения новых значений θ методами параметрического программирования пересчитывается задача для нахождения нового оптимального решения x^θ . Модели и методы параметрического прогнозирования позволяют заранее проанализировать, как будут меняться оптимальные решения при различных диапазонах изменения параметров, что значительно ускоряет процесс адаптации.

Для иллюстрации сказанного рассмотрим модель адаптивного планирования производства при меняющемся спросе. Производственная компания выпускает несколько видов продукции, спрос на которую колеблется и соответственно может пересматриваться. Цель – максимизировать прибыль, учитывая производственные мощности и ограничения по сырью, и при этом иметь возможность быстро адаптировать производственный план под изменяющийся спрос.

Ежемесячно или еженедельно отдел маркетинга обновляет прогноз спроса D_j для каждого продукта j . Таким образом, эта величина становится параметром в модели оптимизации.

Пусть компания производит n видов продукции. Введем следующие обозначения:

x_j – количество произведенного продукта j ;

p_j – цена продажи продукта j ;

c_j – переменные затраты на производство продукта j ;

R_k – доступный ресурс k (например, машино-часы, сырье);

a_{kj} – количество ресурса k , необходимое для производства одной единицы продукта j ;

D_j – прогнозируемый спрос на продукт j (параметр).

Задача оптимизации состоит в максимизации прибыли компании

$$Z = \sum (p_j - c_j)x_j \quad (4)$$

при ограничениях следующего вида:

$$\sum a_{kj}x_j \leq R_k \quad \forall k \quad (5)$$

(ограничения по ресурсам);

$$x_j \leq D_j \quad \forall j \quad (6)$$

(ограничения по спросу – производим не более того, сколько можем продать);

$$x_j \geq 0 \quad \forall j. \quad (7)$$

В этой задаче D_j является параметром. Каждый раз при обновлении прогноза спроса D_j , оптимальное решение x_j может меняться.

Принципы работы адаптации состоят в следующем:

используются текущие прогнозы D_j для построения оптимальной производственной программы x_j ;

в течение месяца/недели отслеживаются продажи, рыночные тенденции, и в результате D_j обновляется (к примеру $D_j \rightarrow D_j'$).

Адаптация:

без применения методов параметрического программирования задачу решают заново с новыми D_j' как обычную задачу линейного программирования;

с применением методов параметрического программирования заранее анализируются диапазоны изменения D_j и их влияние на оптимальный план. К примеру, можно определять так называемые "критические точки" спроса, при превышении/падении которых необходимо перестраивать объемы производства. Если новый D_j' находится в уже проанализированном диапазоне, оптимальный план может быть определен без полного пересчета, и можно видеть, какие ограничения при этом становятся активными. Такого рода знания позволяет оперативно принимать решения об увеличении/уменьшении объемов производства, переброске ресурсов или корректировке ценовой политики.

Рассмотрим применение описанного выше подхода на этот раз к управлению инвестиционным портфелем. Инвестор формирует портфель из различных активов (акции, облигации, фонды). Ожидаемая доходность каждого актива меняется в зависимости от экономической ситуации. Цель – максимизировать общую ожидаемую доходность портфеля при заданном уровне риска и ограниченном бюджете, адаптируясь к новым прогнозам доходности.

Финансовые аналитики или модели машинного обучения регулярно обновляют прогноз ожидаемой доходности r_j для каждого актива j . Эти ожидаемые доходности являются параметрами. Вводим следующие обозначения:

x_j – доля инвестиций в актив j ;

r_j – прогнозируемая (ожидаемая) доходность актива j (параметр);

σ_{j^2} – дисперсия доходности актива j (мера риска);

$cov(r_j, r_k)$ – ковариация доходностей активов j и k ;

R_{min} – минимально допустимый уровень ожидаемой доходности (или V_{max} – максимально допустимый уровень риска);

B – общий инвестиционный бюджет.

Пусть мы хотим максимизировать доходность при фиксированном риске (или заданном уровне риска). В этом случае математическая модель задачи принимает следующий вид:

максимизировать функцию

$$Z = \sum r_j x_j \quad (8)$$

при ограничениях следующего вида:

$$\sum x_j \leq B \quad (9)$$

(ограничение по бюджету);

$$\sum \sum x_j x_k cov(r_j, r_k) \leq V_{max} \quad (10)$$

(ограничение по риску, нелинейное);

$$x_j \geq 0 \quad \forall j \quad (11)$$

(неотрицательность переменных).

В данном случае r_j являются параметрами в целевой функции. Принципы работы адаптации следующие:

сформирован портфель на основе текущих r_j ;

еженедельно/ежемесячно пересматриваются прогнозы r_j (например, из-за изменения рыночной конъюнктуры, новостей о компаниях);

новые значения r_j вводятся в модель.

Модель и методы параметрического программирования показывают, как меняется структура портфеля x_j для сохранения оптимальности доходов от него. Так, если ожидаемая доходность одного актива резко возрастает, а другого падает, то решение укажет на необходимость ребалансировки портфеля. Используя анализ решения на чувствительность, инвестор может заранее знать, при каких изменениях r_j ему следует

продавать одни активы и покупать другие, что позволяет оперативно реагировать на рыночные изменения и избегать пересчета сложных моделей каждый раз.

Выводы и дальнейшая дискуссия. Аппарат прогнозирования и методы параметрического программирования в изложенной концепции интегрированы в единый подход, являющийся инструментом для осуществления эффективного управления касательно функционирования экономических субъектов в условиях хаоса и неопределенности внешней среды. Дополнение этих подходов методами машинного моделирования и искусственного интеллекта имеет мощный потенциал, в частности применительно к производственным компаниям как для построения более реалистичных и гибких планов, так и для их оперативного корректирования, что позволяет существенно оптимизировать выгоды в меняющейся среде. Это обеспечивает устойчивость, конкурентоспособность и возможности развития в постоянно меняющемся мире.

Обоснование научной новизны в представленном исследовании. Усовершенствован и получил дальнейшее развитие теоретико-методический подход к построению оптимизационных моделей смещением акцентуаций на принципы адаптивного управления системами с задействованием аппарата прогнозирования в интеграции с методами параметрического программирования для усиления прикладных возможностей оперативного реагирования на изменения окружающей среды.

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении. Дальнейшие перспективы развития исследований в этом направлении будут акцентированы на использование искусственного интеллекта, а также больших баз данных, что в своей перспективе позволит выстроить эффективные интеллектуальные самоадаптирующиеся системы управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теоретико-методологические основы и прикладные аспекты математического моделирования экономической деятельности и процессов управления регионально-отраслевым развитием / Ю. Н. Полшков, А. В. Половян, М. Ю. Терентьева [и др.]. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. – 392 с. – ISBN 978-5-00261-168-3. – EDN EWHALK.
2. Горчакова, И. А. Инструментарий математического моделирования в управлении предприятиями агропромышленного комплекса / И. А. Горчакова, А. В. Подопригра // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VIII Международной научной конференции, Донецк, 25–27 октября 2023 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. – С. 127-129. – EDN OQRSUC.
3. Горчакова, И. А. Инвестиционный потенциал Донецкой Народной республики как субъекта РФ / И. А. Горчакова, М. Ю. Григоревич // Донецкие чтения - 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра, Донецк, 05–07 ноября 2025 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2025. – С. 129-131. – EDN SCHXQO.
4. Горчакова, И. А. Экономическое прогнозирование в сфере материального производства и услуг / И. А. Горчакова, А. А. Печкина // Устойчивое развитие национальных экономик, регионов, территориально-производственных комплексов, предприятий в условиях глобализации, Донецк, 23 ноября 2022 года / под общей ред. Е.С. Шилец. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. – С. 297-303. – EDN OFCFTC.
5. Горчакова, И. А. Эконометрические методы в бизнес-аналитике / И. А. Горчакова // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IX Международной научной конференции, Донецк, 15–17 октября 2024 года. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2024. – С. 110-112. – EDN DKOFRH.

6. Горчакова, И. А. Графические средства интерактивного моделирования в экономических исследованиях / И. А. Горчакова, Д. Ю. Закорецкая // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы IX Международной научной конференции, Донецк, 15–17 октября 2024 года. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2024. – С. 113-114. – EDN KXUUKN.

7. Гладкова, Л. А. Дифференциальное исчисление в экономике: теоретические основы и практическое применение / Л. А. Гладкова, Д. Ю. Потапенко // Сборник научно-методических работ : Материалы Первой Всероссийской научно-методической конференции, Донецк, 28–29 мая 2025 года. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2025. – С. 13-19. – EDN VUHRUE.

8. Гладкова, Л. А. Применение метода компромиссных решений для многокритериальных задач оптимизации в экономике / Л. А. Гладкова, О. А. Сухина // Сборник научно-методических работ: Материалы Первой Всероссийской научно-методической конференции, Донецк, 28–29 мая 2025 года. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2025. – С. 19-26. – EDN GENLCJ.

9. Гладкова, Л. А. Факторный анализ фондоотдачи и ее влияния на объем производства продукции / Л. А. Гладкова, В. А. Стеценко // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы IX Международной научной конференции, Донецк, 15–17 октября 2024 года. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2024. – С. 104-106. – EDN ZCNFRA.

10. Гладкова, Л. А. Системный подход в задачах социально-экономического характера / Л. А. Гладкова, О. А. Сухина // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VIII Международной научной конференции, Донецк, 25–27 октября 2023 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. – С. 74-76. – EDN OHVGRA.

11. Гладкова, Л. А. Совершенствование методик динамического прогнозирования в сфере управления экономикой региона / Л. А. Гладкова, А. В. Сухинин // Устойчивое развитие национальных экономик, регионов, территориально-производственных комплексов, предприятий в условиях глобализации, Донецк, 23 ноября 2022 года / под общей ред. Е.С. Шилец. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. – С. 228-233. – EDN SVUWYR.

12. Гладкова, Л. А. Моделирование экономической динамики при управлении хозяйственным комплексом региона (на примере Белгородской области) / Л. А. Гладкова // Экономика знаний: теория, практика, перспективы развития : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию юбилею института, Донецк, 25 октября 2019 года / Научный редактор Н.В. Шемякина. – Донецк: Институт экономических исследований, 2020. – С. 882-892. – EDN UXGWMP.

Поступила в редакцию 13.04.2026 г.

OPTIMIZATION ADAPTIVE MODELS: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

I.A. Gorchakova, L.A. Gladkova, O.A. Sukhinina

The article presents the theoretical and methodological foundations of an integrative approach combining forecasting apparatus and parametric programming methods within adaptive response models for changing market conditions. Since overcoming outdated management frameworks in material-intensive economic sectors lies directly within the domain of resource conservation and directly affects investment activity, the implementation of our approach is illustrated with reference to production planning and investment portfolio management – tasks that are particularly relevant in this context. The application of the proposed approach in economic-mathematical modeling of business operations enables economic agents to make well-informed managerial decisions in accordance with changing factors of significant influence, thereby becoming better adapted to operating under conditions of chaos and environmental uncertainty.

Keywords: adaptive management, forecasting apparatus, parametric programming methods, response principles, objective function and constraints, optimization model.

LIST OF REFERENCES

1. Polshkov Yu. N., Polovyan A. V., Terentyeva M. Yu. [et al.] Theoretical and Methodological Foundations and Applied Aspects of Mathematical Modeling of Economic Activity and Management Processes in Regional and Sectoral Development. Kursk : ZAO "Universitetskaya kniga", 2025. 392 p. ISBN 978-5-00261-168-3. EDN EWHALK.
2. Gorchakova I. A., Podoprigora A. V. Mathematical Modeling Tools in the Management of Agro-Industrial Enterprises. Donetsk Readings 2023: Education, Science, Innovation, Culture and Contemporary Challenges : Proceedings of the 8th International Scientific Conference, Donetsk, October 25–27, 2023. Donetsk : Donetsk State University, 2023. Pp. 127–129. EDN OQRSUC.
3. Gorchakova I. A., Grigorevich M. Yu. Investment Potential of the Donetsk People's Republic as a Subject of the Russian Federation. Donetsk Readings 2025: Education, Science, Innovation, Culture and Contemporary Challenges : Proceedings of the 10th International Scientific Conference Dedicated to the 60th Anniversary of the Donetsk Scientific Centre, Donetsk, November 5–7, 2025. Donetsk : Donetsk State University, 2025. Pp. 129–131. EDN SCHXQO.
4. Gorchakova I. A., Pechkina A. A. Economic Forecasting in the Field of Material Production and Services. Sustainable Development of National Economies, Regions, Territorial-Industrial Complexes and Enterprises in the Context of Globalization, Donetsk, November 23, 2022 / ed. by E. S. Shilets. Donetsk : Donetsk National University, 2022. Pp. 297–303. EDN OFCFTC
5. Gorchakova I. A. Econometric Methods in Business Analytics. Donetsk Readings 2024: Education, Science, Innovation, Culture and Contemporary Challenges : Proceedings of the 9th International Scientific Conference, Donetsk, October 15–17, 2024. Donetsk : Donetsk National University, 2024. Pp. 110–112. EDN DKOFRH.
6. Gorchakova I. A., Zakoretskaya D. Yu. Graphical Tools for Interactive Modeling in Economic Research. Donetsk Readings 2024: Education, Science, Innovation, Culture and Contemporary Challenges : Proceedings of the 9th International Scientific Conference, Donetsk, October 15–17, 2024. Donetsk : Donetsk National University, 2024. Pp. 113–114. EDN KXUUKN.
7. Gladkova L. A., Potapenko D. Yu. Differential Calculus in Economics: Theoretical Foundations and Practical Applications. Collection of Scientific and Methodological Works : Proceedings of the First All-Russian Scientific and Methodological Conference, Donetsk, May 28–29, 2025. Donetsk : Donetsk National Technical University, 2025. Pp. 13–19. EDN VUHRUE.
8. Gladkova L. A., Sukhinina O. A. Application of the Compromise Solution Method for Multi-Criteria Optimization Problems in Economics. Collection of Scientific and Methodological Works : Proceedings of the First All-Russian Scientific and Methodological Conference, Donetsk, May 28–29, 2025. Donetsk : Donetsk National Technical University, 2025. Pp. 19–26. EDN GENLCJ.
9. Gladkova L. A., Stetsenko V. A. Factor Analysis of Capital Productivity and Its Impact on Output Volume. Donetsk Readings 2024: Education, Science, Innovation, Culture and Contemporary Challenges : Proceedings of the 9th International Scientific Conference, Donetsk, October 15–17, 2024. Donetsk : Donetsk National University, 2024. Pp. 104–106. EDN ZCNFRA.
10. Gladkova L. A., Sukhinina O. A. A Systems Approach to Socio-Economic Problems. Donetsk Readings 2023: Education, Science, Innovation, Culture and Contemporary Challenges : Proceedings of the 8th International Scientific Conference, Donetsk, October 25–27, 2023. Donetsk : Donetsk State University, 2023. Pp. 74–76. EDN OHVGRA.
11. Gladkova L. A., Sukhinin A. V. Improving Dynamic Forecasting Methods in Regional Economic Management. Sustainable Development of National Economies, Regions, Territorial-Industrial Complexes and Enterprises in the Context of Globalization, Donetsk, November 23, 2022 / ed. by E. S. Shilets. Donetsk : Donetsk National University, 2022. Pp. 228–233. EDN SVUWYR.
12. Gladkova L. A. Modeling Economic Dynamics in the Management of a Regional Economic Complex (Case Study: Belgorod Oblast). Knowledge Economy: Theory, Practice and Development Prospects : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 50th Anniversary of the Institute, Donetsk, October 25, 2019 / ed. by N. V. Shemyakina. Donetsk : Institute of Economic Research, 2020. Pp. 882–892. EDN UXGWMP.

Горчакова Ирина Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры математики и математических методов в экономике

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», г. Донецк

i.gorchakova@donnu.ru

+7-949-408-17-95

ORCID: 0009-0006-2403-3343

Гладкова Людмила Анатольевна

кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры математики и математических методов в экономике

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», г. Донецк

gladnv00@mail.ru

+7-949-337-17-95

ORCID: 0009-0009-8796-9773

Сухинина Ольга Анатольевна

старший преподаватель кафедры

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный технический университет», г. Алчевск

soa-72@yandex.ru

+7-959-252-65-63

ORCID: 0009-0004-8613-8445

Gorchakova Irina

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Donetsk State University, Russian Federation, city Donetsk

Gladkova Lyudmila

Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor

Donetsk State University, Russian Federation, city Donetsk

Sukhinina Olga

Senior lecturer

Donbass State Technical University, city Alchevsk

УДК 330.16:316.7-053.81
DOI 10.5281/zenodo.20432904

ФИНАНСОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2026. Я.С. Давлианидзе, А.А. Дрындак

Статья посвящена теоретическому осмыслению финансовой безопасности личности как ключевого структурно-функционального элемента экономической культуры в условиях цифровизации и трансформации финансово-поведенческой среды. Обосновано, что финансовая безопасность не сводится к уровню дохода или объёму формальных знаний, а представляет собой устойчивое состояние, воспроизводимое внутренней культурой обращения с финансами. На основе данных Банка России, НАФИ и Росстата за 2020–2025 годы выявлен системный разрыв между декларируемой значимостью и реальной распространённостью базовых финансовых практик среди населения РФ, наиболее выраженный в зоне долгосрочных решений. Установлено, что рост закредитованности, масштаб финансового мошенничества и поколенческий разрыв в финансовом поведении выступают проявлениями различных дефицитов экономической культуры и требуют дифференцированных подходов к её формированию. Разработана авторская структурно-функциональная модель, раскрывающая взаимосвязь компонентов экономической культуры, её защитной, адаптивной и стратегической функций и проявлений финансовой безопасности личности. Сделан вывод о том, что устойчивая финансовая безопасность возможна лишь при системном формировании ценностно-нормативного ядра экономической культуры.

Ключевые слова: финансовая безопасность личности, экономическая культура, финансовая грамотность, финансовое поведение.

Постановка проблемы. В условиях усложнения финансово-экономической среды, цифровизации денежных отношений и нарастающей макроэкономической турбулентности проблема финансовой безопасности личности приобретает принципиально новое измерение. Если ещё два десятилетия назад вопросы личной финансовой защищённости рассматривались преимущественно в плоскости индивидуального достатка и доступа к социальным гарантиям, то сегодня они выходят за рамки сугубо материального аспекта и интегрируются в более широкую систему – систему экономической культуры личности. Финансовая безопасность перестаёт быть только результатом распределительных процессов и становится производной от установок, ценностей, знаний и моделей поведения, формируемых культурной средой.

Сложность проблемы заключается в том, что в современном обществе человек сталкивается с противоречивыми вызовами: с одной стороны, расширением спектра финансовых инструментов и возможностей (инвестиции, кредитование, цифровые валюты, страховые продукты), с другой – ростом рисков, связанных с финансовым мошенничеством, инфляционным давлением, нестабильностью занятости и информационной перегрузкой. Без сформированной экономической культуры индивид оказывается уязвимым перед этими вызовами, что закономерно ставит вопрос о месте и роли финансовой безопасности в её структуре.

Актуальность темы исследования определяется совокупностью социально-экономических, культурных и образовательных факторов. Во-первых, в последние годы фиксируется устойчивый рост закредитованности населения, в том числе среди молодёжи, что свидетельствует о дефиците навыков ответственного финансового поведения. Во-вторых, по данным Банка России и Министерства финансов РФ, объёмы потерь граждан от деятельности финансовых мошенников ежегодно увеличиваются, а

традиционные просветительские меры не дают пропорционального эффекта. В-третьих, переход к цифровым формам расчётов, развитие маркетплейсов и приложений микрокредитования формируют новую поведенческую среду, в которой решения о тратах и сбережениях принимаются мгновенно и часто иррационально.

Особую значимость теме придаёт включение финансовой грамотности и экономической культуры в стратегические документы, в частности в «Стратегию повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года» [1]. Государство фактически признаёт, что финансовая безопасность не может быть обеспечена только институциональными мерами и нуждается в опоре на сформированную культуру личности. Таким образом, актуальность работы обусловлена необходимостью теоретического осмысления взаимосвязи финансовой безопасности и экономической культуры в новых социально-экономических условиях.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретические основы изучения экономической культуры заложены в трудах отечественных авторов И. М. Реутовой, О. С. Елкиной, С. Е. Елкина [2], И. Н. Гюнтера, А. А. Тонояна [3]. Современные аспекты финансового поведения и грамотности населения раскрыты в работах А. А. Толстокорова [4], А. А. Ильченко [5]. Поведенческие механизмы финансовых решений описаны А. В. Мироновой, О. В. Агаджанян, Г. М. Арановичем [6]. Вместе с тем целостный анализ финансовой безопасности именно как элемента экономической культуры в литературе представлен фрагментарно.

Выделение нерешённых проблем. Открытыми остаются вопросы концептуального встраивания финансовой безопасности в структуру экономической культуры, недостаточная разработанность поведенческих и ценностных индикаторов её оценки, а также слабая изученность трансформации финансово-безопасного поведения в условиях цифровизации.

Гипотеза исследования. Финансовая безопасность личности рассматривается как ключевой структурный элемент экономической культуры: её уровень определяется не столько объёмом ресурсов, сколько сформированностью ценностей, знаний и устойчивых моделей финансового поведения.

Цель исследования – теоретически обосновать роль финансовой безопасности личности как ключевого структурно-функционального элемента экономической культуры, определить характер их взаимосвязи и выявить специфику её проявления среди населения Российской Федерации в условиях цифровизации финансово-экономической среды.

Материалы и методы исследования. Исследование основано на междисциплинарном подходе, объединяющем экономическую социологию, поведенческую экономику и культурологию. Используются методы теоретического и сравнительного анализа, а также структурно-функциональный подход. Эмпирическую базу составили данные Банка России, НАФИ и Росстата за 2020–2025 годы по финансовому поведению, уровню сбережений и доверию населения к финансовым институтам.

Результаты исследования и их обсуждение. Экономическая культура определяется как исторически сложившаяся и социально воспроизводимая система ценностей, норм, знаний и поведенческих образцов, регулирующих участие индивида в хозяйственной жизни общества [6, с.42]. Она формируется под влиянием традиций, институциональной среды, образовательных практик и опыта взаимодействия с экономическими реалиями, передаваясь из поколения в поколение и одновременно адаптируясь к новым социально-экономическим условиям. По сути, экономическая

культура задаёт ту систему координат, в рамках которой человек оценивает блага, принимает решения о труде, потреблении, сбережении и инвестировании, а также выстраивает собственные отношения с финансовыми институтами и государством.

Финансовая безопасность личности, в свою очередь, представляет собой состояние защищённости финансовых интересов и ресурсов индивида, обеспечивающее устойчивость его материального положения, способность противостоять внутренним и внешним рискам и реализовывать долгосрочные жизненные стратегии. Она охватывает несколько взаимосвязанных аспектов: наличие стабильных источников дохода, сформированных финансовых резервов, осознанное управление обязательствами, защищённость от мошеннических практик, а также психологическую уверенность в собственной экономической состоятельности [7, с.59]. Финансовая безопасность не является статичной величиной – она воспроизводится в каждом финансовом решении индивида и потому напрямую зависит от его поведенческих установок.

Сопоставление двух категорий показывает, что финансовая безопасность не сводится ни к уровню дохода, ни к набору формальных знаний о финансовых продуктах. Высокий доход без сформированных культурных регуляторов не гарантирует защищённости: история знает множество случаев финансовой несостоятельности высокооплачиваемых специалистов, спортсменов и предпринимателей, не обладающих развитой культурой обращения с деньгами. Аналогично, обладание теоретическими знаниями без устойчивых поведенческих привычек редко обеспечивает реальную безопасность – индивид может знать о необходимости резервного фонда, но не формировать его на практике.

Финансовая безопасность представляет собой устойчивое состояние, поддерживаемое внутренней культурой обращения с финансами и проявляющееся в повседневных решениях индивида – от планирования бюджета и сравнения банковских продуктов до выбора инвестиционных инструментов и реакции на нестандартные ситуации (потерю работы, рост инфляции, попытки финансового мошенничества). В этом смысле экономическая культура выступает фундаментом, а финансовая безопасность – его наблюдаемым результатом и одновременно индикатором того, насколько глубоко культурные нормы и ценности интериоризированы личностью [8, с.41].

Применительно к населению Российской Федерации обозначенная взаимосвязь приобретает особую специфику, обусловленную как историческим контекстом формирования экономической культуры, так и текущими социально-экономическими процессами. На протяжении последних трёх десятилетий российское общество прошло через несколько масштабных трансформаций финансовой среды: переход от плановой экономики к рыночной, кризисы 1998, 2008 и 2014 годов, период низких процентных ставок и последующего инфляционного давления, цифровизацию банковских услуг и санкционные ограничения 2022–2025 годов. Каждый из этих этапов накладывал отпечаток на доверие населения к финансовым институтам, формируя у значительной части граждан амбивалентное отношение к долгосрочному планированию и сбережению. Опыт обесценения сбережений, банковских банкротств и резких колебаний национальной валюты закрепил в массовом сознании установку на краткосрочный финансовый горизонт и осторожность в отношении институциональных форм сбережения, что во многом объясняет устойчиво высокую долю наличных средств в структуре активов домохозяйств [9].

По данным мониторингов Банка России и НАФИ, средний уровень финансовой грамотности россиян в 2024–2025 годах остаётся на умеренном уровне: индекс

финансовой грамотности составляет порядка 12,8 балла из 21 возможного, что соответствует среднему показателю по странам ОЭСР, но сопровождается существенной поведенческой непоследовательностью [10]. Иными словами, знания граждан о финансовых инструментах постепенно растут, однако реальные поведенческие практики отстают от декларируемого уровня осведомлённости. Так, по данным опросов, около 60% россиян признают необходимость формирования финансового резерва, однако только 30–35% действительно располагают подушкой безопасности, покрывающей более трёх месяцев расходов [11]. Аналогичный разрыв наблюдается в отношении страхования, пенсионного планирования и инвестирования: декларируемая ценность долгосрочного планирования значительно превышает её реальное воплощение в повседневной практике, что свидетельствует о незавершённости процесса интериоризации финансово-культурных норм (табл. 1).

Таблица 1

Разрыв между декларируемой значимостью и реальной распространённостью базовых финансовых практик среди населения Российской Федерации, % (составлено по данным: [10-12])

Финансовая практика	Признают важность, %	Реально применяют, %	Разрыв, п.п.
Формирование финансового резерва (подушка безопасности на 3+ месяца)	60	32	28
Регулярное ведение личного/семейного бюджета	68	38	30
Страхование жизни и здоровья (добровольное)	54	18	36
Страхование имущества (кроме обязательного)	49	22	27
Пенсионное планирование и добровольные пенсионные накопления	57	14	43
Инвестирование (брокерский счёт, ИИС, ПИФы)	46	21	25
Долгосрочное финансовое планирование (на 5+ лет)	52	17	35
Сравнение условий перед оформлением кредита	71	41	30

Наиболее значительный разрыв фиксируется в сфере долгосрочных решений – пенсионного планирования (43 п.п.), страхования жизни и здоровья (36 п.п.) и долгосрочного финансового планирования (35 п.п.), что указывает на слабую интериоризацию именно перспективно ориентированных финансово-культурных норм. Минимальный разрыв характерен для практик с краткосрочным горизонтом и непосредственной экономической выгодой – инвестирования (25 п.п.) и страхования имущества (27 п.п.). Полученные данные подтверждают, что финансовая безопасность населения РФ ограничивается не столько отсутствием знаний, сколько разрывом между знанием и поведением, преодоление которого возможно только через целенаправленное формирование ценностно-нормативного ядра экономической культуры.

Одновременно фиксируется рост закредитованности населения: согласно статистике Банка России, к началу 2025 года совокупный долг физических лиц превысил 35 трлн рублей, причём около половины заёмщиков имеют более одного действующего кредитного обязательства. Особенно тревожной является тенденция роста потребительских и микрофинансовых займов, оформляемых импульсивно через мобильные приложения. Доля заёмщиков, у которых платежи по кредитам превышают 50% месячного дохода, увеличилась за последние пять лет более чем вдвое, что отражает усиление структурной уязвимости домохозяйств. Эта тенденция напрямую коррелирует с дефицитом ценностно-нормативных компонентов экономической культуры – ориентацией на сиюминутное потребление, недостаточной критичностью при оценке

кредитных предложений и слабой привычкой долгосрочного планирования. Маркетинговые модели рассрочки и BNPL-сервисов, активно развивающиеся на российском рынке, усиливают эту проблему, формируя у потребителя иллюзию беспроцентного и безрискового заимствования [13].

Существенным фактором, влияющим на финансовую безопасность населения РФ, является масштаб финансового мошенничества. По оценкам Банка России, ежегодные потери граждан от действий мошенников превышают 15–19 млрд рублей, причём наибольшую уязвимость демонстрируют как пожилые граждане, доверяющие традиционным каналам коммуникации, так и молодёжь, активно пользующаяся цифровыми сервисами. Среди наиболее распространённых сценариев – социальная инженерия с использованием телефонных звонков от имени «службы безопасности банка», фишинговые сайты, поддельные инвестиционные платформы и схемы, эксплуатирующие тему государственных выплат. То обстоятельство, что значительная часть жертв обладает базовыми знаниями о подобных схемах, но всё равно становится объектом манипуляций, подтверждает положение о том, что финансовая безопасность определяется не возрастом или доходом сам по себе, а уровнем сформированности экономической культуры – в первую очередь критического мышления, устойчивых поведенческих установок и эмоциональной саморегуляции при принятии финансовых решений.

Заметным является и поколенческий разрыв в экономической культуре российского населения. Старшее поколение, чья хозяйственная социализация проходила в условиях советской и постсоветской трансформации, демонстрирует более выраженную ориентацию на сбережение и осторожность, но одновременно меньшее доверие к новым финансовым инструментам и низкую цифровую финансовую грамотность. Для значительной части пожилых граждан характерна привычка хранения средств в наличной форме, недоверие к долгосрочным инвестиционным продуктам и зависимость от посредников при совершении базовых финансовых операций. Молодое поколение, наоборот, легко осваивает цифровые сервисы, инвестиционные приложения и криптоинструменты, однако нередко делает это в отрыве от устойчивых ценностно-нормативных оснований, что приводит к повышенным рискам спекулятивного поведения, долговой нагрузки и эмоционально мотивированных финансовых решений. Поколение Z, выросшее в условиях доступности микрозаймов и геймификации финансовых приложений, особенно подвержено формированию модели «лёгкого долга», при которой кредитные обязательства не воспринимаются как существенный риск (табл. 2).

Таким образом, в обеих возрастных группах финансовая безопасность ограничена различными дефицитами экономической культуры – но природа этих дефицитов принципиально различна, что требует дифференцированных подходов к её формированию.

Региональная неоднородность России дополнительно усложняет картину. Уровень финансовой безопасности населения существенно варьируется в зависимости от региона, что определяется не только различиями в доходах, но и культурными особенностями, степенью развития финансовой инфраструктуры и уровнем доверия к институтам. В крупных городах – Москве, Санкт-Петербурге, региональных центрах с развитой банковской инфраструктурой – фиксируется более высокий уровень вовлечённости в инвестиционные практики, использование индивидуальных инвестиционных счетов и страховых продуктов. В малых населённых пунктах и сельской местности преобладают консервативные модели сбережения – хранение

средств в наличной форме или на простых депозитах, что повышает уязвимость к инфляционным потерям и снижает потенциал долгосрочного финансового планирования. Дополнительно сказываются различия в этнокультурных традициях: в ряде регионов значимую роль продолжают играть неформальные практики финансовой поддержки внутри семейно-родственных сетей, частично замещающие институциональные механизмы финансовой безопасности. Перечисленные особенности свидетельствуют о том, что экономическая культура в России воспроизводится не в едином, а в множественных социокультурных пространствах, и формирование единой стратегии повышения финансовой безопасности требует учёта этой неоднородности.

Таблица 2

Поколенческий разрыв в экономической культуре населения РФ (составлено автором по [13])

Параметр	Старшее поколение (бумеры, 1946–1964)	Поколение X (1965–1980)	Миллениалы / Y (1981–1996)	Поколение Z (1997–2012)
Контекст социализации	Плановая экономика СССР, дефицит	Распад СССР, гиперинфляция 1990-х	Стабилизация 2000-х, рост кредитования	Цифровая экономика, финтех
Доминирующая установка	Сбережение, осторожность	Прагматизм, скептицизм	Баланс потребления и сбережения	Активность, готовность к риску
Цифровая финансовая грамотность	Низкая	Средняя	Высокая	Очень высокая, но поверхностная
Доминирующие инструменты	Наличные, депозиты	Депозиты, валюта, недвижимость	ИИС, ПИФы, ипотека, страхование	Брокерские приложения, крипта, BNPL
Отношение к кредитованию	Настороженное	Осознанное (ипотека, авто)	Активное, с расчётом нагрузки	Модель «лёгкого долга»
Горизонт планирования	Краткосрочный	Среднесрочный (1–5 лет)	Средне- и долгосрочный (5–10 лет)	Очень короткий
Ключевые риски	Мошенничество, упущенная доходность	Концентрация активов, валютные риски	Ипотечная и пенсионная нагрузка	Спекуляции, импульсивная закредитованность
Дефицит экономической культуры	Цифровые компетенции, доверие к новым институтам	Инвестиционная активность	Дисциплина долгосрочного накопления	Ценностно-нормативное ядро, критическое мышление

Отдельного внимания заслуживает гендерный аспект финансовой безопасности населения РФ. Исследования НАФИ и независимых социологических центров фиксируют устойчивые различия в финансовом поведении мужчин и женщин: женщины демонстрируют более осторожные стратегии управления личными финансами, более ответственное отношение к семейному бюджету, но при этом ниже вовлечены в инвестиционную деятельность и реже принимают долгосрочные финансовые решения, связанные с пенсионным планированием. Мужчины чаще склонны к рискованным инвестиционным практикам и спекулятивным операциям, что в условиях высокой волатильности рынков повышает риски потерь. Эти различия также являются проявлением экономической культуры – в её социализационном и ролевом измерениях

– и должны учитываться при разработке программ повышения финансовой безопасности [14].

В совокупности приведённые данные подтверждают, что финансовая безопасность населения Российской Федерации напрямую зависит от состояния экономической культуры общества и не может быть обеспечена исключительно регуляторными или просветительскими мерами. Институциональные усилия государства – включая принятие «Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года», развитие института финансового омбудсмана, ужесточение требований к раскрытию информации о финансовых продуктах и расширение мер защиты от мошенничества – дают устойчивый эффект только тогда, когда они опираются на параллельное формирование ценностных оснований экономического поведения. Привычка к планированию, ответственность за финансовые решения, доверие к легитимным институтам, критическое отношение к рискам цифровой среды и способность отделять долгосрочные интересы от сиюминутных импульсов – все эти элементы формируются длительно и системно, через семью, образование, профессиональную среду и медиа. Только в этом случае финансовая безопасность перестаёт быть результатом случайного стечения обстоятельств и становится устойчивой характеристикой экономической культуры современной российской личности, обеспечивающей её защищённость в условиях быстро меняющейся социально-экономической реальности.

Обобщая результаты проведённого анализа, представляется целесообразным графически представить взаимосвязь экономической культуры и финансовой безопасности личности в виде структурно-функциональной модели, отражающей иерархическую соподчинённость её элементов и характер взаимодействия между ними (рис. 1).

Представленная модель отражает три уровня анализируемой взаимосвязи. Базовый уровень образует экономическая культура с её четырьмя структурными компонентами – ценностями, нормами, знаниями и поведенческими образцами, формирующими устойчивое ядро хозяйственного поведения личности. Средний уровень составляют функции, через которые культура реализуется в финансовой сфере: защитная – обеспечивающая критическое отношение к рискам и противодействие мошенническим практикам; адаптивная – позволяющая индивиду подстраиваться под изменяющиеся экономические условия и осваивать новые финансовые инструменты; стратегическая – направленная на долгосрочное планирование, накопление и инвестирование. Верхний уровень представлен финансовой безопасностью личности как наблюдаемым результатом и одновременно интегральным индикатором зрелости экономической культуры, проявляющимся в устойчивости доходов, наличии резервов, защищённости от рисков и реализации долгосрочных жизненных стратегий. Направленность связей снизу вверх подчёркивает принципиальный вывод исследования: финансовая безопасность не возникает спонтанно и не сводится к материальному обеспечению, а воспроизводится из культурного фундамента, что и определяет её место как ключевого элемента экономической культуры современной личности.

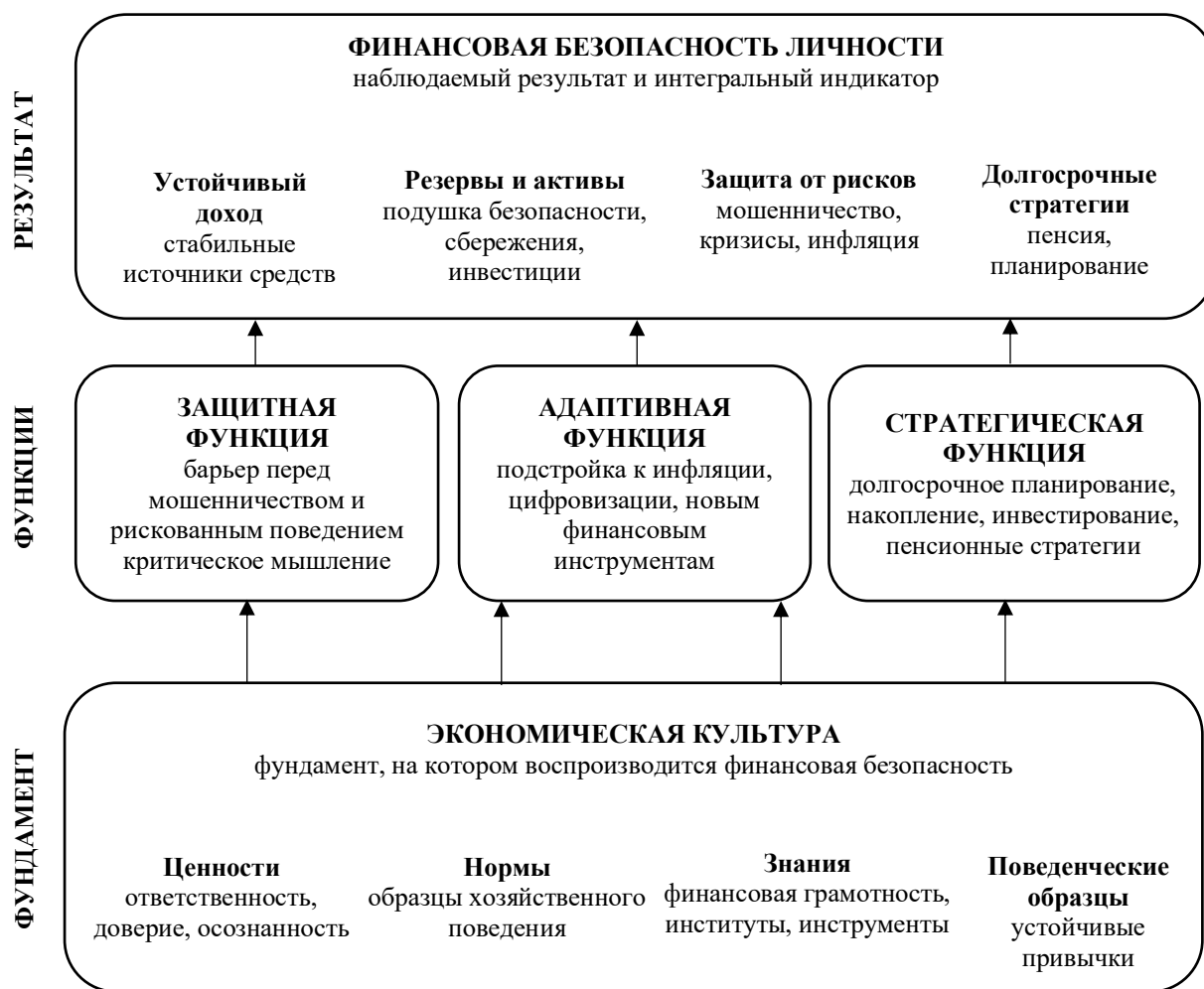

Рис. 1. Структурно-функциональная модель взаимосвязи финансовой безопасности личности и экономической культуры (составлено авторами)

Выводы и дальнейшая дискуссия. Проведенное исследование позволило обосновать роль финансовой безопасности личности как ключевого структурно-функционального элемента экономической культуры и подтвердить гипотезу о том, что её уровень определяется не столько объёмом ресурсов, сколько сформированностью ценностей, знаний и устойчивых моделей финансового поведения.

Установлено, что финансовая безопасность населения РФ ограничивается прежде всего разрывом между декларируемыми ценностями и реальной практикой их воплощения, особенно в зоне долгосрочно ориентированных решений. Рост закредитованности, масштаб финансового мошенничества и поколенческие различия в финансовом поведении выступают проявлениями различных дефицитов экономической культуры и требуют дифференцированных подходов к её формированию. Предложенная структурно-функциональная модель раскрывает место финансовой безопасности в системе экономической культуры через защитную, адаптивную и стратегическую функции. Дальнейшая дискуссия может развиваться в направлении соотношения институциональных и культурных регуляторов финансовой безопасности и пересмотра традиционных моделей финансового просвещения в пользу программ, формирующих ценностно-нормативное ядро экономической культуры.

Научная новизна проведенного исследования состоит в комплексном обосновании финансовой безопасности личности как ключевого структурного элемента экономической культуры, а не самостоятельного или производного от уровня дохода феномена. Уточнено соотношение категорий «экономическая культура», «финансовая грамотность» и «финансовая безопасность личности», разработана авторская структурно-функциональная модель их взаимосвязи. Эмпирически выявлена закономерность системного разрыва между декларируемой важностью и реальной распространённостью базовых финансовых практик среди населения РФ, наиболее выраженного в зоне долгосрочных решений, а также аргументирована необходимость дифференцированных подходов к формированию финансовой безопасности с учётом поколенческой, региональной и гендерной неоднородности экономической культуры.

Перспективы дальнейших исследований. Перспективным является изучение цифровой трансформации экономической культуры и новых поведенческих рисков, связанных с BNPL-сервисами, криптоактивами и социальной инженерией, а также компаративный анализ моделей формирования финансовой безопасности в России и странах с устойчиво высокими показателями финансовой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры в Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 24 октября 2023 г. № 2958-р [Электронный ресурс] / Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. – URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/155985/strategy_2030.pdf (дата обращения: 15.04.2026).
2. Реутова, И.М. Финансовая компетентность как фактор экономической безопасности личности / И.М. Реутова, О.С. Елкина, С.Е. Елкин. – Текст: электронный // Теоретическая экономика. – 2025. – №12. – С.76-91
3. Гюнтер, И. Н. Финансовая грамотность населения как залог экономической безопасности банковского сектора России / И. Н. Гюнтер, А. А. Тоноян // Журнал прикладных исследований. – 2024. – № 6. – С. 81-85. – DOI 10.47576/2949-1878.2024.6.6.011. – EDN NZCEJC.
4. Толстокоров, А. А. Финансовая безопасность личности как инструмент экономической безопасности государства / А. А. Толстокоров // Академическая публицистика. – 2024. – № 7-1. – С. 215-218. – EDN ONLMPQ.
5. Ильченко, А. А. Моделирование доктрины финансовой грамотности как фактора экономической безопасности домашних хозяйств / А. А. Ильченко // Журнал прикладных исследований. – 2021. – № 4-3. – С. 40-48. – DOI 10.47576/2712-7516_2021_4_3_40. – EDN UYEEHQ.
6. Mironova, A. V. Financial literacy development of the population in Russia / A. V. Mironova, O. V. Agajanyan, G. M. Aranovich // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. – 2023. – No. 1. – P. 392-395. – EDN TTHAUM.
7. Экономическая безопасность: вызовы цифровой экономики / А. С. Аветисян, А. Ю. Алябьева, И. Д. Андрианова [и др.]. – Донецк : Донецкий государственный университет, 2025. – 364 с. – EDN NPRAYU.
8. Дрындак, А. А. Исследование финансовой грамотности населения в контексте социально-экономического развития РФ / А. А. Дрындак // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2025. – № 3. – С. 58-66. – DOI 10.5281/zenodo.17665108. – EDN AEIQZK.
9. Давлианидзе, Я. С. Поведенческая экономика: современная парадигма экономического развития / Я. С. Давлианидзе, Е. А. Кондрашова // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2025. – № 3. – С. 40-47. – DOI 10.5281/zenodo.17665076. – EDN POIXVH.
10. Финансовая грамотность и финансовое поведение населения России: аналитический отчет [Электронный ресурс] / Официальный сайт Аналитического центра НАФИ. – М. : Аналитический центр НАФИ, 2025. – 34 с. – URL: <https://nafi.ru/upload/iblock/40b/dk1vz2kkwrgwrx3cj3br16cwk798vatn.pdf> (дата обращения: 15.04.2026).
11. Инвестиционная грамотность граждан: исследование Банка России [Электронный ресурс] / Официальный сайт Аналитического центра НАФИ. – URL: <https://nafi.ru/analytics/investitsionnaya-gramotnost-grazhdan-issledovanie-banka-rossii/> (дата обращения: 15.04.2026).

12. В России выросла доля людей с продвинутым уровнем цифровой грамотности [Электронный ресурс] / Официальный сайт Аналитического центра НАФИ. – URL: <https://nafi.ru/analytics/v-rossii-vyroslo-dolya-lyudey-s-prodvinutym-urovнем-tsifrovoу-gramotnosti/> (дата обращения: 15.04.2026).

13. Обзор финансовой стабильности: информационно-аналитический материал за II–III кварталы 2025 года [Электронный ресурс] / Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. – М. : Банк России, 2025. – 85 с. – URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/59419/2q_3q_2025.pdf (дата обращения: 15.04.2026).

14. Социально-экономическое положение России в 2024 году: статистический сборник [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – М. : Росстат, 2025. – 356 с. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2024.pdf> (дата обращения: 15.04.2026).

Поступила в редакцию 17.04.2026 г.

PERSONAL FINANCIAL SECURITY AS A KEY ELEMENT OF ECONOMIC CULTURE

Y.S. Davlianidze, A.A. Dryndak

The article is devoted to the theoretical conceptualization of personal financial security as a key structural and functional element of economic culture under the conditions of digitalization and transformation of the financial and behavioral environment. It is substantiated that financial security cannot be reduced to the level of income or the scope of formal knowledge, but represents a sustainable state reproduced by the internal culture of handling finances. Based on data from the Bank of Russia, NAFI and Rosstat for 2020–2025, a systemic gap has been identified between the declared importance and the actual prevalence of basic financial practices among the population of the Russian Federation, which is most pronounced in the area of long-term decisions. It has been established that the growth of household indebtedness, the scale of financial fraud and the generational gap in financial behavior represent manifestations of various deficits of economic culture and require differentiated approaches to its formation. The author's structural and functional model has been developed, revealing the interrelation between the components of economic culture, its protective, adaptive and strategic functions, and the manifestations of personal financial security. It is concluded that sustainable financial security is achievable only through the systematic formation of the value-normative core of economic culture.

Keywords: personal financial security, economic culture, financial literacy, financial behavior.

LIST OF REFERENCES

1. Strategy for Improving Financial Literacy and the Formation of Financial Culture in the Russian Federation until 2030: Decree of the Government of the Russian Federation of October 24, 2023 No. 2958-r [Electronic resource] / Official website of the Central Bank of the Russian Federation. – URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/155985/strategy_2030.pdf (accessed: 15.04.2026).
2. Reutova, I. M. Financial Competence as a Factor of Economic Security of an Individual / I. M. Reutova, O. S. Elkina, S. E. Elkin // Theoretical Economics. – 2025. – No. 12. – Pp. 76-91. – [Electronic resource].
3. Gunter, I. N. Financial Literacy of the Population as a Guarantee of Economic Security of the Banking Sector of Russia / I. N. Gunter, A. A. Tonoyan // Journal of Applied Research. – 2024. – No. 6. – Pp. 81-85. – DOI 10.47576/2949-1878.2024.6.6.011. – EDN NZCEJC.
4. Tolstokorov, A. A. Financial Security of an Individual as an Instrument of Economic Security of the State / A. A. Tolstokorov // Academic Journalism. – 2024. – No. 7-1. – Pp. 215-218. – EDN ONLMPQ.
5. Ilchenko, A. A. Modeling the Doctrine of Financial Literacy as a Factor of Economic Security of Households / A. A. Ilchenko // Journal of Applied Research. – 2021. – No. 4-3. – Pp. 40-48. – DOI 10.47576/2712-7516_2021_4_3_40. – EDN UYEEEXQ.
6. Mironova, A. V. Financial Literacy Development of the Population in Russia / A. V. Mironova, O. V. Agajanyan, G. M. Aranovich // Bulletin of the Tula Branch of the Financial University. – 2023. – No. 1. – Pp. 392-395. – EDN TTHAUM.
7. Economic Security: Challenges of the Digital Economy / A. S. Avetisyan, A. Yu. Alyabyeva, I. D. Andrianova [et al.]. – Donetsk: Donetsk State University, 2025. – 364 p. – EDN NPRAYY.

8. Dryndak, A. A. Research of Financial Literacy of the Population in the Context of Socio-Economic Development of the Russian Federation / A. A. Dryndak // Bulletin of Donetsk National University. Series B. Economics and Law. – 2025. – No. 3. – Pp. 58-66. – DOI 10.5281/zenodo.17665108. – EDN AEIQZK.
9. Davlianidze, Ya. S. Behavioral Economics: A Modern Paradigm of Economic Development / Ya. S. Davlianidze, E. A. Kondrashova // Bulletin of Donetsk National University. Series B. Economics and Law. – 2025. – No. 3. – Pp. 40-47. – DOI 10.5281/zenodo.17665076. – EDN POIXVH.
10. Financial Literacy and Financial Behavior of the Population of Russia: Analytical Report [Electronic resource] / Official website of the NAFI Analytical Center. – Moscow: NAFI Analytical Center, 2025. – 34 p. – URL: <https://nafi.ru/upload/iblock/40b/dk1vz2kkwrgwrx3cj3br16cwk798vatn.pdf> (accessed: 15.05.2026).
11. Investment Literacy of Citizens: A Study by the Bank of Russia [Electronic resource] / Official website of the NAFI Analytical Center. – URL: <https://nafi.ru/analytics/investitsionnaya-gramotnost-grazhdan-issledovanie-banka-rossii/> (accessed: 15.04.2026).
12. The Share of People with Advanced Level of Digital Literacy Has Increased in Russia [Electronic resource] / Official website of the NAFI Analytical Center. – URL: <https://nafi.ru/analytics/v-rossii-vyroslo-dolya-lyudey-s-prodvinutym-urovнем-tsifrovoy-gramotnosti/> (accessed: 15.04.2026).
13. Financial Stability Review: Informational and Analytical Material for the II–III Quarters of 2025 [Electronic resource] / Official website of the Central Bank of the Russian Federation. – Moscow: Bank of Russia, 2025. – 85 p. – URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/59419/2q_3q_2025.pdf (accessed: 15.04.2026).
14. Socio-Economic Situation of Russia in 2024: Statistical Compendium [Electronic resource] / Official website of the Federal State Statistics Service. – Moscow: Rosstat, 2025. – 356 p. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2024.pdf> (accessed: 15.04.2026).

Давлианидзе Яна Сергеевна

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики предприятия Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», РФ, ДНР, г. Донецк
ya.davlianidze@donnu.ru
+7-949-427-47-84
ORCID: 0009-0003-8058-0825

Дрындак Анастасия Александровна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятия Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», РФ, ДНР, г. Донецк
a.dryndak@mail.ru
+7-949-349-89-06
ORCID: 0000-0003-1461-6140

Davlianidze Yana

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Donetsk State University, city Donetsk

Dryndak Anastasiia

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Enterprise Economics
Donetsk State University, city Donetsk

УДК 330.34:331.101

DOI 10.5281/zenodo.20432935

КРЕАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА: ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ И РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

© 2026. А.А. Дегтярева, Н.А. Балтачеева

В статье проведено комплексное исследование феномена креативной экономики как ключевого драйвера социально-экономического развития и роли человеческого потенциала в условиях глобализации и структурных изменений мирового сообщества. Рассмотрены теоретические основы креативной экономики, по результатам сравнительного анализа различных экономических школ и концепций предложена авторская трактовка понятия «креативная экономика», в которой основной акцент делается на ведущей роли человека, его знаниях, творчестве и инновационной активности как основы новой модели экономического роста. С помощью инструмента хронологической визуализации – таймлайн – разработана авторская периодизация концептуальных подходов к становлению и развитию креативной экономики. Проведен сравнительный анализ подходов к пониманию сущности креативного человека. Предложен авторский подход к определению роли человека в креативной экономике, где он выступает фактором, условием, механизмом и инструментом трансформации.

Ключевые слова: креативная экономика; человеческий потенциал; креативные индустрии; социально-экономическое развитие; знания; инновации; творчество; креативный человек.

Постановка проблемы. Современные изменения в мировой экономике обусловили появление ряда фундаментальных проблем, требующих научного осмысления и практического решения в сфере креативной экономики. В частности, к ним можно отнести проблему понимания сущности креативной экономики, ее значения для мирового сообщества и определения роли и места человеческого потенциала в ее структуре. Также важно выделить проблематичность интеграции креативных подходов в существующие экономические системы, которая обусловлена рядом правовых, кадровых, инфраструктурных, управленческих и других противоречий.

В связи с этим возникает необходимость уточнения значимости креативной экономики и роли человека в ней, а также определения их влияния на существующие экономические системы, с целью дальнейшей их адаптации к новым реалиям, основанной на человеческом потенциале, а также поиска оптимальных механизмов их взаимодействия.

Актуальность темы исследования. В условиях структурных изменений мировой экономики, цифровизации и повышения значимости человеческого потенциала, креативные индустрии становятся драйвером устойчивого социально-экономического развития, создавая новые факторы-показатели качества жизни и благосостояния населения. Можно говорить о том, что конкурентоспособность государства определяется сегодня не столько традиционными факторами, сколько уникальным набором преимуществ, которыми оно обладает и может предоставить населению в качестве источника повышения жизненного уровня.

На сегодняшний день в России, как и во многих странах, наблюдается ускоренный рост креативной экономики, что связано с поиском новых точек роста, импортозамещением, развитием туризма и IT-сферы и, как результат, повышением качества жизни населения. Актуальность исследования обусловлена необходимостью определения значимости креативной экономики и человеческого потенциала в

социально-экономическом развитии государства как критически важных инструментов для развития, обновления социальной инфраструктуры и эффективного привлечения стратегических инвестиций.

Анализ последних исследований и публикаций. Изучению взаимосвязи человека и креативной экономики как драйвера социально-экономического развития посвящены труды многих зарубежных и российских ученых. Среди них можно выделить Р. Флориду – автора концепции «креативного класса»; Дж. Хокинса – автора работы «The Creative Economy: How People Make Money from Ideas», в которой отражено развитие креативного сектора в новой экономике, основанной на интеллектуальных ресурсах; ученых Дж. Поттса и С. Каннингема, которые выделили четыре модели креативных индустрий, а также Д. Тросби, Дж. О'Коннора, Ч. Лэндри, П. Линднера, А. Скотта, П. Холла и др. Среди российских ученых можно отметить А. А. Аузана, А. В. Бузгалина, Ю. О. Глушкову, Н. А. Горелова, В. В. Громыко, К. Н. Лебедева, О. Н. Мельникова, М. Ю. Павлова и др.

Выделение нерешённых проблем. Однако, несмотря на значительное количество трудов по указанной проблематике, вопрос о роли человеческого потенциала в креативной экономике не нашел достаточного отображения и требует дальнейшего изучения, что обуславливает актуальность темы исследования.

Гипотеза исследования заключается в том, что эффективное развитие и использование человеческого потенциала в условиях креативной экономики может выступать ключевым фактором устойчивого социально-экономического роста государства, а его вклад в экономику определяется не только объемом традиционных ресурсов, а, прежде всего, качеством данного потенциала и возможностями создания высоко инновационных, прогрессивных и креативных идей, подходов, товаров и услуг.

В данном случае креативная экономика выступает не просто условием развития, а формирует требования к человеку и его компетенциям. Таким образом, можно предположить, что благодаря более точному пониманию сущности креативной экономики и ее влияния на индивида и общество в целом, возможно появление как новых знаний и открытий, так и новых способностей человека, направленных на формирование личных и общенациональных конкурентных преимуществ.

Цель исследования – углубление теоретико-методологических основ воспроизводства человеческого потенциала как ключевого фактора развития креативной экономики.

Материалы и методы исследования. Теоретической и методологической основой исследования являются фундаментальные положения современной экономической теории, научные труды отечественных и зарубежных ученых по изучаемой проблеме. При написании статьи использован диалектический метод научного познания, комплексный, системный, исторический и логический подходы, методы сравнения и обобщения, а также хронологической визуализации.

Результаты исследования. Мировая экономика все чаще подвержена не только глубоким политическим и, как следствие, экономическим кризисам, но и структурным изменениям. Сегодня активно развиваются новые отрасли и сферы деятельности, которые становятся основными факторами конкурентоспособности государства, в то время как другие теряют свою значимость из-за неэффективности, а иногда и убыточности. К таковым можно отнести тяжелую, автомобильную, угольную промышленность, строительство, металлургию и транспорт.

В условиях глобализации и цифровизации общества наиболее значимыми для экономики становятся креативные индустрии, которые участвуют в создании новых

рабочих мест и занимают весомую долю в мировом товарообороте. Согласно данным Минэкономразвития Российской Федерации, в октябре 2025 г. в креативных индустриях работало около 5,4 млн человек, что составляет 7,2% от всех занятых в стране, а вклад креативной экономики в валовой внутренний продукт (далее – ВВП) государства в 2025 г. составил 4,2% или 8,26 трлн рублей. Стоит отметить, что данный показатель увеличился на 0,3 п.п. по сравнению с 2024 г., а прогнозируемый вклад в ВВП к 2030 г. должен составить 6% [3]. Согласно данным аналитического агентства Creative Economy Insights, вклад креативной экономики в мировой ВВП за аналогичный период составил 7,9%, что является рекордным показателем, а численность занятых достигла более 210 млн человек [7].

Таким образом, можно говорить о том, что наступил новый технологический уклад, основанный на результатах креативной экономики, опорной точкой которой необходимо считать человеческий потенциал, выраженный способностью к созданию интеллектуальной собственности и инновационного продукта.

Человеческий потенциал – это совокупность способностей человека (врожденных и сформированных в процессе социализации), которые могут быть реализованы как в трудовой деятельности, так и в других сферах общественной жизни в целях решения социально-экономических проблем для совершенствования личностных компетенций, приобретения навыков жизнедеятельности в социуме и формирования индивидуальной высокопрогрессивной личности как обязательного условия создания высокоинтеллектуального инструмента развития различных сфер и отраслей функционирования экономики [11, с. 26].

Потенциал человека, реализованный на практике, является движущей силой развития экономики благодаря способности создавать продукты и решения, которые в значительной степени устойчивы к экономическим спадам и кризисам с одной стороны, а также способны приносить прибыль за счет уникальности продукта, с другой.

Говоря о креативной экономике, человеческий потенциал привлекателен с точки зрения инвестиций как в частном секторе, так и на государственном уровне из-за того, что сам потенциал – это нескончаемый ресурс в отличие от труда и капитала. В связи с этим его могут использовать не только высокоразвитые, богатые страны, но и те, у кого есть ограничения и своя территориальная специфика. При создании условий для развития и при эффективном использовании человеческого потенциала появляются новые возможности для развивающихся стран, в том числе направленные на увеличение доли в мировой торговле и на формирование нового способа создания богатства.

Главным условием развития потенциала человека являются знания, их масштабирование и эффективное использование. Данные процессы помимо прочего, влияют на развитие не только наукоемких отраслей, но и на экономику в целом, которая характеризуется аккумулярованием составляющих компонент человеческого потенциала с целью генерирования опыта и распространения знаний, тем самым обновляя и дополняя их.

Креативная экономика – экономика будущего, основанная на человеке и его способностях, идеях, индивидуальности – иными словами гениальности потенциала. Такая экономика способна решать целый спектр экономических, политических, социальных, культурных и технологических проблем за счет гармонизации разных сфер и индустрий, что позволяет преодолеть границы существующих экономических систем и создавать новый вектор развития общества.

Концепция креативной экономики изначально появилась на стыке экономики, культурологии, социологии и др. Слияние этих дисциплин связано с запросом общества

на развитие культуры и потребности исследования ее влияния на благосостояние человека и его качество жизни.

Термин «креативная экономика» в научный оборот впервые ввел и подробно рассмотрел Джон Хокинс. В его научном труде [17] креативная экономика представлена как экономика нового типа, инновационная экономика, основанная на идеях и творчестве. Ее главная цель – технологические изменения во всех процессах и сферах. Предполагалась, что такая экономика должна за счет новых методов и подходов изменить структуру мирового хозяйствования. Ученый говорит о том, что экономика может измеряться не только макроэкономическими показателями, но и людьми. Иными словами, новая экономика характеризуется способностями и умениями человека, которые требуют развития и преумножения.

Несмотря на то, что в экономический оборот термин вошел относительно недавно, изучением его сущности занимались на протяжении многих лет известные ученые. Так, П. Друкер выдвинул теорию о том, что основным фактором производства были знания. Их использовали в промышленных целях для создания орудий труда в период промышленной революции, а в последующем именно знания привели к революции в производительности труда, развивая новые формы и виды трудовой деятельности, тем самым меняя роль человека [5, с. 70-71].

В 1959 г. основоположник постиндустриальной теории Д. Белл выделил науку как одну из составляющих экономики, говоря о ней как об «основной производственной силе, а потенциал общества будет измеряться масштабами той информации и тех знаний, которыми оно располагает» [1, с. XX].

Ф. Махлуп в начале 1960-х гг. выделил «экономику знаний» в отдельный сектор экономики [1, с. 236], а Т. Сакайя в своем труде «Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего» установил прямую связь между знанием и капиталом, отмечая, что материальные товары и услуги являются носителями стоимости, созданной знанием [10, с. 350].

В дальнейшем учеными Л. Эдвинссоном и М. Мэлоуном была разработана теоретическая концепция интеллектуального капитала, в которой выделены человеческий капитал и структурный капитал [13, с. 434].

А. Скотт рассматривает креативную экономику как «эпоху когнитивно-культурного капитализма» [18, с. 1471], характеризующуюся преобладанием наукоемких отраслей, секторов услуг и отраслей, производящих творческую продукцию. Креативные отрасли включают в стратегии разработки политики и программы экономического развития в различных масштабах – местном, региональном, национальном и наднациональном.

Р. Флорида в 2002 г. представил концепцию «креативного класса» в своем исследовании «The Rise of the Creative Class» [15]. По мнению ученого, основной характерной чертой креативного класса является возможность производить экономические ценности в процессе творчества. Он выделил в креативном классе ядро (люди, влияющие на мнение в обществе) и периферию (тех, кто находится под влиянием ядра). Именно благодаря ядру происходит создание новых идей, которые и являются «фундаментальным источником экономического роста» и «решающим источником конкурентного преимущества». Также ученый подчеркивал особую значимость креативного класса: «он обладает достаточной властью, талантами и человеческими ресурсами, чтобы играть ведущую роль в обновлении мира» [12, с. 14]. К таковому Р. Флорида отнес ученых, инженеров, архитекторов, педагогов, писателей, художников и других людей-предпринимателей [12, с. 85].

В США определяют креативную экономику как секторы экономики, создающие продукты и услуги на основе талантов и навыков, способствующие росту благосостояния и занятости; в Германии к ним относят предприятия и компании, производящие товары и услуги, зависящие от творчества, эстетики и интеллектуальной собственности [6, с. 9]. В Южной Корее под креативной экономикой понимается экономика, ориентированная на творчество, новые идеи и новаторство, а в Индии – это интеграция национального культурного наследия и современного творчества в целях экономического роста и повышения международного влияния [6, с. 9].

Многие высокоразвитые страны ориентируют свою экономику на формирование креативных индустрий. Так, мировая капитализация креативных индустрий к началу 2026 г. оценивается в 3157,59 млрд долл. США, а ожидаемый рост к 2035 г. прогнозно достигнет 4608,29 млрд долл. США с совокупным среднегодовым темпом роста 4,29% [14].

Термин «креативные индустрии» впервые был озвучен в выступлении британского министра культуры, внедрившего творческую индустрию в государственную политику и определившего экономическую важность творчества в развитии государства. Он говорил о том, что креативная экономика – это один из первых видов экономики, где воображение и изобретательность решают, что люди хотят сделать и что они хотят купить [19].

Несмотря на очевидные преимущества креативной экономики, российский ученый В. Громыко выдвинула теорию о том, что именно она является источником дискриминации в обществе, где сферы креативных индустрий и люди, занятые в них, превосносятся по сравнению с другими [4, с. 33].

На основе проведенного анализа разных подходов к определению сущности креативной экономики, отметим, что она сформировалась в контексте перехода от индустриальной к постиндустриальной стадии развития, под влиянием технологических изменений, глобализации и изменения структуры занятости; разные экономические школы предлагали различные интерпретации данного феномена.

Так, неоклассическая школа рассматривала творчество и креативность человека как второстепенные его преимущества. Экономика была представлена через призму предельных величин и важности оптимизации ресурсов, а поведение человека – как рациональное с максимизирующей полезностью для общества. Креативная экономика не рассматривалась как часть экономики в связи с отсутствием материальных благ.

В марксистской теории рассматривались особенности эксплуатации труда и производственных отношений. Креативная экономика выступала формой собственности, в которой капитал присваивал продуктам творческой деятельности не только прибавочную стоимость, но и «интеллектуальную ренту», а деятельность человека выступала формой наемного труда.

Представители институционализма рассматривали креативную экономику как свод формальных и неформальных правил, которые поддерживают генерацию новых идей, развитие человеческого капитала и распространение креативных продуктов. Данный подход получил развитие в новой институциональной экономической теории, представители которой говорили о креативной экономике как о результате взаимодействия мезоинститутов, стимулирующих инновации, которые приводят к концентрации рыночной власти.

В таблице 1 представлен сравнительный анализ экономических школ в контексте трактовки сущности креативной экономики.

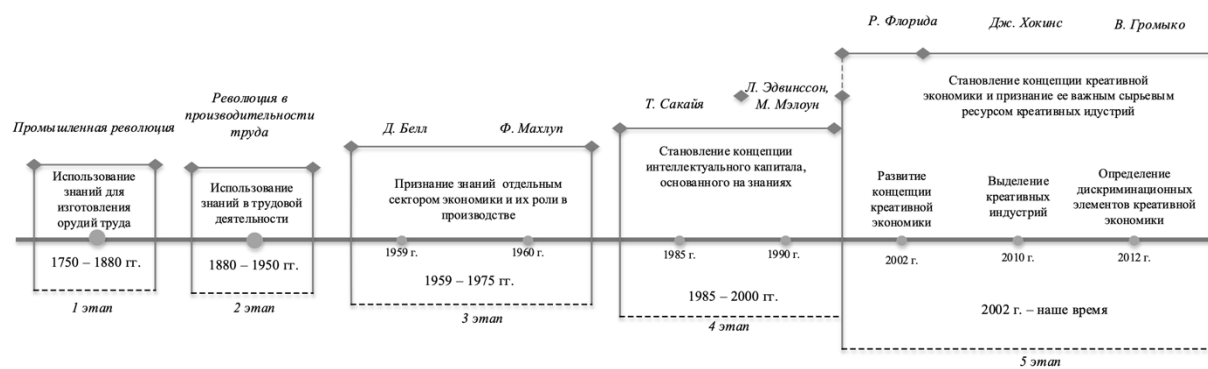
Таблица 1

Сравнительный анализ подходов экономических школ к сущности креативной экономики
(составлено авторами)

Экономическая школа/концепция	Ключевой акцент	Взгляд на креативную экономику
Неоклассическая	Рациональное поведение, максимизация полезности, рыночное равновесие	Игнорирование креативности как отдельного фактора, фокус на материальных аспектах
Марксистская	Производственные отношения, эксплуатация труда	Креативная экономика как форма присвоения интеллектуальной ренты
Институциональная	Роль институтов в экономическом поведении	Креативная экономика как результат институциональных изменений и создания среды для инноваций
Концепция креативного класса (Флорида)	Роль социальной группы в экономическом развитии	Креативный класс как движущая сила инноваций и экономического роста

Таким образом, можно отметить, что эволюция понятия «креативная экономика» отражает сдвиг от традиционных моделей, ориентированных на материальное производство и рациональный выбор, к пониманию важности нематериальных активов, институтов и социальных групп в современном экономическом развитии.

На основе проведенного анализа временных периодов развития креативной экономики на рис. 1 представлена авторская периодизация концептуальных подходов к становлению и развитию креативной экономики, выполненная с помощью инструмента хронологической визуализации – таймлайн, которая учитывает изменение взглядов и научных подходов к пониманию роли новой творческой составляющей экономики в разные временные промежутки.

Рис. 1. Периодизация концептуальных подходов к становлению и развитию креативной экономики
(разработано авторами)

Таким образом, на основе систематизации теоретических подходов к определению креативной экономики можно сделать вывод, что она многогранна и неоднородна за счет производства товаров с высокой добавленной стоимостью, созданных как результат креативного индивидуального подхода человека.

Проведенный анализ позволяет говорить о безусловном акценте на человеческом потенциале как ключевом факторе экономического роста за счет инноваций и технологических новшеств, которые распространяются как на традиционные, так и на творческие сферы. Однако из-за отсутствия единого подхода к определению сущности креативной экономики возникает определенная «размытость» границ ее структуры, что приводит к проблематичности оценки вклада креативной экономики, возникновению

риска маргинализации (вытеснению важных социальных групп общества или к обесцениванию их вклада в развитие экономики из-за не связанности их с творческими направлениями), результатом чего может стать возникновение социального неравенства.

В связи с этим предлагается авторская трактовка термина «креативная экономика», под которой следует понимать новую модель экономического развития, основанную на человеческом потенциале креативных экономически активных гражданах, которые создают новую добавленную стоимость товаров и услуг, а также способствуют повышению качества жизни населения через творческую, интеллектуальную и инновационную деятельность на основе научно-обоснованного подхода и собственного знания, представленного в виде опыта и личностных компетенций.

Согласно предложенному подходу к пониманию исследуемого термина, авторы настоящего исследования отводят человеку и его потенциалу одну из ведущих «ролей» в современном экономическом укладе, что полностью совпадает с мнением других ученых. Так, проф. А. А. Пороховский говорит, что «роль человека, или человеческого потенциала в широком смысле, в последние десятилетия возрастает не в арифметической, а в геометрической прогрессии» [9, с. 124], более того «ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что человек – главный создатель, что качество и количество «человеческого капитала» стало ведущим конкурентным преимуществом как отдельной компании, так и национальной экономики» [8, с. 53].

Кроме того, роль человека как главного экономического ресурса подчеркивал директор эконометрического центра Калифорнийского университета Дж. Кимбелл. По его мнению, в основе ускоренного конкурентного роста современной экономики лежит творческая деятельность, результатом которой являются новые технологические идеи как стратегический ресурс [2, с. 121]. Эффективность же использования этого ресурса определяется наличием высококвалифицированных и творчески активных специалистов, способных к их практической реализации.

Дж. Хейдж и Ч. Пауэрс говорят не просто о тенденциях к индивидуализации трудовой деятельности, а о фундаментальной трансформации ее содержания: репродуктивный труд заменяется творческим, стандартизация в процессах – уникальными подходами. Ценность такой деятельности заключается в новаторском характере: «смысл многих работ постиндустриального типа состоит в том, чтобы постараться совершить нечто, чего никто не выполнял раньше, или сделать что-то, чего больше никто не может сделать» [16, с. 12].

Необходимо отметить, что понимание роли человека претерпевало значительные изменения в зависимости от экономических парадигм. В неоклассической модели «экономического человека» акцент делается на рациональном максимизировании полезности, а не на творчестве. Индивид рассматривается как оптимизатор, стремящийся получить максимальную выгоду при минимальных затратах. Карл Маркс рассматривал человека как «совокупность общественных отношений», чья сущность формируется в процессе труда и взаимодействия с производственными силами и отношениями. В условиях капиталистического производства труд работника становится отчужденным, что подавляет его творческий потенциал.

Торстейн Веблен, один из основоположников институционализма, подчеркивал роль «инстинкта мастерства» и «бескорыстного любопытства» как движущих сил экономического развития. Он считал, что склонность человека к непрагматической творческой деятельности и экспериментированию – главный источник социальных, научных и технических изменений.

Согласно новой институциональной экономической теории творческий человек

рассматривается как субъект, создающий институты – формальные и неформальные правила экономической деятельности. Творчество здесь проявляется в способности индивида менять окружающую среду и себя, решать проблемы нестандартными способами.

В концепции креативного класса Р. Флориды экономическая функция креативного класса заключается в создании новых идей, технологий и креативного содержания.

В таблице 2 представлена сравнительная характеристика подходов к пониманию сущности креативного человека.

Таблица 2

Сравнительная характеристика подходов к пониманию сущности креативного человека
(составлено авторами)

Экономическая школа	Характеристика креативного человека
Неоклассическая	Не является ключевым понятием; акцент на рациональном максимизировании полезности, а не на творчестве
Марксистская	Творчество подавляется отчуждением в условиях капиталистического производства
Институциональная	Творчество – источник социальных, научных и технических изменений; связано с «инстинктом мастерства» и «бескорыстным любопытством»
Новая институциональная экономическая теория	Создатель институтов; субъект, способный менять себя и окружающую среду, решать проблемы нестандартно
Концепция креативного класса (Флорида)	Представитель социальной группы, создающей новые идеи, технологии и креативное содержание; обладает специфическими ценностями и установками поведения

Исследуемые изменения как в структуре труда, так и в целом в экономике во многом связаны с общим усложнением экономической системы, которая характеризуется не только увеличением степени сложности при производстве и появлением научных элементов в производственных технологиях, но и усложнением механизмов, регулирующих обмен, распределение, конечное потребление, а также утилизацию и переработку созданных материальных благ. Можно говорить о том, что, несмотря на масштабируемость в производстве, преобладает акцент на уникальности производимого товара. Данные технические усложнения на микроуровне приводят к новым производным на макроуровне: появление новых продуктов различных сегментов экономики порождает появление новых глобальных процессов, рынков, условий экспорта и импорта, конкурентных преимуществ, а, следовательно, благ и труда. Происходит глобальная трансформация, где человек – уже не просто ресурс, это фактор, условие, механизм и инструмент трансформации:

человек как фактор трансформации – человеческий интеллект, креативность и способность к инновациям становятся первопричинным фактором изменений за счет получения новых научных элементов, открытий, которые запускают цепочку трансформаций;

человек как условие трансформации – представляя собой высококвалифицированные и творческие кадры, человек становится необходимым условием для функционирования и возможности использования новых знаний в реальном секторе экономики;

человек как механизм трансформации – человек, применяя новые технологии в процессе производства, организует новые формы обмена и распределения, формирует новые потребительские модели;

человек как инструмент трансформации – появление новых моделей в экономике влечет за собой появление новых экономических результатов. Роль человека как

инструмента заключается в генерации новой добавленной стоимости в глобальном масштабе, адаптации экономики и общества.

На рисунке 2 представлен авторский подход к определению роли человека в креативной экономике.

Рис. 2. Роль человека в креативной экономике (разработано авторами)

Выводы. На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что человек и его потенциал выступают центральным элементом и ключевым фактором развития креативной экономики. Это принципиально отличает ее от традиционных экономических систем, где приоритет отдавался материальным ресурсам и капиталу.

Научная новизна в представленном исследовании состоит в углублении теоретико-методологических основ исследуемой проблемы за счет развития понятийно-категориального аппарата в части авторской трактовки термина «креативная экономика»; систематизации концептуальных подходов к становлению и развитию креативной экономики через призму человеческого потенциала; авторского подхода к определению роли человека в креативной экономике, где он выступает фактором, условием, механизмом и инструментом трансформации.

Перспективами дальнейших исследований в данном направлении является разработка системы мер, направленных на развитие креативной составляющей

человеческого потенциала, а также совершенствование управления воспроизводством человеческого потенциала в условиях креативной экономики.

Исследования проводились в ФГБОУ ВО «ДонГУ» в рамках инициативной НИР «Формирование и развитие человеческого капитала в условиях цифровой экономики» (№ государственной регистрации 126040819839-7).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Academia, 2004. CLXX. – 788 с. – ISBN 5-87444-203-0.
2. Бушмарин И. В. Пути повышения творческого потенциала трудовых ресурсов: опыт экономики развитых стран / И. В. Бушмарин // Труд за рубежом. – 2004. – № 1. – С. 120-128.
3. Вклад креативной экономики в ВВП в 2025 году составил 8,26 трлн [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития РФ. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/vklad_kreativnoy_ekonomiki_v_vvp_v_2025_godu_sostavil_826_trln_rublej.html (дата обращения: 14.05.2026).
4. Громыко В. В. Новая экономика, креативная экономика и прочие понятийные инновации в экономической теории / В. В. Громыко // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2012. – № 3(45). – С. 28-36.
5. Друкер П. Посткапиталистическое общество / П. Друкер // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 67-100. – ISBN 5-87444-067-4.
6. Креативная экономика России сегодня [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития Российской Федерации; Центр стратегических разработок. – 24 июня 2025, 48 с. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/12076383da381203a530669fff216077/kreativnaya_ekonomika_rossii_segodnya_2025.pdf (дата обращения: 03.03.2026).
7. Креативные профессии: топ-50 направлений с высокими зарплатами [Электронный ресурс] // Skyprowiki. – URL: <https://skyprowiki.wiki/profession/kreativnye-professii-top-50-napravleniy-s-vysokimi-zarplatami/> (дата обращения: 15.02.2026).
8. Пороховский А. А. Цивилизационное значение политической экономии / А. А. Пороховский // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2014. – № 4. – С. 43-55.
9. Пороховский А. А. Экономическая теория как совокупность базовых теорий экономики / А. А. Пороховский // Философия хозяйства. – 2016. – № 1 (103). – С. 115-136.
10. Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего / Т. Сакайя // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 337-371. – ISBN 5-87444-067-4.
11. Торба А. А. Управление человеческим потенциалом в условиях экономики знаний: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Анастасия Александровна Торба; Донецкий государственный университет. – Донецк, 2023. – 245 с.
12. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее: пер. с англ. / Р. Флорида. – М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2007. – 421 с. – ISBN 978-5-89817-185-8.
13. Эдвинсон Л., Мэлоун М. Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компании / Л. Эдвинсон, М. Мэлоун // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 429-447. – ISBN 5-87444-067-4.
14. Creative Industries Market Overview [Электронный ресурс] // Business Research Insights. – URL: <https://www.businessresearchinsights.com/market-reports/creative-industries-market-117297> (дата обращения: 15.02.2026).
15. Florida R. The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life / R. Florida. – New York: Basic Books, 2002. – 404 p. – ISBN 0-465-02476-9.
16. Hage J. Post-Industrial Lives: Roles and Relationships in the 21st Century / Jerald Hage, Charles H. Powers. – Newbury Park, Calif: SAGE Publications, 1992. – 248 p. – ISBN 0-8039-4494-2.
17. Howkins J. The Creative Economy: How People Make Money from Ideas / John Howkins. – London [etc.]: Allen Lane: Penguin press, 2001. – XVIII, 263, [1] p. – ISBN 10: 0-713-99403-7.
18. Scott A. Capitalism and Urbanization in a New Key? The Cognitive-cultural Dimension / A. Scott // Social Forces. – 2007. – Volume 85, № 4. – Pp. 1465-1482.
19. Smith C. Creative Britain / Chris Smith. – London: Faber and Faber, 1998. – 170 p. – ISBN 10: 0-571-19665-9.

Поступила в редакцию 18.04.2026 г.

CREATIVE ECONOMY: EVOLUTION OF CONCEPTS AND THE ROLE OF HUMAN POTENTIAL IN TRANSFORMATIONAL PROCESSES

A.A. Degtyareva, N.A. Baltacheeva

A comprehensive study of the creative economy as a key driver of socio-economic development and the role of human potential in the context of globalization and structural changes in the global community are provided in the article. The theoretical foundations of the creative economy are considered, and a comparative analysis of various economic schools and concepts is used to offer the author's interpretation of the term «creative economy». This interpretation emphasizes the leading role of humans, their knowledge, creativity and innovation as the foundation of a new model of economic growth. The author's periodization of conceptual approaches to the formation and development of the creative economy has been developed using the timeline chronological visualization tool. A comparative analysis of approaches to understanding the essence of a creative person is carried out. The author's approach to defining the role of humans in the creative economy, where they act as a factor, condition, mechanism and instrument of transformation, is proposed.

Keywords: creative economy; human potential; creative industries; social-economic development; knowledge; innovation; creativity; creative person.

LIST OF REFERENCES

1. Bell D. The coming post-industrial society. The experience of social forecasting / D. Bell; translated from English. – 2nd ed., corr. and add. – Moscow: Academia, 2004. CLXX. – 788 p. – ISBN 5-87444-203-0.
2. Bushmarin, I. V. Ways to Increase the Creative Potential of Labor Resources: the Experience of Developed Countries / I. V. Bushmarin // Labor Abroad. – 2004. – № 1. – Pp. 120-128.
3. The contribution of the creative economy to GDP in 2025 amounted to 8.26 trillion [Electronic resource] // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/vklad_kreativnoy_ekonomiki_v_vvp_v_2025_godu_sostavil_826_trln_rublej.html (accessed: 14.05.2026).
4. Gromyko V. V. New economy, creative economy and other conceptual innovations in economic theory / V. V. Gromyko // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. – 2012. – № 3(45). – Pp. 28-36.
5. Drucker P. Post-capitalist society / P. Drucker // The new post-industrial wave in the West. An anthology; edited by V. Inozemtsev. – Moscow: Academia, 1999. – Pp. 67-100. – ISBN 5-87444-067-4.
6. Creative economy of Russia today [Electronic resource] / Ministry of Economic Development of the Russian Federation; Center for Strategic Research. – 24th of June, 2025, 48 p. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/12076383da381203a530669fff216077/kreativnaya_ekonomika_rossii_segodnya_2025.pdf (accessed: 03.03.2026).
7. Creative professions: top 50 areas with high salaries [Electronic resource] // Skypro. – URL: <https://sky.pro/wiki/profession/kreativnye-professii-top-50-napravleniy-s-vysokimi-zarplatami/> (accessed: 15.02.2026).
8. Porokhovskiy A. A. The civilizational significance of political economy / A. A. Porokhovskiy // Bulletin of the Moscow University. Series 6: Economics. – 2014. – № 4. – Pp. 43-55.
9. Porokhovskiy A. A. Economic theory as a set of basic theories of economics / A. A. Porokhovskiy // Philosophy of economy. – 2016. – № 1 (103). – Pp. 115-136.
10. Sakaya T. The value created by knowledge, or the History of the future / T. Sakaya // The new post-industrial wave in the West. An anthology; edited by V. L. Inozemtsev. – M.: Academia, 1999. – Pp. 337-371. – ISBN 5-87444-067-4.
11. Torba A. A. Human potential management in the knowledge economy: Candidate's thesis: 08.00.05 / Anastasia Torba; Donetsk State University. – Donetsk, 2023. – 245 p.
12. Florida R. Creative class: people who are changing the future / R. Florida. – Moscow: Classics-XXI, 2007. – 421 p. – ISBN 978-5-89817-185-8.
13. Edvinsson L., Malone M. Intellectual capital. Determining the true value of a company / L. Edvinsson, M. Malone // The new post-industrial wave in the West. An anthology; edited by V. Inozemtsev. – Moscow: Academia, 1999. – Pp. 429-447. – ISBN 5-87444-067-4.

14. Creative Industries Market Overview [Electronic resource] // Business Research Insights. – URL: <https://www.businessresearchinsights.com/market-reports/creative-industries-market-117297> (accessed: 15.02.2026).
15. Florida R. The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life / R. Florida. – New York: Basic Books, 2002. – 404 p. – ISBN 0-465-02476-9.
16. Hage J. Post-Industrial Lives: Roles and Relationships in the 21st Century / Jerald Hage, Charles H. Powers. – Newbury Park, Calif: SAGE Publications, 1992. – 248 p. – ISBN 0-8039-4494-2.
17. Howkins J. The Creative Economy: How People Make Money from Ideas / John Howkins. – London [etc.]: Allen Lane: Penguin press, 2001. – XVIII, 263, [1] p. – ISBN 10: 0-713-99403-7.
18. Scott A. Capitalism and Urbanization in a New Key? The Cognitive-cultural Dimension / A. Scott // Social Forces. – 2007. – Volume 85, № 4. – Pp. 1465-1482.
19. Smith C. Creative Britain / Chris Smith. – London: Faber and Faber, 1998. – 170 p. – ISBN 10: 0-571-19665-9.

Дегтярева Анастасия Александровна

кандидат экономических наук, начальник отдела компетенций и повышения квалификации

Государственное унитарное предприятие Донецкой Народной Республики «ТУРИЗМ.ДОНБАСС», РФ, г. Донецк

anastasiya_torba@mail.ru

+7-949-323-23-51

ORCID: 0000-0002-7004-3087

Балтачеева Наиля Аскарровна

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и экономики труда

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», РФ, г. Донецк

n.baltacheeva@donnu.ru

+7-949-417-60-93

ORCID: 0000-0002-6531-1972

Degtyareva Anastasia

Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Competencies and Advanced Training

State Unitary Enterprise of the Donetsk People's Republic «TOURISM.DONBASS», Russian Federation, city Donetsk

Baltacheeva Nailia

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Personnel Management and Labor Economics

Donetsk State University, Russian Federation, city Donetsk

УДК 338.46

DOI 10.5281/zenodo.20432973

ПРИРОДА СФЕРЫ УСЛУГ КАК ОРИЕНТИР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

© 2026. С.С. Демидов

В статье представлен теоретико-методологический анализ сферы услуг как ключевого фактора развития современной региональной экономики. Рассмотрены такие основные научные подходы к определению сущности сферы услуг, как философский, функциональный, деятельностный и процессный, на основании чего выявлены сильные и слабые стороны каждого подхода, а также определена специфика их применения в практической плоскости управления региональным развитием. Особое внимание автором уделено методологическому синтезу рассмотренных подходов, что позволило сформировать целостное представление о сфере услуг, как о сложной системе, трансформирующей структуру занятости, потребительский спрос и инвестиционные потоки в регионе. Результаты исследования выступают теоретической основой для перехода от абстрактных определений к конкретным инструментам анализа, прогнозирования и стратегического планирования развития регионов.

Ключевые слова: сфера услуг, региональная экономика, философский подход, функциональный подход, деятельностный подход, процессный подход, заказчики услуг, исполнители услуг, социальная инфраструктура, качество услуг.

Постановка проблемы. В научной среде отсутствует единое понимание природы сферы услуг, что затрудняет формирование эффективных управленческих моделей на региональном уровне. Существующие исследования зачастую фокусируются либо на исторической эволюции, либо на динамике сектора, игнорируя статические аспекты и системообразующую роль сферы услуг в формировании региональной экономической модели. Отсутствие методологической базы препятствует объяснению того, как именно сфера услуг трансформируется под влиянием экономических колебаний и как она влияет на структуру спроса, предложения и инвестиционных потоков в регионах.

Актуальность темы исследования. Значительное количество исследований, посвященных изучению сферы услуг, рассматривает исторические этапы ее формирования, а также восприятие в обществе и причинно-следственные связи, которые обусловили её возникновение и эволюцию [1, с. 326]. Однако данный подход не всегда включает в себя изучение системообразующей роли сферы услуг в формировании современной региональной экономической модели.

Сфера услуг является экономическим явлением, которое влияет на установление нового экономического равновесия в регионе – формирует спрос, предложение, а также инвестиционные потоки [2, с. 84]. Однако исследователи концентрируют свое внимание лишь на динамике развития сферы услуг, не рассматривая ее статические аспекты и не учитывая то, что сфера услуг является не только быстрорастущим сектором экономики, но и катализатором, определяющим структуру и динамику развития региона [3, с. 333].

Анализ последних исследований и публикаций. Изучение сферы услуг представлено широким спектром научных подходов. Вопросы формирования данной сферы и её эволюции рассматривались в работах Я. С. Белевцовой, В. О. Бессарабова. Теоретико-методологическую базу определений сферы услуг сформировали труды К. В. Дубича, И. И. Артамонова, И. С. Романычева, Р. Г. Гулмуродзоды, О. Н. Романенковой, С. В. Ильдеменова, Ю. В. Кузнецова, Ф. Котлера, а также исследования в области гуманистического и этического измерения (Д. С. Лихачев,

М. Б. Щепакин). Однако до настоящего времени эти подходы не были систематизированы с учетом их практической применимости для целей регионального управления.

Гипотеза исследования. Развитие теоретических положений о природе сферы услуг посредством синтеза четырех фундаментальных подходов (философского, функционального, деятельностного и процессного) позволит сформировать комплексный методологический базис, необходимый для разработки эффективных стратегий управления региональным развитием в различных экономических циклах.

Цель исследования. Целью работы является теоретико-методологический анализ природы сферы услуг как ключевого фактора развития современной региональной экономики, выявление сильных и слабых сторон основных научных подходов к её определению и обоснование специфики их применения в практической плоскости управления регионом.

Материалы и методы исследования. Информационной базой исследования послужили фундаментальные научные труды отечественных и зарубежных ученых, а также материалы научно-практических конференций по вопросам трансформации экономики. В работе использовались методы системного подхода, сравнительного анализа, логического обобщения и систематизации, на основе которых был проведен критический анализ подходов к дефиниции сферы услуг и представлена классификация их преимуществ и недостатков.

Результаты исследования. Так, стоит отметить, что наиболее сложной задачей является объяснение природы сферы услуг в контексте региональной экономики, особенно в условиях нарушения равновесия, рассматривая эти процессы как повторяющиеся и циклические [4, с. 203]. Важно понимать, как сфера услуг реагирует на экономические колебания и как эти реакции влияют на региональное развитие. Данное понимание обеспечивает, как целостность исследования, так и его логику, гармонично соединяющую теоретическое понимание сферы услуг с ее методологическими особенностями управления, а также развития в различные экономические периоды (динамика).

При определении сферы услуг необходимо учитывать различные подходы к ее дефиниции и авторы, придерживающиеся философского подхода, часто понимают под сферой услуг «...деятельность, направленную на удовлетворение социальных и духовных потребностей человека, на повышение качества его жизни и раскрытие потенциала» [5, 6], акцентируя внимание на этических и гуманистических аспектах сферы услуг. Я.С. Белевцова рассматривает сферу услуг как экономическую деятельность, а также как инструмент, способствующий достижению социального прогресса и личностного развития [7, с. 5].

Философский подход рассматривает услуги не только как возможность удовлетворения насущных потребностей, но и как возможность создания таких условий, которые способствовали бы творческой реализации потенциала человека, формируя его ценности, а также нравственные ориентиры. Д. С. Лихачев отмечает, что важным представляется соответствие оказываемых услуг принципам социальной справедливости, а также доступности для всех членов общества, в независимости от социального статуса или же материального положения [8]. Так, философский подход подчеркивает необходимость рассматривать сферу услуг как часть более широкой системы ценностей и целей, которые направлены на улучшение жизни людей, а также развития общества в целом.

Представители функционального подхода рассматривают сферу услуг как «...часть экономической системы, выполняющую определенные функции в обеспечении функционирования других отраслей и воспроизводстве рабочей силы» [9]. Исследователи К. В. Дубич и И. И. Артамонов подчеркивают роль сферы услуг в обеспечении нормального функционирования производственной сферы, распределения и потребления, а также в поддержании и развитии человеческого капитала [10, 11]. В рамках подхода И. С. Романычев делает акцент на анализе функций, выполняемых различными видами услуг (к примеру, транспортных, финансовых, образовательных, медицинских и т.д.), что способствует более эффективной работе экономики [9]. Так, функциональный подход позволяет рассматривать сферу услуг как неотъемлемый элемент инфраструктуры, который обеспечивает связность, а также эффективность всей экономической системы [12,13,14].

В свою очередь, с позиции деятельностного подхода Р. Г. Гулмуродзода определяет сферу услуг как «...совокупность видов экономической деятельности, направленных на оказание нематериальных благ и удовлетворение потребностей клиентов посредством непосредственного взаимодействия» [15, с. 427]. Авторы выделяют такие ключевые факторы, как нематериальный характер производимых благ, а также интерактивный характер взаимодействия с заказчиком услуг. Так, О. Н. Романенкова указывает, что если при производстве товаров результатом является материальный объект, то услуга будет представлять собой такой процесс, который будет направлен на изменение состояния заказчика услуг или его собственности (к примеру, обучение или консультация, лечение или развлечение, а также любые другие действия, не приводящие к созданию нового физического объекта) [16].

Учитывая то, что интегративное определение понятия «сфера услуг» является достаточно емким по своему смыслу и в целом дает общее представление о явлении, некоторые ученые его детализируют. Так, к примеру, ученые, придерживающиеся деятельностного подхода [17,18, 19] обращают внимание на необходимости обеспечения высокого уровня качества сервиса и соответствия услуг ожиданиям потребителей для достижения их удовлетворенности, подчеркивая неотделимость сферы услуг от активного взаимодействия с заказчиками услуг и постоянного улучшения процессов обслуживания. Стоит отметить, что деятельностный подход рассматривает сферу услуг, как «...активный процесс преобразования, в котором заказчик услуг принимает непосредственное участие» [19] и не просто получает услугу, а активно участвует в ее создании и формулирует свои потребности, оценивая результат и давая обратную связь. Все это делает процесс оказания услуги более гибким и адаптивным, что позволяет исполнителю услуги лучше соответствовать индивидуальным потребностям каждого заказчика услуг. Так, определение сферы услуг с позиции деятельностного подхода подчеркивает ее динамичный и интерактивный характер, что требует от исполнителей услуг профессионализма, компетентности, а также эффективного взаимодействия с заказчиками услуг. Адаптация к потребностям заказчиков услуг и совершенствование своих процессов позволит обеспечить высокое качество обслуживания и удовлетворить растущие требования современного заказчика услуг.

Наконец, сторонники процессного подхода видят в сфере услуг «...набор взаимосвязанных бизнес-процессов, направленных на создание и предоставление ценности для потребителя» [20, 21]. С. В. Ильдеменов и Кузнецов Ю. В. делают акцент на организации и управлении деятельностью в сфере услуг и рассматривают предоставление услуг как «...последовательность шагов и операций, которые необходимо оптимизировать для достижения максимальной эффективности и

удовлетворенности клиента» [22, с. 89]. Процессный подход предполагает детальный анализ каждого этапа предоставления услуги: от момента обращения заказчика услуг до завершения обслуживания, выявления пробелов и возможностей для улучшения. Джеймс Фицсиммонс и Мона Фицсиммонс отмечают важность стандартизации процессов, внедрение информационных технологий и систем управления качеством, направленных на повышение эффективности, прозрачности и управляемости деятельности [23]. В рамках процессного подхода, Алан Хилл особое внимание уделяет оптимизации использования ресурсов, а именно: времени, персонала, оборудования и информации, с целью снижения затрат и повышения конкурентоспособности [24].

Для более наглядного сопоставления преимуществ и недостатков рассмотренных подходов к определению и изучению сферы услуг в таблице 1 выделены ключевые особенности сферы услуг, а также систематизированы преимущества и недостатки каждого подхода.

Так, проведенный анализ преимуществ и недостатков различных подходов к изучению сферы услуг показывает значительные различия в их фокусе и применимости. Философский подход подчеркивает необходимость удовлетворения не только материальных, но и духовных потребностей заказчиков услуг, а также способствует формированию социальной ответственности, однако его абстрактность и субъективность создают трудности при практическом применении и измерении результатов.

Таблица 1

Преимущества и недостатки подходов к пониманию сущности сферы услуг
(составлено автором на основе [9-24])

Сущность подхода	Теоретические принципы и примеры применения в сфере услуг	Преимущества и недостатки подходов
1	2	3
<u>Философский подход</u>		
Я. С. Белевцова, М. Б. Щепакин, Альбрехт Карл и Земке Рона, Д. С. Лихачев		
Подход базируется на осознании того, что сфера услуг создается и развивается, исходя из гуманистических ценностей, направленных на удовлетворение потребностей человека, обеспечение его благополучия и реализацию потенциала, и основывается на этических принципах взаимодействия между поставщиком и потребителем услуг.	<p><u>Теоретические принципы:</u> – гуманистическая этика и философия, теории потребностей человека (к примеру, пирамида Маслоу), концепции социальной ответственности бизнеса, идеологии, ориентированные на благосостояние общества и развитие личности.</p> <p><u>Практические примеры:</u> – организации социальной сферы (социальные службы, благотворительные фонды), услуги, направленные на улучшение качества жизни (образование, здравоохранение, культура), деятельность, связанная с формированием ценностей и нравственных ориентиров (консультирование, духовные практики), социальные инициативы и проекты в сфере услуг.</p>	<p><u>Преимущества:</u> возможность понимания глубинных ценностей, формирование этических принципов, способствующих разработке моральных норм и правил поведения в сфере услуг, критическое осмысление в оценивании и корректировке деятельности в сфере услуг с точки зрения соответствия гуманистическим идеалам, а также и устойчивость к конъюнктурным изменениям рынка.</p> <p><u>Недостатки:</u> философские принципы могут быть трудно применимы на практике и требуют конкретизации, оценка соответствия деятельности философским идеалам может быть субъективной и зависеть от мировоззрения исследователя или практика.</p>

Продолжение табл. 1

1	2	3
<u>Функциональный подход</u> К. В. Дубич, И. И. Артамонов, И. С. Романычев, Е. А. Тюстина, А. И. Татаркин, В. А. Черненко, Филип Котлер, Кевин Лейн Келлер		
<p>Подход базируется на осознании того, что сфера услуг является важным элементом социальной инфраструктуры, выполняющим функцию обеспечения жизнедеятельности общества посредством предоставления специализированных услуг различным категориям населения, и основывается на системе организаций и институтов, обеспечивающих доступность и качество этих услуг.</p>	<p><u>Теоретические принципы:</u> – Системный подход и общая теория систем, теории экономической специализации и разделения труда, концепции кластерного развития и региональной экономики, анализ цепочки создания стоимости для услуг, теории общественного сектора и государственного управления.</p> <p><u>Практические примеры:</u> – Экономическая структура сферы услуг в регионе или стране, организации, выполняющие определенные функции в сфере услуг (например, логистические компании, финансовые организации), инфраструктура, обеспечивающая предоставление услуг (транспорт, связь, энергетика), государственные программы и проекты, направленные на развитие сферы услуг, государственно-частные партнёрства</p>	<p><u>Преимущества:</u> системное видение, позволяющее увидеть сферу услуг как часть экономической и социальной системы, понять её роль и взаимосвязи с другими отраслями, оценка макроэкономического вклада, позволяющая измерить вклад сферы услуг в создание ВВП, занятость населения и другие макроэкономические показатели, оптимизация структуры, способствующая совершенствованию структуры сферы услуг, устранению дублирования функций и повышению эффективности работы.</p> <p><u>Недостатки:</u> Функциональный анализ упрощает реальность и игнорировать сложность взаимодействия между элементами системы, рассматривает сферу услуг в статике и не учитывает её динамичное развитие и иногда бывает сложно четко определить границы между различными функциями и видами услуг.</p>
<u>Деятельностный подход</u> И. В. Трифонов, Е. В. Грачева, Кристофер Лавлок, Р. Г. Гулмуродзода, О. Н. Романенкова, Р. Г. Тагоева, Валери Зейтамл, А. Парасураман, Леонард Берри, Гронроос Кристиан		
<p>Подход базируется на осознании того, что сфера услуг представляет собой комплекс взаимосвязанных деятельностей, осуществляемых специализированными субъектами, направленных на создание и предоставление нематериальных благ, удовлетворяющих потребности потребителей, и основывается на принципах профессионализма, эффективности и клиентоориентированности.</p>	<p><u>Теоретические принципы:</u> – Маркетинг услуг и управление взаимоотношениями с клиентами (CRM), теории управления качеством (к примеру, TQM, Six Sigma), модели сервисного поведения и взаимодействия с заказчиками услуг, концепции инноваций в сфере услуг, теории мотивации персонала и организационного поведения.</p> <p><u>Практические примеры:</u> – Процессы предоставления услуг в конкретных организациях, взаимодействие между поставщиками и потребителями услуг, методы и инструменты управления</p>	<p><u>Преимущества:</u> направлен на улучшение конкретных видов деятельности в сфере услуг и ориентирован на удовлетворение потребностей и ожиданий клиентов, способствует повышению квалификации и профессионального мастерства работников сферы услуг и позволяет измерить эффективность деятельности в сфере услуг по таким показателям, как удовлетворенность клиентов, объем продаж и прибыль.</p> <p><u>Недостатки:</u> деятельностный подход может быть ограничен рамками конкретной организации или вида деятельности и не учитывать общую картину</p>

Окончание табл. 1

1	2	3
	качеством сервиса, программы обучения и повышения квалификации персонала, разработка и внедрение новых услуг и сервисных моделей.	развития сферы услуг, качество услуг во многом зависит от профессионализма и мотивации персонала, а излишний фокус на деталях может привести к упущению возможностей для масштабирования и роста.
<i>Процессный подход</i>		
И. В. Айрих, А. А. Татуев, О. В. Гречкина, С. В. Ильдеменов, Ю. В. Кузнецов, Джеймс Фицсиммонс и Мона Фицсиммонс, Алан Хилл		
Подход базируется на осознании того, что сфера услуг представляет собой непрерывный процесс взаимодействия между поставщиком и потребителем услуг, включающий этапы планирования, разработки, предоставления и оценки качества услуг, и основывается на применении современных методов управления и оптимизации бизнес-процессов, ориентированных на повышение удовлетворенности клиентов.	<p><i>Теоретические принципы:</i></p> <p>– Управление бизнес-процессами (BPM), теории операционного менеджмента и логистики, стандарты ISO серии 9000 и другие системы управления качеством, моделирование бизнес-процессов (к примеру, BPMN), теории реинжиниринга бизнес-процессов.</p> <p><i>Практические примеры:</i></p> <p>– Бизнес-процессы в сервисных организациях (к примеру, процесс обработки заказов, процесс обслуживания клиентов), автоматизированные системы управления бизнес-процессами, проекты по оптимизации и реинжинирингу бизнес-процессов, системы контроля и мониторинга бизнес-процессов, блок-схемы и карты процессов.</p>	<p><i>Преимущества:</i> помогает организовать деятельность в сфере услуг в виде четких и взаимосвязанных бизнес-процессов, а также позволяет выявить и устранить потери ресурсов, повысить эффективность использования персонала, оборудования и материалов, создает предпосылки для автоматизации бизнес-процессов и снижения затрат.</p> <p><i>Недостатки:</i> чрезмерная формализация бизнес-процессов может привести к бюрократии и снижению гибкости организации, изменения в бизнес-процессах могут вызывать сопротивление у персонала, внедрение процессного подхода требует значительных затрат на разработку и внедрение бизнес-процессов, обучение персонала и приобретение программного обеспечения.</p>

Функциональный подход указывает на сферу услуг, как неотъемлемую часть экономической системы, выявляет ее роль в обеспечении функционирования других отраслей и воспроизводстве рабочей силы, а также способствует системному видению и оптимизации структуры сферы услуг, однако его упрощенность и статичность могут приводить к игнорированию динамических изменений и потребностей заказчиков услуг [10].

Деятельностный подход в большей степени ориентирован на улучшение конкретных видов деятельности и удовлетворение потребностей заказчиков услуг, отличается высокой практической значимостью и позволяет повысить квалификацию персонала, внедрять инновации и измерять эффективность деятельности.

Стоит отметить, что локальность и зависимость от человеческого фактора рассматриваемого подхода – ограничивает стратегическое планирование и масштабирование [16].

Процессный подход рассматривает сферу услуг как набор взаимосвязанных бизнес-процессов и направлен на систематизацию деятельности, оптимизацию использования

ресурсов и стандартизацию качества, также обеспечивает прозрачность и управляемость, однако может приводить к бюрократизации и сопротивлению изменениям [21].

Выбор подхода при изучении сферы услуг определяется конкретными целями и задачами исследования или управления. Так, при необходимости формирования ценностных ориентиров и этических принципов, приоритетным будет философский подход; при анализа экономической роли и структуры сферы услуг целесообразно использовать функциональный подход; с целью повышения эффективности конкретных видов деятельности и удовлетворения потребностей заказчиков услуг наиболее эффективным будет деятельностный подход; для оптимизации организации и управления деятельностью в сфере услуг более целесообразно будет использование процессного подхода.

Выводы. Таким образом, сфера услуг выступает мощным системообразующим фактором региональной экономики, определяющим устойчивость региона и его способность адаптироваться к изменяющимся условиям. Существующая многогранность понимания сферы услуг объясняется различием целей исследователей, так: философский подход задает гуманистический вектор, функциональный позволяет оценить макроэкономические взаимосвязи, деятельностный фокусируется на клиентоориентированности и профессионализме, а процессный обеспечивает стандартизацию и повышение операционной эффективности.

Научная новизна заключается в отличие от существующих подходов, которые рассматривают сферу услуг либо через узковедомственные трактовки (функциональный, деятельностный), либо через их несистемное сочетание. В работе предлагается методологически обоснованный синтез четырех фундаментальных научных подходов (философского, функционального, деятельностного и процессного). Этот интегральный взгляд позволяет сформулировать комплексное и структурированное понимание природы сферы услуг, где каждый подход занимает строго определенное место в общей системе. Таким образом, научная новизна состоит не просто в обобщении различных точек зрения, а в создании целостной многоуровневой концептуальной модели. Эта модель служит теоретическим фундаментом для перехода от абстрактных дефиниций к практическому инструментарию анализа, прогнозирования и управления развитием сферы услуг как ключевого компонента современной региональной экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демидов С. С. Факторы и барьеры развития сферы услуг в условиях трансформации инновационных приоритетов / С. С. Демидов // Финансовые рынки и банки. – 2025. – № 12. – С. 326-329. – EDN BXCEEL.
2. Бессарабов В. О. Модель стартап-эволюции юридических услуг как экосистемы в условиях цифровизации / В. О. Бессарабов, С. С. Демидов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2025. – Т. 15, № 1. – С. 82-94. – DOI 10.21869/2223-1552-2025-15-1-82-94. – EDN ALOEXD.
3. Демидов С. С. Эволюция теорий рынка и их влияние на развитие сферы услуг в современной экономике / С. С. Демидов // Управление информацией и документацией в цифровой среде : Сборник научных статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции, Донецк, 11–12 декабря 2025 года. – Донецк: ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2025. – С. 332-337.
4. Демидов С. С. Трансформация сферы услуг в условиях цифровизации региональной и отраслевой экономики / С. С. Демидов // Донецкие чтения - 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра, Донецк, 05–07 ноября 2025 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2025. – С. 202-204. – EDN PGBQVV.
5. Бессарабов В. О. Особенности развития рынка консалтинговых услуг в Российской Федерации / В.О. Бессарабов, Р. Н. Курасов // Финансовые рынки и банки. – 2026. – № 1. – С. 170-173. – EDN VOILHI.

6. Щепакин М.Б. Сфера услуг как экономическая категория и вид экономической деятельности / М.Б. Щепакин, В.М. Михайлова // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 71-88. – DOI 10.18334/epp.10.1.41545. – EDN ISVY0Y.
7. Белевцова Я.С. Механизм повышения качества социальных услуг на уровне местных органов власти: автореф. дис.. канд. наук. гос. упр. - X, 201. - 20 с.
8. Бессарабов В. О. Концептуальный подход к развитию ресурсного потенциала рынка социальных услуг / В. О. Бессарабов, М. Г. Абдурахимова // Экономическое развитие России. – 2026. – Т. 33, № 2. – С. 207-211. – EDN MZZBTU.
9. Романычев И.С. Технологическая карта социальной услуги и особенности её разработки / И.С. Романычев // Отечественный журнал социальной работы. – 2025. – № 2(101). – С. 120-126. – EDN EEIVFV.
10. Дубич К.В. Зарубежный опыт стандартизации социальных услуг как эффективного государственно-управленческого инструмента / К.В. Дубич // Вестник Академии труда и социальных отношений. Серия: Право и государственное управление. – 2014. – № 3-4(14). – С. 6-13. – EDN TSBZEN.
11. Артамонов И.И. Методологические проблемы современной криминалистики. Перспективы и направления развития: монография / И.И. Артамонов; И. И. Артамонов. – Москва: Национальный ин-та бизнеса, 2008. – 155 с. – ISBN 978-5-8309-0282-3. – EDN QQPJKX.
12. Черненко В.А. Теоретические основы исследования сферы сервиса и сферы услуг / В.А. Черненко // Инновации. – 2009. – № 5(127). – С. 18-21. – EDN MJCXWL.
13. Тюстина Е.А. К вопросу о предоставлении социальных услуг и государственных услуг Фондом социального страхования Российской Федерации / Е.А. Тюстина // Сборник конференций: Сборник материалов международных научно-практических конференций, Москва, 30 апреля 2018 года / Под редакцией А.А. Коротких. – Москва: Индивидуальный предприниматель Коротких Алиса Анатольевна, 2018. – С. 374-381. – EDN XVNZPF.
14. Татаркин А.И. Саморазвитие территориальных социально-экономических систем как потребность федеративного обустройства России / А.И. Татаркин // Экономика региона. – 2013. – № 4(36). – С. 9-26. – DOI 10.17059/2013-4-1. – EDN RRSMDH.
15. Гулмуродзода Р.Г. Сущность понятий «сферы услуг», «социальная сфера» и «непроизводственная сфера» / Р.Г. Гулмуродзода // Финансово-экономический вестник. – 2024. – № 3(42). – С. 426-435. – EDN DYUMMS.
16. Тагоева Р.Г. Теоретические аспекты роли и значения сферы услуг в современной экономике / Р.Г. Тагоева // Финансово-экономический вестник. – 2019. – № 4(20). – С. 107-114. – EDN FZYUJ.
17. Трифонов И.В. Современные тенденции развития сферы услуг / И.В. Трифонов // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. – 2015. – № 3(41). – С. 140-144. – EDN UNGVDB.
18. Грачева И.И. Особенности управления персоналом сферы услуг / И.И. Грачева // Инновационные технологии в современных научных исследованиях: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные тенденции, Новосибирск, 28 марта 2017 года. Том Часть 1. – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью "Академия управления", 2017. – С. 79-81. – EDN YQSQXH.
19. Лавлок Кристофер. Маркетинг услуг: персонал, технологии, стратегии / Кристофер Лавлок; [пер. с англ. Т. В. Безвенюк и др.]. – 4-е изд. – М. [и др.]: Вильямс, 2005. – 997 с. : ил., табл. : 24 см.; ISBN 5-8459-0648-2 (в пер.).
20. Татуев А.А. Пути развития новой модели эффективного функционирования экономики сферы услуг в новом социально-экономическом укладе страны / А.А. Татуев, А.П. Горбунов // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов: Сборник материалов хххvii международной научно-практической конференции, Москва, 03 февраля 2025 года. – Москва: Издательство "Знание-М". – 2025. – С. 850-854. – EDN NYOWWO.
21. Гречкина О.В. Социальные и социально значимые услуги в системе публичных услуг / О.В. Гречкина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2022. – № 11. – С. 36-41. – EDN SRQYRU.
22. Ильдеменов С.В. Использование проектного управления для создания нового продукта/услуги с максимизированной потребительской ценностью / С.В. Ильдеменов, Р.И. Кутлахметов // Управленческие науки. – 2017. – Т. 7, № 3. – С. 89-99. – EDN ZQNQTZ.
23. Fitzsimmons James Service Management: Operations, Strategy, Information Technology / A. James Fitzsimmons, Mona J. Fitzsimmons // William Fitzsimmons. – 2013. – 524 с.
24. Nomination of A. Alan Hill To Be a Member of the Council on Environmental Quality, and Designation as Chairman – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.presidency.ucsb.edu/documents/nomination-alan-hill-be-member-the-council-environmental-quality-and-designation-chairman> (дата обращения: 11.03.2026).

Поступила в редакцию 17.04.2026 г.

THE NATURE OF THE SERVICE SECTOR AS A GUIDELINE FOR THE DEVELOPMENT OF THE MODERN REGIONAL ECONOMY

S.S. Demidov

The article presents a theoretical and methodological analysis of the service sector as a key factor in the development of the modern regional economy. The main scientific approaches to defining the essence of the service sector, such as philosophical, functional, activity-based and process-based, are considered, on the basis of which the strengths and weaknesses of each approach are identified, as well as the specifics of their application in the practical management of regional development.

Keywords: service sector, regional economy, philosophical approach, functional approach, activity approach, process approach, service customers, service providers, social infrastructure, quality of services.

LIST OF REFERENCES

1. Demidov S. S. Factors and barriers to the development of the service sector in the context of the transformation of innovation priorities / S. S. Demidov // *Financial markets and banks*. – 2025. – No. 12. – pp. 326-329. – EDN BKSIL.
2. Bessarabov V. O. The model of startup evolution of legal services as an ecosystem in the context of digitalization / V. O. Bessarabov, S. S. Demidov // *Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management*. – 2025. – Vol. 15, No. 1. – pp. 82-94. – DOI 10.21869/2223-1552-2025-15-1-82-94. – Editor's note.
3. Demidov S. S. The evolution of market theories and their impact on the development of the service sector in the modern economy / S. S. Demidov // *Information and documentation management in the digital environment : A collection of scientific articles based on the materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference, Donetsk, December 11-12, 2025*. Donetsk: Donetsk State University, 2025, pp. 332-337.
4. Demidov S. S. Transformation of the service sector in the context of digitalization of the regional and sectoral economy / S. S. Demidov // *Donetsk Readings - 2025: Education, Science, Innovation, Culture and Modern Challenges : Proceedings of the X International Scientific Conference dedicated to the 60th anniversary of the establishment of the Donetsk Scientific Center, Donetsk, November 05-07, 2025*. – Donetsk: Donetsk State University, 2025. – pp. 202-204. – BECAUSE of PGBKVV.
5. Bessarabov V. O. Features of the development of the consulting services market in the Russian Federation / V.O. Bessarabov, R.N. Kurasov // *Financial markets and banks*. – 2026. – No. 1. – pp. 170-173. – And VOILA.
6. Shchepakina M.B. The service sector as an economic category and type of economic activity / M.B. Shchepakina, V.M. Mikhailova // *Economics, Entrepreneurship and Law*. 2020. – Vol. 10, No. 1. – pp. 71-88. – DOI 10.18334/epp.10.1.41545. – NUMBER ONE.
7. Belevtsova Ya.Gr. The mechanism of improving the quality of social services at the level of local authorities: abstract of the dissertation.. Candidate of Sciences. gosudarstvennogo upr. - X, 201. - 20 p.
8. Bessarabov V. O. A conceptual approach to the development of the resource potential of the social services market / V. O. Bessarabov, M. G. Abdurakhimova // *Economic development of Russia*. – 2026. – VOL. 33, No. 2. – pp. 207-211. – PUBLISHING HOUSE of the Ministry of Health and Safety.
9. Romanychev I.S. Technological map of social services and features of its development / I.S. Romanychev // *Domestic Journal of Social Work*. – 2025. – № 2(101). – Pp. 120-126. – EDN EEIVFV.
10. Dubich K.V. Foreign experience of standardization of social services as an effective state management tool / K.V. Dubich // *Bulletin of the Academy of Labor and Social Relations. Series: Law and Public Administration*. – 2014. – № 3-4(14). – Pp. 6-13. – EDN TSBSEH.
11. Artamonov I.I. Methodological problems of modern criminalistics. Prospects and directions of development: a monograph / I.I. Artamonov; I. I. Artamonov. Moscow: International Internet Business, 2008–155 p. ISBN 978-5-8309-0282-3. ed. QQPJKX.

12. Chernenko V.A. Theoretical foundations of the research of the service sector and the service sector / V.A. Chernenko // *Innovation*. – 2009. – № 5(127). – Pp. 18-21. – EDN MJCXWL.
13. Tyustina E.A. On the issue of the provision of social services and public services by the Social Insurance Fund of the Russian Federation / E.A. Tyustina // *Collection of conferences: Collection of materials of international scientific and practical conferences, Moscow, April 30, 2018* / Edited by A.A. Korotkov. – Moscow: Individual entrepreneur Korotkov, Alice Anatolyevna, 2018. – pp. 374-381. – BECAUSE of XVNZPF.
14. Tatarin A.I. Self-development of territorial socio-economic systems as a need for the federal arrangement of Russia / A.I. Tatarin // *The economy of the region*. – 2013. – № 4(36). – Pp. 9-26. – DOI 10.17059/2013-4-1. – ED. RRSMD.
15. Gulmurodzoda R.G. The essence of the concepts of "service sector", "social sphere" and "non-industrial sphere" / R.G. Gulmurodzoda // *Financial and Economic Bulletin*. – 2024. – № 3(42). – Pp. 426-435. – Edited by DUMMS.
16. Tagoeva R.G. Theoretical aspects of the role and importance of the service sector in the modern economy / R.G. Tagoeva // *Financial and Economic Bulletin*. – 2019. – № 4(20). – Pp. 107-114. – EDN FZYYYYY.
17. Trifonov I.V. Modern trends in the development of the service sector / I.V. Trifonov // *Bulletin of the Volga State University of Service. Series: Economics*. – 2015. – № 3(41). – Pp. 140-144. – EDN UNGVDB.
18. Gracheva I.I. Features of human resources management in the service sector / I.I. Gracheva // *Innovative technologies in modern scientific research: economic, social, philosophical, political, legal, general scientific trends, Novosibirsk, March 28, 2017. Volume Part 1. Novosibirsk: Academy of Management Limited Liability Company, 2017. pp. 79-81. – ED.*
19. Lovelock Christopher. *Ulyugay Market: trans., technologies, strategies* / Christian Lovelock; [trans. translated from English, T. V. of Business and others]. – 4th ed. – Moscow: William, 2005. – 997 p. : ill., tab. : 24 p.; ISBN 5-8459-0648-2 (in translation).
20. Tatuev A.A. Ways of developing a new model of effective functioning of the service sector economy in the new socio-economic structure of the country / A.A. Tatuev, A.P. Gorbunov // *Actual problems of science and education in the context of modern challenges: Proceedings of the XXXXVII scientific and practical International conference, Moscow, February 03, 2025*. – Moscow: Znanie-M Publishing House. – 2025. – pp. 850-854. – EDN NEWVO.
21. Grechkina O.V. Social and socially significant services in the system of public services / O.V. Grechkina // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. – 2022. – No. 11. – pp. 36-41. – EDN SRKIRU.
22. Ildemenov S.V. The use of project management to create a new product/service with maximized consumer value / S.V. Ildemenov, R.I. Kutlahmetov // *Management Sciences*. – 2017. – Vol. 7, No. 3. – pp. 89-99. – EDN ZQNQTZ.
23. Fitzsimmons James *Service management: operations, strategy, information technology* / A. James Fitzsimmons, Mona J. Fitzsimmons // *William Fitzsimmons*. – 2013. – 524 p.
24. Nomination of A. Alan Hill as a member of the Council on Environmental Quality and appointment as its chairman – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/nomination-alan-hill-be-member-the-council-environmental-quality-and-designation-chairman> (date of request: 11.03.2026).

Демидов Сергей Сергеевич

кандидат экономических наук, доцент кафедры информационных систем и технологий управления

Федеральное государственного бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган Барановского», РФ, ДНР, г. Донецк

serzh.demidoff@yandex.ru

+7-949-506-98-76

ORCID: 0009-0002-6072-6797

Demidov Sergey

candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Information Systems and Management Technologies

Mikhail Tugan Baranovsky Donetsk National University of Economics and Trade, city Donetsk

УДК 339.132:338.48:004
DOI 10.5281/zenodo.20433004

ЭКОНОМИКА ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТУРИЗМЕ: ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО ПРОДУКТА С ПОМОЩЬЮ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

© 2026. Т.В. Ибрагимхалилова, В.В. Дудник

В статье исследуется трансформация туристической отрасли в условиях перехода к экономике предложения и роста спроса на внутренний туризм, обусловленного текущей геополитической ситуацией. Особое внимание уделяется потенциалу воссоединённых регионов (в т.ч. ДНР) как новым точкам роста для внутреннего и въездного туризма за счёт их историко-культурного и природного богатства.

В статье раскрыты ключевые принципы методологии экономики предложения в туризме: ориентация на создание ценности для конкретного потребителя, гибкость ценообразования, дифференциация предложения через персонализацию услуг, оптимизация ресурсов через прогнозирование спроса; продемонстрирована связь принципов с целями Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2019 года); систематизированы ключевые задачи туристической отрасли и оценена значимость цифровых технологий для их решения (на основе авторской таблицы); представлены конкретные механизмы цифровой трансформации: развёртывание высокоскоростного интернета и сетей 5G, создание единой цифровой экосистемы туризма, внедрение облачных решений, развитие отечественных платформ бронирования; проанализированы преимущества цифровизации для разных участников рынка (туристов, бизнеса, регионов) и выявлены основные проблемы внедрения (высокие затраты, необходимость обучения персонала, риски кибербезопасности, цифровое неравенство, законодательные ограничения).

Ключевые слова: экономика предложения, туризм, технологии, цифровые инструменты, туристическая инфраструктура, новые туристические продукты.

Постановка проблемы. В условиях трансформации экономики в новую экономическую модель – экономику предложения – туризм переживает период активного переосмысления своих возможностей и роли в развитии регионов. Усиливает данный процесс также глубокая трансформация глобальной индустрии туризма в постпандемийный период, когда отрасль перешла от стратегий выживания к фазе интенсивного качественного и количественного роста.

В сложившейся ситуации, когда туристические потоки достигли, а в ряде регионов превысили допандемийные показатели, традиционные методы управления спросом являются недостаточными для обеспечения долгосрочной устойчивости дестинаций. На первый план выходит экономика предложения, ориентированная на расширение производственных мощностей, модернизацию инфраструктуры и повышение качества человеческого капитала.

Актуальность темы исследования. Современный этап развития туризма характеризуется резким изменением потребительских предпочтений: туристы все чаще ориентируются на уникальный, персонализированный опыт, экологическую ответственность и высокий уровень цифрового сервиса. Это создает объективную необходимость в структурной перестройке предложения. Недостаточное развитие материально-технической базы в условиях растущего спроса ведет к инфляционному давлению и снижению конкурентоспособности национальных туристических продуктов. В этой связи, для обеспечения сбалансированного развития воссоединённых регионов и интеграции туристической отрасли в рыночную систему важно провести

исследование механизмов стимулирования предложения на туристическом рынке.

Для создания уникальных туристических предложений, отвечающим запросам потребителей незаменимыми помощниками стали цифровые инструменты. Цифровые платформы и системы автоматизации позволяют точнее понимать потребности путешественников и быстрее адаптировать услуги под меняющиеся ожидания. Из разряда удобного сервиса они превратились в ключевые элементы экономики предложения.

Что же касается инноваций, то они внедряются в процесс создания туристического продукта и дают регионам важное преимущество – гибкость в реагировании на сезонные колебания спроса, изменения курса валют или внезапный рост интереса к определённым направлениям.

Например, цифровые платформы для экскурсий позволяют перераспределять ресурсы в режиме реального времени, а именно, оперативно меняют маршруты гидам из-за погоды или спроса. Чат-боты и онлайн-бронирование сокращают затраты на обслуживание за счет уменьшения времени ответа клиентам и пр. В результате сокращаются общие расходы и выстраивается более устойчивая экономическая модель отрасли.

Особую актуальность эти вопросы приобретают на фоне геополитической нестабильности и появления новых туристических маршрутов. Развитие внутреннего и въездного туризма сегодня – не просто экономическая задача, а стратегический приоритет, напрямую влияющий на национальную безопасность и развитие регионов. Качественные, разнообразные и доступные туристические услуги помогают укреплять единое экономическое пространство страны и способствуют росту благосостояния населения.

Воссоединённые регионы, которые сейчас активно интегрируются в общую экономическую систему заслуживают отдельного внимания, так как обладают огромным, пока не до конца раскрытым туристическим потенциалом. Богатое историко-культурное наследие и уникальные природные ландшафты могут стать точками роста для всей отрасли. На их основе реально создать самобытные маршруты и продукты, которые привлекут путешественников и дадут мощный импульс развитию внутреннего туризма в целом.

Анализ последних исследований и публикаций. В туризме экономика предложения представляет собой важную область исследования, которая направлена на изучение факторов, формирующих туристический продукт и услуги, а также их влияние на развитие отрасли. На международном и на российском уровнях среди ученых, внесшие значительный вклад в эту область, можно выделить следующих.

Так, одним из основоположников концепции экономики предложения в туризме является Стивен Смит [1], который предложил инновационный подход к определению туристической индустрии, разделив ее на два основных уровня. Первый уровень включает предприятия, которые обслуживают исключительно туристов, в то время как второй охватывает компании, предоставляющие услуги как туристам, так и местным жителям. Этот подход позволил более точно измерять экономический вклад туризма, сопоставляя его с другими секторами экономики.

Анализу координации и взаимодействия между различными звеньями туристического предложения для повышения эффективности и конкурентоспособности посвящены работы Хайянь Сона [2]. Он также изучал влияние туризма на структурные реформы предложения, особенно в контексте китайской экономики [3].

Нил Лейпер активно участвовал в дискуссиях о дефинициях туристической

индустрии, что способствовало более глубокому осмыслению компонентов туристического предложения [4] и оказало влияние на понимание структуры предложения.

Среди других зарубежных ученых также можно отметить М. Теа Синклера, М. Стейблера – авторов фундаментального труда «Экономика туризма», которые разработали теоретические основы экономики туризма, включая анализ предложения, спроса и цепочек поставок [5].

Одним из родоначальников советской и российской школы экономики туризма считается В. И. Азар, исследования которого охватывали широкий круг вопросов, связанных с организацией и экономикой туристского предложения, а также взаимосвязью спроса и предложения на туристическом рынке [6]. Активно исследует экономику туризма М. А. Морозов, фокусируясь на вопросах конкурентоспособности туристических дестинаций и формировании предложения на рынке [7]. Стоит отметить работы В. А. Квартальнова [8] и Г. Л. Леонидовой [9], которые выявили базовые принципы и хронологические этапы формирования отрасли туризма, продемонстрировав его трансформацию из узкоотраслевого явления в значимый фактор экономического развития регионов.

В эпоху развития цифровых технологий данная тематика активно изучается как зарубежными, так и российскими учёными. Пионером концепции «умного туризма» считается Димитриос Бухалис, исследовавший влияние технологий на туристическую индустрию, цифровые сервисы и реальное время [10]. Теоретическим основам «умного туризма» и исследованиям применения больших данных и аналитики в туризме посвящены работы Ульрики Грецель [11]. Исследованию применения дополненной (AR) и виртуальной реальности (VR) в туризме посвящены труды Серджиу Моро [12].

Ведущие российские учёные активно изучают применение цифровых технологий в туристической индустрии. Их исследования охватывают как теорию цифровой трансформации, так и практику повышения конкурентоспособности отрасли. Среди них можно выделить М. А. Морозова и Н. С. Морозову, исследовавших влияния ИТ на бизнес-процессы и конкурентоспособность, процессы персонализации систем дистрибуции и повышению качества турпродукта через цифровые решения [13, 14]; М. С. Оборина, труды которого посвящены анализу направлений развития цифровой среды туризма и цифровой трансформации туристического пространства [15, 16]. Российская научная школа активно исследует вопросы цифровизации, делая акцент на адаптации глобальных технологических трендов к специфике отечественного рынка.

Выделение нерешённых проблем. Несмотря на значительный объём исследований, остаются нерешёнными следующие проблемы:

Во-первых, отсутствует теоретическое обоснование цифровой трансформации туризма. В научных исследованиях фрагментарно применяются лишь некоторые теории, в том числе теории устойчивого развития, теория поведенческих намерений и теория принятия технологий. Несмотря на множество цифровых технологий, применяемых в туризме, крайне мало работ посвящено исследованию прямого влияния цифровых инструментов на структуру предложения и ценообразование турпродукта.

Во-вторых, в большинстве работ цифровизация рассматривается как внешний фактор, а не как структурированный процесс изменения функций предложения.

В-третьих, большинство исследований фокусируется на крупных игроках туристической отрасли. В то же время малые и средние предприятия, которые составляют основу индустрии в большинстве стран, сталкиваются с множеством системных барьеров: высокие начальные инвестиции в цифровые инструменты, дефицит

специалистов, обладающих одновременно компетенциями в туризме и цифровых технологиях; отсутствие единых стандартов обмена данными между участниками цепочки (отелями, транспортными компаниями, ресторанами, гидами), что блокирует синергетический эффект цифровизации.

В-четвёртых, отсутствуют чёткие правовые рамки для использования персональных данных туристов, деятельности цифровых платформ (вопросы налогообложения, ответственности, антимонопольного регулирования), признания электронных виз и цифровых путевок.

подавляющее большинство эмпирических работ посвящено развитым экономикам (ЕС, США, Китай). Данные по развивающимся странам и странам с переходной экономикой, включая Россию, крайне ограничены, хотя именно в этих контекстах цифровая трансформация предложения сталкивается с особыми институциональными, инфраструктурными и культурными ограничениями.

Эти проблемы демонстрируют, что экономика предложения в туризме находится в стадии активного формирования, и исследование, способное решить хотя бы одну из указанных проблем, будет обладать высокой научной новизной.

Гипотеза исследования. Предполагается, что *цифровая трансформация туристического предложения через внедрение информационно-коммуникационных технологий (Big Data, искусственного интеллекта, IoT, AR/VR, цифровых платформ) способствует формированию конкурентоспособного туристического продукта в экономике предложения, обеспечивая персонализацию услуг, оптимизацию ресурсов и повышение эффективности управления, при этом её реализация ограничена системными барьерами для малых и средних предприятий, недостаточной правовой регламентацией и цифровым неравенством регионов.*

Цель исследования. Цель исследования заключается в определении влияния цифровых технологий на трансформацию экономики предложения в туризме и способов создания с их помощью конкурентоспособных туристических продуктов.

Материалы и методы исследования. В качестве эмпирической и информационной базы исследования использованы нормативные правовые акты Российской Федерации в сфере туризма, в том числе Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2123-р), Комплексные территориальные схемы развития туризма Донецкой Народной Республики, разработанные Единым институтом пространственного планирования РФ совместно с ВЭБ.РФ, а также материалы научных публикаций отечественных и зарубежных авторов по проблематике экономики предложения в туризме, цифровой трансформации отрасли и развитию туристических дестинаций.

Для достижения поставленной цели и проверки гипотезы исследования применён комплекс взаимодополняющих методов: метод системного анализа (использован для комплексного рассмотрения экономики предложения в туризме как многоуровневой системы, а также для выявления структурных связей между цифровыми технологиями и трансформацией туристического продукта); метод сравнительного анализа (применён для выявления специфических институциональных, инфраструктурных и культурных ограничений цифровой трансформации предложения в условиях интеграции воссоединённых территорий); метод структурно-логического анализа (использован для систематизации задач туристической отрасли по степени зависимости от цифровых технологий и обоснования вектора важности цифровых инструментов при реализации ключевых стратегических направлений); метод контент-анализа (использован при

обработке научной литературы по экономике туризма, цифровым технологиям в индустрии гостеприимства и опыту развития туризма в Донецкой Народной Республике).

Сочетание указанных методов обеспечило комплексность исследования, позволив теоретически обосновать и эмпирически подтвердить механизм влияния цифровых технологий на формирование конкурентоспособного туристического продукта в условиях экономики предложения.

Результаты исследования. Методология экономики предложения в туризме постулирует не просто реагирование на спрос, а его формирование, предлагая инновационные решения, которые ранее были недоступны, за счёт:

ориентации на создание ценности для конкретного потребителя, а не на массовое производство стандартных туров;

гибкости ценообразования и динамического управления загрузкой объектов размещения и транспорта;

дифференциации предложения за счёт персонализации услуг и формирования индивидуальных маршрутов;

оптимизации ресурсов через прогнозирование спроса и эффективное распределение мощностей.

Эти принципы напрямую соотносятся с ключевыми целями государственной политики в сфере туризма. Утверждённая распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2019 года Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года (Стратегия) направлена на комплексное развитие внутреннего и въездного туризма, формирование и продвижение качественного и конкурентоспособного туристского продукта на внутреннем и международном рынках, а также на усиление социальной роли туризма и обеспечение доступности туристских услуг для граждан РФ [17].

Поставленные в Стратегии цели и задачи напрямую опираются на внедрение цифровых технологий. Это обусловлено тем, что цифровизация стала ключевым драйвером трансформации туристической отрасли, позволяя решать масштабные задачи по повышению конкурентоспособности, доступности, управлению и регулированию [18].

Стоит отметить, что цифровые технологии не просто дополняют традиционные подходы в туризме, а становятся основой для достижения стратегических целей. Они позволяют повысить эффективность управления, улучшить качество услуг, расширить аудиторию и адаптировать отрасль к современным вызовам, включая глобализацию и изменение потребительских предпочтений.

В Стратегии отмечено, что «внедрение цифровых технологий – один из инструментов развития туризма». Таким образом, долгосрочные задачи, такие как:

достижение уровня мировых лидеров в развитии цифровой инфраструктуры и сервисов;

создание цифровых платформ для продвижения туристских продуктов и брендов;

разработка цифровых средств навигации и инструментов для формирования туристского продукта – возможно достичь при помощи цифровой трансформации отрасли, которая предполагает комплексное внедрение современных информационно-коммуникационных технологий на всех этапах создания и потребления туристского продукта [17].

В таблице 1 систематизированы задачи, стоящие перед туристической отраслью, вектор важности/зависимости от цифровых технологий и цифровые инструменты,

позволяющие решить задачи.

Таблица 1

Оценка значимости цифровых технологий для реализации ключевых задач в сфере туризма*

Задача	Вектор важности/ зависимости от цифровых технологий	Ключевые цифровые инструменты
Совершенствование системы управления туризмом	<i>Очень высокая</i> (базовая необходимость)	Big Data, BI-системы, цифровые платформы сбора данных, ИИ
Стимулирование спроса и повышение доступности	<i>Очень высокая</i> (основной канал продвижения и продаж)	Агрегаторы туров, таргетинг, контент-маркетинг, мобильные приложения, виртуальные туры
Создание конкурентоспособного туристского продукта	<i>Средняя-высокая</i> (усиливает, но не заменяет продукт)	IoT, AR/VR, платформы маршрутов, онлайн-бронирование, цифровые сервисы
Совершенствование нормативно-правового регулирования	<i>Умеренная</i> (оптимизирует процессы)	Электронное правительство, реестры, цифровая маркировка, открытые данные

*Составлено авторами.

Остановимся детальнее на конкретных механизмах реализации задач через цифровую трансформацию.

Так, например, задачу – *достижение уровня мировых лидеров в развитии цифровой инфраструктуры и сервисов* возможно решить с помощью:

развёртывания высокоскоростного интернета и сетей 5G в ключевых туристских дестинациях;

создания единой цифровой экосистемы туризма с интеграцией данных от отелей, туроператоров, перевозчиков, музеев и других участников рынка;

внедрения облачных решений для масштабирования сервисов и обеспечения их доступности;

развития отечественных платформ бронирования и онлайн-агрегаторов, конкурентоспособных на глобальном уровне.

Задача – *создание цифровых платформ для продвижения туристских продуктов и брендов* решается на основе:

запуска мультязычных онлайн-платформ с контентом о туристских возможностях регионов РФ;

интеграции с международными системами бронирования (например, Booking, Expedia) и социальными сетями;

использования инструментов цифрового маркетинга: таргетированной рекламы, SEO-оптимизации, контент-маркетинга, работы с инфлюэнсерами;

применения технологий больших данных и искусственного интеллекта для персонализации предложений и прогнозирования спроса;

разработки виртуальных туров и 3D-панорам достопримечательностей для привлечения аудитории и прочих технологий.

Внедрение цифровых решений в туризме является наиболее эффективным в период формирования экономики предложения. В таблице 2 представлены преимущества для разных участников рынка.

Несмотря на преимущества, внедрение цифровых инструментов сталкивается с рядом проблем:

высокие затраты на внедрение технологий;

необходимость обучения персонала;

риски кибербезопасности;
цифровое неравенство (не все регионы и клиенты имеют равный доступ к технологиям);
законодательные ограничения (защита персональных данных).

Таблица 2

Преимущества внедрения цифровых технологий в туризме*		
№ п/п	Группа участников рынка	Преимущества
1.	Туристы	персонализация услуг; удобство бронирования и оплаты; доступ к актуальной информации и поддержке 24/7.
2.	Бизнес	оптимизация загрузки мощностей; снижение издержек за счёт автоматизации; повышение лояльности клиентов.
3.	Регионы	рост туристического потока за счёт продвижения уникальных продуктов; развитие инфраструктуры; увеличение налоговых поступлений.

*Составлено авторами.

Анализ существующих подходов к развитию туризма в ДНР показал, что в основе стратегии лежит системный принцип. Он охватывает все этапы – от разработки долгосрочных планов и определения приоритетных территорий до практической реализации: строительства необходимой инфраструктуры и формирования конкретных туристических маршрутов.

Стратегическое планирование реализуется посредством разработки Единым институтом пространственного планирования РФ совместно с ВЭБ.РФ Комплексных территориальных схем развития туризма (схемы) [19]. Данные схемы закладывают фундамент развития туризма в ДНР через интеграцию региона в общероссийское туристическое пространство и активное использование уникальных природных и историко-культурных ресурсов Приазовья для формирования конкурентоспособных туристических продуктов.

Туризм играет особую роль в процессе интеграции воссоединенных регионов. Он не просто стимулирует экономику – он помогает сгладить различия между регионами, облегчает социальную адаптацию людей и укрепляет общее культурное пространство страны.

Цифровые платформы здесь выступают своего рода мостом: они связывают людей ещё до того, как кто-то отправится в дорогу, сопровождают в путешествии и остаются точкой контакта после возвращения домой.

Важно отметить, что цифровизация туризма уже не сводится только к росту доходов или увеличению потока путешественников, а всё сильнее влияет на общество – особенно когда речь идёт о том, что цифровые технологии дают жителям новые возможности. Теперь они могут сами создавать контент: делиться фотографиями, проводить онлайн-экскурсии, рассказывать истории родных мест. Это не просто вовлекает людей в развитие туризма – это помогает им почувствовать себя частью большой страны, укрепляет связь с её культурой и традициями. Сегодня путешествия стали доступны не избранным, а всем. Такой взгляд помогает увидеть в туризме не просто источник прибыли, а мощный инструмент, который объединяет людей, помогает им лучше понимать свою культуру и развиваться как единое общество.

Цифровые инструменты помогают преодолевать барьеры, которые часто возникают на первых этапах интеграции. Мультиязычные интерфейсы делают

информацию доступной для разных групп населения, адаптированный контент учитывает местные особенности, а умные алгоритмы подбирают материалы с учётом интересов и привычек конкретного человека. В результате общение становится проще, а взаимопонимание – глубже.

Получается, что цифровизация туристической отрасли – это не только про технологии и экономику. Это ещё и про людей: про то, как сблизить разные регионы, сохранить наследие и дать каждому возможность открыть для себя богатство родной страны.

Как инструмент патриотического воспитания и сохранения исторической памяти туризм в воссоединённых регионах приобретает новые формы в цифровую эпоху. Военно-исторические маршруты, мемориальные комплексы, места боевой славы – всё это традиционно привлекало определённую категорию туристов, но цифровые технологии способны существенно расширить аудиторию и углубить эмоциональное воздействие. Интерактивные цифровые экспозиции, использование виртуальной реальности для воссоздания исторических событий, геолокационные приложения с архивными фотографиями, наложенными на современный ландшафт, создание цифровых архивов устной истории – всё это формирует многослойный, персонализированный опыт погружения в историю. Цифровые платформы позволяют собирать и систематизировать воспоминания ветеранов, жителей освобождённых городов, участников восстановления разрушенной инфраструктуры, создавая нематериальное культурное наследие, доступное для передачи будущим поколениям.

Цифровые платформы могут как способствовать созданию уникального предложения, так и приводить к его однотипности, когда традиционные практики адаптируются под ожидания массового туриста.

Выводы и дальнейшая дискуссия. Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов, которые логически вытекают из анализа трансформации туристической отрасли в условиях экономики предложения и роли цифровых инструментов в этом процессе.

Современный российский туризм претерпевает качественную трансформацию, связанную с переходом от реактивного управления спросом к проактивному формированию предложения. Этот переход обусловлен как постпандемным восстановлением отрасли, так и объективной необходимостью структурной реорганизации предложения в ответ на изменение потребительских предпочтений.

Цифровые технологии, в свою очередь, перестают быть исключительно вспомогательным сервисом в туристической отрасли, трансформируясь в фундаментальные факторы производства, определяющие эффективность использования ресурсов и производительность труда.

Анализ преимуществ цифровизации для различных участников рынка демонстрирует многоаспектный характер данной трансформации. Потребители туристических услуг получают расширенные возможности персонализации и упрощение процедур бронирования, тогда как субъекты предпринимательской деятельности оптимизируют загрузку мощностей и минимизируют операционные издержки. На региональном уровне наблюдается увеличение туристического потока и, как следствие, рост налоговых поступлений. Тем не менее, идентифицирован и комплекс проблем, препятствующих полноценному внедрению цифровых инструментов. Прежде всего, это нехватка квалифицированных кадров: сотрудникам нужны новые навыки, чтобы работать с современными технологиями. Не менее важны вопросы кибербезопасности – с ростом онлайн-сервисов растут и риски утечек данных. Заметна и неравномерность развития:

одни регионы уже активно внедряют цифровые решения, другие отстают. К тому же строгие требования к защите персональных данных порой замедляют внедрение инновационных сервисов.

В условиях новой реальности воссоединённые регионы вообще, а Донецкая Народная Республика в частности, представляют особый интерес, так как, обладая уникальным природным и историко-культурным потенциалом и возможностями формировать свежие туристические маршруты, востребованные у россиян, могут стать новыми точками роста для внутреннего и въездного туризма.

Обоснование научной новизны в представленном исследовании. Данное исследование даёт системное обоснование того, как цифровая трансформация влияет на туризм с точки зрения экономики предложения. Во многих научных трудах цифровизацию рассматривают поверхностно – либо как один из внешних факторов, либо через призму отдельных концепций. Наш подход позволяет увидеть более полную картину.

Сформулированный механизм воздействия цифровых инструментов на ключевые экономические параметры рынка туристических услуг демонстрирует трансформацию структуры затрат и конкурентную динамику на рынке туристских услуг, что ранее не получало комплексного научного освещения.

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании необходимости замены традиционной модели пассивного реагирования на активное формирование спроса.

В работе систематизированы ключевые принципы экономики предложения для сферы туризма, а именно: фокус на ценности для конкретного потребителя; гибкое ценообразование; персонализация как инструмент дифференциации; прогнозирование и оптимизация ресурсов.

Установлена прямая связь этих принципов с механизмами цифровой трансформации:

- системы больших данных позволяют точнее понимать потребности клиентов;
- алгоритмы гибкого ценообразования адаптируют цены в реальном времени;
- рекомендательные сервисы создают персонализированные предложения;
- прогнозные модели оптимизируют загрузку инфраструктуры.

Данный подход даёт бизнесу конкретные инструменты для повышения конкурентоспособности, а регулирующим органам основу для стратегических решений развития отрасли.

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении. Дальнейшее развитие концепции экономики предложения в туризме требует углублённого изучения механизмов цифровой трансформации на уровне отдельных дестинаций и малых предприятий. Именно в этих сегментах сконцентрированы основные системные барьеры, препятствующие широкомасштабному внедрению технологий. В связи с этим актуализируется необходимость разработка адаптированных моделей цифровизации, учитывающих ограниченные ресурсы малых и средних игроков рынка, их специфические потребности в обучении персонала и доступе к инфраструктуре.

Особое значение приобретает социальное измерение цифровизации туризма в контексте интеграции новых территорий в общероссийское пространство. Требуется детальное изучение потенциал цифровых технологий в сохранении исторической памяти и формировании нематериального культурного наследия воссоединённых регионов посредством интерактивных экспозиций, виртуальной реальности и архивов устной истории.

В заключении, перспективным представляется комплексное исследование взаимосвязи между развитием цифровой инфраструктуры и повышением конкурентоспособности национального туристического продукта на мировом рынке, включая сравнительный анализ эффективности отечественных платформ бронирования и онлайн-агрегаторов в сравнении с глобальными игроками.

Работа выполнена в рамках государственного задания «Разработка механизма интеграции воссоединенных регионов России к новой экономической модели – экономике предложения» (№ FRRS-2026-0028).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Smith, S. L. J. Defining tourism a supply-side view. *Annals of Tourism Research*. 1988. 15(2), 179-190. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/0160738388900813> (дата обращения: 10.04.2026).
2. Song, H., & Zhang, X. *Tourism Supply Chain Management*. Routledge. 2012. URL: <https://www.routledge.com/Tourism-Supply-Chain-Management/Song/p/book/9780415581561> (дата обращения: 10.04.2026).
3. Li, S. N., & Song, H. Does tourism support supply-side structural reform in China? *Tourism Management*. 2019. 71, 305-314. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0261517718302577> (дата обращения: 11.04.2026)
4. Leiper, N. The framework of tourism: Towards a definition of tourism, tourist, and the tourist industry. *Annals of Tourism Research*. 1979. 6(4), 390-407. URL: <https://franciscodosanjos.wordpress.com/wp-content/uploads/2013/12/leiper.pdf> (дата обращения: 11.04.2026)
5. Stabler, Mike. *The economics of tourism* / [Текст] / Mike J. Stabler, Andreas Papatheodorou, M. Thea Sinclair. – 2nd ed. – London; New York: Routledge. 2010. – xxviii, 506 с.: 24 см.; ISBN 9780415459396 (pbk), 0-415-45939-7 (pbk).
6. Азар, В.И. Экономика и организация туризма. // Под ред. С.Ю. Житенёва. Вступ. статья С.Ю. Житенёва, Ю.С. Путрика. М, Международная общественная туристская академия, 2011. – 180 с.
7. Морозов, М.А. Экономика туризма: учебник / М.А. Морозов, Н.С. Морозова, Г.А. Карпова, Л.В. Хорева. – М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. – 320 с.
8. Квартальнов, В. А. Туризм: история и современность: Избр. произведения: В 4 т. / В.А. Квартальнов; Рос. междунар. акад. туризма. – Москва: Финансы и статистика, 2002. – 320 с.
9. Леонидова, Е.Г. Туризм как возможный фактор роста экономики региона: оценка мультипликативных эффектов и сценарное моделирование // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2025. – Т. 18. – № 5. – С. 114-128.
10. Buhalis, D., & Law, R. Progress in information technology and tourism: Still on the climb. *Tourism Management*. 2008. URL: https://www.researchgate.net/publication/328835742_PROGRESS_IN_INFORMATION_TECHNOLOGY_AND_TOURISM_MANAGEMENT_A_CRITICAL_REVIEW (дата обращения: 11.04.2026)
11. Gretzel, U., Sigala, M., Xiang, Z., & Koo, C. Smart tourism: foundations and developments. *Electronic Markets*. 2015. 25, 179-188. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12525-015-0196-8> (дата обращения: 11.04.2026)
12. Moro, S., Rita, P., Ramos, P., & Esmeraldo, J. Analysing recent augmented and virtual reality developments in tourism. *Journal of Hospitality and Tourism Technology*, 2019, 10(4), 571-586. URL: <https://doi.org/10.1108/JHTT-07-2018-0059> (дата обращения: 11.04.2026)
13. Морозов, М. А., Морозова, Н. С. Новая парадигма развития туризма и индустрии гостеприимства в условиях цифровой экономики // *Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество*. – 2019. – № 1. – С. 135-141.
14. Морозов, М.А., Морозова, Н.С. Информационные технологии в туристской индустрии: учебник. – Москва: КноРус, 2020. – 282 с.
15. Оборин, М.С. Направления развития цифровой среды туризма // *Сервис в России и за рубежом*. – 2023. – Т. 17, № 1. – С. 24-32.
16. Оборин, М.С. Цифровая трансформация туристического пространства: новые возможности // *Вестник Забайкальского государственного университета*. – 2022. – Т. 28, № 2. – С. 106-115.
17. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р О Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г., 2019 // *Гарант.ру* URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661648/> (дата обращения: 07.04.2026).

18. Курочкин, А. В. Цифровая трансформация туристической отрасли в современной России: гражданское участие и муниципальные стратегии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. – № 3. – С.565-573.

19. Разработаны туристические схемы для воссоединенных регионов, 2025 // Минстрой России. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/razrobotany-turisticheskie-skhemu-dlya-voossoedinennykh-regionov/> (дата обращения: 11.04.2026).

Поступила в редакцию 14.04.2026 г.

SUPPLY-SIDE ECONOMICS IN TOURISM: CREATING A COMPETITIVE TOURISM PRODUCT USING DIGITAL TOOLS

T.V. Ibragimkhalilova, V.V. Dudnik

The article examines the transformation of the tourism industry in the context of the transition to a supply-side economy and the growing demand for domestic tourism due to the current geopolitical situation. Special attention is paid to the potential of the reunified regions (including the DPR) as new growth points for domestic and inbound tourism due to their historical, cultural and natural wealth.

The article reveals the key principles of the methodology of supply-side economics in tourism: focus on creating value for a specific consumer, pricing flexibility, differentiation of supply through personalization of services, optimization of resources through demand forecasting; demonstrates the relationship of the principles with the goals of the Strategy for the Development of Tourism in the Russian Federation for the period up to 2035 (approved by the decree of the Government of the Russian Federation dated September 20, 2019); the key tasks of the tourism industry are systematized and the importance of digital technologies for their solution is assessed (based on the author's table); specific mechanisms of digital transformation are presented: the deployment of high-speed Internet and 5G networks, the creation of a unified digital ecosystem of tourism, the introduction of cloud solutions, the development of domestic booking platforms; The advantages of digitalization for different market participants (tourists, businesses, regions) are analyzed and the main problems of implementation are identified (high costs, the need for staff training, cybersecurity risks, digital inequality, legislative restrictions).

Keywords: supply-side economics, tourism, technology, digital tools, tourism infrastructure, new tourism products.

LIST OF REFERENCES

1. Smith, S. L. J. Defining tourism a supply-side view. *Annals of Tourism Research*. 1988. 15(2), 179-190. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/0160738388900813> (date of request: 10.04.2026).
2. Song, H., & Zhang, X. *Tourism Supply Chain Management*. Routledge. 2012. URL: <https://www.routledge.com/Tourism-Supply-Chain-Management/Song/p/book/9780415581561> (date of request: 10.04.2026).
3. Li, S. N., & Song, H. Does tourism support supply-side structural reform in China? *Tourism Management*. 2019. 71, 305-314. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0261517718302577> (date of request: 11.04.2026)
4. Leiper, N. The framework of tourism: Towards a definition of tourism, tourist, and the tourist industry. *Annals of Tourism Research*. 1979. 6(4), 390-407. URL: <https://franciscodosanjos.wordpress.com/wp-content/uploads/2013/12/leiper.pdf> (date of request: 11.04.2026)
5. Stabler, Mike. *The economics of tourism* / [Текст] / Mike J. Stabler, Andreas Papatheodorou, M. Thea Sinclair. – 2nd ed. – London; New York: Routledge. 2010. – xxviii, 506 с.: 24 см.; ISBN 9780415459396 (pbk), 0-415-45939-7 (pbk).
6. Azar, V.I. Economics and organization of tourism. // Edited by SUE Zhitenev. Introduction. article by S.Y. Zhitenev, Y.S. Putrik. Moscow, International Public Tourism Academy, 2011. – 180 p.
7. Morozov, M.A. Economics of tourism: textbook / M.A. Morozov, N.S. Morozova, G.A. Karpova, L.V. Khoreva. Moscow: Federal Agency for Tourism, 2014. – 320 p.
8. Kvartalnov, V. A. Tourism: history and modernity: Selected works: In 4 volumes / V.A. Kvartalnov; Russian International. akad. tourism. Moscow: Finance and Statistics, 2002. – 320 p.
9. Leonidova, E.G. Tourism as a possible factor of regional economic growth: assessment of multiplicative effects and scenario modeling // *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2025. – Vol. 18. – No. 5. –

pp. 114-128.

10. Buhalis, D., & Law, R. Progress in information technology and tourism: Still on the climb. *Tourism Management*. 2008. URL: https://www.researchgate.net/publication/328835742_PROGRESS_IN_INFORMATION_TECHNOLOGY_AND_TOURISM_MANAGEMENT_A_CRITICAL_REVIEW (date of request: 11.04.2026)

11. Gretzel, U., Sigala, M., Xiang, Z., & Koo, C. Smart tourism: foundations and developments. *Electronic Markets*. 2015. 25, 179-188. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12525-015-0196-8> (date of request: 11.04.2026)

12. Moro, S., Rita, P., Ramos, P., & Esmeraldo, J. Analysing recent augmented and virtual reality developments in tourism. *Journal of Hospitality and Tourism Technology*, 2019, 10(4), 571-586. URL: <https://doi.org/10.1108/JHTT-07-2018-0059> (date of request: 11.04.2026)

13. Morozov, M. A., Morozova, N. S. A new paradigm for the development of tourism and the hospitality industry in the digital economy // *Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society*. – 2019. – № 1. – pp. 135-141.

14. Morozov, M.A., Morozova, N.S. Information technologies in the tourism industry: textbook. – Moscow: KnoRus Publ., 2020. – 282 p.

15. Oborin, M.S. Directions of development of the digital environment of tourism // *Service in Russia and abroad*. – 2023. – Vol. 17, No. 1. – pp. 24-32.

16. Oborin, M.S. Digital transformation of the tourist space: new features // *Bulletin of the Trans-Baikal State University*. – 2022. – Vol. 28, No. 2. – pp. 106-115.

17. Decree of the Government of the Russian Federation dated September 20, 2019 No. 2129-r On the Strategy for the Development of tourism in the Russian Federation for the period up to 2035, 2019 // *Garant.ru* URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661648/> (date of request: 07.04.2026).

18. Kurochkin, A.V. Digital transformation of the tourism industry in modern Russia: civic participation and municipal strategies // *Political expertise: POLITEX*. 2024. – No. 3. – pp.565-573.

19. Tourist schemes have been developed for reunified regions, 2025 // *Ministry of Construction of Russia*. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/razrabotany-turisticheskie-skhemy-dlya-voossoedinennykh-regionov/> (date of request: 11.04.2026).

Ибрагимхалилова Татьяна Владимировна

доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой маркетинга и логистики
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Донецкий государственный университет», РФ, ДНР, г. Донецк

itv2106@mail.ru

+7-949-029-18-88

ORCID: 0000-0003-0477-7186

Дудник Виктория Валерьевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и логистики
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Донецкий государственный университет», РФ, ДНР, г. Донецк

v.dudnik23@yandex.ru

+7-949-373-35-64

ORCID: 0009-0002-3122-5694

Ibragimkhalilova Tatyana

Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Marketing and Logistics
Donetsk State University, city Donetsk

Dudnik Victoria

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Marketing and Logistics

Donetsk State University, city Donetsk

УДК 330.1:332.1:364.2

DOI 10.5281/zenodo.20433055

ФИНАНСОВЫЙ КОНСАЛТИНГ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ (НА ПРИМЕРЕ НОВЫХ РЕГИОНОВ РФ)

© 2026. А.А. Ильченко

Статья посвящена теоретическому анализу финансового консалтинга как институционального механизма повышения уровня жизни населения. В отличие от доминирующего в литературе узко-прикладного подхода, консалтинг рассматривается как устойчивый экономический институт, производящий смешанное благо, которое сочетает частную выгоду клиента с общественно значимыми экстерналиями – снижением системной информационной асимметрии и укреплением стабильности финансовых рынков. Выявлены и концептуализированы два канала воздействия консалтинга на благосостояние: прямой (оптимизация долговой нагрузки и трансформация сберегательного поведения домохозяйств) и косвенный (повышение выживаемости малого бизнеса с мультипликативным эффектом для занятости и локальных рынков). Применительно к новым регионам РФ обоснован эффект «двойного институционального разрыва» – регуляторного и коммуникативного, – в условиях которого консалтинг выполняет функцию не столько оптимизации, сколько легитимации российских финансовых практик, выступая институциональным интерпретатором. Намечены контуры гибридных моделей организации консалтинга, сочетающих рыночные стимулы с государственным участием.

Ключевые слова: финансовый консалтинг, институциональный механизм, уровень жизни, смешанное благо, информационная асимметрия, домохозяйства, малый бизнес, двойной институциональный разрыв, новые регионы, экономическая теория.

Постановка проблемы. Настоящее исследование направлено на разрешение фундаментального теоретического противоречия, сложившегося в современной экономической науке. С одной стороны, финансовый консалтинг *de facto* превратился в значимый элемент функционирования финансовых рынков, выступая посредником между домохозяйствами и усложняющейся системой финансовых институтов. С другой стороны, его теоретическое осмысление остаётся редуцированным до узко-прикладного уровня, локализованного преимущественно в рамках менеджмента и маркетинга услуг. Экономическая теория до сих пор не выработала целостного категориального аппарата, позволяющего рассматривать финансовый консалтинг как самостоятельный экономический институт, встроенный в систему отношений по поводу производства, распределения и потребления финансовых благ.

Суть теоретического пробела заключается в следующем. В существующей литературе финансовый консалтинг трактуется как инструментальная активность микроуровня, направленная на решение частных задач экономических агентов: оптимизацию налогообложения, подбор кредитных продуктов, формирование инвестиционного портфеля. При этом из поля зрения экономистов-теоретиков выпадает его макроэкономическая и институциональная проекция. Не концептуализирована роль консалтинга как механизма, снижающего системную информационную асимметрию между профессиональными участниками финансового рынка и массовым потребителем финансовых услуг. Не получил теоретического обоснования его вклад в трансформацию неформальных институтов – финансовых привычек, установок и поведенческих паттернов домохозяйств. Не выявлены каналы, посредством которых консалтинговая

деятельность влияет на агрегированные показатели благосостояния и, в конечном счёте, на уровень жизни населения.

Особую остроту данная проблема приобретает в контексте регионов с переходной или несформировавшейся институциональной средой. В таких условиях – к которым относятся и новые регионы Российской Федерации – финансовый консалтинг объективно берёт на себя функции, выходящие далеко за рамки коммерческой услуги: он становится проводником формальных правил, интерпретатором новых финансовых норм и, в известном смысле, агентом институциональной адаптации. Однако этот функционал не имеет теоретического описания в категориях экономической науки.

Таким образом, налицо противоречие между усложняющейся практикой финансового посредничества, с одной стороны, и дефицитом теоретико-методологических оснований для её анализа в категориях институциональной экономики, теории благосостояния и региональной экономической компаративистики – с другой. Разрешение этого противоречия требует пересмотра сложившегося взгляда на финансовый консалтинг и его теоретической реконструкции как институционального механизма, способного генерировать не только частные выгоды клиентов, но и значимые социально-экономические эффекты на уровне домохозяйств и регионов. Именно эта исследовательская лакуна и определяет проблемное поле настоящей статьи.

Актуальность темы исследования. Актуальность обусловлена необходимостью поиска немонетарных механизмов повышения уровня жизни в условиях институциональной нестабильности. Для новых регионов РФ, проходящих этап адаптации к российскому правовому и финансовому полю, данная тема критически важна. Финансовый консалтинг здесь выступает не просто услугой, а элементом «мягкой силы», способствующим снижению транзакционных издержек населения и малого бизнеса при переходе на новые стандарты экономического поведения.

Анализ последних исследований и публикаций. Современное состояние научной разработанности проблемы характеризуется фрагментарностью: отдельные аспекты, релевантные теме настоящего исследования, рассматриваются в рамках нескольких относительно автономных теоретических направлений, между которыми отсутствует продуктивный синтез. Это приводит к ситуации, при которой каждый из блоков научной литературы создаёт необходимые предпосылки для анализа, но не предлагает целостной теоретической рамки. Представим критический обзор сложившегося дискурса по четырём ключевым направлениям.

1. Институциональная экономическая теория. Труды Д. Норта, О. Уильямсона и их последователей заложили фундаментальную методологическую основу для анализа экономических посредников как механизмов, обеспечивающих снижение неопределённости и транзакционных издержек в рыночном обмене [1; 2]. В рамках этой традиции детально проработаны категории оппортунистического поведения, информационной асимметрии и неполноты контрактов, что создаёт продуктивный концептуальный аппарат для теоретического осмысления консалтинговой деятельности. Вместе с тем необходимо констатировать, что сам финансовый консалтинг как специфический институт в классических и современных работах данного направления прицельно не исследовался. Институциональный анализ, как правило, сосредоточен на более генерализованных формах посредничества – банковском, страховом, биржевом, – тогда как фигура независимого финансового консультанта остаётся на периферии теоретического внимания. Исследования Э. Остром [3], посвящённые коллективному управлению общими ресурсами и роли доверия в экономических взаимодействиях, также имплицитно указывают на значимость консультационных механизмов, однако не

выделяют их в качестве самостоятельного объекта анализа. Таким образом, институциональная теория предоставляет необходимый, но недостаточный фундамент: она позволяет поставить вопрос о консалтинге как институте, но не даёт развёрнутого ответа о его внутренней структуре, функциях и каналах влияния на благосостояние экономических агентов.

2. Поведенческие финансы и поведенческая экономика. Исследовательская программа, сформированная работами Д. Канемана, А. Тверски и Р. Талера, совершила переворот в понимании финансового поведения домохозяйств, убедительно продемонстрировав его систематические отклонения от модели рационального выбора [4-8]. Когнитивные искажения – неприятие потерь, гиперболическое дисконтирование, эвристика доступности, чрезмерная самонадеянность – были детально описаны и эмпирически верифицированы. Эта литература создаёт мощное обоснование объективной необходимости в финансовом консультировании: если домохозяйства систематически ошибаются в своих решениях, то профессиональный консультант потенциально способен выполнять корректирующую функцию. Однако поведенческая традиция, блестяще вскрывшая механизмы иррациональности, не даёт сопоставимого по глубине ответа на встречный вопрос: каким именно образом институционализированные формы консультационной помощи способны системно преодолевать выявленные когнитивные ограничения? Проблема перехода от диагностики поведенческих аномалий на микроуровне к проектированию устойчивых институтов их коррекции остаётся теоретически неразрешённой. Фигура консультанта в поведенческой литературе эпизодична и не концептуализирована, а механизмы его взаимодействия с когнитивно ограниченным клиентом не встроены в формальные модели.

3. Исследования финансовой грамотности и доступности финансовых услуг. Существует обширный и динамично развивающийся корпус эмпирических работ, посвящённых взаимосвязи между уровнем финансовой грамотности населения и показателями его благосостояния [9-11]. Многочисленные обследования домохозяйств в различных странах убедительно фиксируют положительную корреляцию между финансовой грамотностью и склонностью к сбережению, качеством кредитной истории, диверсификацией инвестиционных портфелей и, в конечном счёте, уровнем накопленного богатства. Отдельным направлением выступают исследования доступности финансовых услуг. Вместе с тем данный блок литературы обладает существенным методологическим ограничением: он, как правило, остаётся на уровне констатации эмпирических зависимостей и крайне редко поднимается до теоретического обобщения роли финансового консультанта как специфического экономического посредника. Консультант в этих работах если и присутствует, то скорее, как один из каналов повышения грамотности, а не как самостоятельный экономический агент, деятельность которого встроена в систему институциональных отношений. Вопрос о том, *почему* и при каких институциональных условиях консалтинг трансформирует грамотность в реальные изменения финансового поведения и благосостояния, остаётся за рамками доминирующего дискурса.

4. Региональная экономика и экономическая компаративистика. Применительно к новым регионам Российской Федерации аналитические материалы и научные публикации [12-14] сосредоточены преимущественно на фиксации текущих социально-экономических проблем: разрывы в доходах, дефицит формальной занятости, неразвитость финансовой инфраструктуры, низкий охват населения банковскими и страховыми услугами. Исследования региональной специфики, как правило, носят описательный характер и ориентированы на макроэкономические индикаторы.

Институциональные механизмы микроуровня, способные кумулятивно влиять на агрегированные показатели уровня жизни, практически не попадают в оптику региональных исследований. Финансовый консалтинг в этой литературе не рассматривается ни как инструмент региональной экономической политики, ни как фактор адаптации домохозяйств к меняющейся институциональной среде. Компаративистский потенциал сопоставления новых регионов с другими субъектами РФ по критерию развитости консалтинговой инфраструктуры также остаётся нереализованным.

Проведённый обзор позволяет заключить, что к настоящему моменту в экономической науке сложились необходимые теоретические предпосылки для исследования финансового консалтинга как институционального механизма повышения уровня жизни, однако отсутствует их синтез. Институциональная теория предлагает язык описания, поведенческая экономика – обоснование объективной потребности в консультировании, исследования финансовой грамотности – эмпирическую базу, а регионалистика – спецификацию объекта. Дефицит теоретической интеграции этих направлений и обуславливает исследовательскую нишу, заполнению которой посвящена настоящая статья.

Выделение нерешённых проблем. Несмотря на значительный корпус исследований в смежных областях, в литературе сохраняются три взаимосвязанные теоретические лакуны.

Во-первых, отсутствует категориальное определение финансового консалтинга, вписанное в систему базовых экономических понятий. Не прояснено, как консалтинг соотносится с категорией уровня жизни – выступает ли он детерминантой, опосредующим звеном или институциональным условием. Не решён вопрос о его экономической природе: является ли он сугубо частным благом или приобретает свойства блага смешанного, генерирующего положительные экстерналии для финансовой системы в целом.

Во-вторых, не раскрыты каналы трансмиссии эффекта от консультационной услуги к конкретным показателям благосостояния домохозяйств. Прямой канал – через оптимизацию кредитной нагрузки и сберегательного поведения – и косвенный – через мультипликативный эффект консультационной поддержки малого бизнеса на занятость и доходы – не получили теоретического моделирования и не обеспечены методологическим инструментарием для эмпирической проверки.

В-третьих, не разработана теоретическая схема адаптации консалтинговых механизмов к уникальной институциональной среде новых регионов РФ, где переходное состояние правового поля, дефицит доверия к финансовым посредникам и низкая платёжеспособность населения создают особые барьеры, требующие пересмотра стандартных моделей организации консалтинга.

Преодоление этих трёх дефицитов – категориального, каузального и контекстуального – составляет центральную задачу настоящего исследования.

Гипотеза исследования. Финансовый консалтинг может быть теоретически обоснован как особый институциональный механизм, который повышает уровень жизни населения не только через точечную оптимизацию личных финансов, но и через системное снижение информационной асимметрии и мультипликацию предпринимательской активности на региональном уровне.

Цель исследования. Теоретический анализ финансового консалтинга как институционального механизма повышения уровня жизни населения и выявление специфики его реализации в новых регионах Российской Федерации.

Материалы и методы исследования. Материалами служат постулаты институциональной экономической теории (теория трансакционных издержек, теория контрактов), концепции поведенческой экономики и экономической компаративистики. Методология включает категориальный анализ для уточнения дефиниций, сравнительный институциональный анализ для выявления региональной специфики новых территорий, а также метод теоретического моделирования для построения схемы прямого и косвенного влияния консалтинга на благосостояние.

Результаты исследования. Первым и концептуально значимым результатом проведённого теоретического анализа выступает уточнение экономического содержания категории «финансовый консалтинг». Традиционная трактовка, укоренённая в литературе по менеджменту и маркетингу услуг, низводит консалтинг до уровня разовой сервисной операции, содержанием которой является передача клиенту профессионального знания за согласованное вознаграждение. Подобная редукция, удовлетворительная для прикладных целей, оказывается теоретически непродуктивной, поскольку не позволяет зафиксировать системные эффекты консалтинговой деятельности, выходящие за рамки двусторонней трансакции «консультант – клиент».

В рамках настоящего исследования обоснован принципиально иной подход. Финансовый консалтинг предлагается рассматривать не как единичную услугу, а как устойчивый экономический институт – совокупность формальных и неформальных правил, стандартов, контрактных форм и репутационных механизмов, опосредующих взаимодействие домохозяйств с финансовой системой. Институциональная природа консалтинга проявляется в том, что он выполняет функцию, типичную для экономических институтов: снижает неопределённость среды, структурирует повторяющиеся взаимодействия и формирует устойчивые поведенческие паттерны у экономических агентов. В отличие от разовой консультации, институт консалтинга предполагает воспроизводимость, нормативную урегулированность и наличие санкций за оппортунистическое поведение – как со стороны консультанта (через механизмы репутации и профессиональной сертификации), так и со стороны клиента.

На этой основе предложено решение вопроса об экономической природе блага, производимого институтом финансового консалтинга. Показано, что оно не укладывается в жёсткую дихотомию «частное – общественное», а относится к категории смешанных благ. С одной стороны, консалтинг обладает выраженными характеристиками частного блага: его потребление конкурентно, а выгоды извлекает прежде всего клиент – в форме оптимизированного кредитного портфеля, снижения налоговой нагрузки или повышения доходности сбережений. С другой стороны, консалтинговая деятельность генерирует устойчивые положительные экстерналии, выходящие за пределы индивидуальной трансакции. Систематическое повышение финансовой грамотности агентов через институт консалтинга ведёт к снижению уровня просроченной задолженности в масштабах экономики, повышению устойчивости финансовых организаций, сокращению доли рискованных и мошеннических схем на рынке. Эти эффекты, не являясь непосредственной целью консультанта или клиента, тем не менее объективно способствуют укреплению стабильности финансовой системы в целом. Таким образом, финансовый консалтинг производит не просто оплаченную услугу, а смешанное благо, в котором частная выгода клиента и общественно значимый результат оказываются неразрывно связанными.

Данный теоретический вывод имеет далеко идущие следствия. Признание за консалтингом свойств смешанного блага создаёт основания для пересмотра подходов к его регулированию и поддержке. Если деятельность консультантов генерирует

положительные экстерналии, то исключительно рыночный механизм их предоставления будет приводить к недопроизводству блага относительно общественно оптимального уровня. Это, в свою очередь, открывает теоретическую возможность для обоснованного государственного участия – будь то в форме софинансирования, субсидирования спроса для низкодоходных групп или создания институциональных условий, снижающих издержки добросовестных консультантов. Уточнение категориальной природы финансового консалтинга, таким образом, выступает не схоластическим упражнением, а необходимой предпосылкой для последующей разработки как теоретических моделей, так и практических рекомендаций в области экономической политики.

Вторым значимым результатом проведённого анализа выступает теоретическая реконструкция каналов, посредством которых институт финансового консалтинга оказывает воздействие на уровень жизни населения. В ходе исследования выявлены и концептуализированы два качественно различных, но взаимодополняющих механизма трансмиссии – прямой и косвенный, – различающиеся по объекту воздействия, характеру передаточных звеньев и типу результирующих эффектов.

Прямой механизм реализуется на уровне домохозяйства как первичного экономического агента и заключается в трансформации его финансового поведения под влиянием профессионального консультационного сопровождения. Содержательно данный канал может быть разложен на две взаимосвязанные составляющие. Первая – оптимизация долговой нагрузки – предполагает, что консультант, обладая превосходящей информацией о структуре кредитных продуктов, условиях рефинансирования и возможностях реструктуризации задолженности, способствует приведению кредитного портфеля домохозяйства в соответствие с его реальным платёжным потенциалом. Следствием становится сокращение избыточных процентных выплат, избежание штрафных санкций за просрочки и, в конечном счёте, высвобождение части текущего дохода, ранее направлявшейся на обслуживание неоптимально сформированного долга. Вторая составляющая – трансформация сберегательного поведения в инвестиционное – связана с преодолением характерной для домохозяйств с невысоким уровнем финансовой грамотности «ловушки пассивного сбережения», при котором свободные средства размещаются в низкодоходных или незащищённых от инфляции формах. Консультант, предлагая альтернативные стратегии размещения средств, соразмерные риск-профилю клиента, способствует постепенному переходу от простого накопления к инвестированию, генерирующему дополнительный доход. Оба процесса – и снижение издержек по обслуживанию долга, и повышение доходности сбережений – напрямую отражаются на величине располагаемого дохода домохозяйства и, соответственно, на его потребительских возможностях. Таким образом, прямой канал воздействия консалтинга на уровень жизни носит выраженный микроэкономический характер, локализован на стороне домохозяйства и поддаётся измерению через стандартные индикаторы: динамику располагаемого дохода, долю процентных расходов в его структуре, норму сбережения и её доходность.

Косвенный механизм действует на мезоэкономическом уровне и связан с влиянием финансового консалтинга на сектор малого предпринимательства. Его теоретическая логика базируется на признании того факта, что одной из главных причин высокой смертности малых предприятий на ранних стадиях жизненного цикла выступает не дефицит предпринимательских компетенций как таковых, а неспособность учредителей выстроить адекватную финансовую модель бизнеса: корректно рассчитать точку безубыточности, выбрать оптимальный налоговый режим, сформировать эффективную структуру финансирования, сочетающую собственные и заёмные средства.

Квалифицированное консультационное сопровождение на этапе запуска и первых лет функционирования предприятия способно принципиально снизить риск вынужденного закрытия бизнеса по причинам финансового характера. Повышение выживаемости малых предприятий, в свою очередь, запускает мультипликативный эффект на локальном рынке: сохраняются и создаются новые рабочие места, растёт занятость, формируются устойчивые доходы наёмных работников, предъявляющих спрос на товары и услуги локальных же производителей. Параллельно происходит насыщение региональных рынков товарным предложением, что ограничивает возможности монопольного ценообразования и способствует поддержанию доступного уровня потребительских цен. В отличие от прямого, косвенный механизм воздействия консалтинга на уровень жизни опосредован цепочкой передаточных звеньев – «консультант – малый бизнес – занятость – доходы – потребление», – что делает его более инерционным, но и более масштабным по охвату благополучателей.

Принципиально важным является то обстоятельство, что прямой и косвенный каналы не действуют изолированно, а находятся в отношении взаимного усиления. Домохозяйство, оптимизировавшее собственные финансы через прямой канал, формирует более устойчивый потребительский спрос, который, в свою очередь, расширяет рыночную нишу для локального малого бизнеса. Успешный малый бизнес, поддержанный консалтингом, генерирует занятость и доходы для тех же домохозяйств, замыкая контур положительной обратной связи. Теоретическая реконструкция этих двух механизмов создаёт основу для последующей операционализации и разработки системы индикаторов, позволяющих эмпирически оценивать вклад консалтинга в динамику уровня жизни на региональном уровне.

Третьим результатом проведённого анализа выступает теоретическая концептуализация той уникальной институциональной среды, в которую погружён финансовый консалтинг на территориях новых субъектов Российской Федерации. В ходе исследования выявлено, что стандартные модели организации консалтинговой деятельности, апробированные в регионах с устоявшейся рыночной средой, обнаруживают здесь свою ограниченную применимость, поскольку сталкиваются с качественно иным набором институциональных условий.

Центральной аналитической находкой в этой связи является фиксация эффекта, который предлагается обозначить как «двойной институциональный разрыв». Содержательно данный феномен раскрывается через два взаимосвязанных, но аналитически различимых измерения.

Первое измерение – регуляторный разрыв – обусловлено объективной незавершённостью перехода от прежнего правового поля к российскому законодательству в финансовой сфере. Значительная часть населения новых регионов длительное время функционировала в иной системе координат: с отличными от российских стандартами банковской деятельности, принципиально другой архитектурой налоговой системы, отсутствием таких ставших привычными для остальной России институтов, как ипотечное кредитование с государственным субсидированием, система налоговых вычетов, программа материнского капитала, страхование вкладов. Сам перечень доступных финансовых инструментов и регламентирующих их норм изменился радикально. В результате домохозяйства объективно оказались в ситуации, когда их накопленный опыт и интуитивные представления о правилах финансового поведения не просто устарели, а стали контрпродуктивными. Этот разрыв между усвоенными ранее неформальными правилами и новыми формальными институтами создаёт запрос на посредника, способного не столько предложить тонкую оптимизацию

уже имеющегося портфеля, сколько обеспечить первичную ориентацию в изменившемся институциональном ландшафте.

Второе измерение – коммуникативный разрыв, или разрыв доверия, – имеет социально-психологическую природу. Речь идёт о том, что у значительной части жителей новых регионов в силу исторических обстоятельств сформировался устойчивый дефицит доверия к формальным финансовым посредникам как таковым. Банки, страховые компании, инвестиционные фонды, пенсионные институты воспринимаются не как партнёры, предоставляющие полезные услуги, а как внешние, потенциально недружественные структуры, взаимодействие с которыми сопряжено с рисками – от скрытых комиссий до полной утраты средств. Парадоксальным образом этот дефицит доверия распространяется и на сам институт финансового консалтинга: консультант здесь изначально подозревается в ангажированности, в работе на интересы не клиента, а тех финансовых организаций, с которыми он аффилирован. Преодоление этого барьера требует не просто демонстрации профессиональной компетентности, а выстраивания принципиально иного типа отношений, основанных на длительном, неоднократном взаимодействии и накоплении репутационного капитала в локальном сообществе.

Наложение двух разрывов – регуляторного и коммуникативного – формирует среду, в которой классическая функция консалтинга как оптимизатора финансовых решений отступает на второй план, уступая место иной, не менее значимой роли. Финансовый консалтинг на данных территориях объективно становится институциональным интерпретатором – механизмом, обеспечивающим перевод сложных и зачастую чуждых для населения формальных норм на язык понятных, практико-ориентированных рекомендаций. Консультант в этой модели не просто калькулирует выгоду от перехода на тот или иной ипотечный продукт; он, по существу, легитимирует саму идею ипотеки как социально приемлемого и безопасного способа решения жилищного вопроса. Он не только рассчитывает налоговый вычет, но и демонстрирует на конкретном примере клиента, что российская налоговая система содержит встроенные механизмы возврата части уплаченных средств – представление, которое для человека, ранее не сталкивавшегося с подобной практикой, может выглядеть неправдоподобным. Аналогичным образом консультационное сопровождение процесса оформления социальных пособий и льгот выполняет двойную функцию: обеспечивает корректное заполнение документов и одновременно формирует у клиента ощущение, что новые формальные правила не являются дискриминационными или избирательными, а применяются универсально.

Таким образом, в специфических институциональных условиях новых регионов финансовый консалтинг выполняет функцию не столько тонкой настройки финансового поведения (свойственную ему в средах с высоким уровнем финансовой грамотности и устоявшимся доверием к институтам), сколько легитимации самих российских финансовых практик. Он выступает тем институциональным механизмом, который снижает не только информационные, но и психологические издержки адаптации населения к новой системе координат. Данный вывод имеет принципиальное значение для экономической политики: он означает, что критерии оценки эффективности консалтинга на таких территориях не могут ограничиваться традиционными финансовыми метриками (снижение процентных расходов, рост доходности сбережений), а должны включать индикаторы институциональной адаптации – рост охвата населения формальными финансовыми услугами, снижение доли домохозяйств, исключённых из финансовой системы, динамику доверия к финансовым посредникам.

Без учёта этой специфики любые программы развития консалтинга рискуют оказаться концептуально неадекватными реальным потребностям целевой аудитории.

Выводы и дальнейшая дискуссия. Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд взаимосвязанных выводов, одновременно очерчивающих контуры достигнутого теоретического результата и обозначающих вопросы, требующие дальнейшего научного обсуждения.

Прежде всего, теоретический анализ даёт основания утверждать, что финансовый консалтинг может рассматриваться как действенный немонетарный механизм регионального выравнивания. В отличие от прямых бюджетных трансфертов, субсидий и иных монетарных инструментов региональной политики, консалтинг воздействует не на симптоматику, а на глубинные причины экономического неравенства – информационную асимметрию, дефицит финансовой грамотности, неспособность домохозяйств и малых предприятий эффективно взаимодействовать с усложняющейся системой финансовых институтов. Повышая качество финансовых решений, принимаемых экономическими агентами на микроуровне, консалтинг способен генерировать кумулятивный эффект, который со временем проявляется в агрегированных показателях благосостояния территорий. В этом смысле он представляет собой институциональный механизм, комплементарный по отношению к традиционным инструментам экономической политики.

Однако центральным пунктом развернувшейся дискуссии – и одновременно главным ограничением, выявленным в ходе исследования, – является вопрос о границах эффективности данного механизма. Проблема упирается в фундаментальное противоречие, которое пока не получило удовлетворительного теоретического разрешения. Суть его в следующем: рыночная модель организации консалтинга, при которой услуга предоставляется на коммерческой основе, предполагает наличие платёжеспособного спроса. Между тем домохозяйства и малые предприниматели, в наибольшей степени нуждающиеся в консультационной поддержке, – именно те, чей уровень дохода низок, а финансовая уязвимость высока, – объективно не в состоянии предъявить такой спрос. Возникает парадоксальная ситуация: консалтинг наиболее эффективен там, где он наименее доступен на чисто рыночных основаниях. Механизм, призванный сокращать разрывы в уровне жизни, при его стихийной коммерциализации рискует, напротив, усугубить неравенство, став инструментом, доступным лишь относительно благополучным группам населения.

Разрешение этого противоречия требует выхода за пределы дихотомии «рынок-государство» и теоретического обоснования гибридных форм организации консалтинговой деятельности. К числу последних относятся модели государственно-частного партнёрства, при которых государство берёт на себя часть издержек – будь то субсидирование спроса для низкодоходных групп, сертификация и аккредитация консультантов, создание инфраструктуры первичного бесплатного консультирования на базе многофункциональных центров или иных публичных институтов, – тогда как содержательное наполнение услуги и конкурентная среда остаются в рыночной логике. Принципиальная теоретическая проблема здесь заключается в поиске такого баланса между сохранением рыночного сигнала (обеспечивающего ориентацию консультанта на реальные потребности клиента и дисциплинирующего через механизмы конкуренции) и обеспечением доступности консультирования для уязвимых слоёв населения, при котором не происходит ни вытеснения частной инициативы государственным патернализмом, ни исключения значительной части потенциальных благополучателей из охвата консалтинговыми услугами.

Дискуссионным остаётся и вопрос о критериях такого баланса. Должен ли он определяться исключительно соображениями экономической эффективности – через сопоставление предельных общественных издержек и выгод от субсидирования консалтинга? Или же в случае новых регионов, где консалтинг выполняет функцию легитимации формальных институтов, к критериям эффективности должна быть добавлена социально-политическая компонента, связанная с ускорением институциональной адаптации населения? Эти вопросы не имеют однозначного ответа в рамках существующего теоретического инструментария и требуют как дальнейшей концептуальной проработки, так и последующей эмпирической верификации на данных пилотных проектов.

Таким образом, теоретическая дискуссия, развёрнутая в настоящем исследовании, не столько закрывает проблемное поле, сколько переводит его на новый уровень: от вопроса о том, является ли финансовый консалтинг значимым фактором уровня жизни (на этот вопрос получен утвердительный ответ), к вопросу о том, при каких институциональных условиях и в каких организационных формах этот потенциал может быть реализован в полной мере. Дальнейшее движение в этом направлении предполагает разработку формальных моделей, описывающих компромисс между доступностью и эффективностью консалтинга при различных режимах его финансирования, а также проведение эмпирических исследований, позволяющих сопоставить результативность альтернативных моделей – рыночной, субсидируемой и государственной – в конкретных региональных контекстах.

Обоснование научной новизны в представленном исследовании. Научная новизна заключается в выходе за рамки прикладного менеджмента и обосновании финансового консалтинга как предмета экономико-теоретического анализа. Впервые применительно к экономической теории предложено рассматривать консалтинг как институциональный механизм, замкнутый на категорию «уровень жизни», и концептуализирована его роль в условиях переходной экономики новых регионов.

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении. Перспективы связаны с операционализацией предложенной теории. Во-первых, необходима разработка эконометрических моделей, увязывающих плотность консалтинговых услуг на душу населения с индикаторами долговой нагрузки домохозяйств. Во-вторых, перспективно проведение полевых экспериментов в рамках экономической компаративистики для сравнительного анализа эффективности рыночной, субсидируемой и государственной моделей организации консалтинга в пилотных зонах новых регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
2. Уильямсон, О. И. Экономические институты капитализма : Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция : [Пер. с англ.] / Оливер И. Уильямсон; [Науч. ред. и вступ. ст. В. С. Катыкало]. – СПб. : Лениздат, 1996. – 702 с.; ISBN 5-289-01816-6.
3. Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности / Элионор Остром; пер. с англ. – М. : ИРИСЭН, Мысль, 2010. – 447 с.
4. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. – М. : АСТ, 2021. – 653 с. .
5. Талер Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики. – М. : Эксмо, 2018. – 384 с.
6. Д. Канеман, П. Словик, А. Тверски. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. – Харьков: Издательство Институт прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005

– 632 с.

7. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // *Econometrica*. – 1979. – Vol. 47, № 2. – P. 263–291.

8. Lusardi A., Mitchell O. S. The Economic Importance of Financial Literacy: Theory and Evidence // *Journal of Economic Literature*. – 2014. – Vol. 52, № 1. – P. 5–44.

9. OECD. OECD/INFE 2020 International Survey of Adult Financial Literacy. – Paris : OECD Publishing, 2020. – 108 p.

10. Бессарабов, В. О. Финансовая грамотность и уровень жизни населения: коэволюция финансовых и экономических теорий / В. О. Бессарабов, А. А. Ильченко. – Курск : ЗАО «Университетская книга», 2025. – 237 с. – ISBN 978-5-00261-342-7. – EDN HQRMDY.

11. Заикин, Н. Н. Региональная экономика и институты развития территорий в современной России : моногр. / Н. Н. Заикин, Ю. Ю. Казанцев, Н. Г. Филатова ; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации, Сиб. ин-т упр. – Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2025. – 364 с. ISBN 978-5-8036-1080-9

12. Борблик, К. Э. Социально-экономическая характеристика новых регионов Российской Федерации / К. Э. Борблик // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. – 2024. – № 1. – С. 244-258. – DOI: 10.15593/2224-9354/2024.1.18.

13. Экономика России в условиях новых вызовов: от адаптации к развитию: Доклад / Отв. ред. М.Ю. Головин, Е.Б. Ленчук. – М.: Институт экономики РАН, 2023 – 132 с.

Поступила в редакцию 15.04.2026 г.

FINANCIAL CONSULTING AS AN INSTITUTIONAL MECHANISM FOR IMPROVING THE STANDARD OF LIVING OF THE POPULATION: THEORETICAL ANALYSIS AND REGIONAL ASPECTS (ON THE EXAMPLE OF NEW REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION)

A.A. Ilchenko

The article is devoted to the theoretical analysis of financial consulting as an institutional mechanism for improving the standard of living of the population. In contrast to the narrowly applied approach dominant in the literature, consulting is viewed as a stable economic institution producing a mixed good that combines the private benefit of the client with socially significant externalities – namely, the reduction of systemic information asymmetry and the strengthening of financial market stability. Two channels of consulting's impact on well-being are identified and conceptualized: a direct one (optimization of household debt burden and transformation of savings behavior) and an indirect one (improving the survival rate of small businesses with a multiplier effect on employment and local markets). With regard to the new regions of the Russian Federation, the effect of a «double institutional gap» – regulatory and communicative – is substantiated, under which consulting performs the function not so much of optimization as of legitimization of Russian financial practices, acting as an institutional interpreter. The contours of hybrid models of consulting organization, combining market incentives with state participation, are outlined.

Keywords: financial consulting, institutional mechanism, standard of living, mixed good, information asymmetry, households, small business, double institutional gap, new regions, economic theory.

LIST OF REFERENCES

1. Nort D. Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki / Per. s angl. A.N. Nesterenko; predisl. i nauch. red. B.Z. Mil'nera. – M.: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala», 1997. – 180 s.

2. Uil'yamson O. I. Ekonomicheskie instituty kapitalizma : Firmy, rynki, «otnoshencheskaya» kontraktaciya : [Per. s angl.] / Oliver I. Uil'yamson; [Nauch. red. i vstup. st. V. S. Kat'kalo]. – SPb. : Lenizdat, 1996. – 702 s.; ISBN 5-289-01816-6.

3. Ostrom E. Upravlyaya obshchim: evolyuciya institutov kollektivnoj deyatel'nosti / Elionor Ostrom; per. s angl. – M. : IRISEN, Mysl', 2010. – 447 s.

4. Kaneman D. Dumaj medlenno... reshaj bystro. – M. : AST, 2021. – 653 s.
5. Taler R. Novaya povedencheskaya ekonomika: pochemu lyudi narushayut pravila tradicionnoj ekonomiki. – M. : Eksmo, 2018. – 384 s.
6. D. Kaneman, P. Slovik, A. Tverski. Prinyatie reshenij v neopredelennosti: Pravila i predubezhdeniya. – Har'kov: Izdatel'stvo Institut prikladnoj psihologii «Gumanitarnyj Centr», 2005 – 632 s.
7. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // *Econometrica*. – 1979. – Vol. 47, № 2. – P. 263–291.
8. Lusardi A., Mitchell O. S. The Economic Importance of Financial Literacy: Theory and Evidence // *Journal of Economic Literature*. – 2014. – Vol. 52, № 1. – P. 5–44.
9. OECD. OECD/INFE 2020 International Survey of Adult Financial Literacy. – Paris : OECD Publishing, 2020. – 108 p.
10. Bessarabov V. O. Finansovaya gramotnost' i uroven' zhizni naseleniya: koevolyuciya finansovyh i ekonomicheskikh teorij / V. O. Bessarabov, A. A. Il'chenko. – Kursk : ZAO «Universitetskaya kniga», 2025. – 237 s. – ISBN 978-5-00261-342-7. – EDN HQRMDY.
11. Zaikin N. N. Regional'naya ekonomika i instituty razvitiya territorij v sovremennoj Rossii : monogr. / N. N. Zaikin, Yu. Yu. Kazancev, N. G. Filatova ; Ros. akad. nar. hoz-va i gos. sluzhby pri Prezidente Ros. Federacii, Sib. in-t upr. – Novosibirsk : Izd-vo SibAGS, 2025. – 364 s. ISBN 978-5-8036-1080-9.
12. Borblik K. E. Social'no-ekonomicheskaya harakteristika novyh regionov Rossijskoj Federacii / K. E. Borblik // *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie nauki*. – 2024. – № 1. – S. 244-258. – DOI: 10.15593/2224-9354/2024.1.18.
13. *Ekonomika Rossii v usloviyah novyh vyzovov: ot adaptacii k razvitiyu: Doklad / Otv. red. M.Yu. Golovnin, E.B. Lenchuk*. – M.: Institut ekonomiki RAN, 2023 – 132 s.

Ильченко Александр Александрович

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», РФ, ДНР, г. Донецк
Alex_ilchenko@mail.ru
+7-949-451-69-93
ORCID: 0000-0002-2484-7762

Ilchenko Aleksander

Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor, Department of Economic Theory
Donetsk National University of Economics and Trade named after Mykhailo Tugan-Baranovsky, city Donetsk

УДК 330.35:004.8
DOI 10.5281/zenodo.20433080

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: ПОТЕНЦИАЛ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

© 2026. *Е.Н. Кинько, В.В. Кузьменко*

В статье рассматривается проблема замедления экономического роста в условиях структурных ограничений и анализируется потенциал искусственного интеллекта как фактора его ускорения. Цель исследования - выявить причины ограниченной эффективности внедрения ИИ в российской экономике. Методологическую основу составляют модель экономического роста Роберт Солоу и институциональный подход Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон. Используются методы теоретического анализа, сравнительного и системного подходов. Эмпирическую базу составляют данные о динамике производительности, инвестициях в НИОКР и распространении цифровых технологий. Установлено, что искусственный интеллект повышает операционную эффективность, но не обеспечивает ускорения экономического роста вследствие институциональных ограничений. Обосновано, что при доминировании рента-ориентированных стимулов инновации оказываются менее привлекательными для инвесторов. Сделан вывод о необходимости институциональных преобразований для реализации потенциала ИИ.

Ключевые слова: экономический рост, искусственный интеллект, производительность труда, технологический прогресс, институциональные ограничения, экстрактивные институты, инновации, НИОКР.

Постановка проблемы. В текущих условиях усиления геополитической напряженности и санкционного давления, роста оборонной и социальной нагрузки приоритетной целью государства становится обеспечение высоких темпов экономического роста. По мнению экспертов, России для устойчивого экономического развития необходимо добиться среднегодовых темпов роста не ниже 3,5% и выйти не позднее 2030 года на четвертое место в мире по объёму ВВП, рассчитанного по паритету покупательной способности [1, 2]. Такие темпы смогут обеспечить тот объем доходов, который позволит справиться с существующими вызовами, решать задачи обеспечения безопасности, технологического суверенитета, роста благосостояния и структурно-технологической трансформации экономики.

По официальным прогнозам, в ближайшие годы в России не ожидается высоких темпов экономической динамики. При существующей структуре экономики темпы роста ВВП могут закрепиться на уровне около 1% в год [1]. Международный валютный фонд в своем последнем прогнозе оценивает рост российской экономики в 2026 году на уровне 0,8%, этот показатель значительно ниже общемирового прогноза — 3,3% и отражает сохраняющиеся структурные проблемы [3].

Актуальность темы исследования. Актуальность темы исследования обусловлена нарастающим противоречием между необходимостью обеспечения устойчивых темпов экономического роста и ограниченностью традиционных факторов развития в российской экономике. В условиях демографического сжатия, снижения вклада экстенсивных факторов и усиления внешнеэкономических ограничений ключевое значение приобретает переход к интенсивной модели роста, основанной на повышении производительности труда и технологическом обновлении.

Современный этап развития мировой экономики характеризуется ускоренным внедрением цифровых технологий и искусственного интеллекта, которые

рассматриваются как важнейший источник роста совокупной факторной производительности. Вместе с тем практика показывает, что наличие технологий само по себе не гарантирует ускорения экономического роста, что актуализирует необходимость более глубокого анализа условий их эффективного использования.

Особую значимость приобретает институциональный аспект проблемы. В российской экономике сохраняется ситуация, при которой внедрение инноваций, включая искусственный интеллект, не сопровождается формированием устойчивых драйверов экономического роста, что свидетельствует о наличии институциональных ограничений.

Таким образом, актуальность исследования определяется необходимостью комплексного осмысления взаимосвязи между технологическим прогрессом, развитием искусственного интеллекта и институциональной средой, формирующей условия экономического роста. Решение данной проблемы имеет как теоретическое значение — в части развития моделей экономического роста, так и практическое — для выработки эффективной экономической политики, направленной на стимулирование инновационного развития.

Анализ последних исследований и публикаций. В последние годы в отечественной экономической науке наблюдается устойчивый рост интереса к проблеме влияния искусственного интеллекта на экономический рост, производительность труда и структурную трансформацию экономики. Так, Е.В. Мартыанова и А.В. Полбин анализируют современные теоретические подходы к оценке вклада информационных технологий и ИИ в экономическую динамику. Авторы отмечают наличие «парадокса производительности», заключающегося в том, что при росте инвестиций в цифровые технологии темпы экономического роста остаются умеренными, что указывает на сложность механизма влияния ИИ на макроэкономические показатели [4]. Отдельные авторы рассматривают ИИ как фактор повышения эффективности и конкурентоспособности экономики. В работах Н. А. Осадчей и Д. В. Горохова подчеркивается, что внедрение искусственного интеллекта способствует росту производительности труда, улучшению качества продукции и формированию новых рынков, что в целом оказывает положительное влияние на экономическое развитие [5]. В статье М. А. Дурдыева и А. Джеббаровой рассматриваются эффекты автоматизации и цифровизации, включая формирование «цифровой рабочей силы» и трансформацию занятости [6]. Авторы подчеркивают двойственный характер влияния ИИ: с одной стороны, он способствует росту производительности, с другой — усиливает структурные дисбалансы на рынке труда.

В ряде современных работ акцент делается на прогнозировании экономических эффектов от внедрения искусственного интеллекта. Так, в работе А. В. Бойковой, Л. Ф. Гараниковой отмечается, что ИИ способен стать драйвером экономического роста за счёт повышения производительности и формирования новых технологических укладов, однако масштабы этого эффекта во многом зависят от инвестиционной активности и институциональной среды [7].

В целом анализ российских публикаций показывает, что в научной литературе сформировалось понимание значительного потенциала искусственного интеллекта как фактора экономического роста. Вместе с тем большинство исследований либо сосредоточены на технологических и прикладных аспектах, либо ограничиваются констатацией положительного влияния ИИ на производительность. Недостаточно разработанным остаётся вопрос институциональных ограничений, препятствующих

реализации данного потенциала, а также механизмов, через которые институциональная среда определяет направленность использования искусственного интеллекта.

Таким образом, существующий научный задел формирует основу для дальнейших исследований, направленных на интеграцию технологического и институционального подходов к анализу экономического роста в условиях цифровой трансформации экономики.

Выделение нерешённых проблем. Несмотря на значительный рост числа исследований, посвящённых влиянию искусственного интеллекта на экономический рост, в современной российской научной литературе сохраняется ряд нерешённых проблем. В частности, отсутствует целостная теоретическая модель, интегрирующая влияние искусственного интеллекта в классические модели экономического роста с учётом институциональных факторов. Также следует отметить ограниченное внимание к институциональной среде, как ключевому фактору, определяющему эффективность его внедрения – системный анализ взаимодействия ИИ и институциональной структуры экономики остаётся недостаточно разработанным. В частности, не раскрыты механизмы, через которые экстрактивные институты искажают стимулы к инновационной деятельности.

Следует отметить отсутствие комплексного анализа инвестиционного поведения экономических агентов в условиях различной доходности рентных и инновационных стратегий. Недостаточно исследован вопрос, почему при наличии технологических возможностей и человеческого капитала инвестиции направляются в традиционные, а не в высокотехнологичные сектора.

Наконец, остаётся недостаточно изученным вопрос о том, может ли искусственный интеллект выступать фактором преодоления институциональной ловушки технологической отсталости или, напротив, он усиливает существующую структуру экономических стимулов. В современной литературе отсутствует однозначный ответ на данный вопрос, что требует дальнейших теоретических и эмпирических исследований.

Таким образом, выявленные нерешённые проблемы свидетельствуют о необходимости углубления научного анализа в направлении синтеза теорий экономического роста, институциональной экономики и цифровой трансформации, что и определяет научную новизну настоящего исследования.

Гипотеза исследования. Гипотеза исследования заключается в том, что влияние искусственного интеллекта на экономический рост носит институционально обусловленный характер: при наличии благоприятной институциональной среды, обеспечивающей защиту прав собственности, развитие конкуренции и стимулирование инновационной активности, внедрение ИИ приводит к устойчивому росту производительности и ускорению экономического развития.

В то же время в условиях преобладания рентно-ориентированных стимулов и институциональных ограничений, характерных для экономик с доминированием экстрактивных институтов (в трактовке Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон), использование искусственного интеллекта не трансформируется в фактор долгосрочного роста, а преимущественно способствует повышению операционной эффективности существующих структур.

Следовательно, предполагается, что без институциональных преобразований, изменяющих структуру экономических стимулов в пользу инновационной деятельности, потенциал искусственного интеллекта как драйвера экономического роста реализован не будет.

Цель исследования. Целью исследования является теоретико-экономическое обоснование роли искусственного интеллекта как фактора интенсификации экономического роста в условиях структурных ограничений российской экономики, а также выявление институциональных барьеров, препятствующих реализации его потенциала. Статья также ставит задачу объяснить, почему при наличии ресурсов и технологий экономика не переходит на траекторию устойчивого интенсивного роста, и определить условия, при которых искусственный интеллект способен стать драйвером технологического прорыва.

Материалы и методы исследования. Методологическую основу исследования составляет совокупность положений неоклассической теории экономического роста и институциональной экономики. В качестве базовой теоретической конструкции используется модель экономического роста Роберта Солоу, расширенная с учётом включения искусственного интеллекта как фактора, влияющего на технологический уровень и структуру капитала. Для интерпретации роли институциональной среды применяются положения теории инклюзивных и экстрактивных институтов, разработанной Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон.

В работе использован комплекс общенаучных и специальных методов исследования. Так, для исследования динамики производительности труда и темпов экономического роста был применен сравнительный анализ. Для формализации роли искусственного интеллекта в производственной функции – элементы экономико-теоретического моделирования. Институциональный подход был использован для изучения влияния структуры стимулов на инвестиционное поведение экономических агентов.

Информационную и эмпирическую базу исследования составили данные официальной статистики, материалы международных и российских аналитических организаций, а также результаты современных научных публикаций, посвящённых вопросам экономического роста, цифровизации и внедрения искусственного интеллекта.

Результаты исследования. В России потенциал долгосрочного экономического развития ограничен неблагоприятной демографической ситуацией и нехваткой квалифицированных кадров, что делает в дальнейшем невозможным экстенсивный экономический рост. Поэтому переход к интенсивному экономическому росту за счет повышения эффективности в условиях нарастания ограничения развития становится вынужденной необходимостью.

Ключевым фактором интенсивного экономического роста традиционно считается технологический прогресс, который может обеспечить повышение производительности труда и капитала.

В настоящее время во многих исследованиях отмечается глобальный тренд на замедление темпов увеличения совокупной факторной производительности в т. ч. производительности труда. Рост производительности труда снижается примерно с 2005 года, это падение особенно заметно в десятилетие, предшествовавшее пандемии COVID-19. Такой же тренд наблюдается и в России. По итогам 2022 года производительность труда снизилась на 2,9 %, что ставит под сомнение устойчивый экономический рост в будущем. В то же время согласно целевой модели роста в следующие шесть лет производительность должна вырасти на 21%, то есть минимум по 2,5% в год [8].

Вероятным решением проблемы может стать внедрение новых технологий, в т. ч. искусственного интеллекта (ИИ). В многочисленных исследованиях отмечается положительное влияние ИИ на производительность. Так, по оценкам отдельных исследований, потенциальное применение цифровых технологий позволяет увеличить

производительность труда на 18%, прежде всего, за счет повышения производительности умственной работы на 30% в ближайшие 20 лет [9], аналитики из Goldman Sachs определяют данный рост в 15 %. По данным опросов японских специалистов из различных сфер за 2023 и 2024 годы, производительность труда у персонала, использующего ИИ в работе, на 5,6% выше, чем у тех, кто отказывается от применения данных технологий [10].

Таким образом, максимально широкое внедрение цифровых технологий и ИИ, особенно в отраслях и секторах с низкой продуктивностью, сможет обратить вспять долгосрочное снижение темпов роста производительности, с которым сейчас сталкиваются многие развитые страны, в том числе и Россия.

Формализуя тот факт, что производительность труда и капитала определяет технологический прогресс, следует обратиться к знаменитой модели экономического роста Роберта Солоу. Для этого он использует модифицированную производственную функцию Кобба-Дугласа (1):

$$Y = AK^{\alpha}L^{1-\alpha} \quad (1)$$

где Y – совокупный выпуск, K – запас капитала в экономике, L – рабочая сила, α – параметр, определяющий вклад капитала и труда в экономический рост, а A – технологический прогресс, определяющий производительность труда и капитала.

Искусственный интеллект (ИИ) встраивается в эту модель по следующим каналам:

1. Изменение технологического уровня A .

ИИ, обрабатывая большие объемы данных, повышает скорость роста новых технологий и инноваций. В модели Солоу это прямо увеличивает долгосрочный темп роста реального выпуска на душу.

2. ИИ как новый вид капитала (автоматизация).

Модель с двумя капиталами (2):

$$Y = AK^{\alpha}M^{\beta}L^{1-\alpha-\beta} \quad (2)$$

где M – «AI-капитал» (машины/алгоритмы).

Практически, рост роли M увеличивает доходность инвестиций в капитал и меняет распределение дохода между трудом и капиталом.

3. ИИ как замещение/дополнение труда (эффект на L и на производительность труда).

ИИ, делая часть задач автоматическими, снижает спрос на низкоквалифицированных работников простых специальностей и повышает производительность высококвалифицированного труда. Это даёт неоднородные последствия: рост неравенства, перераспределение зарплат и капиталовой доли.

Таким образом, искусственный интеллект, ускоряя динамику **технологического прогресса (A)** и/или как **новый вид воспроизводимого капитала**, может обеспечить быстрый рост производительности и тем самым изменить устойчивый темп макроэкономического роста.

Проблема России состоит в том, что рост A низкий и нестабильный. Доля инновационной продукции за последние годы «вынужденного импортозамещения» так и не превысила 10 %. Инвестиции идут в капитал без технологического прогресса, что делает возможным только экстенсивный экономический рост.

Закономерно встает вопрос – если в стране есть ресурсы и человеческий капитал почему инвестиции воспроизводят существующую структуру, а рыночные стимулы не приводят к переходу на более высокую траекторию роста?

Процесс технологического и научного развития является эндогенным и определяется, в значительной степени, доступностью «дешевых денег» – частных и государственных. Россия принадлежит к ограниченному кругу стран с низкими (около 1% ВВП) и еще более снижающимися расходами на НИОКР. Абсолютный объем расходов по паритету покупательной способности составляет чуть более 50 млрд. долл. в год, что примерно соответствует показателям Франции, Тайваня и Индии, но несопоставимо меньше, чем у США и Китая (700-800 млрд. долл.) [12]. При этом наблюдается устойчиво высокая доля государства в структуре затрат на исследования и разработки (около 2/3 всех расходов на НИОКР), которая значительно превышает не только уровень развитых стран, но так же уровень Индии, Бразилии и Китая. Дальнейший рост расходов на исследования и разработки за счёт государственного финансирования невозможен из-за бюджетных ограничений и в будущем будет только снижаться.

Недостаточность финансирования НИОКР со стороны частного инвестирования можно объяснить тем, что отдача от НИОКР в России ниже, чем от сырьевых и квазимонопольных отраслей. Рациональный инвестиционный выбор в РФ происходит в пользу сырьевых и рентных секторов экономики, которые обеспечивают большую доходность из-за наличия ренты, государственной поддержки, низкой конкуренции, а не в пользу технологий. Экономические агенты рационально выбирают технологическую консервацию.

Поскольку в основе национальной экономики лежит определенная институциональная структура, как организованная совокупность взаимосвязанных институтов, определяющих правила и ограничения экономического поведения субъектов экономической системы, данную ситуацию можно объяснить действием институциональных факторов.

Согласно парадигме Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, которая объясняет различие в богатстве и бедности стран и народов, устойчивому экономическому росту способствует преобладание в институциональной структуре инклюзивных экономических и политических институтов. Напротив, наличие экстрактивных институтов продуцирует социальный порядок, который характеризуется слабой защитой прав собственности, политизированным распределением ресурсов, ограничением конкуренции, что дает возможность извлекать ренту и перераспределять богатство в пользу ограниченного круга лиц. Это сковывает инициативу национального бизнеса и, в конечном итоге, ведет к экономическому спаду [14].

Преобладание в институциональной структуре России экстрактивных политических и экономических институтов повышает неопределенность для фирм, в результате чего внедрение инноваций несет ассиметричный риск, при котором потери приватизируются, а выгоды извлекаются. Формируется институциональная ловушка технологической отсталости как устойчивое равновесие, при котором правила игры делают ренту для частных инвесторов более предсказуемой и выгодной стратегией, чем инновации. Экономика застревает в технологически консервативной траектории.

В существующей институциональной структуре ИИ усиливает, а не разрушает ловушку. В настоящее время в России ИИ внедряется, в основном, крупными структурами для повышения рентабельности путем оптимизации издержек контроля и администрирования, тем самым усиливая рентную эффективность, а не с целью создания

новых рынков. Недостаточно развит массовый малый инновационный бизнес, нет венчурного масштабирования стартапов. В результате, ИИ повышает уровень эффективности, но не темп экономического роста.

Следовательно, переход в России на более высокую траекторию технологического развития затруднен не из-за дефицита финансовых и человеческих ресурсов и ИИ, а потому что её институты делают инновации рационально невыгодными. Экономические агенты оптимально выбирают ренту вместо роста, а ИИ лишь усиливает эту структуру. Пока институциональный риск превышает инновационную премию, технологический скачок невозможен.

Проблема имеет комплексный характер и предполагает ряд действий по стимулированию инвестиционной и собственно инновационной деятельности. Нужны одномоментные системные изменения направленные, с одной стороны, на изменение структуры доходности, где доход от инноваций будет превышать ренту. Это возможно путем изменения налогообложения и антимонопольной политики, осуществления госзаказов на технологии и др. С другой стороны, создание такой институциональной структуры, которая будет продуцировать социальный порядок, при котором равновесие в обществе будет устанавливаться преимущественно механизмом рыночной конкуренции, а не формированием ренты. Пока институциональный риск будет превышать инновационную премию, технологический скачок будет невозможным.

Выводы и дальнейшая дискуссия. Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов, имеющих теоретическое и практическое значение.

В современных условиях российская экономика сталкивается с исчерпанием возможностей экстенсивного роста, что объективно требует перехода к модели развития, основанной на повышении производительности и технологическом обновлении. В связи с этим искусственный интеллект рассматривается как один из ключевых факторов потенциального ускорения экономической динамики. Однако, несмотря на значительный потенциал ИИ, его внедрение не приводит к ускорению темпов экономического роста, а только способствует повышению операционной эффективности и оптимизации уже существующих процессов.

Ключевым ограничением реализации потенциала искусственного интеллекта выступает институциональная среда. С позиции институционального подхода показано, что доминирование рентно-ориентированных стимулов снижает привлекательность инновационной деятельности и формирует институциональную ловушку технологической отсталости, в рамках которой экономические агенты рационально выбирают стратегии, ориентированные на извлечение ренты, а не на внедрение инноваций. В таких условиях искусственный интеллект не разрушает сложившуюся траекторию развития, а, напротив, усиливает её, повышая эффективность существующей структуры экономики.

Преодоление выявленных ограничений требует не локальных мер стимулирования цифровизации, а системных институциональных преобразований, направленных на изменение структуры экономических стимулов. Ключевым условием является формирование среды, в которой ожидаемая доходность инновационной деятельности превышает доходность рентных стратегий.

Таким образом, искусственный интеллект может выступать значимым фактором экономического роста лишь при условии соответствующей институциональной трансформации. В противном случае его внедрение будет способствовать повышению эффективности, но не обеспечит переход к устойчивой траектории долгосрочного развития.

Обоснование научной новизны исследования. Научная новизна представленного исследования заключается в развитии теоретических и методологических подходов к анализу экономического роста в условиях цифровой трансформации за счёт интеграции факторов искусственного интеллекта и институциональной среды. В частности, в работе предложена расширенная интерпретация модели экономического роста Роберта Солоу, в рамках которой искусственный интеллект рассматривается не только как экзогенный компонент технологического прогресса, но и как самостоятельный воспроизводимый фактор капитала, оказывающий влияние на структуру факторов производства и распределение доходов. Такой подход позволяет более полно отразить современные особенности цифровой экономики. Также получено теоретическое обоснование институциональной обусловленности эффективности внедрения искусственного интеллекта. В отличие от существующих исследований, в работе показано, что влияние ИИ на экономический рост определяется не столько уровнем технологического развития, сколько характером институциональной среды, формирующей стимулы экономических агентов, что согласуется и одновременно расширяет положения институциональной теории Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон.

В проведенном исследовании сформулировано и обосновано понятие институциональной ловушки технологической отсталости применительно к условиям цифровой экономики. Показано, что в рамках данной ловушки искусственный интеллект не выступает фактором структурной трансформации, а, напротив, усиливает существующую модель рентно-ориентированного поведения, повышая её эффективность.

Обосновано положение о том, что ключевым условием реализации потенциала искусственного интеллекта является изменение относительной доходности инновационной и рентной деятельности. Предложен концептуальный подход, в рамках которого институциональная трансформация рассматривается как необходимое условие перехода экономики на более высокую траекторию роста.

Таким образом, научная новизна исследования состоит в комплексном синтезе теории экономического роста, институционального анализа и современных представлений о роли искусственного интеллекта, что позволяет углубить понимание механизмов экономического развития в условиях цифровизации.

Перспективы дальнейших исследований. Полученные в работе результаты определяют ряд направлений для последующих исследований, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение. Так, перспективным представляется развитие формализованных моделей экономического роста на основе расширения подхода Роберта Солоу с учётом эндогенизации технологического прогресса и более детального включения искусственного интеллекта как самостоятельного фактора производства. Также требует углубления эмпирический анализ влияния искусственного интеллекта на производительность и экономический рост в российской экономике. При этом актуальным является построение количественных оценок вклада ИИ в динамику совокупной факторной производительности с учётом отраслевой дифференциации и различий в уровне цифровизации.

Перспективным направлением является развитие институционального анализа на основе идей Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон применительно к цифровой экономике. В частности, требует дальнейшего изучения влияние институциональной структуры на направление использования искусственного интеллекта – в сторону инновационного развития либо усиления рентно-ориентированных моделей поведения.

Наконец, необходимы исследования, направленные на разработку механизмов преодоления институциональной ловушки технологической отсталости. Это включает анализ инструментов государственной политики, способных изменить структуру стимулов и повысить относительную привлекательность инвестиций в инновации и НИОКР.

Таким образом, дальнейшие исследования должны быть направлены на углубление междисциплинарного подхода, сочетающего теорию экономического роста, институциональную экономику и анализ цифровых технологий, что позволит более полно раскрыть потенциал искусственного интеллекта как фактора экономического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Широв, А. А. Россия 2035: новое качество национальной экономики / А. А. Широв, Д. Р. Белоусов, А. А. Блохин, М. С. Гусев, А. Н. Клепач, М. Н. Узяков // Проблемы прогнозирования. – 2024. – № 2. – С. 6–20.
2. Российская Федерация. Президент. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ № 309 от 7 мая 2024 г. – Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=470566> (дата обращения: 11.04.2026).
3. Белкова, Е. МВФ снизил прогноз по росту экономики России в 2026 году / Е. Белкова // Forbes. – 2026. – 19 января. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/finansy/553816-mvf-snizil-prognoz-po-rostu-ekonomii-rossii-v-2026-godu-s-1-do-0-8> (дата обращения: 14.04.2026).
4. Мартьянова, Е. В. Влияние информационных технологий и искусственного интеллекта на экономический рост: анализ теоретических подходов / Е. В. Мартьянова, А. В. Полбин // Вестник Пермского университета. Серия «Экономика». – 2025. – Т. 20. – № 1. – С. 5–27. – DOI: 10.17072/1994-9960-2025-1-5-27.
5. Осадчая, Н. А. Искусственный интеллект как важный фокус экономического развития страны / Н. А. Осадчая, Д. В. Горохов // Наука и мир. – 2023. – № 4. – С. 16–20. – DOI: 10.26526/2307-9401-2023-4-16-20.
6. Дурдыев, М. А. Влияние искусственного интеллекта на экономический рост / М. А. Дурдыев, А. Джембарова // Вестник науки. – 2024. – Т. 2, № 10 (79). – С. 68–71. – ISSN 2712-8849. – Режим доступа: <https://www.вестник-науки.рф/article/17685> (дата обращения: 12.04.2026).
7. Бойкова, А. В. Экономические и рыночные перспективы искусственного интеллекта: аналитический обзор / А. В. Бойкова, Л. Ф. Гараникова // JOURNAL OF MONETARY ECONOMICS AND MANAGEMENT. – 2025. – Специальный выпуск № 2. – С. 234–238. – DOI: 10.26118/2782-4586.2025.53.25.089.
8. Футурова, Е. Выход на положительную траекторию. Как заставить ВВП расти / Е. Футурова // Эксперт. – 2025. – 17 декабря. – Режим доступа: <https://expert.ru/ekonomika/vykhod-na-polozhitelnuyu-traektoriyu/> (дата обращения: 20.04.2026).
9. ОЭСР. Прогноз развития цифровой экономики ОЭСР на 2024 год (том 1) : Освоение технологического фронта. – Париж : Издательство ОЭСР, 2024. – DOI: 10.1787/a1689dc5-en.
10. Manyika, J. The Coming AI Economic Revolution / J. Manyika, M. Spence // Foreign Affairs. – 2023. – October 24. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/world/coming-ai-economic-revolution> (дата обращения: 21.04.2026).
11. Табах, А. КПД экономики: как растет производительность? / А. Табах, А. Подругина // Эксперт РА. – 2025. – 2 декабря. – Режим доступа: https://raexpert.ru/researches/kpd_economy_2025/ (дата обращения: 11.04.2026).
12. Белоусов, Д. Р. О некоторых аспектах научно-технологического развития России / Д. Р. Белоусов // Заседание секции управления экономикой Центрального дома Ученых «Ориентиры научно-технологического развития России». – Москва : Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, 15 января 2026 г. – Режим доступа: <http://www.forecast.ru/> (дата обращения: 21.04.2026).
13. Родина, И. Б. Влияние инклюзивных и экстрактивных институтов на экономическое развитие / И. Б. Родина // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 1. – С. 125–130.
14. Аджемоглу, Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Д. Аджемоглу, Дж. А. Робинсон ; пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. – Москва : АСТ, 2015. – 575 с.

15. Балацкий, Е. В. Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события / Е. В. Балацкий, Н. М. Плискевич // Мир России. – 2017. – № 4. – С. 97–117.

Поступило в редакцию 14.04.2026 г.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A DRIVER OF ECONOMIC GROWTH: POTENTIAL AND INSTITUTIONAL CONSTRAINTS

E.N. Kinko, V.V. Kuzmenko

The article addresses the problem of decelerating economic growth under structural constraints and examines the potential of artificial intelligence as a factor for its acceleration. The aim of the study is to identify the causes of the limited effectiveness of AI adoption in the Russian economy. The methodological framework is based on the economic growth model of Robert Solow and the institutional approach developed by Daron Acemoglu and James A. Robinson.

The study employs methods of theoretical analysis, as well as comparative and systems approaches. The empirical basis comprises data on productivity dynamics, investments in research and development (R&D), and the diffusion of digital technologies.

It is established that artificial intelligence enhances operational efficiency but does not ensure an acceleration of economic growth due to institutional constraints. It is substantiated that under the dominance of rent-seeking incentives, innovation becomes less attractive to investors. The study concludes that institutional transformations are necessary to unlock the full potential of AI.

Keywords: economic growth, artificial intelligence, labor productivity, technological progress, institutional constraints, extractive institutions, innovation.

LIST OF REFERENCES

1. Shirov, A. A. *Russia 2035: A New Quality of the National Economy* / A. A. Shirov, D. R. Belousov, A. A. Blokhin, M. S. Gusev, A. N. Klepach, M. N. Uzyakov // Studies on Russian Economic Development. – 2024. – No. 2. – Pp. 6–20.
2. Russian Federation. President. On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Outlook up to 2036: Decree No. 309, May 7, 2024. – Available at: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=470566> (accessed: April 11, 2026).
3. Belkova, E. IMF Revises Down Russia's Economic Growth Forecast for 2026 / E. Belkova // *Forbes*. – 2026. – January 19. – Available at: <https://www.forbes.ru/finansy/553816-mvf-snizil-prognoz-po-rostu-ekonomii-rossii-v-2026-godu-s-1-do-0-8> (accessed: April 14, 2026).
4. Martyanova, E. V. The impact of information technologies and artificial intelligence on economic growth: An analysis of theoretical approaches / E. V. Martyanova, A. V. Polbin // Perm University Herald. Economy. – 2025. – Vol. 20. – N. 1. – P. 5–27. – DOI: 10.17072/1994-9960-2025-1-5-27.
5. Osadchaya, N. Artificial Intelligence as an Important Focus of the Country's Economic Development / N. Osadchaya, D. Gorokhov // *Nauka i mir*. – 2023. – No. 4. – P. 16–20. – DOI: 10.26526/2307-9401-2023-4-16-20.
6. Durdyev, M. A. The Impact of Artificial Intelligence on Economic Growth / M. A. Durdyev, A. Dzhepbarova // *Vestnik Nauki*. – 2024. – Vol. 2, No. 10 (79). – Pp. 68–71. – ISSN 2712-8849. – Available at: <https://www.вестник-науки.рф/article/17685> (accessed: April 14, 2026).
7. Boykova, A. V. Economic and Market Prospects of Artificial Intelligence: An Analytical Review / A. V. Boykova, L. F. Garanikova // Journal of Monetary Economics and Management. – 2025. – Special Issue No. 2. – Pp. 234–238. – DOI: 10.26118/2782-4586.2025.53.25.089.
8. Futurova, E. Moving onto a Positive Trajectory: How to Stimulate GDP Growth / E. Futurova // *Expert*. – 2025. – December 17. – Available at: <https://expert.ru/ekonomika/vykhod-na-polozhitelnuyu-traektoriyu/> (accessed: April 10, 2026).
9. OECD. OECD Digital Economy Outlook 2024, Volume 1: Embracing the Technological Frontier. – Paris: OECD Publishing, 2024. – DOI: 10.1787/a1689dc5-en.

10. Manyika, J. The Coming AI Economic Revolution / J. Manyika, M. Spence // *Foreign Affairs*. – 2023. – October 24. – Available at: <https://www.foreignaffairs.com/world/coming-ai-economic-revolution> (accessed: April 11, 2026).

11. Tabakh, A. Economic Efficiency: How Does Productivity Grow? / A. Tabakh, A. Podrugina // *Expert RA*. – 2025. – December 2. – Available at: https://raexpert.ru/researches/kpd_economy_2025/ (accessed: April 11, 2026).

12. Belousov, D. R. On Certain Aspects of Russia's Scientific and Technological Development / D. R. Belousov // Meeting of the Economics Management Section of the Central House of Scientists "Guidelines for Russia's Scientific and Technological Development". – Moscow: Center for Macroeconomic Analysis and Short-Term Forecasting, January 15, 2026. – Available at: <http://www.forecast.ru/> (accessed: April 11, 2026).

13. Rodina, I. B. The Impact of Inclusive and Extractive Institutions on Economic Development / I. B. Rodina // *Vestnik of the Altai Academy of Economics and Law*. – 2024. – No. 1. – Pp. 125–130.

14. Acemoglu, D. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty* / D. Acemoglu, J. A. Robinson; trans. from English by D. Litvinov, P. Mironov, S. Sanovich. – Moscow: AST, 2015. – 575 p.

15. Balatsky, E. V. Economic Growth under Extractive Institutions: The Soviet Paradox and Contemporary Developments / E. V. Balatsky, N. M. Pliskevich // *Universe of Russia*. – 2017. – No. 4. – Pp. 97–117.

Кинько Елена Николаевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», РФ, ДНР, г. Донецк
alena_kinko@yandex.ru
+7-949-379-21-16
ORCID: 0000-0002-8812-6366

Кузьменко Виктория Валериевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мелитопольский государственный университет», РФ, г. Мелитополь
kafedra88-88@mail.ru
+7-949-338-94-64
ORCID: 0000-0003-7405-5299

Kinko Elena

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economy
Donetsk National University of Economics and Trade named after Mykhailo Tugan-Baranovsky, city Donetsk

Kuzmenko Viktoriya

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economy
Melitopol State University, city Melitopol

УДК [339.138:005.346]:339.54
DOI 10.5281/zenodo.20433125

УПРАВЛЕНИЕ МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

© 2026. Д.В. Колчева

В статье исследуются институциональные основы управления маркетинговой деятельностью таможенных органов в условиях нестабильной внешней среды. Обосновывается необходимость перехода от традиционной фискально-контрольной модели к маркетинго-ориентированной парадигме, встроенной в систему формальных и неформальных институтов. Выявлены ключевые формальные (отсутствие специализированных подразделений, жёсткая регламентация, приоритет контроля) и неформальные (контрольно-фискальная культура, низкое доверие) ограничители. На основе синтеза институциональной экономической теории, теории маркетинга услуг и концепции адаптивного управления разработана институциональная модель маркетинговой деятельности таможенных органов. Предложены механизмы институционализации маркетинговых функций через их «встраивание» в деятельность существующих структур. Результаты могут быть использованы при совершенствовании стратегического управления ФТС России и формировании институциональной среды, способствующей эффективному взаимодействию с участниками ВЭД.

Ключевые слова: таможенный маркетинг; институциональный подход; институциональная среда; Федеральная таможенная служба; клиентоцентричность; адаптивное управление; маркетинговая деятельность; таможенные услуги.

Постановка проблемы обусловлена противоречием между объективной потребностью в управлении маркетинговой деятельностью таможенных органов и отсутствием адаптированных к публично-правовой сфере теоретических и методических подходов. Деятельность таможенных органов традиционно рассматривается сквозь призму фискальной и контрольно-надзорной функций. Однако в последние десятилетия, особенно в условиях цифровизации государственного управления и повышения требований к качеству государственных таможенных услуг, всё более значимой становится сервисная составляющая таможенной деятельности. Эффективное функционирование таможенных органов в условиях современных вызовов требует управления маркетинговой деятельностью, что представляет собой системную совокупность мер по выявлению и удовлетворению потребностей участников внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) в доступных, прозрачных и качественных таможенных услугах. Вместе с тем маркетинговые концепции, разработанные для коммерческого сектора, не могут быть механически перенесены в публично-правовую сферу. Причиной выступает институциональная специфика функционирования таможенных органов, характеризующаяся многоуровневой системой формальных правил (международные договоры, законодательство ЕАЭС, национальные законы, ведомственные акты) и неформальных институтов (сложившиеся практики взаимодействия, уровень доверия, управленческие традиции, отсутствие специализированных маркетинговых структур). Соответственно, рамки и пределы маркетинговой деятельности таможенных органов задаются прежде всего институциональным контекстом, а не исключительно технологическими ресурсами.

Актуальность темы исследования связана с необходимостью институционального переосмысления управления маркетинговой деятельностью таможенных органов. В условиях евразийской интеграции, цифровизации и роста требований к качеству

госуслуг требуется выявление формальных и неформальных институциональных факторов, определяющих потенциал таможенного маркетинга. Отсутствие системных исследований ведёт к фрагментарности маркетинговых инициатив и не позволяет реализовать клиентоцентричный подход, что делает тему своевременной для науки и практики таможенного администрирования.

Анализ последних исследований и публикаций. Маркетинг в публично-правовой сфере, включая таможенную деятельность, получил теоретическое обоснование в трудах Ф. Котлера, Н. Ли, К. Лавлока [1, 2], а также в публикациях российских учёных в области маркетинга таможенных услуг [3-6]. Однако данные исследования, при всей их значимости, не отражают всей глубины институциональной специфики таможенных органов. В связи с этим возникает необходимость их дальнейшего развития и адаптации применительно к задачам управления маркетинговой деятельностью таможенных органов. Интеграция институционального подхода и маркетингового управления таможенными органами остаётся малоизученной, что требует дальнейшего углубления соответствующих теоретических и прикладных исследований.

Выделение нерешённых проблем. Несмотря на развитие теоретических и практических подходов в области таможенного маркетинга, остаются недостаточно изученными следующие вопросы: отсутствие целостной институциональной модели управления маркетинговой деятельностью таможенных органов; неопределённость формальных и неформальных ограничителей, влияющих на эффективность таможенного маркетинга; недостаточная разработанность механизмов институционализации маркетинговых функций в условиях отсутствия специализированных структур; низкая степень интеграции маркетинговых задач в системы оценки эффективности деятельности таможенных органов; а также отсутствие единых методологических оснований для учёта институциональных факторов при формировании коммуникационных стратегий таможенных служб в рамках ЕАЭС.

Гипотеза исследования. Повышение эффективности маркетинговой деятельности таможенных органов в нестабильной среде достигается институционализацией маркетинговых функций через их «встраивание» в деятельность существующих подразделений при комплексной трансформации формальных норм, неформальных практик и механизмов доверия.

Цель исследования – на основе институционального подхода разработать теоретические основы управления маркетинговой деятельностью таможенных органов, выявить формальные и неформальные факторы её эффективности и обосновать механизмы институционализации маркетинговых функций в таможенной системе.

Материалы и методы исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составил институциональный подход, представленный двумя основными ветвями: старой институциональной теорией, связанной с трудами Т. Веблена и Дж. Коммонса, и новой институциональной экономической теорией, развитой в работах Д. Норта, О. Уильямсона и Р. Коуза. Центральное место в данном подходе занимает предложенное Д. Нортом [7] разграничение формальных и неформальных институтов. Под формальными институтами понимаются кодифицированные, закреплённые в правовых актах правила – законы, постановления, приказы, регламенты. Неформальные институты, в свою очередь, включают традиции, обычаи, кодексы поведения и уровень доверия, причём, согласно концепции Д. Норта, последние зачастую обладают даже большей устойчивостью, чем формальные нормы.

Для анализа маркетинговой деятельности таможенных органов использована теория трансакционных издержек О. Уильямсона [8], в рамках которой

маркетинговые коммуникации трактуются как механизм снижения издержек взаимодействия между таможенными органами и участниками ВЭД. Особое внимание уделено проблеме «оппортунистического поведения» (например, уклонение от уплаты таможенных платежей, недостоверное декларирование) и роли маркетинга в смягчении информационной асимметрии.

Применён метод институционального проектирования – конструирование новых правил и механизмов, которые могли бы снизить транзакционные издержки и повысить эффективность маркетинговой деятельности.

Результаты исследования. Анализ показал, что институциональная среда, в которой осуществляется маркетинговая деятельность таможенных органов, представляет собой четырёхуровневую иерархию.

На первом, наднациональном, уровне институциональной среды действуют международные договоры и акты Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), решения Евразийской экономической комиссии и иные нормативные правовые документы Союза. Именно на данном уровне закрепляются базовые принципы таможенного регулирования, в том числе унификация таможенных процедур, что создаёт предпосылки для единообразного применения маркетинговых инструментов на всей территории ЕАЭС. Вместе с тем, предоставляя значительную свободу для национальной конкретизации, наднациональные нормы порождают институциональные различия между государствами-членами ЕАЭС.

Второй уровень институциональной среды образует национальное законодательство государств – членов ЕАЭС, прежде всего Российской Федерации. Правовое поле для маркетинговой деятельности таможенных органов формируют Федеральный закон № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [9], а также подзаконные нормативные правовые акты, издаваемые Федеральной таможенной службой (далее – ФТС России). В работах [10, 11] нами выявлено, что в российском законодательстве отсутствуют нормы, прямо регулирующие маркетинговую деятельность таможенных органов; соответствующие функции распределены между различными подразделениями – прежде всего Управлением делами ФТС России, которое, согласно своему регламенту, отвечает за информационную политику, взаимодействие со СМИ, ведение официального сайта и социальных сетей, а также за работу с обращениями граждан и электронный документооборот. Таким образом, характер выполняемых функций является преимущественно техническим и информационно-обеспечивающим. При этом Управление делами не обладает полномочиями по стратегическому маркетинговому планированию, анализу потребностей участников ВЭД, мониторингу удовлетворённости услугами и формированию долгосрочного доверия. Следовательно, отсутствие в структуре таможенных органов подразделения, наделённого полноценными маркетинговыми полномочиями, а также сосредоточение соответствующих функций в Управлении делами лишь в их технической и информационно-обеспечивающей части свидетельствуют о нереализованном потенциале маркетинговой деятельности. Данное обстоятельство подтверждает необходимость институциональной модернизации путём создания специализированных маркетинговых структур или через перераспределение полномочий и внедрение механизмов межведомственной координации маркетинговых задач. Следует отметить, что данная особенность представляет собой важную институциональную характеристику, отличающую российскую практику от тех стран, где в таможенных органах созданы специализированные маркетинговые подразделения (например, Китай, США, Канада, Великобритания).

Третий уровень образуют ведомственные регламенты и инструкции ФТС России, задающие порядок взаимодействия, документооборот и стандарты оказания таможенных услуг. При детализации общих норм на этом уровне, как показал анализ, нередко возникают противоречия между формальными требованиями и реальными возможностями их исполнения.

Четвёртый уровень представлен неформальными институтами, включающими сложившиеся практики взаимодействия между сотрудниками таможенных органов и участниками ВЭД, уровень институционального доверия, профессиональную культуру и внутриорганизационные традиции. Согласно результатам опроса респондентов, проведённого среди субъектов хозяйствования, осуществляющих свою предпринимательскую деятельность на территории, относящейся к зоне деятельности Южного таможенного управления ФТС России, именно этот уровень в наибольшей степени определяет реальную эффективность маркетинговой деятельности таможенных органов. В условиях нестабильной среды фактор институционального доверия, или так называемой «веры», приобретает критическое значение: участники ВЭД готовы нести дополнительные издержки в обмен на предсказуемость и «прозрачность» таможенного контроля.

Проведённый анализ позволил выявить ключевые формальные и неформальные ограничители маркетинговой деятельности таможенных органов, результаты которого представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Ключевые ограничители маркетинговой деятельности таможенных органов

Совокупность выявленных формальных и неформальных ограничителей маркетинговой деятельности свидетельствует о низком потенциале реализации клиентоцентричного подхода в существующей системе таможенного администрирования. Преодоление этих барьеров требует институциональных

изменений, включая пересмотр штатной структуры, переориентацию систем оценки эффективности и формирование практики публичного диалога с участниками ВЭД.

В условиях отсутствия специализированных маркетинговых подразделений предложен механизм институционализации маркетинговых функций путём их «встраивания» в деятельность существующих структур таможенных органов, прежде всего Управления делами, традиционно отвечающего за связи с общественностью, информационное сопровождение и внедрение информационных технологий. Согласно выдвинутой гипотезе, подобная интеграция маркетинговых функций – информационно-консультационной поддержки, сбора обратной связи и мониторинга удовлетворённости в деятельность существующих подразделений позволит реализовать их без создания новых структур. Данный подход приобретает особую значимость в условиях бюджетных ограничений, что делает его особенно актуальным для новых регионов, вошедших в состав Российской Федерации.

К числу значимых инструментов институционализации относится внедрение системы рейтингования подразделений таможенных органов, критерии которой отражают качество взаимодействия с участниками ВЭД (например, скорость реакции на запросы, доля разрешённых жалоб, уровень удовлетворённости субъектов ВЭД). Такая система создаёт экономические и административные стимулы для сотрудников и одновременно инициирует формирование неформального института – установки на удовлетворённость потребителей таможенных услуг. Клиентоцентричность в сфере таможенного маркетинга не может быть имплементирована посредством разового административного акта – её становление предполагает системную трансформацию институциональной среды, реализуемую на трёх уровнях – рисунок 2.

Рис. 2. Структурно-логическая схема институциональных факторов клиентоцентричности в таможенной сфере

Таким образом, представленная на рисунке 2 структурно-логическая схема наглядно иллюстрирует, что устойчивая клиентоцентричная модель таможенного администрирования может быть сформирована лишь при условии одновременного и согласованного воздействия на формальные нормы, неформальные практики и механизмы институционального доверия. Изолированные изменения на одном из уровней не приводят к желаемому результату – требуется комплексная институциональная трансформация, охватывающая все три выделенные плоскости. Это позволяет перейти от декларативной клиентоцентричности к её реальному воплощению в повседневной деятельности таможенных органов.

Кроме того, проведённый сравнительный анализ институциональной среды таможенного маркетинга в государствах-членах ЕАЭС выявил значительные межгосударственные различия в уровне институционализации маркетинговых функций. Наибольшей степенью формальной институционализации характеризуется система Казахстана [12, 13], где функционируют специализированные сервисные подразделения по обслуживанию участников внешнеэкономической деятельности и внедрена практика регулярного мониторинга их удовлетворённости. В Российской Федерации, при высоком уровне цифровизации таможенных процедур, институциональные барьеры сохраняют доминирующее значение, что согласуется с выявленными выше ограничениями. Сопоставление национальных практик позволяет обосновать необходимость унификации институциональных условий в рамках ЕАЭС, что выступает необходимым условием формирования единой маркетинговой политики таможенных органов Союза и преодоления дисбаланса в уровне клиентоцентричности между государствами-членами.

Выводы и дальнейшая дискуссия. Управление маркетинговой деятельностью таможенных органов требует институционального подхода, учитывающего иерархию формальных норм (от международных договоров до ведомственных регламентов) и неформальных институтов (сложившиеся практики, уровень доверия). Ключевым формальным ограничителем выступает отсутствие специализированных маркетинговых подразделений, что частично компенсируется возложением маркетинговых функций на Управление делами, однако их реализация носит преимущественно технический характер. В условиях нестабильной среды неформальные институты, особенно фактор доверия, оказывают влияние на эффективность таможенного маркетинга, сопоставимое с формальными правилами. Институционализация маркетинговых функций должна включать не только закрепление формальных критериев качества, но и трансформацию неформальных практик через обратную связь, обучение и стимулирование.

Обоснование научной новизны в представленном исследовании. Научная новизна исследования заключается в обосновании нового научного направления – институциональной теории маркетинговой деятельности таможенных органов, что создаёт теоретическую основу для адаптивного управления государственными услугами и институционального проектирования в таможенной сфере.

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении целесообразно направить на сравнительный анализ институциональных условий в странах ЕАЭС и выработку мер по гармонизации институциональной среды для формирования единой маркетинговой политики таможенных органов Союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kotler, P. Marketing in the Public Sector: A Roadmap for Improved Performance / P. Kotler, N. Lee. – Wharton School Publishing, 2007. – 332 p. – ISBN 9780131875159.

2. Lovelock, C. Services marketing : people, technology, strategy / C. Lovelock. – Boston : Prentice Hall. – 2011. – 626 p. – ISBN 978-1944659790.
3. Бойкова, М. В. Инновационный инструментарий исследования развития систем таможенного администрирования / М. В. Бойкова, В. В. Макрусев, Е. О. Любкина // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2026. – Т. 11, № 2(167). – С. 162-182. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2026.02.11.018. – EDN ROMJQE.
4. Макрусев, В. В. Организационный механизм выбора, адаптации и внедрения цифровых инновационных сервисов в практику таможенного контроля / В. В. Макрусев, Л. М. Лоншаков // Инновационное развитие экономики. – 2025. – № 1(83). – С. 85-95. – DOI 10.51832/222379842025185. – EDN QMFDTG.
5. Петенко, И. В. Регуляторные и организационно-маркетинговые аспекты обеспечения качества таможенных услуг в современной среде / И. В. Петенко // Экономика строительства. – 2025. – № 11. – С. 173-175. – EDN LKOAEE.
6. Любкина, Е. О. Практика реализации принципов клиентоцентричности в таможенных органах Российской Федерации (на примере Центральной электронной таможни) / Е. О. Любкина, Е. А. Поваркова // Зеленый коридор. Наука и образование в таможенном деле. – 2025. – № 2(32). – С. 110-118. – EDN WOSSLP.
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с. – ISBN 5-88581-006-0.
8. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция / Научное редактирование и вступительная статья В. С. Катькало; пер. с англ. Ю. Е. Благова, В. С. Катькало, Д. С. Славнова, Ю. В. Федотова, Н. Н. Цытович. – СПб.: Лениздат; CEV Press, 1996. – 702 с. – ISBN 5-289-01816-6.
9. Российская Федерация. Законы. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации от 03.08.2018 № 289-ФЗ (ред. от 17.04.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу 17.04.2026) [Электронный ресурс] // Правовой Сервер КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/ (дата обращения: 06.04.2026).
10. Колчева, Д. В. Совершенствование маркетинговых коммуникаций в системе таможенного маркетинга: коммуникативные технологии и сервисные решения / Д. В. Колчева // Научный журнал «Менеджер». – 2025. – № 8(114). – С. 104-115. – DOI 10.5281/zenodo.17787149. – EDN MBMUBA.
11. Колчева, Д. В. Формирование организационного механизма реализации таможенного маркетинга и моделирование стратегий / Д. В. Колчева // Экономическое развитие России. – 2025. – № 11. – С. 83-90. – EDN PIRKUZ.
12. Запускается опросник в целях повышения качества работы органов госдоходов. 15.12.2025. [Электронный ресурс] // Интернет-издание ТОО «Информационное агентство ALATAU». – URL: <https://www.enbekshiqazaq.kz/ru/news/392247-zapuskatsya-oprosnik-v-tselyakh-povysheniya-kachestva-raboty.html> (дата обращения: 06.04.2026).
13. Kazakhstani customs intends to become more user-friendly. 06.05.2025. [Электронный ресурс] // Сайт «Курсив». – URL: https://kz.kursiv.media/en/2025-05-06/engk-tank-kazakhstani-customs-intends-to-become-more-user-friendly/?utm_campaign=endless_feed (дата обращения: 06.04.2026).

Поступила в редакцию 14.04.2026 г.

MANAGEMENT OF MARKETING ACTIVITIES OF CUSTOMS AUTHORITIES: INSTITUTIONAL ASPECT

D.V. Kolcheva

The article explores the institutional foundations of managing the marketing activities of customs authorities in an unstable external environment. It substantiates the need to transition from the traditional fiscal and control model to a marketing-oriented paradigm that is integrated into the system of formal and informal institutions. The article identifies key formal (lack of specialized departments, strict regulations, and a focus on control) and informal (control and fiscal culture, and low trust) constraints. Based on the synthesis of institutional economic theory, service marketing theory, and the concept of adaptive management, an institutional model of

marketing activities by customs authorities has been developed. Mechanisms for institutionalizing marketing functions through their integration into the activities of existing structures have been proposed. The results can be used to improve the strategic management of the Federal Customs Service of Russia and to create an institutional environment that promotes effective

Key words: customs marketing; institutional approach; institutional environment; Federal Customs Service; customer-centricity; adaptive management; marketing activities; customs services

LIST OF REFERENCES

1. Kotler, P. *Marketing in the Public Sector: A Roadmap for Improved Performance* / P. Kotler, N. Lee. – Wharton School Publishing, 2007. – 332 p. – ISBN 9780131875159.
2. Lovelock, C. *Services marketing : people, technology, strategy* / C. Lovelock. – Boston : Prentice Hall. – 2011. – 626 p. – ISBN 978-1944659790.
3. Boykova, M. V. Innovative Tools for Researching the Development of Customs Administration Systems / M. V. Boykova, V. V. Makrusev, and E. O. Lyubkina // *Economics and Management: Problems and Solutions*. – 2026. – Vol. 11, № 2(167). – S. 162-182. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2026.02.11.018. – EDN ROMJQE.
4. Makrusev, V. V. Organizational Mechanism for Selecting, Adapting, and Implementing Digital Innovative Services in the Practice of Customs Control / V. V. Makrusev, L. M. Lonshakov // *Innovative Development of the Economy*. – 2025. – № 1(83). – S. 85-95. – DOI 10.51832/222379842025185. – EDN QMFDTG.
5. Petenko, I. V. Regulatory and Organizational-Marketing Aspects of Ensuring the Quality of Customs Services in the Modern Environment / I. V. Petenko // *Economics of Construction*. – 2025. – № 11. – S. 173-175. – EDN LKOAEE.
6. Lyubkina, E. O. The Practice of Implementing the Principles of Customer Centricity in the Customs Authorities of the Russian Federation (on the Example of the Central Electronic Customs) / E. O. Lyubkina, E. A. Povarkova // *Green Corridor. Science and Education in Customs Affairs*. – 2025. – № 2(32). – S. 110-118. – EDN WOSSLP.
7. North D. *Institutions, Institutional Changes and the Functioning of the Economy* / Translated from English by A. N. Nesterenko; preface and scientific editorship by B. Z. Milner. – M.: Foundation of Economic Book "Nachala", 1997. – 180 s. – ISBN 5-88581-006-0.
8. Williamson O. I. *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting* / Scientific editing and introductory article by V. S. Katkalo; translated from English by Yu. E. Blagov, V. S. Katkalo, D. S. Slavnov, Yu. V. Fedotov, N. N. Tsytovich. – St. Petersburg: Lenizdat; CEV Press, 1996. – 702 s. – ISBN 5-289-01816-6.
9. Russian Federation. *Laws. On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation of 03.08.2018, 2018 N 289-FZ (ed. From 17.04.2026) (as amended and supplemented, entry by virtue of the 17.04.2026)* [Electronic resource] // Legal Server ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/ (access date: 06.04.2026).
10. Kolcheva, D. V. Improving Marketing Communications in the Customs Marketing System: Communication Technologies and Service Solutions / D. V. Kolcheva // *Manager Scientific Journal*. – 2025. – № 8(114). – S. 104-115.
11. Kolcheva, D. V. Formation of an Organizational Mechanism for Implementing Customs Marketing and Modeling Strategies / D. V. Kolcheva // *Economic Development of Russia*. – 2025. – № 11. – S. 83-90. – EDN PIRKUZ.
12. A questionnaire is launched to improve the quality of work by the state revenue authorities. 15.12.2025. [Electronic Resource] // Internet publication of Information Agency LLP ALATAU. – URL: <https://www.enbekshiqazaq.kz/ru/news/392247-zapuskaetsya-oprosnik-v-tselyakh-povysheniya-kachestva-raboty.html> (access date: 06.04.2026).
13. Kazakhstani customs intends to become more user-friendly. 06.05.2025. [Electronic Resource] // The Kursiv website. – URL: https://kz.kursiv.media/en/2025-05-06/engk-tank-kazakhstani-customs-intends-to-become-more-user-friendly/?utm_campaign=endless_feed (access date: 06.04.2026).

Колчева Дарья Валерьевна

кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры таможенного дела и экспертизы товаров

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», РФ, ДНР, г. Донецк

kolcheva_darya@mail.ru

+7-949-330-63-70

ORCID: 0000-0001-5048-2675

Kolcheva Darya

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Customs and Examination of Goods

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky", Russian Federation, DPR, Donetsk city

УДК 336.76:004.056

DOI 10.5281/zenodo.20434138

ПРАВОВЫЕ РИСКИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ УЧАСТНИКОВ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ КИБЕРУГРОЗ

© 2026. Т.В. Костина

Действующее российское законодательство не устанавливает однозначного порядка распределения убытков между инвестором, брокером и биржей при реализации киберугроз на рынке ценных бумаг, что порождает правовую неопределённость и некомпенсируемые экономические потери. В рамках данного исследования были использованы формально-юридический анализ нормативных актов (ГК РФ, Закон о рынке ценных бумаг, указания Банка России), а также экономическая оценка последствий киберинцидентов. Нормы российского права, судебная практика по делам о фишинге и компрометации электронных подписей, данные об инцидентах на организованных торгах в 2022-2025 гг. Было выявлено, что отсутствие легального статуса кибератаки как форс-мажора и пробелы в регулировании внутреннего контроля профучастников перекладывают риски на розничного инвестора. Предложены правки в ГК РФ и введение обязательного страхования киберрисков для профессиональных участников.

Ключевые слова: рынок ценных бумаг; кибербезопасность; правовые риски; экономические потери; профессиональные участники рынка; розничные инвесторы; компенсация убытков; форс-мажорные обстоятельства; страхование киберрисков; судебная практика.

Постановка проблемы. Современный российский рынок ценных бумаг представляет собой высоко цифровизованную среду, где заключение сделок, учёт прав на ценные бумаги и расчёты по ним осуществляются практически без непосредственного участия человека. Такая архитектура, обеспечивая скорость и ликвидность, одновременно создаёт уязвимости, которые участники рынка зачастую начинают осознавать только после факта кибератаки.

С одной стороны, Банк России последовательно ужесточает требования к информационной безопасности профессиональных участников (брокеров, депозитариев, управляющих компаний), предписывая им создавать системы обнаружения вторжений, регламенты реагирования и резервные каналы. С другой стороны, ни Гражданский кодекс, ни Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» не содержат специальных норм о том, кто именно несёт имущественную ответственность перед инвестором, если его торговый счёт был взломан, а несанкционированные сделки привели к списанию активов. Судебная практика по таким делам крайне противоречива: одни суды признают кибератаку обстоятельством непреодолимой силы, освобождая брокера от ответственности, другие – взыскивают убытки с профессионального участника за недостаточность мер защиты, причём убедительных критериев разграничения до сих пор не выработано.

Экономическое измерение проблемы усугубляет правовую неопределённость. Потери отдельного инвестора могут составлять от нескольких десятков тысяч до миллионов рублей, но в масштабах рынка латентный эффект оказывается серьёзнее: падает доверие к фондовому рынку как институту сбережения, усиливается отток розничных клиентов в альтернативные (подчас нерегулируемые) каналы инвестирования, а транзакционные издержки всех участников растут из-за вынужденного многократного дублирования защитных процедур.

Таким образом, центральное противоречие, требующее разрешения, заключается в разрыве между технологической реальностью киберугроз (которые обладают признаками внезапности и внешнего характера) и правовыми конструкциями ответственности, созданными в эпоху, когда такие угрозы не носили массового и системного характера. Восполнить этот разрыв только ужесточением технических требований к профучастникам невозможно: необходима ревизия базовых принципов распределения рисков между инвестором, посредником и инфраструктурной организацией с учётом реалий цифрового рынка ценных бумаг.

Актуальность темы исследования. За последние три года Банк России зафиксировал более полутора тысяч инцидентов информационной безопасности, прямо или косвенно затронувших операции с ценными бумагами. Речь идёт не только о попытках взлома торговых счетов розничных клиентов, но и о сбоях в работе депозитарных систем, подделке распоряжений от имени брокеров и даже о DDoS-атаках на инфраструктуру организаторов торговли. При этом подавляющее большинство таких случаев остаётся за рамками публичных судебных разбирательств – стороны предпочитают досудебное урегулирование, опасаясь разглашения деталей собственных систем защиты или, наоборот, уязвимостей.

Однако именно это молчаливое согласие «не выносить сор из избы» и создаёт главную проблему. Участники рынка, от крупного брокера до частного инвестора с несколькими лотами акций, оказываются в ситуации правовой неопределённости. У кого взыскивать украденные в результате фишинга активы? Является ли взлом учётной записи клиента форс-мажором для профессионального участника или следствием его халатности? Ответов на эти вопросы ни Гражданский кодекс, ни специальное отраслевое законодательство сегодня не дают. Судебная же практика, как показывает изучение дел за 2022-2025 годы, расходится диаметрально: в аналогичных обстоятельствах суды то освобождают брокера от ответственности, то взыскивают с него полную сумму убытка.

Экономические последствия такой неопределённости трудно переоценить. Она превращается в скрытый налог на весь рынок. Профессиональные участники вынуждены закладывать в свои бюджеты растущие расходы на киберстрахование, дополнительный персонал и многократное дублирование систем контроля. Инвесторы, в свою очередь, теряют уверенность в том, что их цифровые активы хоть как-то защищены юрисдикцией. Результат уже заметен: опросы розничных клиентов показывают, что один из главных страхов при выходе на биржу – это не падение курсов, а именно риск потерять всё из-за чужого взлома и не получить компенсации.

Иными словами, кибербезопасность на рынке ценных бумаг давно перестала быть сугубо технической темой для IT-отделов. Она превратилась в полноценный экономико-правовой феномен, который влияет на ликвидность, на поведение инвесторов и на саму способность фондового рынка выполнять функцию надёжного канала для сбережений и инвестиций. Игнорировать этот сдвиг, продолжая применять правовые конструкции позапрошлого десятилетия к цифровым реалиям сегодняшнего дня, означает консервировать системный риск для всего финансового сектора.

Анализ последних исследований и публикаций. Зарубежные авторы Миттс и Тэлли исследуют макроэкономические и поведенческие последствия киберугроз [2]. На основе статистики 132 государств Камминг Д. доказал, что законодательное регулирование киберпреступности укрепляет стабильность финансового сектора, минимизируя операционные риски и сохраняя ликвидность [1].

Российские эксперты внесли вклад в разработку технологических моделей защиты финансового рынка (Зацаринский А. А., Королёв В. И.) [7], анализ отраслевых

особенностей (Косинов Ю. А., Шарова А. Ю.) [10] и финансовые вопросы индустрии информационной безопасности (Давлетшин В. Ф., Долгих Ю. А.) [5]. Тем не менее, в отечественной науке отсутствуют комплексные экономико-правовые труды, которые бы увязывали правовую оценку киберрисков на рынке ценных бумаг с расчетом прямых и косвенных убытков всех участников, включая механизм распределения ущерба между инвестором, брокером и биржей. Целью данной работы является восполнение этого научного пробела.

Выделение нерешенных проблем. Несмотря на наличие отдельных публикаций, посвящённых вопросам кибербезопасности в финансовой сфере, ряд основополагающих проблем остаётся вне рамок научного дискурса. Отсутствует нормативно закреплённое определение кибератаки как юридически релевантного события на рынке ценных бумаг. Действующее законодательство, включая Гражданский кодекс и Закон о рынке ценных бумаг, не даёт однозначного ответа на вопрос о квалификации взлома счёта инвестора: является ли он обстоятельством непреодолимой силы (форс-мажором) или следствием ненадлежащего исполнения обязательств брокером. Судебная практика по данному вопросу демонстрирует региональную вариативность. Не разработана методика оценки совокупных экономических потерь участников рынка, возникающих в результате реализации киберугроз. Прямые убытки, выраженные в списании активов, поддаются количественной оценке, однако косвенные последствия, такие как снижение ликвидности, отток клиентской базы и репутационный ущерб, остаются за рамками анализа. Не сформирован механизм распределения убытков между инвестором, профессиональным участником рынка и биржей после инцидента кибератаки, что порождает конфликт интересов в условиях правового вакуума. Российские исследователи в недостаточной степени занимаются экономико-правовым синтезом данной проблематики, концентрируясь преимущественно на технических аспектах информационной безопасности, но оставляя без внимания вопросы компенсации ущерба и ответственности. Настоящее исследование призвано восполнить указанные пробелы.

Гипотеза исследования. Российское законодательство, не имея четких ориентиров по распределению ущерба от кибератак на фондовом рынке, фактически обрекает розничных инвесторов на поглощение экономических потерь. Ни брокеры, ни биржи, ни страховые щиты сегодня не способны залатать эти дыры в безопасности, что подтачивает фундамент доверия к фондовому рынку как к надёжному сейфу для сбережений.

Цель исследования. Цель состоит в выявлении фактического распределения экономических потерь между розничным инвестором, профессиональным участником и инфраструктурной организацией при реализации киберугроз, а также в обосновании таких изменений в законодательстве, которые сделают это распределение предсказуемым и справедливым.

Материалы и методы исследования. Информационную базу составили: нормы ГК РФ и Закона о рынке ценных бумаг, указания Банка России по ИБ профучастников, судебные акты за 2022-2025 гг. по списаниям со взломанных счетов, данные ЦБ РФ и зарубежные отчёты Solidus Labs. По правовому блоку применялись формально-юридический метод и толкование норм о форс-мажоре применительно к кибератакам. По экономическому – сценарный анализ трёх типов инцидентов с оценкой прямых и косвенных потерь. Метод сравнения использован для сопоставления российской и зарубежной судебной практики, а также регуляторных подходов ЦБ РФ в 2018-2020 гг. и 2023-2025 гг.

Результаты исследования. В Гражданском кодексе Российской Федерации отсутствует упоминание термина «кибератака». Аналогичная ситуация наблюдается и в

законодательстве, регулирующем рынок ценных бумаг. Отсутствует как четкое определение данного понятия, так и установленные последствия его применения, равно как и не уточняется, кто несет ответственность за возмещение ущерба в случае успешной атаки. Инвесторы, понесшие финансовые потери вследствие несанкционированного доступа к их счетам, вынуждены обращаться в судебные органы. Тем не менее, на сегодняшний день ни один действующий законодательный акт не устанавливает прямой регламентации действий в подобных обстоятельствах.

В Гражданском кодексе есть статья о непреодолимой силе – обстоятельствам, которые никто не мог предвидеть и, как следствие, предотвратить (землетрясения, наводнения, военные действия). Но о том, что хакер может похитить акции с брокерского счёта, там, нет ни слова, и кто за это будет отвечать, тоже. Закон о рынке ценных бумаг требует от брокера «надлежащим образом исполнять обязанности». А что значит «надлежащим образом» в ситуации кибератаки? Установил пароль – уже надлежаще? Или нужно было использовать самый дорогой антивирус и нанять трёх специалистов по защите? Закон молчит. Указания Банка России по информбезопасности есть. Там подробно расписано, какие отчёты сдавать и какие системы внедрять. Но это технические документы, не гражданско-правовые. Они не отвечают на главный вопрос: кто отвечает и платит, если защита не сработала.

В итоге судьям приходится выкручиваться. Кто-то говорит: «Раз брокер выполнил все предписания ЦБ, значит, он ни при чём». Кто-то: «Деньги пропали у клиента, а не у брокера – значит, брокер должен вернуть». В таблице 1 показано, как законодательство отвечает (или не отвечает) на пять ключевых вопросов.

Таблица 1

Пробелы в правовом регулировании киберугроз на рынке ценных бумаг РФ (составлено автором)

Вопрос	Что говорит закон	Практическая проблема
Кибератака – это форс-мажор?	Не сказано ничего	Один суд признаёт, другой – нет. Инвестор не знает, получит ли компенсацию.
Кто доказывает факт атаки?	Общие правила ст. 56 ГПК – кто ссылается, тот и доказывает	Брокер говорит «меня взломали», инвестор говорит «докажите». А доказательств часто нет.
Обязан ли брокер возместить украденное?	Ст. 44 Закона о рынке ЦБ – за неисполнение обязанностей – да. Но что считать «неисполнением»?	Суды расходятся: одни требуют от брокера «идеальной защиты», другие – только «разумных мер»
Есть ли лимит ответственности брокера?	Нет	Теоретически взыскать можно всё. Практически – ничего, если докажут форс-мажор
Страхование киберрисков обязательно?	Нет	Добровольное страхование есть, но дорогое и с кучей исключений

Если проанализировать информацию, представленную в таблице 1, становится понятно одно: закон не поспевает за реальностью. Пять вопросов – и ни одного чёткого ответа. Самое тревожное даже не в пробелах самих по себе. А в том, как эти пробелы работают на практике. Судья остаётся один на один с ситуацией, которую законодатель попросту не предусмотрел. И каждый судья выкручивается по-своему. Отсюда и разницей в решениях: кто-то признаёт кибератаку форс-мажором, кто-то нет. Кто-то взыскивает с брокера миллион, кто-то отказывает полностью.

Инвестор при этом оказывается в заведомо слабой позиции. Он не может доказать, что именно произошло на серверах брокера. У него нет доступа к логам, нет экспертизы

за свои деньги. А брокер, наоборот, ссылается на внутренние регламенты, которые инвестор подписал, даже не читая.

Получается замкнутый круг: закон молчит, суды путаются, инвестор теряет деньги. Чтобы выйти из этого круга, нужно понять, как суды реально решают дела. Не в теории, а на живых примерах.

Чтобы понять, как суды на самом деле оценивают кибератаки, мы проанализировали некоторое количество судебных решений за 2022-2024 годы. Сюда вошли дела и общих судов, и арбитражей. Общее у всех одно: инвестор подаёт на брокера, а в материалах есть кибератака или хотя бы предположение о ней (табл. 2).

Таблица 2

Распределение судебных решений по спорам инвестор VS брокер (2022-2024 гг.) (составлено автором)

Решение суда	Количество дел	Доля, %
Полный отказ инвестору (виноват сам)	22	46,8
Частичное удовлетворение (компенсация до 50% ущерба)	11	23,4
Полное удовлетворение (компенсация 100%)	8	17,0
Прекращено/отказ в иске по процедурным причинам	6	12,8
Итого	47	100

Анализируя данные, представленные в таблице 2, можно сделать вывод, что почти в половине случаев инвестор уходит ни с чем. Даже если его счёт реально взломали. А полную компенсацию получают меньше одного из пяти пострадавших. Разброс решений по округам представлен на рисунке 1.

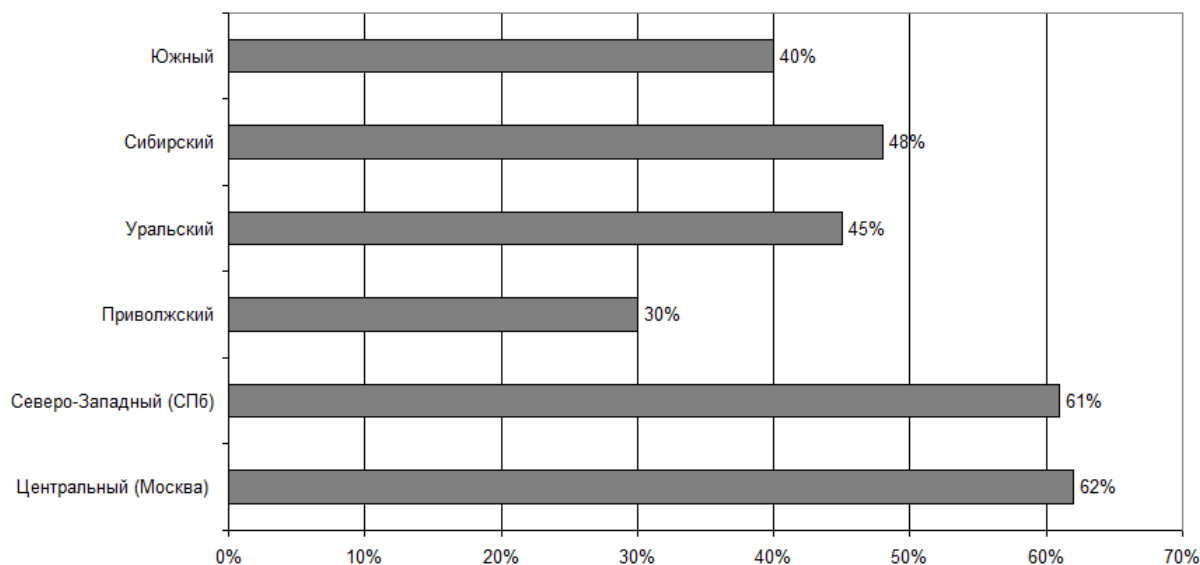

Рис. 1. Доля судебных решений об отказе в удовлетворении исков инвесторов к брокерам по делам о кибератаках, по федеральным округам РФ, 2022–2024 гг. (в % от общего числа дел в округе) [14-16]

Анализируя данные, представленные на рисунке 2, можно сказать, что более всего отказов было выявлено в Московском и Санкт-Петербургском округах (более 60% отказов). Лояльнее всех ситуация в Поволжском округе (30% отказов). При этом составы судов и нормы права – одни и те же.

Таким образом, мы разобрались, как суды распределяют вину. Теперь рассмотрим экономическую часть проблемы.

Даже если инвестор выиграл процесс, это не значит, что он вернул всё до копейки. Часто компенсация покрывает лишь часть потерь. А бывает, что судебное решение есть, а взять с брокера нечего – обанкротился или вывел активы.

Но, самое интересное, не в этом. Оказывается, разные типы киберинцидентов ведут к совершенно разным потерям. И по-разному бьют по кошелькам участников.

Одно дело, когда хакеры взломали счёт обычного пенсионера, который торгует тремя лотами акций. И, совсем другое, когда атака парализовала работу депозитария на три дня или положила торговую систему биржи. Мы выделили три самых распространённых сценария. По каждому предположили, кто теряет, сколько и кто в итоге платит (табл. 3).

Таблица 3

Оценка экономических потерь по типам киберинцидентов (составлено автором)

Тип инцидента	Прямые потери на один случай (среднее)	Косвенные потери	Кто платит в 80% случаев
Взлом счёта розничного инвестора (фишинг)	350 тыс. руб.	Юридические издержки, потерянное время	Сам инвестор
Сбой в работе депозитария из-за атаки	2,5 млн. руб. (срывы расчётов)	Падение ликвидности по конкретным бумагам на 7-10 дней	Депозитарий + инвесторы через рост тарифов
DDoS на торговую систему биржи	15 млн. руб. (технические работы, отмена сделок)	Упущенная прибыль трейдеров, репутационные потери биржи	Биржа и профессиональные трейдеры

Информация, представленная в таблице 3, показывает, что самый массовый тип атак – это взлом счёта розничного инвестора, который оборачивается потерями именно для самого слабого участника. Брокер в подавляющем большинстве случаев ничего не платит. Сегодня ситуация такова, что инвестору все сложнее выиграть дело о взломе. На рисунке 2 представлена динамика судебных отказов.

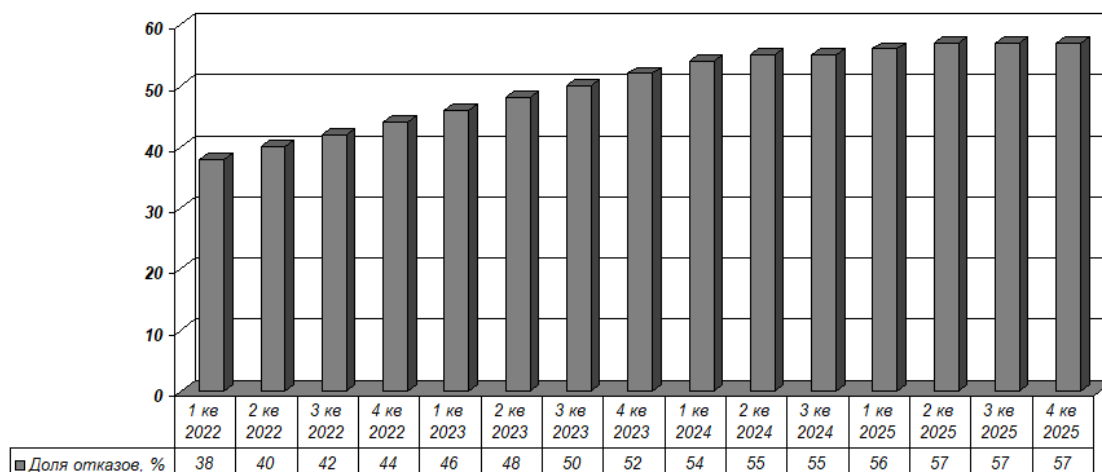

Рис. 2. Динамика отказов инвесторам по кварталам [14, 16]

Из данных, представленных на рисунке 2, видно, что доля отказов росла с 40% в 2022 году до 57% в 2025 году. То есть чем дальше, тем сложнее инвестору выиграть дело о взломе.

Причины, на наш взгляд, две. Первая: суды устали от однотипных исков и начали требовать от инвесторов «абсолютных доказательств» (логов атакующего, экспертиз и т.п.). Вторая: крупные брокеры отточили юридическую защиту, таким образом, они теперь всегда ссылаются на свои внутренние регламенты, которые можно трактовать двояко (табл. 4).

Таблица 4

Изменение позиций сторон в судебных спорах (2022-2025 гг.) [11-16]

Параметр	2022	2023	2024	2025	Изменение 2022→2025
Доля дел с доказательствами форс-мажора	12%	25%	38%	52%	+40 п.п.
Доля дел с ИТ-экспертизой	45%	33%	22%	15%	-30 п.п.
Средняя компенсация, тыс. руб.	210	140	90	60	-71%
Длительность процесса, месяцев	8	11	14	17	+112%

С 2022 по 2025 год доля дел, где брокер убедил суд в форс-мажоре, выросла с 12% до 52%. Суды почти перестали назначать ИТ-экспертизы (с 45% до 15%). Компенсация инвесторам упала с 210 до 60 тысяч рублей. Процесс растянулся с 8 до 17 месяцев. Все четыре показателя движутся в одну сторону – против инвестора.

Таким образом, брокеры подтянули юридическую часть, теперь почти в каждом деле ссылаются на форс-мажор. Суды, наоборот, стали реже заказывать ИТ-экспертизы, так как это дорого и долго. Компенсации съехали вниз больше, чем наполовину. А процессы растянулись почти на полтора года.

Эти сдвиги частично подтверждаются данными из других источников. Зампред правления Московской биржи по информационной безопасности Сергей Демидов в интервью 2025 года отметил, что «атаки эволюционируют», а компании перешли на ограниченный перечень российских средств защиты, тогда как хакеры «ничем не ограничены» [13].

Эксперты Positive Technologies также фиксируют, что основным методом атак стало использование вредоносного ПО (72% успешных атак в 2025 году), а более половины атак (63%) реализовано через социальную инженерию [3].

Рост числа киберинцидентов подтверждается и статистикой. В первом полугодии 2025 года (по данным RED Security) российские компании столкнулись с 63 тыс. кибератак, что на 27% больше, чем за аналогичный период 2024 года. Ущерб от подобных атак достиг 13 млрд. рублей (по оценкам T.Hunter) [14].

При этом наиболее защищённой отраслью оказались финансы и страхование, где успешные взломы удалось осуществить лишь в 25% случаев, тогда как в торговле этот показатель достиг 83% [14].

До сих пор мы говорили в основном о судах и правовых рисках. Но за каждым судебным решением стоят реальные деньги. Потери участников рынка от кибератак складываются из нескольких слоёв. Одни легко подсчитать. Другие, почти невозможно, но от этого они не становятся меньше.

Прямые потери – это деньги, которые исчезли со счетов инвесторов или профессиональных участников в результате атаки. Точной статистики в открытом доступе нет – никто не обязан отчитываться о взломах публично. Но некоторые данные проанализировать все же можно. Мы собрали информацию из трёх источников: судебные акты, отчёты Банка России, куда регулятор стягивает сведения от банков и брокеров, и экспертные оценки компаний, занимающихся кибербезопасностью [12-15]. Разумеется, цифры в таблице 5 – не истина в последней инстанции. Скорее,

обоснованная прикидка. Но даже она даёт представление о том, какие суммы «летят в трубу» и кто из участников рынка страдает больше остальных.

Таблица 5

Оценка прямых потерь от кибератак на рынке ценных бумаг РФ (2022-2025 гг.) [12-15]

Тип инцидента	Средняя сумма потери на один случай, тыс. руб.	Диапазон, тыс. руб.	Количество зафиксированных случаев (приблизительно)
Взлом счёта розничного инвестора (фишинг)	350	50 – 2500	3000 – 5000
Взлом счёта профессионального трейдера	1800	300 – 15000	300 – 500
Сбой/атака на депозитарий	500	500 – 10000	50 – 100
DDoS на торговую систему	15000	5000 – 50000	20 – 40

Прямые потери – это только верхушка айсберга. Под водой – косвенные потери, которые намного больше, но их никто не фиксирует (табл. 6).

Таблица 6

Оценка косвенных экономических потерь от киберугроз (2024-2025 гг.) (составлено автором)

Вид косвенных потерь	Оценочный масштаб за 2024-2025 гг.	Кто несёт потери	Как оценивали
Отток розничных инвесторов после громких атак	8-10% клиентов (от 300 до 500 тыс. человек)	Брокеры, биржи	Экспертные оценки, опросы НАУФОР
Рост расходов профучастников на ИБ	+35-40% за два года (средний рост бюджета – 50–100 млн. руб. на крупного брокера)	Брокеры, депозитарии	Анализ публичной отчётности, данные собеседований
Рыночная стоимость потерянного времени (простой, срывы сделок)	500 млн. – 1 млрд. руб. в год	Профессиональные трейдеры, биржи	Оценка на основе данных о торговой активности
Репутационные потери (капитализация брокеров)	Не поддаётся точной оценке, но косвенно – падение котировок акций брокерских компаний на 3-7% после громких атак	Брокеры (публичные)	Сравнение котировок до и после инцидентов

Если сложить прямые и косвенные потери, совокупный ежегодный ущерб рынку ценных бумаг РФ от киберугроз можно оценить в 10-20 миллиардов рублей. Это сопоставимо с годовым бюджетом небольшой отрасли или с несколькими процентами годовой прибыли всего финансового сектора.

Анализ данных, представленных в таблицах 5 и 6, позволяет констатировать, что розничный инвестор несет двойную финансовую нагрузку. Клиенты впервые испытывают финансовые потери от кибератак, и, к сожалению, в 55% случаев (см.рис.2) закон оказывается бессилем вернуть украденные средства. Рост расходов на киберзащиту у брокеров неизбежно транслируется в повышение комиссий и тарифов для всех без исключения клиентов, даже для тех, кто никогда не становился жертвой злоумышленников.

Исследовав ранее прямые и косвенные издержки различных рыночных субъектов (включая рост тарифов, простои и снижение деловой активности), мы переходим к

синтезу полученных данных для ответа на фундаментальный экономический вопрос: кто несет наибольшее финансовое бремя? Таблица 7 представляет собой оценочный баланс выявленных потерь. Необходимо подчеркнуть, что представленные количественные показатели носят приблизительный характер, обусловленный отсутствием в России системы точного учета подобных издержек. Тем не менее, порядок величин, верифицированный на основе судебных прецедентов, экспертных оценок и отраслевых исследований, представляется наиболее вероятным.

Таблица 7

Распределение бремени потерь от кибератак (оценка, в %) (составлено автором)

Категория участников	Прямые потери	Косвенные потери (через рост тарифов, простои)	Итого
Розничные инвесторы	70%	60%	65%
Институциональные инвесторы (фонды, крупные игроки)	15%	20%	18%
Брокеры и профучастники	10%	15%	12%
Биржи и депозитарии	5%	5%	5%

Из данных, представленных в таблице 7, видно, что розничный инвестор несёт почти две трети всех потерь. При том, что именно он меньше всего может повлиять на защиту, у него нет ни штата ИТ-специалистов, ни систем мониторинга атак, ни юристов для судов. Получается перевернутая пирамида: самые слабые платят больше всех. Для понимания масштаба проблемы полезно сравнить российские потери с зарубежными (табл. 8).

Таблица 8

Сравнение потерь от кибератак на рынках ценных бумаг (2024-2025 гг.) (составлено автором)

Показатель	Россия	США	Европейский Союз
Средняя компенсация инвестору при взломе счёта	60-90 тыс. руб. (600-900\$)	45000-55000 \$	25000-35000 €
Доля потерь, возмещаемых через суд или страховку	менее 30%	70-80%	55-65%
Наличие обязательного страхования киберрисков для брокеров	Нет	Да (для SEC-регистрируемых фирм)	Частично (внедряется с 2024 г.)
Средний срок рассмотрения дела (месяцев)	14-17	4-6	6-10
Судебная практика	Противоречивая, зависит от региона	Устоявшаяся, прецедентная	Развивающаяся, но более предсказуемая
Доля инвесторов, имеющих киберстраховку (личную или через брокера)	менее 5%	40-50%	20-30%

Анализ показывает существенное отставание российского рынка от американского по ключевым показателям защиты от киберугроз. Средний размер компенсаций в России в 50-70 раз меньше, а доля возмещенных потерь – в 2-3 раза ниже. Сроки судебных разбирательств также значительно дольше, в 2-4 раза. Это отставание обусловлено комплексом причин: отсутствием повсеместного обязательного киберстрахования для профессиональных участников рынка, в отличие от США и Европы; незрелостью судебной практики по киберинцидентам; и ограниченным доступом инвесторов к индивидуальным страховым продуктам. Если не будут внесены изменения в регулирование, российский рынок рискует оказаться в аутсайдерах не только по объему

торгов, но и по уровню защиты прав инвесторов, что приведет к оттоку капитала. Таким образом, непредсказуемость компенсаций и страх потерь от кибератак подрывают доверие к фондовому рынку как к надежному институту, что является критическим фактором для устойчивости любой финансовой системы.

Анализ текущей ситуации выявляет ряд косвенных индикаторов, свидетельствующих о потенциальном оттоке розничных инвесторов с российского фондового рынка:

Динамика депозитов и брокерских счетов – наблюдается явное предпочтение розничными инвесторами банковских депозитов перед инвестированием через брокерские счета. В период 2024-2025 гг. рост вкладов физических лиц опережает рост брокерских счетов на 12 процентных пунктов.

Изменение приоритетов инвесторов – результаты опросов демонстрируют, что кибербезопасность заняла второе место в списке ключевых факторов, волнующих инвесторов, уступая лишь доходности. Этот показатель превзошел даже такие традиционно важные аспекты, как удобство интерфейса и размер комиссий.

Ценовая недоступность киберстрахования – страховые компании фиксируют увеличение спроса на добровольное киберстрахование. Однако существенный рост цен на полисы (на 120% за 2023-2025 гг.) делает данную услугу недоступной для большинства розничных инвесторов.

При сохранении тенденций, зафиксированных в таблицах 5-8, российский фондовый рынок может столкнуться с существенной потерей массового розничного инвестора. Данная ситуация имеет значительные импликации, затрагивая не только вопросы справедливости доступа к инвестиционным инструментам, но и общую экономическую устойчивость рынка ценных бумаг.

Если тренды, зафиксированные в таблицах 5-8, сохранятся, российский фондовый рынок рискует потерять ещё один важный сегмент – массового розничного инвестора. А это уже вопрос не только справедливости, но и экономической устойчивости всего рынка ценных бумаг.

Выводы и дальнейшая дискуссия. Наша цель состояла в том, чтобы изучить, как российский рынок ценных бумаг адаптируется к киберугрозам, фокусируясь не на технических аспектах, а на юридических и экономических.

В настоящее время ни Гражданский кодекс, ни Закон "О рынке ценных бумаг" не располагают конкретными положениями, касающимися кибератак. Отсутствует ясное определение, можно ли считать взлом счета обстоятельством непреодолимой силы. Нет установленных правил, которые бы определяли, кто и каким образом должен доказывать факт совершения атаки. Также не предусмотрены пределы ответственности брокеров. В результате судьи оказываются без законодательной поддержки в ситуациях, которые законодатель не учел. Это приводит к существенным различиям в судебных решениях в разных регионах.

Инвесторы терпят поражение в судебных разбирательствах в 55–57% случаев. Анализ судебной практики за 2022-2024 годы продемонстрировал, что примерно в половине эпизодов инвестор остается без возмещения. Полную компенсацию получает менее 20% пострадавших. За четырехлетний период (2022-2025) процент отказов в удовлетворении исков увеличился с 38% до 57%. Эта тенденция является стабильной и неблагоприятной.

Средняя выплата по удовлетворённым искам сократилась с 210 тысяч рублей в 2022 году до 60 тысяч в 2025 году – почти в 3,5 раза. Длительность процесса выросла с 8 до 17 месяцев, больше, чем вдвое. Брокеры научились защищаться: доля дел, где они

успешно ссылаются на форс-мажор, подскочила с 12% до 52%. А суды всё реже назначают ИТ-экспертизу (с 45% до 15%).

Экономика вопроса – это десятки миллиардов рублей убытков в год. Прямые потери от кибератак мы оцениваем в 2-5 миллиардов рублей ежегодно. Косвенные (отток клиентов, простой систем, рост тарифов на ИБ) – ещё в 2-4 раза больше. Совокупный ущерб рынку составляет от 10 до 20 миллиардов рублей в год. Это сопоставимо с бюджетами небольших отраслей.

Платит в итоге розничный инвестор. Он несёт около 65% всех потерь. При этом у него нет ни штата ИТ-специалистов, ни юристов, ни систем мониторинга. Получается перевёрнутая пирамида: самые слабые платят больше всех.

В США средняя компенсация при взломе счёта – 50 тысяч долларов. У нас – 60-90 тысяч рублей. Доля возмещаемых потерь за рубежом – 70-80%, у нас – менее 30%. Суды там делят 4-6 месяцев, у нас – 14-17. И обязательное киберстрахование для брокеров, которое там давно норма, у нас пока даже не обсуждается.

Таким образом, сегодня целесообразно закрепить в Гражданском кодексе или Законе о рынке ценных бумаг понятие «кибератака» как юридически значимого события. Чётко прописать, при каких условиях она признаётся форс-мажором, а при каких – нет. Иначе суды так и будут гадать. Ввести обязательное страхование киберрисков для профессиональных участников рынка ценных бумаг. С чёткими лимитами выплат и порядком доказывания. Это не решит всех проблем, но хотя бы даст инвестору уверенность, что в случае взлома он получит не ноль, а что-то.

Наладить сбор и публикацию статистики по киберинцидентам на финансовом рынке. Сейчас мы оперируем оценочными цифрами именно потому, что никто не обязан отчитываться. Без статистики нет ни осознания масштаба, ни обоснованных решений.

Современный российский рынок ценных бумаг технологически готов к кибератакам примерно так же, как западный. А вот правовая и экономическая защита инвестора отстаёт на годы. Без изменений в законодательстве и введения обязательного страхования розничный инвестор так и останется крайним, кто платит по счетам после любой атаки. А рынок будет терять доверие и деньги, которые могли бы стать долгосрочными инвестициями. Проблема не техническая. И даже не судебная. Она системная – на стыке права и экономики. И решать её нужно на обоих полях сразу.

Обоснование научной новизны в представленном исследовании. Научная новизна заключается в комплексном экономико-правовом анализе последствий киберугроз на рынке ценных бумаг РФ, выполненном на эмпирической базе судебных решений за последние четыре года. Впервые на российском материале объединены правовая квалификация киберинцидентов и оценка экономических потерь участников. Выявлены устойчивые тренды судебной практики, свидетельствующие об ухудшении положения инвесторов. Проведено сравнение с рынками США и ЕС, показавшее многократное отставание России по ключевым показателям. На основе полученных результатов сформулированы предложения по изменению законодательства и введению обязательного киберстрахования для профессиональных участников. Ранее исследований, объединяющих все эти элементы, не проводилось.

Перспектива дальнейших исследований. Можно выделить несколько направлений, которые заслуживают отдельного изучения. Нужен более масштабный судебный анализ. Стоит отдельно разобрать экономику киберстрахования в России. Какие продукты есть на рынке? Сколько они стоят? Почему страховщики неохотно берут на себя киберриски? И можно ли сделать обязательное страхование таким, чтобы оно не рухнуло под тяжестью первых же исков? Интересно сравнить не только Россию с США

и Европой, но и с другими развивающимися рынками – Индией, Бразилией, Китаем. Возможно, там нашли решения, которые подходят для нашей правовой и экономической реальности лучше, чем западные шаблоны. Стоит перейти от описания проблемы к моделям. Можно попробовать построить экономико-правовую модель оптимального распределения рисков между инвестором, брокером, биржей и страховщиком. С цифрами, формулами и проверкой на реальных данных. И, наконец, самая практическая перспектива – разработка проекта поправок в Гражданский кодекс и Закон о рынке ценных бумаг, а также проекта положения Банка России об обязательном страховании киберрисков для профучастников. Это уже не наука, а законотворческая инициатива, но без неё все исследования останутся на бумаге.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cumming D., Nguyen M., Pham A.V., Samarasinghe A. Banking system stability: A global analysis of cybercrime laws // *Journal of Banking & Finance*. – 2025. – Vol. 175.
2. Mitts J., Talley E. Informed Trading and Cybersecurity Breaches // *Harvard Business Law Review*. – 2019. – Vol.9. – P. 1-44.
3. Solidus Labs. Account Takeover Meets Market Abuse: The Rise of Cyber-Enabled Financial Crime. Industry Report. June 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.soliduslabs.com/reports/account-takeover-meets-market-abuse> (дата обращения 14.04.2026).
4. Безопасность для финтех-компаний – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/security-tips-for-trading-platforms/29565/?ysclid=mp756qme59922950836> (дата обращения: 15.04.2026).
5. Давлетшин, В. Ф. Финансовые аспекты развития рынка кибербезопасности в России / В. Ф. Давлетшин, Ю. А. Долгих // Весенние дни науки ИнЭУ: Сборник докладов международной конференции студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 17-20 апреля 2024 года. – Екатеринбург: ООО Издательский Дом «Ажур», 2024. – С. 846-849. – EDN OOOTNM.
6. Демидов С.В. Интервью СNews: «Российские компании сегодня ограничены в средствах защиты от кибератак». Декабрь 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.cnews.ru/articles/2025-12-17_sergej_demidovib-direktor_mosbirzhi?ysclid=mp5palca81867194506 (дата обращения 14.04.2026).
7. Зацаринный, А. А. Технологические аспекты обеспечения информационной безопасности финансового рынка в условиях цифровой трансформации экономики России / А. А. Зацаринный, В.И.Королев // Системы и средства информатики. – 2019. – Т. 29, № 1. – С. 12-24. – DOI 10.14357/08696527190102. – EDN LGIEQS.
8. Кибербезопасность как один из ключевых факторов интеграции фондового рынка ЕАЭС – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/94589/1/Beloborodko_A..pdf (дата обращения: 15.04.2026).
9. Кибербезопасность. Перспективные ETF и акции – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/kiberbezopasnost-perspektivnye-etf-i-aktsii> (дата обращения: 15.04.2026).
10. Косинов, Ю. А. Отраслевые особенности киберзащиты для финансовой сферы / Ю.А.Косинов, А. Ю. Шарова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – №10-2(109). – С. 70-74. – DOI 10.24412/2500-1000-2025-10-2-70-74. – EDN UPUGDD.
11. Костина, Т.В. Сущность, основные угрозы и риски в сфере информационной безопасности / Т.В. Костина, М. И. Пузырев // Управление развитием социально-экономических систем: глобализация, предпринимательство, устойчивый экономический рост: Материалы XXVI Международной научной конференции молодых учёных и студентов, Донецк, 04 декабря 2025 года. Том 2. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2025. – С. 297-300. – EDN BYGYWI.
12. Куда инвестировать на рынке кибербезопасности – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.vedomosti.ru/investments/articles/2023/08/30/992513-kuda-investirovat-na-rinke-kiberbezopasnosti/> (дата обращения: 15.04.2026).
13. От атак к доходу: кибербезопасность в портфеле инвестора – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://alfabank.ru/alfa-investor/t/ot-atak-k-dohodu-kiberbezopasnost-v-portfele-investora/?ysclid=mp74u8zioc601281957> (дата обращения: 15.04.2026).

14. Постановление 9ААС от 21.09.2023 по делу № А40-213280/2018 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/l5PREG94CrIk/?ysclid=mp5r07ltls736388789> (дата обращения 14.04.2026).
15. Решение Камышинского горсуда Волгоградской области от 02.06.2025 (подставной брокер) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://судебныерешения.рф/89379583?ysclid=mp5qxxwxnj467008744> (дата обращения 14.04.2026).
16. Решение Ленинского районного суда г. Иваново от 22.11.2023 №2-1488/2023 (сбой брокерского приложения) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=168737&ysclid=mp5qwlmpio522414626#5E7EcJVuaAiKh0zM1> (дата обращения 14.04.2026).
17. Российский бизнес не прошел краш-тест на кибербезопасность // Агентство страховых новостей. 6 августа 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.asn-news.ru> (дата обращения: 15.04.2026).
18. Сергей Демидов, ИБ-директор Мосбиржи: Российские компании сегодня ограничены в средствах защиты от кибератак / Интервью СNews. 17 декабря 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.cnews.ru> (дата обращения: 15.04.2026).
19. Спрос на киберзащиту // Страхование сегодня. 7 октября 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.insur-info.ru> (дата обращения: 15.04.2026).
20. Страховка цифровой эпохи: как развивается российский рынок киберстрахования // Ведомости. 8 октября 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL <https://www.vedomosti.ru> (дата обращения: 15.04.2026).
21. Страховщики отмечают всплеск запросов на киберстрахование // Банковское обозрение. 18 августа 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://bosfera.ru> (дата обращения: 15.04.2026).
22. Фонды в области кибербезопасности могут стать бенефициарами Трампа. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.finam.ru/publications/item/fondy-v-oblasti-kiberbezopasnosti-mogut-stat-benefitsiarami-politiki-trampa-20250218-1103/> (дата обращения: 15.04.2026).

Поступила в редакцию 17.04.2026 г.

LEGAL RISKS AND ECONOMIC LOSSES OF SECURITY MARKET PARTICIPANTS IN THE RUSSIAN FEDERATION DURING THE IMPLEMENTATION OF CYBER THREATS

T.V. Kostina

The current Russian legislation does not establish an unambiguous procedure for the distribution of losses between the investor, the broker, and the exchange in the event of cyber threats in the securities market, which creates legal uncertainty and uncompensated economic losses. This study used a formal legal analysis of regulatory acts (the Civil Code of the Russian Federation, the Law on the Securities Market, and the instructions of the Bank of Russia), as well as an economic assessment of the consequences of cyber incidents. The norms of Russian law, judicial practice on cases of phishing and compromise of electronic signatures, and data on incidents in organized trading in 2022-2025. It was revealed that the lack of a legal status for cyberattacks as force majeure and gaps in the regulation of internal control by professional participants shift the risks onto the retail investor. Proposals have been made for amendments to the Civil Code of the Russian Federation and the introduction of mandatory cyber risk insurance for professional participants.

Keywords: securities market; cybersecurity; legal risks; economic losses; professional market participants; retail investors; compensation for losses; force majeure; cyber risk insurance; judicial practice.

LIST OF REFERENCES

1. Cumming D., Nguyen M., Pham A.V., Samarasinghe A. Banking system stability: A global analysis of cybercrime laws // Journal of Banking & Finance. – 2025. – Vol. 175.
2. Mitts J., Talley E. Informed Trading and Cybersecurity Breaches // Harvard Business Law Review. – 2019. – Vol. 9. – P. 1-44.

3. Solidus Labs. Account Takeover Meets Market Abuse: The Rise of Cyber-Enabled Financial Crime. Industry Report. June 2025. – [Electronic resource]. – Available at: URL: <https://www.soliduslabs.com/reports/account-takeover-meets-market-abuse> (date of accessed: 14.04.2026).
4. Security for Fintech Companies – [Electronic resource]. – Available at: URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/security-tips-for-trading-platforms/29565/?ysclid=mp756qme59922950836> (date of accessed: 15.04.2026).
5. Davletshin, V. F. Financial Aspects of the Development of the Cybersecurity Market in Russia / V. F. Davletshin, Yu. A. Dolgikh // Spring Days of Science in the Institute of Economics and Management: Collection of Papers from the International Conference of Students and Young Scientists, Yekaterinburg, April 17-20, 2024. – Yekaterinburg: Azur Publishing House LLC, 2024. – Pp. 846-849. – EDN OOOTNM.
6. Demidov S.V. CNews Interview: "Russian Companies Are Limited in Their Means of Protection Against Cyberattacks Today." December 2025. – [Electronic resource]. – Available at: URL: https://www.cnews.ru/articles/2025-12-17_sergej_demidovib-direktor_mosbirzhi?ysclid=mp5palca81867194506 (date of accessed: 14.04.2026).
7. Zatsarinny, A. A. Technological Aspects of Ensuring Information Security of the Financial Market in the Context of Digital Transformation of the Russian Economy / A. A. Zatsarinny, V. I. Korolev // Systems and Means of Informatics. – 2019. – Vol. 29, No. 1. – Pp. 12-24. – DOI 10.14357/08696527190102. – EDN LGIEQS.
8. Cybersecurity as One of the Key Factors for the Integration of the EAEU Stock Market – [Electronic resource]. – Available at: URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/94589/1/Beloborodko_A..pdf (date of accessed: 15.04.2026).
9. Cybersecurity. Promising ETFs and Stocks – [Electronic resource]. – Available at: URL: <https://bsexpress.ru/novosti-i-analitika/kiberbezopasnost-perspektivnye-etf-i-aktsii> (date of accessed: 15.04.2026).
10. Kosinov, Yu. A. Industry-Specific Features of Cybersecurity for the Financial Sector / Yu. A. Kosinov, A. Yu. Sharova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2025. – No. 10-2(109). – Pp. 70-74. – DOI 10.24412/2500-1000-2025-10-2-70-74. – EDN UPUGDD.
11. Kostina, T.V. Essence, Main Threats and Risks in Information Security / T.V. Kostina, M.I. Puzyrev // Management of Socio-Economic Systems Development: Globalization, Entrepreneurship, Sustainable Economic Growth: Materials of the XXVI International Scientific Conference of Young Scientists and Students, Donetsk, December 04, 2025. Vol. 2. – Donetsk: Donetsk State University, 2025. – P. 297-300. – EDN BYGYWI.
12. Where to Invest in the Cybersecurity Market – [Electronic resource]. – Access Mode: URL: <https://www.vedomosti.ru/investments/articles/2023/08/30/992513-kuda-investirovat-na-rinke-kiberbezopasnosti/> (date of accessed: 15.04.2026).
13. From Attacks to Income: Cybersecurity in an Investor's Portfolio – [Electronic resource]. – Access Mode: URL: <https://alfabank.ru/alfa-investor/t/ot-atak-k-dohodu-kiberbezopasnost-v-portfele-investora/?ysclid=mp74u8zioc601281957> (date of accessed: 15.04.2026).
14. Resolution of the 9th Arbitration Appeal Court of 21.09.2023 in Case No. A40-213280/2018 – [Electronic resource]. – Access Mode: URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/15PREG94CrIK/?ysclid=mp5r07ltls736388789> (date of accessed: 14.04.2026).
15. Decision of the Kamyshin City Court of the Volgograd Region of 02.06.2025 (Dummy Broker) – [Electronic resource]. – Access Mode: URL: https://судебные_решения.рф/89379583?ysclid=mp5qxxwnj467008744 (date of accessed: 14.04.2026).
16. Decision of the Leninsky District Court of Ivanovo of 22.11.2023 No. 2-1488/2023 (Broker Application Failure) – [Electronic resource]. – Access Mode: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=168737&ysclid=mp5qwlmpio522414626#5E7EcJVuaAiKh0zM1> (date of accessed: 14.04.2026).
17. Russian business did not pass the crash test for cybersecurity // Insurance News Agency. August 6, 2025. – [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.asn-news.ru> (date of accessed: 04/15/2026).
18. Sergey Demidov, Information Security Director of Moscow Exchange: Russian companies today are limited in means of protection against cyber attacks / Interview with CNews. December 17, 2025. – [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.cnews.ru> (date of accessed: 04.14.2026).
19. Demand for cyber protection // Insurance today. October 7, 2025. – [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.insur-info.ru> (date of accessed: 04.15.2026).
20. Insurance of the digital era: how the Russian cyber insurance market is developing // Vedomosti. October 8, 2025. – [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.vedomosti.ru> (date of accessed: 04.15.2026).
21. Insurers note a surge in requests for cyber insurance // Banking Review. August 18, 2025. – [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://bosfera.ru> (date of accessed: 04.15.2026).

22. Cybersecurity funds could be Trump beneficiaries. – [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.finam.ru/publications/item/fondy-v-oblasti-kiberbezopasnosti-mogut-stat-benefitsiarami-politiki-trampa-20250218-1103/> (date of accessed: 04.15.2026).

Костина Татьяна Витальевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международный бизнес и деловое администрирование

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», РФ, ДНР, г. Донецк

tv.kostina@mail.ru

+7-949-431-03-96

ORCID 0009-0005-2655-281X

Kostina Tatiana

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Business and Business Administration

Donetsk State University, city Donetsk

УДК 658.152

DOI 10.5281/zenodo.20434147

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ВОСПРОИЗВОДСТВА ОСНОВНЫХ ФОНДОВ УГЛЕДОБЫВАЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ДОНБАССА

© 2026. *И.В. Кочура, А.А. Дейнега, И.В. Левина*

В статье проведен анализ особенностей воспроизводственного процесса на угледобывающих предприятиях Донбасса по ряду факторов. Рассмотрены такие факторы как структура основных фондов по различным критериям, невозпроизводимость запасов угольных месторождений, технология добычи угля, текущее состояние основных фондов, условия труда и другие. Определено их влияние на эффективность использования основных фондов шахт и направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: основные фонды; анализ, угледобывающие предприятия; структура; факторы, эффективность.

Постановка проблемы. Угольная промышленность Донбасса, несмотря на свою неоспоримую значимость для экономики региона, сталкивается с комплексом серьезных проблем, одной из которых является воспроизводство основных фондов. С одной стороны, наличие значительных запасов угля, включая дефицитный антрацит, и тесная связь с базовыми отраслями промышленности делают эту отрасль стратегически важной. С другой стороны, низкая рентабельность и ограниченные возможности для развития ставят под сомнение долгосрочную перспективу отрасли. Воспроизводственный процесс в угольной промышленности имеет свои особенности, отличающие его от других отраслей. Это связано с высокой степенью износа основных фондов, необходимостью постоянных инвестиций в поддержание и обновление горнодобывающего оборудования, а также спецификой добычи полезных ископаемых, что, в свою очередь, требует особого подхода к амортизационной политике.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа специфических особенностей воспроизводства на угледобывающих предприятиях Донбасса, что позволит выявить направления существенных изменений на создание условий для своевременного обновления основных фондов, стимулирования инвестиций в модернизацию и внедрение новых технологий. Это, безусловно, должно оказать прямое влияние на дальнейшее развитие отрасли.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблемы воспроизводства основных фондов в промышленности не остались без внимания отечественных и зарубежных ученых. Исследования в этой области охватывают широкий спектр вопросов, от сущности и организации процесса воспроизводства до поиска оптимальных схем его финансирования. Среди отечественных ученых, внесших вклад в изучение данной проблематики, можно отметить П. Е. Авдееву [1], С. А. Амирову [2], И. А. Бланка [3], В. М. Воронину [4], А. И. Грицук [5], А. А. Домарева [6], Л. Н. Измайлову [1], Н. И. Коровкину [7], Е. С. Махоткину [8], В. С. Монастырную [9], Ю. В. Новикову [10] и других, а также ряда зарубежных исследователей: Дж. К. Ван Хорна, Дж. М. Ваховича [11], Р. Дамари [12], Дж. Д. Кампбел [13] и др. Их работы посвящены различным аспектам воспроизводства, его видам и формам, а также исследованиям на уровне регионов, городов, отраслей и отдельных предприятий.

Особое внимание уделяется поиску оптимальных схем финансирования основных фондов в рамках существующих моделей воспроизводства. В этом направлении активно

работают И. А. Дмитриева [14], А. К. Штрыков [15], А. А. Домарев [6] и другие ученые. В свою очередь, попытки построения принципиально новых моделей механизма воспроизводственного процесса предприятия были предприняты такими отечественными учеными, как Е. С. Махоткина [8], А. А. Братаев [16], А. Б. Дудаева [17].

Вопросы, связанные с организацией воспроизводственного процесса на угледобывающих предприятиях, нашли свое отражение в трудах многих отечественных ученых-экономистов. Среди них можно выделить А. И. Амошу [18], В. А. Бурчакова [19], Д. Ю. Череватского [18], В. А. Кучера [20], И. В. Петенко [20] и других. Их исследования подчеркивают важность непрерывного развития отрасли, что требует колоссальных капиталовложений. При этом необходимо отметить, что исторически угольная промышленность Донбасса развивалась в значительной степени за счет государственных капитальных вложений и бюджетных дотаций. Такая модель обеспечивала стабильность и возможность планового обновления основных фондов.

Выделение нерешённой проблемы. Работы отечественных и зарубежных авторов заложили хороший методологический фундамент к теоретическим подходам проблемы воспроизводства основных фондов в промышленности, в том числе в угольной. Однако, с интеграцией в Российское экономическое пространство, произошел переход к модели, основанной на частных инвестициях. В настоящее время работающие шахты Донбасса активно ищут инвесторов, но, как показывает практика, частный капитал ориентирован на прибыльные проекты. Убыточные предприятия, к сожалению, оказываются вне поля зрения потенциальных инвесторов. Это создает серьезные трудности для поддержания и развития угледобывающих предприятий.

Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что угледобывающие предприятия имеют свои особенности и требуют специфических подходов к воспроизводственному процессу основных фондов и, как следствие, преодолению стагнации.

Целью исследования является анализ особенностей воспроизводственного процесса на угледобывающих предприятиях Донбасса для оценки их текущего состояния, а также дальнейшего поиска путей удовлетворения потребности в основных средствах и их оптимизации, что повысит эффективность производства и окажет влияние на развитие отрасли.

Материалы и методы исследования. В процессе исследования использованы следующие общенаучные методы и приемы: факторный анализ, экономический анализ, сравнительный анализ, позволяющие определить влияние факторов на эффективность воспроизводственного процесса основных фондов на угледобывающих предприятиях, а также выявить отраслевые особенности этого процесса, методы группировки и табличные методы.

Информационную базу исследования составляют первичные данные отчетности угледобывающих предприятий Донецкого региона, периодические научные издания, монографии и другие источники открытой печати.

Результаты исследования. Воспроизводственный процесс на угледобывающих предприятиях имеет ряд отличий от других отраслей. Это связано с большим количеством факторов, анализ которых проведен по следующим направлениям.

1. Структура основных фондов угледобывающих предприятий отличается от структуры фондов предприятий других отраслей из-за специфики горной промышленности и технологических особенностей добычи угля. При этом их структура неодинакова на отдельных предприятиях угольной отрасли из-за различия горно-

геологических условий, глубины разработки месторождений, сечений горных выработок и других особенностей. Рассмотрим различные виды структур основных фондов и проведем их анализ с точки зрения отличительных особенностей угледобывающих предприятий.

Возрастная структура основных фондов состоит из 10 групп, которые классифицируются по сроку полезного использования: 1-я группа – от 1 года до 2 лет включительно; 2-я группа – 2–3 года (включительно); 3-я группа – 3–5 лет (включительно); 4-я группа – 5–7 лет (включительно); 5-я группа – 7–10 лет (включительно); 6-я группа – 10–15 лет (включительно); 7-я группа – 15–20 лет (включительно); 8-я группа – 20–25 лет (включительно); 9-я группа – 25–30 лет (включительно); 10-я группа – более 30 лет.

Угледобывающие предприятия содержат все 10 групп основных фондов, причем доля длительных по сроку службы и дорогостоящих (здания, сооружения, капитальные выработки, оборудование) особенно велика.

В соответствии с назначением основных фондов в производственном процессе и натурально-вещественными признаками основные производственные фонды подразделяются на 8 групп – здания, сооружения, передаточные устройства, машины и оборудование, транспортные средства, инструмент, производственный и хозяйственный инвентарь. Структура основных фондов неодинакова для предприятий различных отраслей, что объясняется их спецификой, технической оснащённостью предприятий, уровнем специализации, характером выпускаемой продукции и другими особенностями. Рассмотрим удельный вес групп основных фондов в разных отраслях, что представлено в таблице 1.

Таблица 1

Примерная структура промышленно-производственных основных фондов в промышленности, % [21]

Отрасль промышленности	Группы основных производственных фондов							Всего
	Здания	Сооружения	Передаточные устройства	Силовые машины	Рабочие машины	Транспортные средства	Прочие	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Вся промышленность	29	20	11	8	27	2	3	100
Угольная промышленность								
в т.ч.								
шахты	4-8	25-33			55-65	3-4	1-2	100
карьеры	5-7	10-15			35-40	25-60	1-2	100
обогащительные фабрики	20-25	25-30			40-45	3-6	2-4	100
Электроэнергетика	13	17	34	33	1	1	2	100
Химия и нефтехимия	34	15	12	3	31	2	3	100
Черная металлургия	29	19	7	4	37	3	1	100
Машиностроение и металлообработка	42	8	4	3	36	2	5	100

Из таблицы следует, что наибольшую долю в составе основных промышленно-

производственных фондов на предприятиях угольной промышленности, как и в некоторых других отраслях, занимает группа «машины и оборудование». Также достаточно большой удельный вес на шахтах имеет группа «Сооружения», что объясняется включением в нее объектов, непосредственно связанных с процессом добычи угля (капитальные горные выработки, стволы, околоствольные дворы, магистральные и участковые горные выработки, железнодорожные пути, бункеры, копры и др.). В частности, в таблице 2 представлено среднегодовое проведение подготовительных выработок, а также объемы поддержания капитальных выработок на работающих шахтах ДНР.

Таблица 2

Основные сведения о проведении горных выработок на работающих шахтах Донецкого региона
(составлено авторами по [22] и статистическим данным шахт)

№ п/п	Название предприятия	Длина горных выработок всего, км	Среднегодовой объем проведения подготовительных выработок, м
1	Шахта «Заря»	65	3277
2	Шахта «Шахтерская-Глубокая»	120	4700
3	Шахта «Прогресс»	более 65	3000
4	Ш/у им. Л.И. Лутугина	30	2500
5	Ш/у «Волынское»	28	950
6	ООО «Углеком» (шахта «Чайкино»)	10	1200
7	Шахта «Горняк-95»	6	850
8	ПАО «АП «Шахта Ждановская»	84,5	4500
9	Шахта «Комсомолец Донбасса»	80	9187

Как видно из таблицы 2, объемы поддержания и проведения горных выработок значительные и различаются по шахтам. Факторами, влияющие на данный процесс, являются расстояние от подъемного горизонта до лав (места залегания пласта), количество лав, техника и технология их разработки и другие факторы. Например, на шахте «Комсомолец Донбасса» работает в среднем 6-7 очистных забоев, поэтому самый большой объем проведения горных выработок, а шахта «Горняк-95» – частное предприятие, которое взяло в аренду добычной участок и не использует высокопроизводительную технику, поэтому и объем проведения минимальный.

В зависимости от степени воздействия основных фондов на предмет труда их делят на активные и пассивные. Активные – основные фонды, непосредственно влияющие на уровень технической вооружённости труда. В угольной промышленности к ним относят силовые машины и оборудование, рабочие машины, транспортные средства и инструмент. Пассивные – другие группы основных фондов, которые принимают в процессе производства косвенное участие или создают условия для добычи угля.

На угледобывающих предприятиях активная часть превышает пассивную. При этом крупные и хорошо развивающиеся шахты могут показывать наоборот превышение пассивной части над активной. Однако в ДНР на большинстве шахт работает по одной лаве, поэтому такого превышения не наблюдается.

Если сравнивать этот критерий с другими отраслями промышленности, то каждая отрасль имеет свои особенности, несмотря на превышении активной части над пассивной или наоборот.

Выделение наибольшей части в структуре основных фондов в зависимости от степени их воздействия на предмет труда по некоторым видам экономической деятельности представлено в таблице 3.

Таблица 3

Наибольшая часть в структуре основных фондов в зависимости от степени их воздействия на предмет труда по видам экономической деятельности

№ п/п	Виды экономической деятельности	Структура ОФ		Состав наибольшей части
		активная часть	пассивная часть	
1	Угольная промышленность	+		силовые машины и оборудование, рабочие машины, транспортные средства и инструмент
2	Машиностроение	+		машины, механизмы и др.
3	Нефтедобывающая промышленность	+		оборудование и скважины
4	Металлургия		+	здания и сооружения, в т.ч. доменная печь
5	Пищевая промышленность		+	здания
6	Строительство	+		машины и оборудование, транспортные средства, инструмент и инвентарь.
7	Торговля		+	разветвлённая торговая сеть магазинов

Исходя из анализа структуры основных фондов, можно констатировать, что их деление на активную и пассивную части в значительной мере условно и во многом определяется отраслевыми особенностями. Один и тот же вид основных фондов может быть отнесён как к активной, так и к пассивной части в зависимости от роли, которую он играет на предприятии.

2. Влияние истощения запасов и технологии добычи на эффективность использования основных фондов на угледобывающих предприятиях Донбасса. Угольные месторождения не являются бесконечными, в связи с этим угольная промышленность сталкивается с постоянной необходимостью обновления и развития производственных мощностей. По мере выработки одних участков, необходимо осваивать новые, что влечет за собой постоянные затраты на геологоразведку, подготовку новых горизонтов и другие надобности.

Необходимо отметить, что срок службы некоторых видов основных фондов определяется не сроком их физического износа, а сроком отработки запасов шахтного поля или его части. К таким фондам относятся, например, здания, сооружения и другие составляющие.

Еще одним фактором производственного процесса угледобывающих предприятий ДНР является технология добычи, а именно подземный ее способ. На протяжении срока эксплуатации угледобывающего предприятия горнотехнические условия производства ухудшаются. Это связано с принятым способом отработки запасов, когда в первую очередь добываются те из них, которые залегают в наиболее благоприятных условиях. Переход к худшим в геологическом отношении участкам шахтного поля, далеко расположенным от подъемного горизонта, приводит к деконцентрации горных работ, росту длины поддерживаемых выработок, удлинению транспортных магистралей. Создание и поддержание шахтной инфраструктуры, включая проходку новых выработок, вентиляцию, водоотлив и обеспечение безопасности, требует огромных финансовых вложений. Таким образом, добывающая способность шахты постепенно снижается, а ее экономические показатели ухудшаются [22]. В таблице 4 приведена динамика абсолютных и относительных показателей эффективности использования основных фондов за ряд лет по работающим и уже неработающим шахтам ДНР.

оказателей эффективности использования основных фондов по угледобывающим шахтам ДНР
(составлено авторами по [23] и статистическим данным шахт)

Название шахты	Года	Среднегодовая стоимость основных фондов, тыс. руб.	Выручка от реализации продукции, тыс. руб.	Фондоотдача
1	2	3	4	5
Шахта им. Челюскинцев	2018	464770	97842,49	0,211
	2019	467662	169108,55	0,362
	2020	641241	376300,39	0,587
	2021	986612	270955,04	0,275
	2022	981729	153348,57	0,156
Шахта им. А.А. Скочинского	2018	1671929	477223,66	0,285
	2019	1674125	1107425,77	0,661
	2020	1829464	1731850,77	0,947
	2021	2181126	2026608,50	0,929
	2022	2295207	1341521,00	0,584
Шахта им. М.И. Калинина	2017	602519	107386,54	0,178
	2018	544235	134389,88	0,247
	2019	5426	65140,24	12,005
	2020	607718	257642,58	0,424
	2021	602519	162750,36	0,270
Шахта им. А.Ф. Засядько	2019	3362	1114693,80	331,557
	2020	13262	2007842,58	151,398
	2021	2047905	1321807,38	0,645
Шахта «Холодная Балка»	2018	659132	831480,81	1,261
	2019	733651	653935,95	0,891
	2020	731772	771857,51	1,055
	2021	730945	759480,38	1,039
	2022	703849	757856,57	1,077
Шахта «Калиновская-Восточная»	2018	125044	260071,98	2,080
	2019	122804	307898,60	2,507
	2020	116313	426761,56	3,669
	2021	111436	495859,89	4,450
	2022	110658	569204,74	5,144
Ш/у им. С.М. Кирова	2018	387557	213648,22	0,551
	2019	384239	464211,60	1,208
	2020	372674	259889,77	0,697
	2021	386863	748471,68	1,935
	2022	387772	651046,15	1,679
Шахта «Ясиновская-Глубокая»	2018	215594	218232,11	1,012
	2019	212227	342656,87	1,615
	2020	301993	124267,77	0,411
	2021	271183	52825,44	0,195
	2022	315720	261675,51	0,829
Шахта Иловайская	2018	402860	102383,74	0,254
	2019	730240	357401,15	0,489
	2020	729134	379550,91	0,521
	2021	771258	499493,85	0,648
	2022	844757	369337,93	0,437
Шахта «Заря»	2018	617229	767785,48	1,244
	2019	634821	706105,14	1,112
	2020	622442	671617,01	1,079
	2021	644291	891181,51	1,383
	2022	662995	977530,25	1,474

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
Шахта «Шахтерская- Глубокая»	2018	1817369	790217,15	0,435
	2019	1820907	1434299,79	0,788
	2020	1844480	938792,41	0,509
	2021	1916374	1117772,21	0,583
	2022	1926473	824637,50	0,428
Шахта «Прогресс»	2018	645539	958856,64	1,485
	2019	609315	1124668,09	1,846
	2020	572387	2066600,29	3,610
	2021	519850	1416486,34	2,725
	2022	517832	1445114,40	2,791
Ш/у им. Л.И. Лутугина	2018	63686	404926,82	6,358
	2019	69034	686413,35	9,943
	2020	45208	786572,11	17,399
	2021	64005	864113,62	13,501
	2022	104624	604378,32	5,777
Ш/у Волыньское	2018	70776	103135,00	1,457
	2019	67600	69740,00	1,032
	2020	31677	222218,53	7,015
	2021	127269	257023,93	2,020
	2022	163440	3438115,64	21,036
Шахта «Комсомолец Донбасса»	2020	17245744	4690939,64	0,272
	2021	17261062	4232713,19	0,245
	2022	17361422	218232,11	0,013

В качестве показателя эффективности использования основных фондов рассмотрена фондоотдача. Фондоотдача отражает, сколько выручки приносит каждый рубль, вложенный в основные фонды, т.е. насколько эффективно предприятие использует основные средства для получения дохода. Анализ динамики показателя эффективности использования основных фондов на угледобывающих предприятиях ДНР позволил выявить тенденции взаимосвязи их развития с воспроизводственным процессом, а также разделить шахты на группы с положительной, отрицательной и нестабильной или волатильной динамикой. Группа шахт с положительной тенденцией или ростом эффективности связана с ростом фондоотдачи в динамике, что говорит об улучшении использования оборудования и мощностей, а также ростом эффективности деятельности предприятий. В группу вошли следующие шахты: «Прогресс», «Заря», ш/у «Волыньское» ГП «Торезантрацит», а также «Калиновская-Восточная» ГП «Макеевуголь». В настоящее время шахта «Калиновская-Восточная» работает в режиме водоотлива, несмотря на самую стабильную положительную динамику показателей эффективности использования основных фондов. Это связано с прекращением ее государственной поддержки и поиском инвесторов. Однако шахта имеет незначительные запасы угля – 10 млн. т, что останавливает инвесторов вкладывать в ее развитие.

В группе с отрицательной тенденцией наблюдается рост стоимости фондов, который не сопровождается адекватным ростом выручки. Сюда входят шахты им. А.Ф. Засядько, «Комсомолец Донбасса» и им. Челюскинцев. На шахте им. А.Ф. Засядько наблюдалось катастрофическое падение фондоотдачи с 331,6 руб. до 0,6 руб. на 1 руб. основных фондов. Это произошло из-за колоссального роста стоимости основных фондов (с 3,3 млн. руб. до 2 млрд. руб.) без соразмерного роста выручки. Шахта разрабатывала 3 пласта, на каждом из которых работала как минимум одна лава. Однако в связи с военным конфликтом и блокадой сбыта угля из ДНР (2016-2022 гг.) выручка резко снизилась, что вызвало

снижение фондоотдачи. На шахте им. Челюскинцев невысокие показатели фондоотдачи (0,587), которые в динамике снижаются. На шахте «Комсомолец Донбасса» также резкое ухудшение фондоотдачи в динамике связано с тем, что добыча до 2016 г. велась в 7 забоях, а в связи с военными действиями и блокадой сбыта продолжила работать лишь одна лава.

Остальные шахты относятся к группе с нестабильной или волатильной динамикой, т. е. показатель эффективности использования основных фондов сильно колеблется. Из этой группы в настоящее время работают ш/у им. Л. И. Лутугина и шахта «Шахтерская Глубокая». Ш/у им. Л. И. Лутугина продемонстрировала сверхвысокую эффективность в 2021 году (17,399), но в 2022 году показатель снизился до 5,777, что, тем не менее, остается высоким результатом по сравнению с другими шахтами. Шахта «Шахтерская-Глубокая» добывает дефицитный уголь марки антрацит, запасов которого хватит как минимум на 50 лет. Поэтому на предприятии уже появились российские инвесторы и с 2023 г. начался новый этап в жизни шахты [24].

Анализ показателей эффективности основных фондов позволяет сделать следующие выводы:

- прослеживается тенденция к расслоению шахт по эффективности использования основных фондов, где лидеры успешно модернизируются и наращивают отдачу, в то время как отстающие сталкиваются с серьезными проблемами, связанными с неэффективным управлением огромными активами.

- для многих шахт (им. Челюскинцев, им. А. А. Скочинского, им. М. И. Калинина, им. Л. И. Лутугина) 2021 год стал пиковым по эффективности, после чего начался спад.

- на шахтах с миллиардной стоимостью основных фондов (им. А. Ф. Засядько, Комсомолец Донбасса, им. А. А. Скочинского) фондоотдача зачастую ниже единицы. Это означает, что огромные капитальные вложения не окупались должным объемом выручки или связаны с избыточностью активов.

- для шахт с отрицательной динамикой или крайне низкой эффективностью без целенаправленных мер по модернизации, оптимизации или изменению бизнес-модели улучшение показателей вряд ли произойдет.

3. Влияние условий труда на угледобывающих предприятиях Донбасса на воспроизводство основных фондов. Условия труда в шахтах сопряжены с повышенными рисками, что требует постоянных инвестиций по следующим приоритетным направлениям:

- модернизация оборудования: установка высокоэффективных систем вентиляции, способных быстро удалять вредные газы и пыль, а также внедрение передовых газоанализаторов, обеспечивающих непрерывный мониторинг атмосферы; установка датчиков и систем для непрерывного контроля состояния горных выработок, оборудования и окружающей среды; постоянное обновление и улучшение качества средств индивидуальной защиты, включая каски, респираторы, защитную одежду, обувь и системы жизнеобеспечения и др.

- повышение безопасности: инвестиции в современные системы обнаружения и тушения пожаров, локализации взрывов, а также в системы оповещения и эвакуации; обеспечение шахтеров высококачественными и современными средствами индивидуальной защиты, включая самоспасатели, защитную одежду, каски, очки и респираторы; применение современных материалов и технологий для крепления кровли и стенок выработок, предотвращения обрушений.

- обучение и повышение квалификации персонала.

4. Анализ показателей состояния основных фондов на угледобывающих предприятиях Донбасса. Еще одной особенностью угледобывающих предприятий является

значительный физический и моральный износ основных фондов. Шахтное оборудование и инфраструктура имеют длительный срок службы, но при этом подвержены интенсивному износу. Для проходки и оснащения очистных забоев необходимой техникой нужны значительные средства. Недостаток капитальных вложений и материальных ресурсов на модернизацию действующих производств привел к физическому и моральному износу основной части производственных фондов. Как известно, более половины предприятий отрасли функционируют свыше 50 лет. Техническое оснащение очистных и подготовительных забоев не отвечает современным техническим требованиям. Анализ состояния основных фондов по шахтам ДНР приведен в таблице 5.

Таблица 5

Анализ состояния основных фондов (составлено автором по [22] и данным статистической отчетности шахт)

№ п/п	Название предприятия	Износ, %					
		на 01.01.2017	на 01.01.2018	на 01.01.2019	на 01.01.2020	на 01.01.2021	на 01.01.2022
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Шахта им. Челюскинцев	40	43	40	42	42	42
2.	Шахта им. А.А. Скочинского	40	46,8	43,4	46,9	47,6	47,3
3	Шахта им. М.И. Калинина	61	64	66	65	61	64
4	Шахта «Холодная Балка»	54,6	59,7	67,8	68,1	70,6	70,1
5	Шахта «Калиновская-Восточная»	55,6	59,9	64,2	66,6	68	68
6	Ш/у им. С.М. Кирова	50	51	52	50	53	55
7	Шахта «Ясиновская-	58,6	59,8	62,1	62,1	62,1	59,7
8	Шахта «Иловайская»	30	36	44,6	50	59,6	65,4
9	Шахта «Заря»	59,2	66,4	75,9	79,3	79,1	78,8
10	Шахта «Шахтерская-	44,3	47,2	50,1	53	53,1	55
11	Шахта «Прогресс»	50	55	61	64	66	69
12	Ш/у им. Л.И. Лутугина	73,8	70,1	81,5	86,4	78,3	80,1
13	Ш/у «Волыньское»	50	50	60	60	40	36,4
14	Шахта им. А.Ф. Засядько				24	18,5	49
15	Шахта «Комсомолец Донбасса»		60	60	60	60	60

Как видно из таблицы 5, на большинстве шахт износ оборудования превышает 60%, две трети стационарного оборудования работает свыше нормативного срока, требует немедленной замены и в любой момент может стать причиной аварии. Для покупки нового оборудования шахты, в большинстве случаев, не имеют собственных средств, бюджетное финансирование и частное инвестирование затруднено в связи с большими инвестиционными рисками и инвестиционной непривлекательностью отрасли. Работы по ремонту оборудования собственными силами не всегда дают нужный результат.

Угледобывающие предприятия, которые были оснащены высокопроизводительным оборудованием, особенно импортного производства, также имеют проблемы. Они нуждаются в запасных частях, которые не всегда реально приобрести как по финансовым, так и по политическим причинам.

Выводы. Таким образом, проанализированы особенности воспроизводственного процесса на угледобывающих предприятиях по ряду факторов. Среди основных: структура основных фондов, их состояние и эффективность использования, технология добычи угля, истощение запасов месторождений угля, условия труда и другие факторы. Важной

особенностью угольной промышленности Донбасса является подземный способ добычи угля. Определено, что наибольшую долю в составе основных промышленно-производственных фондов на угледобывающих предприятиях занимает группа «Машины и оборудование», а за ними следует группа «Сооружения», что объясняется включением в нее объектов, непосредственно связанных с процессом добычи угля (капитальные горные выработки, стволы, околоствольные дворы, магистральные и участковые горные выработки, железнодорожные пути и т.д.). Активная часть основных фондов на угледобывающих предприятиях ДНР превышает пассивную. Шахты связаны с истощением запасов месторождений и, в этой связи, нестационарностью рабочих мест, т.е. их постоянным развитием в пространстве и времени. В результате срок службы капитальных сооружений определяется не столько их физическим или моральным износом, сколько отработкой запасов шахтного поля. По этой же причине сооружения подлежат регулярной реконструкции, а выработки должны проводиться на новых горизонтах. Вредные и опасные условия труда на угледобывающих предприятиях выдвигают особые требования к составу основных фондов, включая необходимость наличия специального оборудования (систем пожаротушения, датчиков и т.д.) с целью обеспечения безопасности рабочих. Среди главных проблем угольной отрасли Донбасса в контексте обеспечения воспроизводственного процесса является крайне высокий физический износ объектов основных фондов, а также трудности восстановления импортного оборудования, вызванные экономическими санкциями. Существенное негативное влияние оказывает и факт ведения активных военных действий на территории региона.

Научная новизна работы. Выявлены специфические особенности процесса воспроизводства основных фондов на угледобывающих предприятиях Донбасса и определено их влияние на данный процесс, что будет использовано в модели управления процессом воспроизводства основных фондов промышленных предприятий ДНР.

Перспективы дальнейших исследований. Перспективным направлением дальнейших исследований является поиск оптимальных путей удовлетворения потребности в воспроизводстве основных фондов предприятиями угольной промышленности Донбасса в условиях санкций и политики импортозамещения. Факторы, влияющие на эффективность воспроизводственного процесса основных фондов, будут положены в основу модели управления этим процессом на промышленных предприятиях ДНР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева П. Е., Измайлова Л.Н. Статистическое изучение воспроизводства основных фондов // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – №87-4. – С. 7-12. DOI: 10.18411/trnio-07-2022-123.
2. Амирова С. А., Рамазанова С. Б. Механизм воспроизводства основных фондов предприятий реального сектора региона // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2023. - №2. – С. 192-197. DOI: 10.47576/2949-1894_2023_2_192/
3. Бланк И. А. Управление финансовыми ресурсами предприятия. – К.: Эльга, 2011. – 574 с. – ISBN 978-5-370-01821-3.
4. Воронина В.М., Михайлова О.П. Экономико-статистическое исследование основных фондов российской промышленности как основа для принятия управленческих решений // Вестник Евразийской науки. – 2022. – Т. 14. – №2. – URL: <https://esj.today/PDF/11ECVN222.pdf> (дата обращения: 15.03.2026).
5. Грицук А.И. Стратегические подходы к управлению основными средствами на предприятии // Экономические науки: актуальные вопросы науки и практики: сб. науч. ст. Пенза: Изд-во Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. – С. 140-143. EDN: VLUOKM.
6. Домарев А.А. Повышение эффективности воспроизводства основных фондов промышленных предприятий // Молодежная наука. – 2020. – С. 28-30. EDN: YEYYPZ
7. Коровкина Н. И., Кульпина Е. И., Мелёхина К. В. Основные этапы реализации механизма финансирования процесса воспроизводства основного капитала промышленного предприятия // Вестник

Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 6-2. – С. 241-246. DOI:10.17513/vaael.1189.

8. Махоткина Е. С. Совершенствование стратегии обновления основных фондов промышленного предприятия в современных условиях // Современный менеджмент: теория и практика (Материалы Всероссийской научно-практической конференции). Под общей редакцией Н.В. Кузнецовой. – ISBN 978-5-9967-2155-9. – 2018. – С. 37-40. EDN: YQFSIF.

9. Монастырская В. С., Полубелов Н. А., Кукарцев В. В. Исследование процесса воспроизводства основных производственных фондов на промышленном предприятии // Наука и бизнес: пути развития. – 2019. – №5 (95). – С. 207-209. EDN: LCBQEN.

10. Новикова Ю.В. Особенности воспроизводства основных фондов в современных условиях // Экономика строительства и городского хозяйства. – 2021. – Т. 17. – № 3. – С. 97-103.

11. Ван Хорн Дж. К., Вахович мл. Дж. М. Основы финансового менеджмента: пер. с англ. – М.: Вильямс, 2020. – 1232 с. – ISBN 978-5-8459-1943-4.

12. Дамари Р. Финансы и предпринимательство; пер. с англ. Б.В. Вышинский, В.П. Пипейкина. – Ярославль: Елень, 2003. – 265 с. – ISBN 5-8304-0002-2.

13. Campbell John D., Jardine Andrew K.S. Asset Management Excellence. Optimizing Equipment Life-Cycle Decisions. Boca Raton: CRC Press, 2011. – 465 p. – ISBN 9780849303005.

14. Дмитриева И. А. Основные формы воспроизводства основных фондов // Сборник научных трудов Ангарского государственного технического университета. – 2015. – №1. – С. 354-359. EDN: UGQPWP.

15. Штрыков А. К. К вопросу оценки обновления основных фондов // Транспортное дело России. – 2015. – №1. – С. 153-156.

16. Братаев А. А., Казыбаев Б. О., Абилдаханова С. Р. Концептуальный подход к инжиниринговому обеспечению воспроизводственных процессов // Наука и реальность. – 2020. – №4. – С. 81-84. EDN: SBDOZM.

17. Дудаева А. Б., Докальская В. К. Управление инвестиционными возможностями воспроизводства основных фондов // Вестник аграрной науки. – 2022. – №1 (94). – С. 78-84. DOI: 10.17238/issn2587-666x.2022.1.78.

18. Амоша, А. И., Кожушок О. Д., Радченко В. В., Халимендииков Е. Н., Череватский Д. Ю., Юшков. Е. А. От промышленного предприятия к промышленному парку: смена парадигмы на примере ш/у "Покровское" // Экономика промышленности. – 2013. – №1-2 (61-62). – С.13-17. EDN: REQUXT.

19. Бурчаков В. А., Кондохова. А. Е. Оценка факторов конкурентоспособности угольных компаний в современных условиях // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2017. – № 3. – С. 35-44. EDN: YJUBWX.

20. Петенко И. В., Кучер В. А. Экономическое обоснование воспроизводства мощности угольных предприятий Донбасса // Вестник ДонНУ. Сер. В: Экономика и право. – 2016. – № 1. – С.80-88.

21. Панова, А. В. Экономика энергетики. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2013. – 87 с. – ISBN 978-5-9984-0334-7.

22. Ключко И. И., Кочура И. В. Производственный потенциал угледобывающих предприятий Донбасса: структура, анализ, факторы влияния // Вестник Института экономических исследований. – 2020. – №4 (20). – С. 45-59.

23. Кочура, И.В. Анализ развития экономического потенциала угольной промышленности Донбасса в современных условиях хозяйствования // Вестник Института экономических исследований. – 2018. – №4(12). – С.55-64. EDN: OFPPVS.

24. На самой глубокой шахте Донбасса запасов угля хватит минимум на 50 лет. – URL: <https://regnum.ru/news/3911321> (дата обращения: 17.03.2026).

Поступила в редакцию 17.04.2026 г.

FEATURES OF THE REPRODUCTION PROCESS OF FIXED ASSETS OF DONBASS COAL MINING ENTERPRISES

I.V. Kochura, A.A.Deynaga, I.V. Levina

This article analyzes the characteristics of the reproduction process at coal mining enterprises in Donbas region across a number of factors. It examines factors such as the structure of fixed assets based on various criteria, the irreplaceability of coal deposit reserves, coal mining technology, the current state of fixed assets, working conditions, and others. Their influence on the efficiency of using fixed assets of mines and directions for further research are determined.

Keywords: fixed assets; analysis, coal mining enterprises; structure; factors, efficiency.

LIST OF REFERENCES

1. Avdeeva P. E., Izmailova L. N. Statistical study of fixed asset reproduction // Trends in science and education development. – 2022. – No. 87-4. – Pp. 7-12. DOI: 10.18411/trnio-07-2022-123.
2. Amirova S. A., Ramazanova S. B. Mechanism of fixed asset reproduction of enterprises in the real sector of the region // Innovative economy: information, analytics, forecasts. – 2023. – No. 2. – Pp. 192-197. DOI: 10.47576/2949-1894_2023_2_192/
3. Blank I. A. Management of enterprise financial resources. – K.: Elga, 2011. – 574 p. – ISBN 978-5-370-01821-3.
4. Voronina V.M., Mikhailova O.P. Economic and statistical study of fixed assets of Russian industry as a basis for making management decisions // Bulletin of Eurasian Science. – 2022. – Vol. 14. – No. 2. – URL: <https://esj.today/PDF/11ECVN222.pdf> (date of access: 15.03.2026).
5. Gritsuk A.I. Strategic approaches to fixed asset management at an enterprise // Economic sciences: current issues of science and practice: collection of scientific articles. Penza: Science and Education Publishing House (IP Gulyaev G.Yu.), 2022. – Pp. 140-143. EDN: VLUOKM.
6. Domarev A.A. Increasing the Efficiency of Reproduction of Fixed Assets of Industrial Enterprises // Molodezhnaya Nauka. – 2020. – Pp. 28-30. EDN: YEYYPZ
7. Korovkina N. I., Kulpina E. I., Melekhina K. V. The Main Stages of Implementing the Mechanism for Financing the Process of Reproduction of Fixed Capital of an Industrial Enterprise // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2020. – No. 6-2. – Pp. 241-246. DOI: 10.17513/vaael.1189.
8. Makhotkina E. S. Improving the Strategy for Renewal of Fixed Assets of an Industrial Enterprise in Modern Conditions // Modern Management: Theory and Practice (Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference). General editor N. V. Kuznetsova. – ISBN 978-5-9967-2155-9. – 2018. – Pp. 37-40. EDN: YQFSIF.
9. Monastyrnaya V. S., Polubelov N. A., Kukartsev V. V. Study of the process of reproduction of fixed production assets at an industrial enterprise // Science and business: development paths. – 2019. – No. 5 (95). – Pp. 207-209. EDN: LCBQEN.
10. Novikova Yu. V. Features of reproduction of fixed assets in modern conditions // Economics of construction and urban economy. – 2021. – Vol. 17. – No. 3. – Pp. 97-103.
11. Van Horn J. K., Vakhovich Jr. J. M. Fundamentals financial management. - Moscow: Williams, 2020. – 1232 p. – ISBN 978-5-8459-1943-4.
12. Damari R. Finance and Entrepreneurship. – Yaroslavl: Elen, 2003. – 265 p. – ISBN 5-8304-0002-2.
13. Campbell John D., Jardine Andrew K.S. Asset Management Excellence. Optimizing Equipment Life-Cycle Decisions. Boca Raton: CRC Press, 2011. – 465 p. – ISBN 9780849303005.
14. Dmitrieva I. A. Main Forms of Reproduction of Fixed Assets // Collection of Scientific Papers of Angarsk State Technical University. – 2015. – No. 1. – Pp. 354-359. EDN: UGQPWP.
15. Shtrykov A.K. On the issue of assessing the renewal of fixed assets // Transport business of Russia. – 2015. – No. 1. – Pp. 153-156.
16. Brataev A.A., Kazybaev B.O., Abildakhanova S.R. Conceptual approach to engineering support of reproduction processes // Science and reality. – 2020. – No. 4. – Pp. 81-84. EDN: SBDOZM.
17. Dudaeva A.B., Dokal'skaya V.K. Management of investment opportunities for the reproduction of fixed assets // Bulletin of agrarian science. – 2022. – No. 1 (94). – Pp. 78-84. DOI: 10.17238/issn2587-666x.2022.1.78.
18. Amosha, A. I., Kozhushok, O. D., Radchenko, V. V., Khalimendikov, E. N., Cherevatsky, D. Yu., Yushkov, E. A. From an industrial enterprise to an industrial park: a paradigm shift using the example of the Pokrovskoe mine // Economics of Industry. – 2013. – No. 1-2(61-62). – Pp. 13-17. EDN: REQUXT.
19. Burchakov, V. A., Kondyukhova, E. Evaluation of competitiveness factors of coal companies in modern conditions // Mining information and analytical bulletin. – 2017. – No. 3. – Pp. 35-44. EDN: YJUBWX.
20. Petenko I. V., Kucher V. A. Economic justification for the reproduction of the capacity of coal enterprises in Donbass // Bulletin of the DonNU. Series B: Economy and Law. – 2016. – No. 1. – Pp. 80-88.
21. Panova, A. V. Energy Economics. - Vladimir: Publishing house of VISU, 2013. – 87 p. – ISBN 978-5-9984-0334-7.
22. Klochko I. I., Kochura I. V. Production potential of coal mining enterprises in Donbass: structure, analysis, influencing factors // Bulletin of the Institute of Economic Research. – 2020. – No. 4 (20). – Pp. 45-59.
23. Kochura, I.V. Analysis of the Economic Potential Development of Donbass Coal Industry in Current Economic Conditions // Bulletin of the Institute of Economic Research. – 2018. – No. 4 (12). – Pp. 55-64. EDN: OFPPVS.

24. The deepest mine in Donbass has coal reserves sufficient for at least 50 years. – URL: <https://regnum.ru/news/3911321> (date accessed: 17.03.2026).

Кочура Илона Владимировна

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Технологического и экономического образования»

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», РФ, г. Владимир

kochurai@mail.ru

+7-949-452-45-95

ORCID: 0000-0003-2497-8225

Дейнега Антон Андреевич

аспирант кафедры «Управление бизнесом и персоналом»

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет», РФ, ДНР, г. Донецк

antondeynega98@mail.ru

+7-949-452-45-95

ORCID: 0009-0008-1771-4348

Левина Илона Валерьевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Технологического и экономического образования»

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», РФ, г. Владимир

iv1.levina@gmail.com

+7-910-184-70-48

ORCID: 0009-0008-7350-8055

Kochura Iona

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department «Technological and Economic Education»,

Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov, city Vladimir

Deynega Anton

postgraduate student of the Department «Business and Personnel Management»

Donetsk National University, city Donetsk

Levina Iona

PHD, Associate Professor, Associate Professor of the Department «Technological and Economic Education »

Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov, city Vladimir

УДК 332.1:502.131.1:35
DOI 10.5281/zenodo.20434158

БИОРЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В СИСТЕМЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ: РОЛЬ ГОСУДАРСТВА И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

© 2026. *Е.Г. Кошелева*

В статье рассматривается биорегиональный подход как инструмент пространственного развития территорий с учетом природно-географических, экологических и социально-экономических особенностей регионов. На основе анализа природных условий, экосистемных компонентов, особенностей расселения и хозяйственного освоения Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей предложены модели индустриально-экологической реинтеграции и аграрно-рекреационной биорегиональной специализации. Определена роль государства в реализации данных моделей через механизмы регулирования, координации и поддержки устойчивого территориального развития. Сделан вывод о значимости интеграции биорегионального подхода в систему пространственного развития для повышения устойчивости территорий и снижения пространственных диспропорций.

Ключевые слова: биорегиональный подход, пространственное развитие территорий, роль государства, устойчивое развитие, территориальное управление, новые регионы.

Постановка проблемы. Современные модели пространственного развития преимущественно ориентируются на административно-территориальное деление и экономические показатели, что ограничивает учет природно-ресурсных особенностей территорий и экологических факторов развития. Для новых регионов Российской Федерации данная проблема усиливается пространственными диспропорциями, различиями хозяйственной специализации, антропогенной нагрузкой и необходимостью восстановления территорий. В связи с этим возникает потребность в разработке моделей пространственного развития, основанных на биорегиональном подходе, позволяющем учитывать природно-географические характеристики, экосистемные особенности и исторически сложившиеся формы освоения пространства. Решение данной задачи имеет значение как для теории пространственного развития, так и для практики государственного управления территориями.

Актуальность темы исследования. Актуальность исследования определяется необходимостью поиска эффективных моделей устойчивого управления территориями в условиях экологических вызовов, возрастающей антропогенной нагрузки и трансформации региональных систем хозяйствования. Биорегиональный подход позволяет учитывать взаимосвязь природных, экономических и социальных факторов развития, обеспечивать баланс между хозяйственным освоением территорий и сохранением природного капитала, а также формировать устойчивые модели пространственного развития новых регионов Российской Федерации.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретические основы биорегионализма и пространственного развития отражены в работах М. Трошичева, М. В. Рагулиной, Д. Макклоски, рассматривающих биорегион как систему взаимодействия природных, социальных и хозяйственных компонентов. Отдельные аспекты природно-географических характеристик, экосистем и пространственного освоения исследуемых территорий изучались А. А. Блакберном, А. Л. Золотым, Ю. Г.

Заруцкой, Д. С. Пархомчуком, И. А. Халиманом, О. А. Чижикова, А. А. Чибилевым и др. Исследования посвящены состоянию природного каркаса, экологическим ограничениям, структуре особо охраняемых территорий, динамике хозяйственного освоения и экологическим проблемам регионов. Однако комплексное применение биорегионального подхода к моделированию пространственного развития новых регионов остается недостаточно разработанным.

Выделение нерешённых проблем. Несмотря на наличие исследований природно-ресурсного потенциала и экологических особенностей отдельных регионов, недостаточно изученными остаются вопросы формирования дифференцированных моделей пространственного развития с учетом биорегиональных характеристик территорий. Требуется дальнейшей разработки механизм интеграции природных факторов, экосистемных компонентов, моделей расселения и государственной политики в единую систему пространственного управления. Недостаточно раскрыта роль государства в реализации биорегионально ориентированных моделей развития территорий.

Гипотеза исследования. Предполагается, что применение биорегионального подхода к пространственному развитию новых регионов Российской Федерации позволит сформировать более эффективные модели территориального управления, учитывающие природно-ресурсный потенциал, экологическую специализацию и особенности хозяйственного освоения, что будет способствовать снижению пространственных диспропорций и повышению устойчивости территорий. Гипотеза также состоит в том, что различные типы территорий требуют разных моделей развития: индустриально-экологической реинтеграции либо аграрно-рекреационной биорегиональной специализации.

Цель исследования – на основе анализа природно-географических характеристик, экосистемных компонентов, особенностей расселения и хозяйственного освоения новых регионов Российской Федерации разработать модели пространственного развития, основанные на биорегиональном подходе, и определить направления их реализации.

Материалы и методы исследования. Материалами исследования послужили научные публикации, статистические данные, результаты исследований природно-географических характеристик, экологического состояния и особенностей пространственного развития Донецкой Народной Республики (ДНР), Луганской Народной Республики (ЛНР), Херсонской и Запорожской областей, данные о природно-ресурсном потенциале, системе расселения и хозяйственном освоении территорий. Использование сравнительного, системного, биорегионального, сравнительно-территориального методов, а также методов моделирования, классификации и обобщения позволило комплексно исследовать особенности пространственного развития территорий, определить влияние природно-географических факторов на их специализацию и обосновать модели развития на основе биорегионального подхода.

Результаты исследования и их обсуждение. Биорегион – это географическая территория, границы которой определяются не действующим административно-территориальным делением, а естественными природными характеристиками и экологическими процессами, формирующими целостную экосистему, где экология, экономика и социальная сфера находятся в тесном взаимодействии. Развитие биорегиона опирается на устойчивое использование локальных биологических ресурсов на принципах циркулярной биоэкономики и подразумевает активное вовлечение жителей, бизнеса и власти в принятие соответствующих решений.

Исследователь М. Трошичевым «биорегион» определен как географическая

территория, на суше или на море, определяемая не административными границами, а различными характеристиками, такими как виды растений и животных, экологические системы, почвы и формы местности, человеческие поселения и топографические особенности, такие как водоразделы [1]. Автором подчеркнуто, что человеческие поселения и культурные модели играют ключевую роль в определении биорегиона.

В отличие от обычного административного региона, биорегион формируется вокруг природной основы: водных бассейнов, ландшафтов, климатических условий, экосистем, земельных и лесных ресурсов, а также устойчивых форм расселения и хозяйственной деятельности населения. Данный подход позволяет рассматривать территорию как интегрированную пространственную систему, в рамках которой природно-ресурсные, социально-демографические и экономические компоненты находятся во взаимосвязи и оказывают взаимное влияние на процессы регионального развития.

Использование биорегионального подхода способствует формированию пространственной политики, основанной на согласовании природных, экономических и социальных факторов развития. В отличие от традиционных моделей территориального управления, такой подход ориентирован не только на экономическую эффективность, но и на долгосрочную устойчивость территорий, сохранение экологического равновесия и повышение качества жизни населения. Кроме того, биорегиональная доктрина может рассматриваться как инструмент формирования стратегий развития российских регионов с учётом их природной и культурной специфики [2], а также как инструмент реализации целей Стратегии пространственного развития Российской Федерации [3].

Следуя логике Дэвид Макклоска [4], автора карты биорегиона Каскадия, биорегион рассматривается как комплексная пространственная система, включающая природные, экологические, социально-культурные и хозяйственные компоненты, взаимодействующие в пределах определённой территории и анализ, которой осуществляется на физическом, экологическом и социокультурном уровнях (рис. 1).

Рис. 1. Биорегиональные характеристики и ее влияние на пространственное развитие

На первом уровне оцениваются природно-географические характеристики территории – рельеф, геологическое строение, климатические условия и гидрологические особенности, формирующие ресурсный потенциал и ограничения развития региона. На втором уровне исследуются экосистемные компоненты, включая флору, фауну и устойчивые природные сообщества, что позволяет определить экологическую специализацию территории и возможности её устойчивого использования. На третьем уровне анализируются особенности расселения населения, исторически сложившиеся формы освоения территории, современные модели землепользования и существующие пространственные диспропорции.

В совокупности такой подход позволяет рассматривать биорегион, с одной стороны, как комплексную пространственную систему, а с другой, как основу формирования сбалансированной политики пространственного развития, учитывающей взаимосвязь природных условий, человеческого капитала и хозяйственной деятельности.

Таким образом, биорегион можно рассматривать как основу устойчивого пространственного развития, при котором приоритетом становится не только экономический рост, но и сохранение природного капитала, повышение качества жизни населения и сбалансированное использование территории.

Отдельные компоненты природно-географической характеристики исторических регионов Российской Федерации становились объектом многочисленных исследований А. А. Блакберна и А. Л. Золотова [5, 6, 7], Ю. Г. Заруцкой [8], Д. С. Пархомчук [9], И. А. Халимана, Р. А. Горбанец и Е. П. Спиринцевой [10], О. А. Чижикова [11, 12], А. А. Чибилева [13] и других авторов.

Анализ природно-географических характеристик новых регионов предполагает изучение особенностей рельефа, климатических условий, гидрографии, почвенно-ресурсного потенциала и природных зон, поскольку данные факторы оказывают существенное влияние на ограничения и возможности пространственного развития территорий (табл. 1).

Таблица 1

Природно-географическая характеристика исторических регионов Российской Федерации*

Показатель	ДНР	ЛНР	Херсонская обл.	Запорожская обл.
1	2	3	4	5
Географическое положение	Юго-восток Восточно-Европейской равнины, Приазовье	Восток исторического Донбасса, бассейн Северского Донца	Северное Причерноморье, нижнее течение Днепра	Северное Приазовье, юг Восточно-Европейской равнины
Рельеф	Равнинный, расчленённый; влияние Донецкого кряжа	Волнисто-равнинный, возвышенные участки Донецкой возвышенности	Преимущественно равнинный (Причерноморская низменность)	Равнинный с участками Приазовской возвышенности
Средняя высота над уровнем моря	100–300 м	50–250 м	До 100 м	50–300 м
Климат	Умеренно континентальный	Умеренно континентальный, засушливый	Умеренно континентальный, сухой	Умеренно континентальный, засушливый
$t_{\text{средняя}}$ января	–4...–6 °С	–5...–7 °С	–2...–4 °С	–3...–5 °С
$t_{\text{средняя}}$ июля	+21...+23 °С	+21...+23 °С	+23...+25 °С	+22...+24 °С

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
Годовое кол-во осадков	380–550 мм	400–500 мм	300–450 мм	350–500 мм
Преобладающие природные зоны	Степь	Степь	Сухая степь	Степь
Основные водные объекты	Кальмиус, Крынка, Северский Донец–Донбасс	Северский Донец, Лугань	Днепр, Каховское водохранилище, Чёрное и Азовское моря	Днепр, Азовское море
Типы почв	Чернозёмы, каштановые	Чернозёмы	Южные чернозёмы, каштановые	Чернозёмы
Минерально-сырьевые ресурсы	Каменный уголь, соль, известняк, глина	Уголь, газ, строительные материалы	Строительные материалы, минеральные ресурсы	Железные руды, марганец, строительное сырьё
Хозяйственная специализация, обусловленная природными условиями	Промышленность, металлургия, угледобыча, сельское хозяйство	Угольная промышленность, сельское хозяйство	Аграрный сектор, орошаемое земледелие	Промышленность, энергетика, сельское хозяйство
Экологические проблемы	Деградация природных территорий, промышленная нагрузка	Истощение ресурсов, антропогенная нагрузка	Дефицит воды, деградация почв, засушливость	Заиливание рек, деградация водных объектов
Ключевые природно-географические ограничения развития	Дефицит водных ресурсов, антропогенная нагрузка	Ограниченность водных ресурсов, деградация земель	Засушливость, зависимость от орошения	Засушливость, эрозия почв

* составлено автором на основе источников [10, 14, 15]

Общими природно-географическими особенностями рассматриваемых территорий являются преобладание степных ландшафтов, умеренно континентальный климат с тенденцией к засушливости, высокая распространённость чернозёмных почв, наличие значительного минерально-сырьевого потенциала и важная роль крупных рек и морского побережья в формировании хозяйственной специализации. Природно-географические условия относятся к числу ключевых факторов, влияющих на особенности пространственного развития территорий, и оказывающих воздействие на характер расселения населения, направления хозяйственной деятельности и формирование отраслевой структуры экономики.

Несмотря на сходство климатических характеристик, обусловленное расположением рассматриваемых регионов в пределах степной зоны, между ними наблюдаются существенные различия по уровню обеспеченности водными ресурсами, составу природных комплексов и хозяйственной специализации. Для территорий Донецкой и Луганской областей более характерна индустриально-сырьевая направленность экономики, тогда как Херсонская и Запорожская области в большей степени ориентированы на сельское хозяйство и использование рекреационных ресурсов. Подобные различия определяют неодинаковые условия территориального развития и влияют на специфику экологических ограничений каждого региона.

Согласно результатам исследований, формирование компонентов экосистем

происходит под воздействием комплекса природно-географических факторов. Изучение особенностей флоры, фауны и устойчивых природных сообществ позволяет оценить экологическую специализацию исторических регионов Российской Федерации, уровень их ресурсной обеспеченности, а также возможности рационального и устойчивого использования природного потенциала (табл. 2).

Таблица 2

Экосистемные компоненты исторических регионов Российской Федерации

Показатель	ДНР	ЛНР	Херсонская обл.	Запорожская обл.
Флора	Ковыль, типчак, полынь, дубравы, байрачные леса, луговая растительность речных долин	Ковыльно-типчаковые степи, дуб, клён, ясень, луговые травы	Полынь, типчак, ковыль, солянковое растения, тростниковая растительность	Ковыль, типчак, разнотравье, дубравы, прибрежная растительность
Фауна	Лисица, заяц-русак, косуля, степной хорёк, водоплавающие птицы	Косуля, кабан, лисица, сурок, различные виды степных птиц	Пеликаны, цапли, степные грызуны, лисица, водоплавающие птицы	Косуля, кабан, степные птицы, грызуны, рыбы Азовского бассейна
Устойчивые природные сообщества	Степные экосистемы, пойменные сообщества, байрачные леса	Степные сообщества, лесостепные участки, пойменные экосистемы Северского Донца	Сухостепные сообщества, плавни Днестра, прибрежные экосистемы	Степные экосистемы, прибрежные сообщества Азовского моря, поймы Днестра
Экологическая специализация и потенциал устойчивого использования	Потенциал рекреационного использования, сельского хозяйства, восстановления деградированных промышленных территорий	Сельское хозяйство, сохранение лесостепных экосистем, экологический туризм	Орошаемое земледелие, природоохранная деятельность, развитие экологического туризма	Аграрное производство, рыболовство, развитие рекреационных территорий

Для рассматриваемых территорий типично преобладание степных природных комплексов, которые выполняют важную функцию в поддержании экологического равновесия регионов. Растительность представлена преимущественно ковыльно-типчаковыми сообществами, приспособленными к условиям ограниченного увлажнения. Вдоль речных долин и в пределах балочных систем распространены пойменные лесные массивы и байрачные дубравы, играющие значимую роль в защите почв от деградации и поддержании устойчивости водного режима.

Животный мир характеризуется преобладанием видов, типичных для степной зоны. Одновременно наличие крупных водных объектов, включая Днепр, Северский Донец и акваторию Азовского моря, способствует формированию водно-болотных экосистем и создаёт благоприятные условия для сезонной миграции птиц.

Специфика экологического состояния исторических регионов определяется совокупным воздействием природно-ресурсного потенциала, особенностей сельскохозяйственного освоения и степени сохранности степных экосистем. При этом продолжительное развитие промышленности на территории Донбасса сопровождалось

высоким уровнем антропогенной нагрузки, что привело к заметным изменениям природной среды и обусловило необходимость проведения мероприятий по восстановлению нарушенных экосистем. Для Херсонской и Запорожской областей ключевыми направлениями экологической политики остаются рациональное использование водных ресурсов, внедрение устойчивых моделей аграрного производства и сохранение биоразнообразия степных ландшафтов.

Проведённый анализ экосистемных компонентов позволяет сделать вывод о том, что обеспечение устойчивого развития данных территорий невозможно без соблюдения баланса между хозяйственной деятельностью, сохранением природных комплексов и восстановлением деградированных участков окружающей среды. В этой связи природный потенциал регионов может рассматриваться как один из значимых факторов, определяющих перспективы их долгосрочного пространственного развития.

Исследования свидетельствуют о том, что Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Херсонская и Запорожская области отличаются различными моделями территориального освоения. Их формирование происходило под влиянием обеспеченности природными ресурсами, отраслевой структуры экономики, уровня транспортной связанности и исторически сложившихся особенностей хозяйственного развития.

Система расселения населения в пределах указанных регионов носит неоднородный характер и характеризуется выраженной пространственной неравномерностью. Для Донецкой и Луганской Народных Республик характерна высокая концентрация населения в промышленных агломерациях и городских округах, сформированных вокруг предприятий угольной, металлургической и машиностроительной промышленности [16]. Исторически развитие населённых пунктов происходило по индустриальному принципу, что обусловило возникновение монопрофильных территорий. В ЛНР за период 2014–2024 гг. численность населения сократилась на 36 % (с 2,2 млн до 1,4 млн человек), что усилило процессы депопуляции, миграционного оттока и дефицита трудовых ресурсов [15].

Для Херсонской и Запорожской областей характерно преобладание сельского типа расселения с концентрацией населения в административных центрах и вдоль транспортных коридоров. Приморское положение способствовало формированию рекреационных и аграрных поселений. В этих регионах более выражена зависимость плотности населения от сельскохозяйственного освоения территории и обеспеченности водными ресурсами.

Донбасс исторически развивался как индустриально-добывающий макрорегион, основу которого составили угледобыча и перерабатывающая промышленность. Более 280 месторождений угля и развитая промышленная инфраструктура обусловили концентрацию населения и производств вокруг ресурсных узлов.

Херсонская и Запорожская области, напротив, формировались преимущественно как аграрно-рекреационные территории, где пространственное развитие определялось плодородием земель, орошаемым земледелием и приморским положением. В Приморском районе Запорожской области сельское хозяйство исторически занимало ведущие позиции: ранее использовалось 134 тыс. га сельскохозяйственных угодий, из которых 104 тыс. га составляла пашня.

Современное использование земель характеризуется высокой степенью хозяйственного освоения территорий, интенсивное сельскохозяйственное использование степных территорий, высокая распаханность земель, развитие добывающей промышленности, расширение городской и промышленной

инфраструктуры, использование искусственных водоёмов и оросительных систем. При этом, в Запорожской области в 2023 году посевные площади достигли 44 тыс. га, а валовой сбор ранних зерновых составил 151,5 тыс. тонн, что свидетельствует о сохранении аграрной специализации территории [10, с. 35].

В ДНР наблюдается высокая степень антропогенной трансформации пространства, сопровождающаяся фрагментацией природного каркаса. Доля природных территорий снижается по направлению к индустриальным центрам региона. Так, площадь природных и квазиприродных территорий уменьшается от 40,68 % в Краснолиманском районе до 13,76 % в Константиновском, что отражает усиление хозяйственной нагрузки [14, с. 173].

Для исторических регионов характерны значительные различия между промышленными центрами и периферийными территориями, проявляющиеся в неравномерности размещения населения, различиях инфраструктурной обеспеченности, неодинаковом уровне инвестиционной привлекательности, различиях в доступности социальных услуг, неодинаковой плотности транспортной сети и контрастах в уровне хозяйственного освоения территорий (табл. 3 и 4).

Таблица 3

Особенности территориального расселения, освоения пространства и пространственных диспропорций Донецкой и Луганской Народных Республик

Показатель	Донецкая Народная Республика	Луганская Народная Республика
Особенности расселения населения	Высокая концентрация населения в промышленных центрах и городских агломерациях	Преобладание городского расселения вокруг промышленных узлов; сокращение населения
Основные центры концентрации населения	Донецк, Макеевка, Горловка, Енакиево	Луганск, Алчевск, Красный Луч, Стаханов
Историческая модель освоения пространства	Индустриально-добывающая, развитие угольной и металлургической промышленности	Индустриально-сырьевая, развитие угледобычи и перерабатывающего производства
Факторы формирования системы расселения	Размещение угольных месторождений и промышленных предприятий	Донецкий угольный бассейн, промышленная инфраструктура
Современные механизмы землепользования	Промышленное освоение, добыча полезных ископаемых, урбанизированные территории	Добывающая промышленность, переработка, сельское хозяйство
Уровень хозяйственного освоения	Очень высокий	Высокий
Особенности использования земель	Высокая урбанизация и промышленная трансформация	Сочетание промышленных и сельскохозяйственных земель
Пространственные диспропорции	Контраст между промышленными центрами и периферией	Неравномерность развития между городами и сельскими территориями
Демографические тенденции	Миграционный отток, сокращение населения	Снижение численности населения на 36 % за 2014–2024 гг.
Ключевые пространственные проблемы	Депопуляция, инфраструктурный износ, экологическая нагрузка	Дефицит трудовых ресурсов, депопуляция, износ промышленной базы

Таблица 4

Особенности территориального расселения, освоения пространства и пространственных диспропорций
Херсонской и Запорожской областей

Показатель	Херсонская область	Запорожская область
Особенности расселения населения	Преимущественно сельский тип расселения; концентрация населения в административных центрах	Смешанный тип расселения: города, сельские поселения, приморские территории
Основные центры концентрации населения	Херсон, Новая Каховка, Геническ	Мелитополь, Бердянск, Энергодар
Историческая модель освоения пространства	Аграрная, ориентированная на земледелие и орошение	Аграрно-рекреационная, приморская специализация
Факторы формирования системы расселения	Плодородные земли, Днепр, оросительные системы	Азовское море, сельское хозяйство, рекреация
Современные механизмы землепользования	Интенсивное сельское хозяйство, орошаемое земледелие	Земледелие, рекреация, аграрное использование
Уровень хозяйственного освоения	Высокий	Высокий
Особенности использования земель	Значительная распаханность земель, зависимость от водообеспечения	Высокая доля сельхозугодий
Пространственные диспропорции	Различия между административными центрами и сельскими районами	Неравномерность развития между приморскими и внутренними территориями
Демографические тенденции	Миграционные процессы, изменение структуры занятости	Сокращение плотности населения отдельных территорий
Ключевые пространственные проблемы	Дефицит водных ресурсов, пространственная разобщённость	Деградация водных объектов, неравномерность развития

Особенно выражены пространственные диспропорции в Донбассе, где индустриальные центры концентрируют большую часть экономической активности, тогда как периферийные территории испытывают демографическое сокращение и инфраструктурные ограничения.

Таким образом, особенности расселения населения, исторические модели освоения пространства, современные механизмы землепользования и пространственные диспропорции формируют различия в траекториях пространственного развития исторических регионов. Для Донецкой и Луганской территорий характерна индустриально-урбанизированная модель развития, сопровождаемая депопуляцией и высокой антропогенной нагрузкой, тогда как Херсонская и Запорожская области сохраняют преимущественно аграрно-рекреационную специализацию. Указанные факторы оказывают непосредственное влияние на устойчивость территориального развития, инвестиционную привлекательность и эффективность использования природно-ресурсного потенциала.

На основе проведённого анализа природно-географических характеристик, экосистемных компонентов, моделей расселения и хозяйственного освоения исторических регионов можно сформировать две модели пространственного развития, основанные на биорегиональном подходе (табл. 5).

Таблица 5

Модели пространственного развития исторических регионов на основе биорегионального подхода

Характеристика	Индустриально-экологическая реинтеграция территорий	Аграрно-рекреационная биорегиональная специализация
Территориальный охват	ДНР, ЛНР	Херсонская область, Запорожская область
Природная основа развития	Степные экосистемы, угольный бассейн, речные долины, ограниченность водных ресурсов	Степные и сухостепные экосистемы, Днепр, побережье Азовского и Чёрного морей
Ключевые пространственные проблемы	Депопуляция, промышленная деградация, высокая антропогенная нагрузка, фрагментация природного каркаса	Засушливость, деградация почв, вододефицит, неравномерность сельского расселения
Стратегическая цель	Восстановление промышленно освоенных территорий при одновременном экологическом обновлении пространства	Формирование устойчивой аграрно-рекреационной экономики на основе природного потенциала
Приоритетные направления развития	Экологическая модернизация промышленности; рекультивация земель; развитие «зелёной» инфраструктуры; восстановление малых городов	Развитие адаптивного сельского хозяйства; водосбережение; рекреация; экологический туризм
Модель расселения	Полицентрическая система: укрепление средних городов и снижение нагрузки на индустриальные центры	Сетевая система расселения: развитие малых городов и сельских территорий
Механизмы землепользования	Рекультивация промышленных зон; повторное использование нарушенных земель; расширение природного каркаса	Рациональное землепользование; восстановление степных экосистем; регулирование орошения
Экономическая специализация	Высокотехнологичная промышленность, переработка, логистика, энергетика	Агропромышленный комплекс, переработка сельхозсырья, туризм, рыбное хозяйство
Экологический приоритет	Снижение антропогенной нагрузки и восстановление биоразнообразия	Сохранение водных ресурсов и устойчивость степных экосистем
Ожидаемый результат	Сокращение пространственных диспропорций, повышение качества городской среды, диверсификация экономики	Рост устойчивости сельских территорий, повышение продовольственной безопасности и рекреационной привлекательности

Первая ориентирована на индустриально-трансформированные территории Донбасса (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика), вторая – на аграрно-рекреационные территории Северного Причерноморья и Приазовья (Херсонская и Запорожская области).

Модель индустриально-экологической реинтеграции территорий – ориентирована на территории Донбасса, где пространственное развитие исторически определялось добывающей промышленностью и концентрацией населения в индустриальных центрах.

Основная идея заключается в переходе от ресурсозависимой модели к модели экологически ориентированной модернизации, предусматривающей восстановление нарушенных территорий, развитие перерабатывающих производств, формирование зелёных поясов и повышение качества городской среды. Реализация данной модели в рамках национального проекта «Экологическое благополучие» [17] может рассматриваться как один из механизмов снижения антропогенной нагрузки и

восстановления территорий с высокой промышленной концентрацией и повышению экологической устойчивости регионов, формированию предпосылок для их долгосрочного пространственного развития.

Одним из направлений развития рассматриваемой модели является восстановление взаимосвязи между природной средой и хозяйственной деятельностью, что способствует снижению экологической нагрузки и более сбалансированному использованию территорий. Для этого необходим переход от преобладающих ресурсоёмких производственных практик к формам хозяйствования, ориентированным на экологическую модернизацию промышленности в условиях новой индустриализации, восстановление нарушенных земель и учёт природоохранных требований в процессе экономического развития. Существенная роль в данных преобразованиях принадлежит государству, обеспечивающему нормативные, организационные и инвестиционные условия их реализации. Одним из критериев готовности промышленных предприятий к условиям новой индустриализации является экологичность [18].

Модель аграрно-рекреационной биорегиональной специализации ориентирована на Херсонскую и Запорожскую области, обладающие значительным потенциалом для развития сельского хозяйства, использования водных ресурсов и рекреационной деятельности. Пространственное развитие данных территорий связано с совершенствованием сельскохозяйственного производства, рациональным водопользованием, развитием прибрежных зон и сохранением степных экосистем. Перспективы хозяйственного развития региона определяются сочетанием агропромышленной деятельности, туризма, рыбного хозяйства и использования природно-рекреационных ресурсов. Вместе с тем, дальнейшее освоение территорий ограничивается засушливостью климата, дефицитом пресной воды и высокой степенью сельскохозяйственного использования земель. В этих условиях государственное участие необходимо для регулирования землепользования, поддержки сельских территорий, развития инфраструктуры и сохранения природного потенциала регионов.

Выводы и дальнейшая дискуссия. Использование биорегионального подхода позволяет перейти от единых административных механизмов управления к дифференцированным моделям пространственного развития, учитывающим природно-ресурсные особенности, экологическую специализацию и исторически сложившиеся формы освоения территории. Для индустриальных регионов приоритетным становится экологическое восстановление и диверсификация экономики, тогда как для аграрно-приморских территорий – рациональное природопользование и развитие устойчивых сельских пространств. Такой подход способствует снижению пространственных диспропорций и формированию долгосрочной устойчивости исторических регионов.

С целью восстановления природно-ресурсного потенциала, создания новых производств и рабочих мест, развития глубокой переработки биоресурсов, повышения продовольственной, экологической и технологической безопасности, а также устойчивое социально-экономическое развитие территорий, пострадавших от военного конфликта рекомендуется разработать и принять Стратегию комплексного восстановления и развития исторических регионов Российской Федерации на основе использования биологических ресурсов и биотехнологий.

Обоснование научной новизны в представленном исследовании. Научная новизна исследования заключается в разработке моделей пространственного развития новых регионов Российской Федерации на основе биорегионального подхода, учитывающего природно-географические характеристики, экосистемные особенности

и сложившиеся модели хозяйственного освоения территорий. Предложены модели индустриально-экологической реинтеграции и аграрно-рекреационной биорегиональной специализации, а также определена роль государства в обеспечении механизмов их реализации.

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой механизмов внедрения биорегионального подхода в систему государственного управления пространственным развитием с учетом гармонизации интересов государства и бизнеса, совершенствованием методов оценки биорегионального потенциала территорий и адаптацией стратегий пространственного развития к природно-экологическим особенностям регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трошичев, М. Биорегион: Руководство – путеводитель по теме «биорегион» для открытого пользования. – Текст: электронный / URL: https://russianpermaculture.ru/wp-content/uploads/2025/05/Биорегион_Трошичев-М.А.pdf (дата обращения: 10.03.2026)
2. Рагулина, М. В. Биорегионализм-англо-американская версия синтеза науки и экологического движения / М. В. Рагулина. – Текст: непосредственный // Юг России: экология, развитие. – 2007. – Т. 2, № 1. – С. 110–112. – EDN MBVWWV.
3. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 N 4146-р. – Текст: электронный / Справочно-правовая система «Консультант плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/ (дата обращения 11.04.2026)
4. McCloskey D. Cascadia Bioregion Map. – Текст: электронный / D. McCloskey. – URL: <https://cascadiabioregion.org> (дата обращения: 10.03.2026)
5. Блэкберн, А. А. Количественная оценка состава природных территорий (степных и лесных участков) Шахтерского района Донецкой Народной Республики / А. А. Блэкберн, А. Л. Золотой. – Текст: непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Естественные науки. – 2019. – Т. 43, № 3. – С. 276–285. – DOI 10.18413/2075-4671-2019-43-3-276-285. – EDN NYRBCB.
6. Блэкберн, А. А. Сравнительная оценка пространственной структуры квазиприродных экосистем городов Донецка и Макеевки (Донецкая народная Республика) / А. А. Блэкберн, А. Л. Золотой. – Текст: непосредственный // Промышленная ботаника. – 2020. – Т. 20, № 4. – С. 27–33. – EDN QTFLNA.
7. Блэкберн, А. А. Оценка экологического каркаса Донецкого региона на основе первичной инвентаризации его природных и квазиприродных территорий / А. А. Блэкберн. – Текст: непосредственный // Региональные геосистемы. – 2022. – Т. 46, № 2. – С. 267–283. – DOI 10.52575/2712-7443-2022-46-2-267-283. – EDN LFCDZM.
8. Заруцкая, Ю. Г. Структура и динамика сети особо охраняемых природных территорий Луганской Народной Республики / Ю. Г. Заруцкая. – Текст: непосредственный // Степи Северной Евразии : Материалы X международного симпозиума (Международного степного форума), Оренбург, 27 мая – 02 2024 года. – Оренбург: Институт степи УрО РАН Оренбургского федерального исследовательского центра УрО РАН, 2024. – С. 469–473. – DOI 10.24412/cl-37200-2024-469-473. – EDN HXXLTZ.
9. Пархомчук, Д. С. Общая характеристика и проблемы безопасности Луганской Народной Республики / Д. С. Пархомчук – Текст: непосредственный // Технологии техносферной безопасности. – 2017. – № 1(71). – С. 169–179. – EDN ZDRKCH.
10. Халиман, И. А. Компоненты окружающей среды Приморского района Запорожской области, их мониторинг / И. А. Халиман, Р. А. Горбанец, Е. П. Спиринцева. – Текст: непосредственный // Актуальные аспекты образования и инновации в современной науке : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Мелитополь, 15–17 апреля 2025 года. – Мелитополь: Мелитопольский государственный университет, 2025. – С. 34–37. – EDN ABGZEE.
11. Чижикова, О. А. Эколого-хозяйственное районирование Донбасса (на примере Донецкой области) : специальность 11.00.11 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук / Чижикова Ольга Алексеевна. – Москва, 2000. – 21 с. – EDN ZNNWOH. – Текст:

непосредственный.

12. Чижикова, О. А. Устойчивость природных комплексов к антропогенной нагрузке – основа устойчивого развития территории / О. А. Чижикова. – Текст: непосредственный // Географические и экономические исследования в контексте устойчивого развития государства и региона : Материалы международной научно-практической конференции, Донецк, 31 октября – 01 ноября 2019 года / Под общей редакцией Е.Г. Кошелевой. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2019. – С. 54–57. – EDN YJCKPE.

13. Чибилёв, А. А. Природное наследие регионов Новороссии и Донбасса / А. А. Чибилёв. – Оренбург – М., РГО Институт степи УрО РАН 2025. – 76 с. – Текст: непосредственный.

14. Блэкберн, А. А. Площадь и фрагментированность природного каркаса в Краснолиманском, Славянском и Константиновском районах Донецкой Народной Республики / А. А. Блэкберн. – Текст: непосредственный // Региональные геосистемы. – 2025. – Т. 49, № 1. – С. 169–183. – DOI 10.52575/2712-7443-2025-49-1-169-183. – EDN SPELGH.

15. Евдокимов, Д. С. Стратегический анализ социально-экономического состояния Луганской Народной Республики / Д. С. Евдокимов, Д. В. Черненко. – Текст: непосредственный // Проблемы рыночной экономики. – 2025. – № 1. – С. 14–29. – DOI 10.33051/2500-2325-2025-1-14-29. – EDN DSVEWZ.

16. Географические и экономические исследования в контексте устойчивого развития государства и региона / Е. Г. Кошелева, И. Н. Геращенко, А. М. Гизатулин [и др.]. – Курск : Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2020. – 290 с. – ISBN 978-5-907356-34-4. – EDN ITIIQA. – Текст: непосредственный.

17. Национальный проект «Экологическое благополучие». – Текст: электронный / Правительство России: официальный сайт. – URL: <http://government.ru/rugovclassifier/919/about/> (lfnf j,hfotybz^ 10.03.2026)

18. Маковецкий, С. А. Моделирование процессов инновационно-экологического развития промышленных предприятий Донецкой Народной Республики / С. А. Маковецкий, Л. Н. Скирневская. – Текст: непосредственный // Вестник Института экономических исследований. – 2022. – № 4(28). – С. 101–109. – EDN TVUCQS.

Поступила в редакцию 27.04.2026 г.

BIOREGIONAL APPROACH IN THE SYSTEM OF SPATIAL DEVELOPMENT OF TERRITORIES: THE ROLE OF THE STATE AND IMPLEMENTATION MECHANISMS

E.G. Kosheleva

The article examines the bioregional approach as a tool for the spatial development of territories, taking into account the natural-geographical, environmental, and socio-economic characteristics of regions. Based on an analysis of natural conditions, ecosystem components, settlement patterns, and economic development features of the Donetsk People's Republic, Luhansk People's Republic, Kherson Region, and Zaporizhzhia Region, models of industrial-environmental reintegration and agrarian-recreational bioregional specialization are proposed. The role of the state in implementing these models through mechanisms of regulation, coordination, and support for sustainable territorial development is determined. The study concludes that integrating the bioregional approach into the spatial development system is significant for increasing territorial sustainability and reducing spatial disparities.

Keywords: bioregional approach, spatial development of territories, role of the state, sustainable development, territorial governance, new regions.

LIST OF REFERENCES

1. Troshchichev, M. Bioregion: A Guidebook on the Topic of “Bioregion” for Public Use. – Electronic text. – URL: [https://russianpermaculture.ru/wp-content/uploads/2025/05/Биорегион_Трошичев-М.А.pdf] (https://russianpermaculture.ru/wp-content/uploads/2025/05/Биорегион_Трошичев-М.А.pdf) (accessed: 10.03.2026).
2. Ragulina, M. V. Bioregionalism: The Anglo-American Version of the Synthesis of Science and Environmental Movement / M. V. Ragulina. – Text: direct // South of Russia: Ecology, Development. – 2007. – Vol. 2, No. 1. – Pp. 110–112. – EDN MBVWWV.
3. On Approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2030 with a Forecast until 2036: Order of the Government of the Russian Federation No. 4146-r dated 28.12.2024. – Electronic text // Consultant Plus Legal Reference System*. – URL: [https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/] (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/) (accessed: 11.04.2026).
4. McCloskey D. Cascadia Bioregion Map. – Electronic text. – URL: [<https://cascadiabioregion.org>] (<https://cascadiabioregion.org>) (accessed: 10.03.2026).
5. Blackburn, A. A., Zolotoy, A. L. Quantitative Assessment of the Composition of Natural Territories (Steppe and Forest Areas) in Shakhtyorsk District of the Donetsk People’s Republic // Scientific Bulletin of Belgorod State University. Natural Sciences Series. – 2019. – Vol. 43, No. 3. – Pp. 276–285. – DOI: 10.18413/2075-4671-2019-43-3-276-285.
6. Blackburn, A. A., Zolotoy, A. L. Comparative Assessment of the Spatial Structure of Quasi-Natural Ecosystems in the Cities of Donetsk and Makeyevka (Donetsk People’s Republic) // Industrial Botany. – 2020. – Vol. 20, No. 4. – Pp. 27–33.
7. Blackburn, A. A. Assessment of the Ecological Framework of the Donetsk Region Based on Primary Inventory of Its Natural and Quasi-Natural Territories // Regional Geosystems. – 2022. – Vol. 46, No. 2. – Pp. 267–283. – DOI: 10.52575/2712-7443-2022-46-2-267-283.
8. Zarutskaya, Yu. G. Structure and Dynamics of the Network of Specially Protected Natural Areas in the Luhansk People’s Republic // Steppes of Northern Eurasia: Proceedings of the X International Symposium (International Steppe Forum). – Orenburg, 2024. – Pp. 469–473.
9. Parkhomchuk, D. S. General Characteristics and Security Problems of the Luhansk People’s Republic // Technologies of Technosphere Safety. – 2017. – No. 1(71). – Pp. 169–179.
10. Khaliman, I. A., Gorbanets, R. A., Spiritseva, E. P. Environmental Components of the Primorsky District of Zaporizhzhia Region and Their Monitoring // Current Aspects of Education and Innovation in Modern Science. – Melitopol, 2025. – Pp. 34–37.
11. Chizhikova, O. A. Ecological and Economic Zoning of Donbas (on the Example of Donetsk Region): Abstract of Candidate of Geographical Sciences Dissertation. – Moscow, 2000. – 21 p.
12. Chizhikova, O. A. Resistance of Natural Complexes to Anthropogenic Load as the Basis for Sustainable Territorial Development // Geographical and Economic Studies in the Context of Sustainable Development of the State and Region. – Donetsk, 2019. – Pp. 54–57.
13. Chibilyov, A. A. Natural Heritage of the Regions of Novorossiia and Donbas. – Orenburg–Moscow: Russian Geographical Society, Institute of Steppe, Ural Branch of RAS, 2025. – 76 p.
14. Blackburn, A. A. Area and Fragmentation of the Natural Framework in Krasnolimansky, Slavyansky, and Konstantinovsky Districts of the Donetsk People’s Republic // Regional Geosystems. – 2025. – Vol. 49, No. 1. – Pp. 169–183.
15. Evdokimov, D. S., Chernenko, D. V. Strategic Analysis of the Socio-Economic State of the Luhansk People’s Republic // Problems of Market Economy. – 2025. – No. 1. – Pp. 14–29.
16. Kosheleva, E. G., Gerashchenko, I. N., Gizatulin, A. M., et al. Geographical and Economic Research in the Context of Sustainable Development of the State and Region. – Kursk: University Book Publishing House, 2020. – 290 p.
17. National Project “Environmental Well-Being”. – Electronic text // Government of Russia: Official Website. – URL: <http://government.ru/rugovclassifier/919/about/> (accessed: 10.03.2026).
18. Makovetsky, S. A., Skirnevskaya, L. N. Modeling Processes of Innovative and Environmental Development of Industrial Enterprises of the Donetsk People’s Republic // Bulletin of the Institute for Economic Research. – 2022. – No. 4(28). – Pp. 101–109.

Кошелева Елена Георгиевна

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой национальной и региональной экономики

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», РФ, ДНР, г. Донецк

o.kosheleva@donnu.ru

+7-949-321-77-64

ORCID: 0009-0006-7939-2124

Kosheleva Elena

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of National and Regional Economics

Donetsk State University, city Donetsk

УДК 316.334.2:366.1

DOI 10.5281/zenodo.20434168

РЫНОК СОЦИАЛЬНО ВРЕДНЫХ ТОВАРОВ КАК РИСКОВЕННЫЙ ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

© 2026. В.Д. Малыгина, Д.А. Гросова

Рынок социально вредных товаров представляет собой устойчивый сегмент национальной экономики, функционирование которого порождает существенные негативные экстерналии, затрагивающие процессы социализации на индивидуальном, групповом и общественном уровнях. В статье анализируется рискогенный потенциал данного рынка в контексте социологической теории общества риска. Целью исследования является систематизация механизмов воздействия рынка социально вредных товаров на процессы социализации и обоснование комплексного характера порождаемых им рисков. Методологическую основу составляют концепция «общества риска» У. Бека, теория девиантного поведения Я.И. Гилинского, а также институциональный подход к анализу рыночных взаимодействий. Показано, что рынок социально вредных товаров выступает фактором деформации социализационных процессов через формирование нормативных паттернов потребления, снижение качественного потенциала населения и воспроизводство социального неравенства. Систематизированы регуляторные подходы, применяемые в отечественной и международной практике. Авторский вклад заключается в обосновании категории «социализационный риск» применительно к рынку социально вредных товаров и выявлении динамики рискогенного воздействия данного рынка в России.

Ключевые слова: социально вредные товары; рискогенный фактор; социализация; общество риска; алкогольная продукция; табачная продукция; регулирование рынка; девиантное поведение; негативные экстерналии; общественное здоровье.

Постановка проблемы. Функционирование рыночной экономики неизбежно сопряжено с обращением товаров, потребление которых наносит ущерб здоровью и благополучию как отдельных индивидов, так и общества в целом. Алкогольная и табачная продукция, изделия игровой индустрии, а также ряд иных товаров и услуг, традиционно квалифицируемых в экономической теории как «нежелательные блага», формируют специфический рыночный сегмент, характеризующийся высокой доходностью, устойчивым спросом и одновременно значительными негативными экстерналиями [7, с. 250].

Актуальность темы исследования. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, употребление алкоголя ежегодно является причиной около 3 миллионов смертей в мире, что составляет 5,3 % всех случаев смерти, а табакокурение уносит жизни свыше 8 миллионов человек [9, с. 14]. Для России указанная проблематика имеет особую остроту: А. В. Немцов в своих работах продемонстрировал, что масштабы алкоголизации российского общества существенно превышали официальные статистические показатели, а их последствия проявлялись не только в медико-демографической, но и в социокультурной сфере [8, с. 115]. А. Г. Вишневский показал, что смертность от внешних причин, значительная часть которой связана с потреблением алкоголя, являлась одним из ключевых факторов демографического кризиса 1990-х - 2000-х годов в России [2, с. 167].

Анализ последних исследований и публикаций. Вместе с тем рискогенный потенциал рынка социально вредных товаров не исчерпывается прямым ущербом здоровью потребителей. В контексте социологического анализа представляется существенным, что данный рынок оказывает деформирующее воздействие на процессы

социализации – усвоения индивидами социальных норм, ценностей и поведенческих моделей. Как отмечает Г. Р. Усманов, анализируя концепцию У. Бека, производство рисков в современном обществе становится столь же значимым атрибутом индустриальной системы, как и производство богатства, а сами риски обретают системный и институциональный характер [1, с. 248]. Рынок социально вредных товаров в данном контексте выступает институциональной формой генерирования социализационных рисков, транслирующей в общественное пространство нормативные модели потребления, деструктивные по своим последствиям.

Как отмечает Я. И. Гилинский, девиантное поведение, включая злоупотребление алкоголем и наркотическими веществами, является не только индивидуальной патологией, но и социальным явлением, обусловленным структурными характеристиками общества и воспроизводимым в процессе социализации [3, с. 312]. П. М. Козырева и А. И. Смирнов продемонстрировали, что распространённость курения в России имеет выраженную социально-демографическую структуру, что подтверждает значимость социальных факторов в формировании аддиктивных практик [4, с. 96]. В ранее опубликованных работах авторами настоящей статьи обосновывается концептуальный подход к рынку социально вредных товаров как к самостоятельному объекту маркетингового и экономико-социологического анализа, что открывает возможности интеграции разрозненных направлений исследования данной проблематики [6, с. 31; 7, с. 251].

Выделение нерешённых проблем. Несмотря на значительное количество работ, посвящённых отдельным аспектам функционирования рынка алкогольной и табачной продукции, до настоящего времени недостаточно разработанной остаётся комплексная аналитическая рамка, позволяющая рассматривать данный рынок как институциональный фактор деформации социализационных процессов. Отсутствует устоявшаяся категория, интегрирующая экономические, социологические и медико-демографические измерения рассматриваемой проблемы.

Гипотеза исследования заключается в предположении, согласно которому рынок социально вредных товаров выступает самостоятельным институциональным фактором рискогенного воздействия на процессы социализации, реализующимся через взаимосвязанные нормативный, структурный и стратификационный механизмы.

Цель исследования состоит в систематизации механизмов воздействия рынка социально вредных товаров на процессы социализации и обосновании комплексного характера порождаемых им рисков на основе введения категории «социализационный риск».

Материалы и методы исследования. Анализ научной литературы по заявленной тематике позволяет выделить несколько содержательных направлений исследований, формирующих теоретико-методологическую базу настоящей работы. Первое направление представлено работами, концептуализирующими проблематику риска в современном обществе. Статья Г. Р. Усманова [1] обобщает теоретические положения концепции «общества риска» У. Бека и её применимость к современному социологическому анализу. Исследования Я. И. Гилинского [3] сформировали теоретическую рамку анализа девиантного поведения, включая аддиктивные практики, как социально детерминированного явления, воспроизводимого через институты социализации.

Второе направление включает работы, непосредственно посвящённые проблеме алкоголизации и табакокурения в российском обществе. А. В. Немцов представил масштабную реконструкцию алкогольной ситуации в стране, продемонстрировав

взаимосвязь между политикой государства в отношении алкогольного рынка и уровнем смертности [8]. А. Г. Вишнеvский проанализировал долгосрочные тенденции смертности от внешних причин в России, значительная часть которой связана с потреблением социально вредных товаров [2]. П. М. Козырева и А. И. Смирнов исследовали особенности и тенденции распространения курения в России [4]. Я. М. Рощина проанализировала динамику и структуру потребления алкоголя в современной России на основе данных лонгитудных обследований [10].

Третье направление представлено исследованиями институциональных, регуляторных и маркетинговых аспектов функционирования рынка социально вредных товаров. М. Г. Колосницына и М. Т. Ситдииков оценили эффективность минимальных розничных цен на крепкий алкоголь как инструмента антиалкогольной политики [5]. В более ранних публикациях авторов настоящей статьи разработаны концептуальные основы комплексного маркетингового подхода к функционированию рынка социально вредных товаров и обоснована его научно-технологическая значимость в контексте сбалансированного развития экономики [6; 7].

Нормативно-правовую базу исследования составляют Доклад ВОЗ о глобальной табачной эпидемии [11] и Федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ [12], отражающие эволюцию регуляторных подходов к ограничению рынка социально вредных товаров.

Методологическую основу исследования составляют системный подход, позволяющий рассматривать рынок социально вредных товаров как элемент более широкой социальной системы; историко-генетический метод, обеспечивающий прослеживание эволюции данного рынка и его регулирования; сравнительный анализ, дающий возможность сопоставления различных регуляторных моделей. Эмпирической базой послужили статистические данные Росстата, аналитические материалы Всемирной организации здравоохранения [9; 11], а также нормативно-правовые акты Российской Федерации [12].

Результаты исследования и их обсуждение. Прежде чем обратиться к анализу рискогенного потенциала рынка социально вредных товаров, необходимо уточнить содержание используемых категорий. Под социально вредными товарами в настоящей работе понимаются товары и услуги, систематическое потребление которых наносит доказанный ущерб здоровью потребителя и генерирует значительные негативные экстерналии, затрагивающие третьих лиц и общество в целом [7, с. 251]. Данная категория пересекается с экономическим понятием «нежелательных благ» (*demerit goods*), однако акцентирует социальный аспект вредоносности – воздействие не только на индивидуальное здоровье, но и на социальные отношения, институты и процессы [1, с. 249].

Социализационный риск в контексте данного исследования определяется как вероятность деформации процессов усвоения индивидами социальных норм, ценностей и поведенческих моделей под воздействием факторов, связанных с функционированием рынка социально вредных товаров. Данный риск реализуется через множество каналов – от непосредственного вовлечения в потребление до опосредованного влияния рекламы, культурных норм и практик ближайшего окружения [3, с. 315; 6, с. 33].

Классификация основных сегментов рынка социально вредных товаров и механизмов их рискогенного воздействия на процессы социализации представлена в таблице 1.

Как следует из представленных данных, каждый сегмент рынка социально вредных товаров располагает специфическими механизмами воздействия на социализационные

процессы, однако их объединяет общая направленность – формирование и закрепление поведенческих паттернов, деструктивных по своим социальным последствиям [3, с. 320].

Анализ рискогенного потенциала рынка социально вредных товаров целесообразно осуществлять на нескольких уровнях. На микроуровне – уровне индивидуальной и семейной социализации – воздействие данного рынка проявляется наиболее непосредственно. А.В. Немцов показал, что алкоголизация одного из родителей кардинально изменяет условия первичной социализации ребёнка, формируя искажённые представления о норме поведения и межличностных отношениях [8, с. 125]. По данным А.Г. Вишневого, значительная часть смертности от внешних причин в России связана с алкогольным опьянением, что свидетельствует о глубинной укоренённости аддиктивных практик в социокультурной ткани общества [2, с. 178].

Таблица 1

Сегменты рынка социально вредных товаров и механизмы их рискогенного воздействия на социализацию (составлено на основе [1, 2, 4, 8, 9])

Сегмент рынка	Механизмы воздействия на социализацию	Наиболее уязвимые социальные группы
Алкогольный	Формирование «алкогольных ритуалов» как элемента социальной интеграции; нормализация потребления в семейной среде; снижение родительской компетентности	Подростки, молодёжь, лица с низким социально-экономическим статусом, дети из семей с алкогольной зависимостью
Табачный	Ассоциирование курения с маркерами взрослости и групповой принадлежности; цифровой маркетинг, ориентированный на молодёжь	Подростки 14–17 лет, молодёжь 18–24 лет, лица с низким уровнем образования
Игровой	Формирование установки на «лёгкое обогащение»; подмена трудовой этики; развитие лудомании как формы аддиктивного поведения	Молодёжь, лица с нестабильной занятостью, интернет-пользователи

На мезоуровне – уровне локальных сообществ и социальных групп – рынок социально вредных товаров формирует специфическую инфраструктуру потребления. Как было показано в предшествующих работах [6, с. 34], маркетинговые механизмы продвижения социально вредных товаров формируют социальные конвенции, определяющие допустимые модели поведения и воспринимаемую норму потребления. Плотность торговых точек, реализующих алкогольную продукцию, доступность табачных изделий, проникновение онлайн-ставок – все эти параметры создают среду, в которой потребление социально вредных товаров воспринимается как нормативная практика.

На макроуровне рискогенное воздействие данного рынка проявляется в системных эффектах, затрагивающих общество в целом. Г.Р. Усманов, интерпретируя положения концепции У. Бека, подчёркивает, что в обществе риска производство угроз институционализируется и обретает характер самовоспроизводящейся системы [1, с. 249]. Рынок социально вредных товаров в данном контексте выступает институциональным механизмом генерирования и трансляции рисков, деформирующих нормативные основания социализации [7, с. 252].

Сравнительный анализ регуляторных подходов к ограничению рынка социально вредных товаров, систематизированный на рисунке 1, позволяет выделить несколько моделей, различающихся по инструментарию, механизмам воздействия на социализационные процессы и горизонтам ожидаемых эффектов.

Как показывает анализ, каждый из регуляторных подходов обладает специфическими преимуществами и системными ограничениями, что обуславливает необходимость их комплексного и координированного применения. М.Г. Колосницына и М.Т. Ситдигов, исследуя эффект введения минимальных розничных цен на крепкий алкоголь, продемонстрировали, что данная мера оказала статистически значимое влияние на структуру потребления, однако её эффективность была ограничена переключением части потребителей на нелегальную продукцию [5, с. 62]. П.М. Козырева и А.И. Смирнов показали, что снижение распространённости курения в России после принятия ФЗ № 15-ФЗ [12] было неравномерным по социально-демографическим группам: наибольшее сокращение наблюдалось среди лиц с высшим образованием и жителей крупных городов, тогда как в менее обеспеченных и менее образованных группах динамика была существенно слабее [4, с. 76].

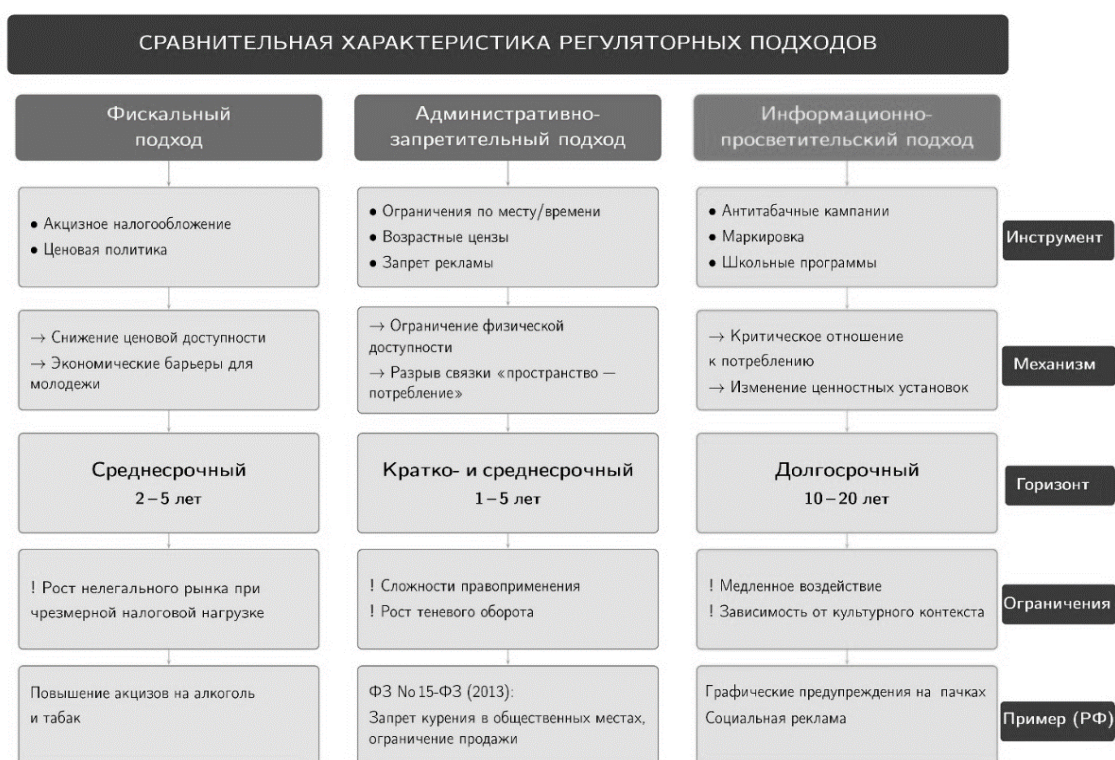

Рис. 1. Сравнительная характеристика регуляторных подходов к ограничению рынка социально вредных товаров (составлено автором на основе [5, 10, 11])

Данное наблюдение согласуется с выводами Я.М. Рощиной о социальной стратифицированности рисков, порождаемых рынком социально вредных товаров: повышение цен в большей степени, ограничивает потребление среди менее обеспеченных слоёв, тогда как информационно-просветительские программы демонстрируют большую эффективность в группах с высоким уровнем образования, где уже сформированы когнитивные ресурсы для критической оценки потребительских практик [10, с. 245]. Таким образом, различные регуляторные инструменты обладают дифференцированным потенциалом воздействия на социализационные процессы в разных социальных стратах, что необходимо учитывать при проектировании комплексной политики.

Динамика ключевых показателей, характеризующих масштаб рынка социально вредных товаров и его рискогенное воздействие на процессы социализации в России, свидетельствует о неоднозначных тенденциях. Данные Всемирной организации здравоохранения и Росстата позволяют зафиксировать существенное снижение как потребления алкоголя на душу населения, так и распространённости курения за период 2009-2023 годов [9, с. 78; 11, с. 102]. Вместе с тем необходимо учитывать, что статистические данные отражают преимущественно легальный рынок и не в полной мере охватывают теневой сегмент [8, с. 128], а также не фиксируют перераспределение потребления в пользу новых форм – электронных систем доставки никотина, онлайн-ставок и тому подобных. Динамика потребления алкоголя на душу населения и распространённости табакокурения среди взрослого населения России за период 2009-2023 годов представлена на рисунке 2.

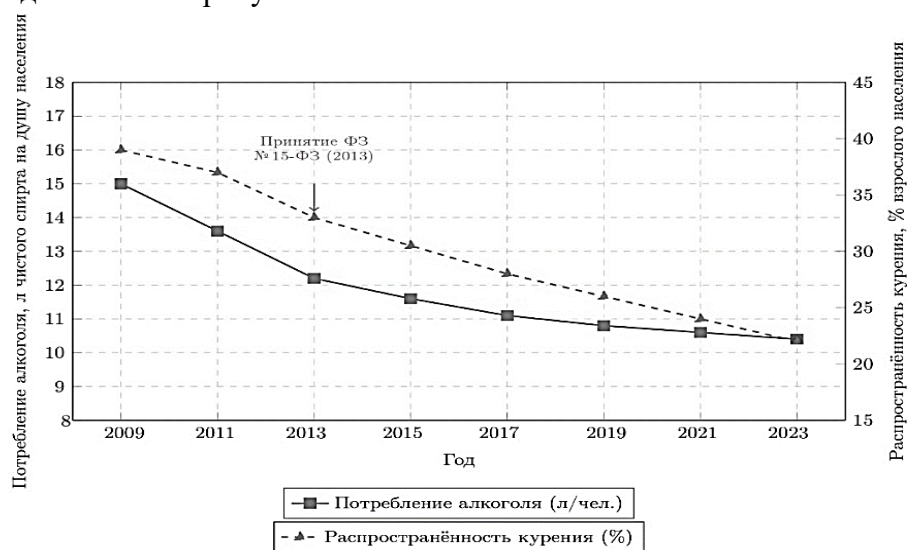

Рис. 2. Динамика потребления алкоголя (литры чистого спирта на душу населения) и распространённости табакокурения (% взрослого населения) в России, 2009–2023 гг. (составлено автором на основе [8, 9, 11])

Как следует из представленных данных, за рассматриваемый период наблюдается устойчивая тенденция к снижению обоих показателей: потребление алкоголя сократилось с 15,0 литров чистого спирта на душу населения в 2009 году до 10,4 литра в 2023 году, а распространённость курения – с 39 % до 22 % взрослого населения [9, с. 80]. Особенно заметное ускорение снижения распространённости курения приходится на 2013-2015 годы, что хронологически совпадает с вступлением в силу Федерального закона № 15-ФЗ [12] и позволяет предположить наличие каузальной связи между регуляторными мерами и изменением поведенческих моделей.

Вместе с тем констатация общей позитивной динамики не должна вести к преуменьшению сохраняющегося рискогенного потенциала рынка социально вредных товаров в контексте социализации. Во-первых, даже достигнутый уровень потребления алкоголя – более 10 литров чистого спирта на душу населения – по классификации ВОЗ квалифицируется как опасный для здоровья нации [9, с. 82]. А.В. Немцов подчёркивал, что превышение пороговых значений потребления алкоголя запускает механизмы демографической деградации, последствия которой проявляются в долгосрочной перспективе [8, с. 130].

Во-вторых, происходит трансформация структуры рынка: снижение потребления традиционных табачных изделий сопровождается быстрым ростом распространённости электронных систем доставки никотина, особенно среди подростков и молодёжи [11, с. 148]. Данный процесс представляет собой перенаправление рискогенного воздействия в наиболее уязвимый для социализации возрастной сегмент. Аналогичным образом ограничение игорного бизнеса в офлайн-среде сопровождалось экспансией онлайн-букмекерских платформ, доступность которых для молодёжи существенно возросла [7, с. 252].

В-третьих, сохраняется значительная социально-территориальная дифференциация рискогенного воздействия данного рынка. А.Г. Вишневский обращал внимание на то, что деградация качественного потенциала населения концентрируется в социально депривированных группах, формируя «воронку неблагополучия», из которой крайне сложно выйти без целенаправленной государственной поддержки [2, с. 210].

Указанные обстоятельства позволяют утверждать, что рынок социально вредных товаров продолжает оставаться значимым рискогенным фактором социализации, несмотря на определённые успехи регуляторной политики. Его деструктивное воздействие проявляется в нескольких взаимосвязанных измерениях: нормативном – через формирование и воспроизводство потребительских паттернов, легитимизирующих аддиктивное поведение; структурном – через создание инфраструктуры доступности вредных товаров, встроенной в повседневную среду социализации; стратификационном – через воспроизводство и углубление социального неравенства, обусловленного дифференциацией рисков и ресурсов их преодоления [1, с. 250; 2, с. 215; 3, с. 325].

Обоснование научной новизны представленного исследования заключается во введении и содержательном раскрытии категории «социализационный риск» применительно к рынку социально вредных товаров, а также в систематизации механизмов его рискогенного воздействия на процессы социализации на микро-, мезо- и макроуровнях с выделением нормативного, структурного и стратификационного измерений.

На основе проведённого анализа можно обосновать комплексный подход к минимизации социализационных рисков, порождаемых рынком социально вредных товаров. Данный подход предполагает интеграцию фискальных, административных и информационно-просветительских инструментов регулирования, их синхронизацию и взаимное усиление [5, с. 68; 11, с. 200; 12]. Необходима адресность регуляторных мер, их дифференциация с учётом социально-экономических характеристик целевых групп и специфики территорий [2, с. 220; 4, с. 78]. Важнейшим направлением является опережающее регулирование новых сегментов рынка (электронных систем доставки никотина, онлайн-ставок), которые в настоящее время функционируют в условиях регуляторного вакуума и концентрируют своё воздействие на наиболее уязвимых возрастных группах [6, с. 35]. Перспективным представляется развитие институтов альтернативной социализации, способных противопоставить деструктивным потребительским практикам позитивные модели социальной интеграции [3, с. 330].

Выводы и дальнейшая дискуссия. Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Рынок социально вредных товаров представляет собой устойчивый институциональный фактор, оказывающий деформирующее воздействие на процессы социализации на микро-, мезо- и макроуровне. Это воздействие реализуется через формирование нормативных потребительских паттернов, создание инфраструктуры доступности, снижение качественного потенциала населения и воспроизводство социального неравенства [1, с. 250; 2, с. 215; 8, с. 130]. Категория

«социализационный риск», предложенная в данной работе, позволяет интегрировать экономические, социологические и медико-демографические аспекты проблемы в единую аналитическую рамку.

Анализ динамики ключевых показателей за 2009-2023 годы свидетельствует о существенном сокращении масштабов потребления алкоголя и табачных изделий в России, что в значительной мере обусловлено последовательной регуляторной политикой государства [9, с. 80; 10, с. 252; 12]. Вместе с тем достигнутые уровни потребления по-прежнему остаются выше безопасных порогов, а трансформация структуры рынка – экспансия электронных никотинсодержащих продуктов и онлайн-ставок – создаёт новые каналы рискогенного воздействия на социализацию, преимущественно затрагивающие подростков и молодёжь [6, с. 35; 7, с. 252]. Сравнительный анализ регуляторных подходов свидетельствует о необходимости комплексного применения фискальных, административных и информационно-просветительских инструментов, а также их дифференциации с учётом социальной стратификации рисков [4, с. 78; 11, с. 215].

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении связаны с эмпирической верификацией предложенной категории «социализационный риск» с использованием данных лонгитюдных социологических обследований, а также с оценкой эффективности регуляторных мер применительно к новым формам потребления социально вредных товаров, получившим распространение в цифровой среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Усманов Г.Р. Концепция «общества риска» Ульриха Бека: теоретический анализ / Г.Р. Усманов // ВЭПС. – 2024. – № 2. – С. 247-250. – EDN TGACCF.
2. Вишневецкий А.Г. Смертность от внешних причин в России с середины XX века / А.Г. Вишневецкий. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. – 448 с. – ISBN 978-5-7598-1397-2. – DOI 10.17323/978-5-7598-1397-2. – EDN IMICZC.
3. Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль : монография / Гишинский Я.И. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2024. – 504 с. – ISBN 978-5-94201-574-2.
4. Козырева, П. М. Распространенность практик здорового образа жизни / П. М. Козырева, А. И. Смирнов, С. Б. Соколова // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. Том Выпуск 6. – Москва: Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2016. – С. 96-117. – EDN WEWWUJ.
5. Колосницына, М. Г. Антиалкогольная политика в современной России: направления развития и поддержка населения / М. Г. Колосницына, А. И. Дубынина // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2019. – № 2(42). – С. 94-120. – DOI 10.31737/2221-2264-2019-42-2-5. – EDN BOEGQW.
6. Малыгина, В. Д. Концептуализация комплексного маркетингового подхода к функционированию рынка социально вредных товаров / В. Д. Малыгина, Д. А. Гросова // Экономическое развитие России. – 2024. – Т. 31, № 6. – С. 29-37. – EDN FTYCES.
7. Малыгина, В. Д. Социально-вредные товары как научно-технологическая проблема сбалансированного и инновационного развития экономики / В. Д. Малыгина, Д. А. Гросова // Экономика строительства. – 2025. – № 3. – С. 250-253. – EDN DTAIOA.
8. Немцов, А. В. Российская смертность в свете потребления алкоголя / А. В. Немцов // Демографическое обозрение. – 2015. – Т. 2, № 4. – С. 111-135. – EDN VSBERD.
9. Рощина, Я. М. Рискованное потребление алкоголя в России / Я. М. Рощина // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) : Сборник научных статей / Ответственный редактор П.М. Козырева. Том Выпуск 9. – Москва : Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2019. – С. 108-133. – DOI 10.17323/978-5-7598-2038-3_108-133. – EDN TVAOJP.
10. Глобальный доклад о состоянии дел с алкоголем и здоровьем, а также о лечении расстройств, связанных с употреблением психоактивных веществ, за 2024 год. – Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2024. – 312 с.

11. Доклад ВОЗ о глобальной табачной эпидемии 2023 года: защита людей от табачного дыма. – Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2023. – 216 с.

12. Федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 8. – Ст. 721.

Поступила в редакцию 17.04.2026 г.

MARKET OF SOCIALLY HARMFUL GOODS AS A RISK-GENERATING FACTOR OF SOCIETY'S SOCIALIZATION

V.D. Malygina, D.A. Grosova

The market of socially harmful goods constitutes a stable segment of the national economy, the functioning of which generates significant negative externalities affecting socialization processes at individual, group, and societal levels. The article analyzes the risk-generating potential of this market in the context of the sociological theory of risk society. The purpose of the study is to systematize the mechanisms of impact of the socially harmful goods market on socialization processes and to substantiate the complex nature of the risks it generates. The methodological basis comprises U. Beck's concept of "risk society," Ya.I. Gilinsky's theory of deviant behavior, and the institutional approach to the analysis of market interactions. It is shown that the market of socially harmful goods acts as a factor in the deformation of socialization processes through the formation of normative consumption patterns, the reduction of the qualitative potential of the population, and the reproduction of social inequality. Regulatory approaches applied in domestic and international practice are systematized. The authors' contribution lies in substantiating the category of "socialization risk" as applied to the market of socially harmful goods and identifying the dynamics of the risk-generating impact of this market in Russia.

Keywords: socially harmful goods; risk-generating factor; socialization; risk society; alcohol products; tobacco products; market regulation; deviant behavior; negative externalities; public health.

LIST OF REFERENCES

1. Usmanov G.R. The concept of "risk society" by Ulrich Beck: theoretical analysis / G.R. Usmanov // VEPS. – 2024. – No. 2. – Pp. 247–250. – EDN TGACCF.
2. Vishnevsky A.G. Mortality from external causes in Russia since the middle of the 20th century / A.G. Vishnevsky. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2017. – 448 p. – ISBN 978-5-7598-1397-2. – DOI 10.17323/978-5-7598-1397-2. – EDN IMICZC.
3. Gilinsky Ya.I. Criminology: theory, history, empirical base, social control: monograph / Ya.I. Gilinsky. – 3rd ed. – St. Petersburg: Legal Center Press, 2024. – 504 p. – ISBN 978-5-94201-574-2.
4. Kozyreva P.M. Prevalence of healthy lifestyle practices / P.M. Kozyreva, A.I. Smirnov, S.B. Sokolova // Bulletin of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Public Health of the National Research University Higher School of Economics (RLMS-HSE). Issue 6. – Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2016. – Pp. 96–117. – EDN WEWUJ.
5. Kolosnitsyna M.G. Anti-alcohol policy in modern Russia: development directions and public support / M.G. Kolosnitsyna, A.I. Dubynina // Journal of the New Economic Association. – 2019. – No. 2(42). – Pp. 94–120. – DOI 10.31737/2221-2264-2019-42-2-5. – EDN BOEQW.
6. Malygina V.D. Conceptualization of an integrated marketing approach to the functioning of the market of socially harmful goods / V.D. Malygina, D.A. Grosova // Economic Development of Russia. – 2024. – Vol. 31, No. 6. – Pp. 29–37. – EDN FTYCES.
7. Malygina V.D. Socially harmful goods as a scientific and technological problem of balanced and innovative development of the economy / V.D. Malygina, D.A. Grosova // Construction Economics. – 2025. – No. 3. – Pp. 250–253. – EDN DTAIOA.
8. Nemtsov A.V. Russian mortality in the light of alcohol consumption / A.V. Nemtsov // Demographic Review. – 2015. – Vol. 2, No. 4. – Pp. 111–135. – EDN VSBERD.
9. Roshchina Ya.M. Risky alcohol consumption in Russia / Ya.M. Roshchina // Bulletin of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Public Health of the National Research University Higher School of Economics (RLMS-HSE): Collection of scientific articles / Ed. by P.M. Kozyreva. Issue 9. – Moscow: National

Research University Higher School of Economics, 2019. – Pp. 108–133. – DOI 10.17323/978-5-7598-2038-3_108-133. – EDN TVAQJP.

10. Global status report on alcohol and health and treatment of substance use disorders 2024. – Geneva: World Health Organization, 2024. – 312 p.

11. WHO report on the global tobacco epidemic 2023: protect people from tobacco smoke. – Geneva: World Health Organization, 2023. – 216 p.

12. Federal Law No. 15-FZ dated February 23, 2013 "On the Protection of Citizens' Health from Exposure to Ambient Tobacco Smoke and the Consequences of Tobacco Consumption" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2013. – No. 8. – Article 721.

Малыгина Валентина Дмитриевна

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой товароведения продовольственных товаров и экспертизы продукции сельского хозяйства

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк

mvd-51@mail.ru

+7-949-368-94-90

ORCID: 0000-0001-5422-4657

Гросова Дарья Александровна

ассистент кафедры товароведения продовольственных товаров и экспертизы продукции сельского хозяйства

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк

dasha-grosova@mail.ru

+7-949-324-47-95

ORCID: 0000-0001-5817-567X

Malygina Valentina

Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Commodity Science of Food Products and Expertise of Agricultural Products

Mikhail Tugan-Baranovsky Donetsk National University of Economics and Trade, city Donetsk

Grosova Daria

Assistant of the Department of Commodity Science of Food Products and Expertise of Agricultural Products

Mikhail Tugan-Baranovsky Donetsk National University of Economics and Trade, city Donetsk

УДК 336.74

DOI 10.5281/zenodo.20434182

ТРАНСФОРМАЦИЯ БАНКОВСКИХ УСЛУГ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ЦИФРОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ КОРПОРАТИВНЫХ СДЕЛОК

© 2026. Д.В. Масинев

Цифровая трансформация мировых финансов влечет за собой не только расширение трансграничных потоков капитала и финансовых сервисов, но и нарастание регуляторной фрагментации, инфраструктурной уязвимости и правовой неопределенности. В статье рассматриваются теоретические основы цифрового регулирования финансовых рынков, раскрывается роль SupTech- и RegTech-решений, а также анализируются актуальные подходы к регулированию криптоактивов, цифровых валют центральных банков и платформенных финансовых сервисов. Источниковую базу исследования составили российские и зарубежные научные публикации в области глобального финансового управления, финтеха, цифрового надзора и трансграничных расчетов. В качестве методологической основы применялись сравнительный, институциональный и системный подходы, а также контент-анализ научных источников. Проведенное исследование показало, что асинхронное формирование национальных и наднациональных норм усугубляет регуляторный арбитраж, тогда как устойчивость цифровых финансовых рынков определяется совокупностью факторов: международной интероперабельностью, прозрачностью алгоритмов надзора, согласованными стандартами обращения цифровых активов, а также развитием механизмов SupTech и RegTech.

Ключевые слова: цифровое регулирование; финансовые рынки; SupTech; RegTech; криптоактивы; CBDC; финтех; трансграничные расчеты; регуляторная фрагментация; глобальное финансовое управление; цифровые платформы; международная координация.

Постановка проблемы. Цифровые технологии кардинально меняют архитектуру мировых финансов, одновременно наращивая трансграничные потоки капитала и углубляя регуляторные разрывы. После кризисного спада 2020 г. восстановление этих потоков при поддержке антикризисных мер, на фоне неоднородности надзорных систем, привело к усилению регуляторного арбитража и концентрации рисков в слабо регулируемых сегментах. В этом контексте нарастающую угрозу фрагментации: государства объединяются в блоки для организации трансграничных расчетов, а зависимость от инфраструктурных монополий делает мировую финансовую систему все более уязвимой; отключение от SWIFT при этом рассматривается как одна из наиболее жестких санкционных мер [1, с. 97, 99, 101, 103]. Уязвимость инфраструктурных узлов превращается в фактор стратегической нестабильности всей мировой экономики.

Параллельно цифровизация преобразует и розничную, и корпоративную финансовую практику. Банковские приложения и финтех-решения перенесли на цифровые платформы широкий спектр операций – от кредитования до инвестиций и платежей, открыв доступ к финансовым услугам для прежде «необслуживаемых» групп населения. Между тем традиционные регуляторные нормы уже не справляются с охватом сложных цифровых практик: в отсутствие современных инструментов надзора и четких правовых рамок нарастают неопределенность, арбитраж и эксплуатация правовых лазеек [11, с. 1, 2, 8, 9]. Расширение цифровых сервисов в банковском и инвестиционном секторах без соответствующей адаптации надзорных механизмов порождает новые правовые и операционные риски глобального масштаба.

Актуальность темы исследования. Фрагментация переговорных треков и режимов регулируемости парадоксальным образом стимулирует «точечную»

гармонизацию норм – прежде всего на региональном уровне и на площадках ОЭСР и G20. При этом Буэнос-Айресская министерская конференция ВТО обнажила раскол в вопросах электронной торговли, а влияние МСЭ в сфере цифровой экономики по-прежнему ограничено статусом необязательных технических рекомендаций [15, с. 28, 29]. Частичная унификация правил укрепляет роль ряда международных площадок, однако вместе с тем наглядно демонстрирует слабость глобальных механизмов согласования и отсутствие единого цифрового регулятора мирового уровня.

По оценке М. Ларионовой и А. Шелепова, ОЭСР активно формирует ориентиры цифрового регулирования – в том числе Рекомендацию по ИИ, – тогда как потенциал G20 в этой сфере задействован лишь частично, а ЕС последовательно продвигает собственные стандарты в качестве фактических «правил входа» на свой рынок. При этом сохраняется угроза стагнации универсальных норм, а цифровое регулирование пока не закрепилось как самостоятельное устойчивое направление в повестке БРИКС [15, с. 27–36]. Ускоренное нормотворчество отдельных объединений не восполняет дефицит глобального согласования и воспроизводит состояние регуляторной конкуренции.

На уровне глобального финансового управления реформы координируются под эгидой G20, однако решающее влияние на принятие решений в МВФ и Группе Всемирного банка по-прежнему удерживают развитые экономики [1, с. 97, 101]. В секторальном измерении все острее ощущается потребность в инструментах, способных обеспечить равные условия для финтех- и традиционных финансовых институтов, а прозрачные правовые рамки выступают необходимым условием легитимного развития инновационных финансовых продуктов [11, с. 8, 9]. Международные инициативы и отраслевые механизмы существуют, но не устраняют структурной асимметрии глобального управления, которая препятствует выработке действительно равноправных правил для финтех-сферы.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретические и прикладные аспекты цифрового регулирования финансовых рынков разрабатывались в работах, посвященных трансформации мировой финансовой системы, финтех-инновациям, цифровизации денежно-кредитной сферы, а также внедрению SupTech- и RegTech-решений. М.Ю. Головнин показывает, что цифровая перестройка мировых финансов разворачивается в условиях изменения глобальных потоков капитала, роста инфраструктурной зависимости и сохраняющейся институциональной асимметрии в международном финансовом управлении [1, с. 97–103]. Публикации, предметом которых служат финтех-инновации, фиксируют иное противоречие: цифровые платформы и онлайн-сервисы расширяют финансовую доступность, однако одновременно обнажают потребность в современной регуляторной архитектуре, способной ограничивать арбитраж и правовую неопределенность [11, с. 1, 2, 8, 9].

Весомый вклад в изучение проблематики цифрового надзора внесли исследования SupTech и RegTech. SupTech (Supervisory Technology) – это технологии, которые регуляторы применяют для повышения результативности контроля и надзора за участниками финансового рынка; RegTech (Regulatory Technology) – решения для финансовых организаций, позволяющие им эффективнее исполнять требования надзорных органов. При проектировании и эксплуатации соответствующих моделей возникают риски неверного выбора данных, ошибочных предпосылок и некорректной настройки; минимизировать их позволяют регулярная корректировка информации и сценарная верификация параметров [5, с. 704, 705, 709]. В контексте цифровой денежно-кредитной системы приоритетными направлениями работы регуляторов становятся мониторинг и прогнозирование системного риска, управление новыми финансово-

посредническими структурами, а также формирование политики в области финансовых инноваций при одновременной защите прав потребителей и расширении финансовой вовлеченности населения [9, с. 720]. Интеграция SupTech и RegTech в цифровую финансовую среду предполагает от регуляторов не только технологическую гибкость, но и выработку долгосрочной стратегии управления данными и рисками – без этого невозможно удержать баланс между инновационным развитием рынка и устойчивостью его правового надзора.

Самостоятельный блок исследований охватывает вопросы регулирования криптоактивов, цифровых валют центральных банков и токенизированных активов. Криптоактивы способны объединять элементы, разнородные по экономической природе, – денежные, долговые, долевые и гибридные, – причем они могут выпускаться как в децентрализованных сетях, так и на централизованной основе. Д.А. Кочергин подчеркивает, что их корректная интерпретация и классификация служат необходимой предпосылкой для выбора адекватного режима регулирования – как на национальном, так и на международном уровне [4, с. 77]. Одним из ключевых критериев для применения европейского Регламента MiCAR (Markets in Crypto-Assets Regulation – Регламент о рынках криптоактивов) является возможность передачи токена: цифровые активы, лишённые этого свойства, выведены за рамки его действия. Открытым при этом остается вопрос согласования стандартов с юрисдикциями за пределами ЕС, в том числе со Швейцарией и Великобританией [8, с. 215]. В новейших зарубежных исследованиях рассматриваются требования Базельского комитета к капиталу под криптоактивы, проблемы интероперабельности цифровых активов и риски одностороннего регулирования со стороны отдельных государств [19, с. 32–34; 14, с. 5, 10].

Выделение нерешенных проблем. Несмотря на обширный массив накопленных исследований, ряд вопросов в научной литературе по-прежнему не получил удовлетворительного ответа. Во-первых, недостаточно разработан целостный взгляд на взаимосвязь между глобальной финансовой фрагментацией, развитием цифровых активов, региональными регуляторными режимами и архитектурой трансграничных расчетов. Во-вторых, до сих пор отсутствует единый подход к согласованию «жестких» правовых норм и «мягких» механизмов координации, к числу которых относятся регуляторные песочницы, отраслевые кодексы поведения и международные рекомендации [16, с. 195, 196; 17, с. 5]. В-третьих, остается открытым вопрос о том, каким образом цифровой надзор и алгоритмические инструменты могут одновременно снижать риски и не усиливать зависимость финансовой системы от непрозрачных данных, моделей и технологических платформ [13, с. 455, 459].

Гипотеза исследования состоит в том, что устойчивость цифровых финансовых рынков в условиях глобальной многополярности определяется не отдельными национальными мерами регулирования, а степенью согласованности наднациональных стандартов, уровнем интероперабельности цифровых платежных инфраструктур и способностью регуляторов интегрировать SupTech- и RegTech-решения в систему управления рисками.

Цель исследования – выявить ключевые тенденции цифрового регулирования финансовых рынков и показать, каким образом сочетание международной координации, регулирования цифровых активов и применения SupTech/RegTech влияет на устойчивость трансграничных финансовых операций и корпоративных сделок.

Материалы и методы исследования. Источниковую базу работы составили российские и зарубежные научные публикации по проблемам мировой финансовой системы, цифровизации денежно-кредитной сферы, SupTech, RegTech, криптоактивов,

CBDC, трансграничных расчетов и платформенных финансовых сервисов. В качестве методологической основы задействованы системный, институциональный и сравнительный подходы, а также методы контент-анализа, логического обобщения и сравнительно-правовой интерпретации научных источников. Применение этого инструментария позволило сопоставить национальные и наднациональные регуляторные модели, оценить их влияние на трансграничные финансовые процессы и определить направления адаптации корпоративных и инвестиционных стратегий к условиям цифровой трансформации финансового рынка.

Результаты исследования. RegTech открывает надзорным органам возможность анализировать в режиме реального времени ликвидность, неплатежеспособность и иные показатели риска финансовых учреждений, а также автоматизировать обработку и хранение больших массивов данных при сохранении контроля над их качеством и безопасностью [13, с. 444, 456]. Единые стандарты прозрачности и подотчетности требуют законодательной базы, выстроенной по принципу «сверху-вниз» и дополненной практическими инструментами поддержки – регуляторными песочницами и отраслевыми кодексами поведения; именно такой путь подтверждается опытом ЕС и Великобритании [16, с. 195, 196]. Особое место в этой системе занимает IOSCO, располагающая потенциалом для координации гармонизации регулирования искусственного интеллекта в различных юрисдикциях, хотя опора на необязательные рекомендации закономерно ведет к фрагментарному применению норм [17, с. 5]. Развитие RegTech и SupTech формирует качественно новую архитектуру финансового надзора, действенность которой определяется соотношением правовых механизмов, отраслевого саморегулирования и международного сотрудничества.

Нормативный документ Базельского комитета по криптоактивам, принятый в декабре 2022 г., закрепил право банков владеть ими и совершать с ними торговые операции, одновременно введя детализированные требования к капиталу. CBDC (Central Bank Digital Currency – цифровая валюта центрального банка) и регулируемые стейблкоины, привязанные по стоимости к фиатным валютам, получили риск-вес, сопоставимый с наличными средствами [19, с. 32–34]. Между тем односторонняя регуляторная политика США грозит изолировать страну от складывающихся международных норм и инфраструктуры, ослабить действенность американских мер за рубежом и снизить привлекательность долларовых цифровых активов; укрепление позиций в области цифровых финансов поэтому предполагает развитие глобальной интероперабельности на базе открытых стандартов и многостороннего сотрудничества [14, с. 5, 10]. Устойчивый рост мирового цифрового финансового рынка достижим лишь при условии взаимного признания стандартов и согласования трансграничных правил.

По данным ЕЭК, расчеты внутри ЕАЭС уже на 80 % ведутся в национальных валютах; аналогичный показатель по товарным операциям за три года также достиг отметки в 80 %. Особенно показателен рост доли расчетов между Россией и Китаем в паре рубль – юань: она приблизилась к 70 % и, по прогнозам, продолжит увеличиваться [7, с. 98]. Одновременно в Гонконге Банк международных расчетов совместно с НКМА, Банком Таиланда, Институтом цифровых валют НБ Китая и ЦБ ОАЭ реализует проект mBridge – масштабируемую платформу трансграничных платежей на базе ЦВЦБ, отвечающую действующим международным стандартам [3, с. 540, 541]. В исследовании М. Trapanese и М. Lanotte показано, что компании BigTech, широко применяя анализ больших данных, последовательно укрепляют свое присутствие в платежном и финансовом секторах; в Китае и Индии они уже занимают ключевые позиции в розничных расчетах, влияют на функции денежно-кредитной политики и сокращают

информационное преимущество банков [18, с. 6, 16]. Все это свидетельствует о становлении многоуровневой финансовой экосистемы, в которой конкурентоспособность банков и регуляторов напрямую зависит от готовности совмещать региональные интеграционные практики с глобальными цифровыми инновациями.

Односторонний подход США к регулированию цифровых активов углубляет фрагментацию рынка и провоцирует регуляторный арбитраж, существенно затрудняя трансграничное соблюдение норм [14, с. 5, 7]. Международные организации, в свою очередь, настаивают на необходимости согласованных принципов выпуска и обращения криптоактивов, а также единых требований к их эмитентам; Совет по финансовой стабильности призывает к комплексному снижению рисков для глобальной финансовой системы – во избежание разрозненных практик и арбитража [4, с. 77, 79, 80]. Устойчивость мирового финансового рынка достижима только при условии выработки согласованных стандартов, способных минимизировать риски фрагментации и регуляторного арбитража.

Применение инструментов искусственного интеллекта в области противодействия отмыванию доходов позволило существенно снизить долю ложноположительных сигналов – приблизительно с 95 % до около 50 %, – а также выявить схемы отмывания, которые прежде оставались незамеченными. В структуре SupTech и RegTech ИИ занял центральное место: нарастающие объем, скорость и сложность финансовых операций объективно требуют систем, способных обрабатывать большие массивы данных и своевременно реагировать на риски в условиях непрерывно обновляемых нормативных требований [12, с. 2855, 2858]. Только высокоавтоматизированные аналитические инструменты могут обеспечить упреждающее обнаружение аномалий и надежный контроль над динамичными финансовыми потоками.

Рост результативности противодействия мошенничеству достигается за счет поэтапного развертывания автоматизированного внутреннего контроля, включающего модули блокировки операций, сегментации клиентской базы, алгоритмического мониторинга и формирования отчетности. Именно такая система служит основой взаимодействия Банка России и коммерческих банков в части применения SupTech и RegTech: она обеспечивает оперативное выявление и пресечение сомнительных транзакций [6, с. 421, 422]. Модульная архитектура внутреннего контроля усиливает роль цифрового надзора как инструмента непрерывного мониторинга и точной фильтрации финансовых операций.

Для анализа финансовых процессов привлекаются как структурированные данные, так и неструктурированные массивы – электронная переписка, аудиозаписи и профили в социальных сетях. По наблюдению L. Grassi и D. Lanfranchi, регуляторы вправе напрямую извлекать их из банковских систем и сопоставлять с клиентской информацией, однако при этом сохраняются риски операционных сбоев, киберугроз, утечек конфиденциальных сведений, алгоритмической предвзятости и зависимости от некачественных данных [13, с. 455, 459]. Результативное использование подобных массивов предполагает не только зрелую технологическую инфраструктуру, но и продуманную систему киберзащиты и верификации качества данных.

Новизна регуляторных технологий требует взвешенного учета сопутствующих угроз. Комиссия по ценным бумагам и биржам США, в частности, применяет машинное обучение для анализа финансовой отчетности поднадзорных организаций, что позволяет выявлять нарушения и устанавливать их взаимосвязь с изменениями финансового состояния [10, с. 46, 48]. Этот пример наглядно демонстрирует, что результативное

использование машинного обучения в регуляторных технологиях достижимо лишь при условии комплексной оценки рисков и прозрачности алгоритмов.

До 2023 года Центральный банк Российской Федерации утвердил дорожную карту из 42 мероприятий, направленных на совершенствование надзора; в числе приоритетных направлений – анализ данных, автоматизация процессов, оперативное выявление неправомερных действий и оптимизация работы с обращениями. Инновационные методы контроля находят поддержку как в российских, так и в зарубежных банках [2, с. 281]. Накопленный опыт внедрения ИИ-систем для AML, автоматизированного внутреннего контроля и подхода с опорой на анализ данных свидетельствует о том, что долгосрочная устойчивость цифрового надзора складывается на пересечении технологической автоматизации, прозрачности алгоритмов и комплексной кибербезопасности.

Выводы и дальнейшая дискуссия. Комплексное сопоставление национальных и наднациональных инициатив выявляет устойчивую закономерность: цифровизация финансов одновременно наращивает трансграничные потоки капитала и углубляет регуляторные разрывы, которые развивающиеся юрисдикции стремятся компенсировать ускоренным принятием локальных стандартов. Подобная разноскоростная трансформация закрепляет многополярность цифровой экономики и воспроизводит конкуренцию между региональными режимами нормотворчества, тогда как глобальная согласованность по-прежнему остается труднодостижимой целью.

Выводы исследования вписываются в общую картину «расслоения» мировых финансов: после шока 2020 г. оживление потоков капитала разворачивалось в условиях неоднородного надзора, что усилило регуляторный арбитраж, а зависимость от инфраструктурных монополий превратила отключение от SWIFT в жесткий санкционный инструмент и фактор стратегической уязвимости. Слабая согласованность глобальных правил сочетается с ускоренной «точечной» унификацией на площадках ОЭСР и G20 при ограниченных возможностях ВТО и МСЭ; ЕС при этом использует регуляторное лидерство для продвижения собственных стандартов на внешние рынки, тогда как институциональная архитектура МВФ и Группы Всемирного банка воспроизводит асимметрию влияния в пользу развитых экономик.

Цифровая трансформация финансового сектора расширяет доступ к услугам и сокращает транзакционные издержки, однако в отсутствие обновленной регуляторной рамки она повышает правовые и операционные риски: традиционные нормы не поспевают за практиками финтеха, что порождает устойчивую неопределенность и сохраняет правовые «лазейки». Контуры будущего рынка уже начали складываться: MiCAR обозначил движение к унифицированным правилам для токенизированных активов, требования Базельского комитета к капиталу под криптоактивы задали нормативный ориентир для банков, а растущая роль CBDC и стейблкоинов меняет логику расчетов; долгосрочная устойчивость рынка при этом достижима только через приоритет интероперабельности и многостороннюю координацию, а не через односторонние регуляторные траектории.

Региональные сдвиги нарастают по нескольким направлениям: расчеты в рамках ЕАЭС сокращают долларовую зависимость, в Азии масштабируются проекты ЦВЦБ класса mBridge, а BigTech закрепляются в платежной рознице крупнейших экономик, перераспределяя информационные преимущества и влияя на трансмиссию денежно-кредитной политики. Для России это означает необходимость параллельно совершенствовать национальное регулирование цифровых активов и интегрировать

цифровой рубль в совместимые трансграничные инфраструктуры – при сохранении открытости инновациям и жестких требований к надзору за рисками.

Супервизорные и регуляторные технологии превращаются в опору всей этой повестки. Кейсы ИИ-AML демонстрируют снижение доли ложноположительных срабатываний и обнаружение новых паттернов, однако предполагают прозрачность алгоритмов, качественное управление данными и киберустойчивость; практика SEC подтверждает значимость машинного анализа отчетности, а дорожная карта Банка России закрепляет приоритет подхода с опорой на данные, автоматизации процессов и оперативного выявления нарушений. Именно совокупность этих элементов задает рабочую стратегию для трансграничных корпоративных сделок: соединение стандартов совместимости расчетов и цифровых активов с внедрением RegTech и SupTech снижает регуляторную фрагментацию, укрепляет управляемость рисков и повышает предсказуемость многоуровневой финансовой экосистемы.

Научная новизна работы заключается в том, что цифровое регулирование финансовых рынков рассмотрено здесь как единый многоуровневый процесс, внутри которого взаимно обусловлены глобальная институциональная фрагментация, развитие цифровых активов, трансформация трансграничных расчетов и внедрение SupTech/RegTech-инструментов. В отличие от исследований, сосредоточенных на отдельных сегментах цифровых финансов, в статье обосновано, что устойчивость финансового рынка определяется не только нормативным режимом криптоактивов или цифровых платежей, но и согласованностью надзорной архитектуры, качеством управления данными и уровнем международной интероперабельности расчетных платформ.

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении. Дальнейшие исследования в этом направлении могут быть связаны с углубленным сравнительным анализом национальных моделей регулирования цифровых активов, оценкой правовых и экономических последствий интеграции цифровых валют центральных банков в трансграничные расчеты, а также с изучением того, как алгоритмические системы SupTech и RegTech влияют на институциональную устойчивость финансового рынка, конкурентную среду и защиту прав участников цифровой экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головнин М. Ю. Мировая финансовая система: глобальные тренды и качественные изменения / М. Ю. Головнин // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 235, № 3. – С. 95-104. – DOI: 10.38197/2072-2060-2022-235-3-95-104. – EDN: GZYXCU.
2. Жердов В. А. Наилучший опыт использования технологий RegTech и SupTech за рубежом и перспективы его внедрения в Российской Федерации / В. А. Жердов // Образование и право. – 2023. – № 9. – С. 277-282. – EDN: ASFLLX.
3. Зарипов Ш. Р. Финансово-правовое регулирование криптоактивов как средства международных расчетов Российской Федерации / Ш. Р. Зарипов // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 32. – С. 527-545. – EDN: AYSGWQ.
4. Кочергин Д. А. Криптоактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота / Д. А. Кочергин // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2022. – Т. 17, № 3. – С. 75-130. – DOI: 10.17323/1996-7845-2022-03-04. – EDN: ISTXME.
5. Курносов А. В. SupTech- и RegTech-инициативы: анализ базовых характеристик и модельных рисков / А. В. Курносов // Russian Journal of Economics and Law. – 2021. – Т. 15, № 4. – С. 702-712. – DOI: 10.21202/2782-2923.2021.4.702-712. – EDN: DTOQEH.
6. Львова М. И. Стратегия цифровизации банковского регулирования на основе внедрения инструментов SupTech и RegTech / М. И. Львова, Н. Н. Мокеева // Вестник Академии знаний. – 2022. – № 51(4). – С. 417-423. – EDN: TSSJBH.

7. Попов А. А. Перспективы создания правового регулирования оборота цифровых прав и криптовалют в ЕАЭС / А. А. Попов, Л. Л. Баланюк // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 7. – С. 94-105. – EDN: SAEWGS.
8. Степанков С. Д. К вопросу о публично-правовом регулировании оборота токенизированных цифровых активов (на примере Великобритании, Франции и Германии) / С. Д. Степанков // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 213-216. – DOI: 10.47643/1815-1337_2025_3_213. – EDN: ЮРАРХ.
9. Тихонов А. О. Цифровизация денежно-кредитной системы: институциональный и регуляторный аспекты / А. О. Тихонов, И. В. Юзефальчик // Russian Journal of Economics and Law. – 2021. – Т. 15, № 4. – С. 713-730. – DOI: 10.21202/2782-2923.2021.4.713-730. – EDN: THCLEZ.
10. Шульгина Н. Н. Проблемы правового регулирования регуляторных и надзорных технологий / Н. Н. Шульгина, Н. Г. Андрианова // Уральский журнал правовых исследований. – 2023. – № 4(25). – С. 44-49. – DOI: 10.34076/2658_512X_2023_4_44. – EDN: QMWWSN.
11. Anifa M., Ramakrishnan S., Joghee Sh. [et al.]. Fintech Innovations in the Financial Service Industry // Journal of Risk and Financial Management. – 2022. – Vol. 15, No. 7. – P. 287. – DOI: 10.3390/jrfm15070287. – EDN: MRTVFO.
12. Azuque P. F., Fabuyi J. A., Balogun A. Y. [et al.]. The necessity of artificial intelligence in fintech for SupTech and RegTech supervisory in banks and financial organizations // International Journal of Science and Research Archive. – 2024. – Vol. 12, No. 2. – P. 2853-2860. – DOI: 10.30574/ijra.2024.12.2.1614. – EDN: YDMVST.
13. Grassi L., Lanfranchi D. RegTech in public and private sectors: the nexus between data, technology and regulation // Economia e Politica Industriale. – 2022. – Vol. 49, No. 3. – P. 441-479. – DOI: 10.1007/s40812-022-00226-0. – EDN: DPYJFC.
14. Krause D. Questioning the U.S. Centric Approach to Digital Asset Regulation and Its Implications for Global Innovation and Growth [Электронный ресурс] / D. Krause. – 2025. – Режим доступа: SSRN. – URL: <https://ssrn.com/abstract=5245602>. – DOI: 10.2139/ssrn.5245602.
15. Larionova M., Shelepov A. Emerging Regulation for the Digital Economy: Challenges and Opportunities for Multilateral Global Governance // International Organisations Research Journal. – 2021. – Vol. 16, No. 1. – P. 29-63. – DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-02.
16. McCarthy J. The regulation of RegTech and SupTech in finance: ensuring consistency in principle and in practice / J. McCarthy // Journal of Financial Regulation & Compliance. – 2023. – Vol. 31, No. 2. – P. 186-199. – DOI: 10.1108/JFRC-01-2022-0004. – EDN: FLMFBQ.
17. Saputra B., Kusniati R. Who's Watching the Machines? IOSCO's Role in Regulating AI in Global Finance [Электронный ресурс] / B. Saputra, R. Kusniati. – 2025. – Режим доступа: SSRN. – URL: <https://ssrn.com/abstract=5167073>. – DOI: 10.2139/ssrn.5167073.
18. Trapanese M., Lanotte M. Financial Intermediation and New Technology: Theoretical and Regulatory Implications of Digital Financial Markets [Электронный ресурс] / M. Trapanese, M. Lanotte. – 2023. – Bank of Italy Occasional Paper No. 758. – Режим доступа: SSRN. – URL: <https://ssrn.com/abstract=4464132>. – DOI: 10.2139/ssrn.4464132.
19. Wong M. Ch. Sh., Chan E. Ka. Ho., Yousaf I. CBDCs, regulated stablecoins and tokenized traditional assets under the Basel Committee rules on cryptoassets // Journal of Financial Regulation & Compliance. – 2024. – DOI: 10.1108/JFRC-03-2024-0050. – EDN: CSFFTY.

Поступила в редакцию 10.04.2026 г.

TRANSFORMATION OF BANKING SERVICES UNDER NEW TECHNOLOGIES AND DIGITAL REGULATION: IMPLICATIONS FOR CROSS-BORDER CORPORATE DEALS

D.V. Masinev

The digital transformation of global finance is accompanied not only by the expansion of cross-border capital flows and financial services, but also by growing regulatory fragmentation, infrastructural vulnerability, and legal uncertainty. The article examines the theoretical foundations of the digital regulation of financial markets, reveals the role of SupTech and RegTech solutions, and analyzes current approaches to the regulation of crypto-

assets, central bank digital currencies, and platform-based financial services. The research material consists of Russian and foreign academic publications devoted to global financial governance, fintech, digital supervision, and cross-border settlements. The methodological framework of the study is based on comparative, institutional, and systemic approaches, as well as content analysis of academic sources. The findings show that the uneven development of national and supranational norms intensifies regulatory arbitrage, whereas the resilience of digital financial markets depends on a combination of international interoperability, transparency of supervisory algorithms, coordinated standards for the circulation of digital assets, and the development of SupTech and RegTech mechanisms.

Key words: digital regulation; fintech; SupTech; RegTech; artificial intelligence; AML; CBDC; MiCAR; Basel crypto standard; regulatory arbitrage; cross-border payments; interoperability standards.

LIST OF REFERENCES

1. Golovnin M.Yu. Mirovaya finansovaya sistema: globalnye trendy i kachestvennye izmeneniya / M.Yu. Golovnin // Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. – 2022. – Vol. 235, No. 3. – P. 95-104. – DOI: 10.38197/2072-2060-2022-235-3-95-104. – EDN: GZYXCU.
2. Zherdov V.A. Nailuchshiy opyt ispolzovaniya tekhnologiy RegTech i SupTech za rubezhom i perspektivy ego vnedreniya v Rossiyskoy Federatsii / V.A. Zherdov // Obrazovanie i pravo. – 2023. – No. 9. – P. 277-282. – EDN: ASFLLX.
3. Zaripov Sh.R. Finansovo-pravovoe regulirovanie kryptoaktivov kak sredstva mezhdunarodnykh raschetov Rossiyskoy Federatsii / Sh.R. Zaripov // Voprosy rossiyskoy yustitsii. – 2024. – No. 32. – P. 527-545. – EDN: AYSGWQ.
4. Kochergin D.A. Kriptoaktivy: ekonomicheskaya priroda, klassifikatsiya i regulirovanie oborota / D.A. Kochergin // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. – 2022. – Vol. 17, No. 3. – P. 75-130. – DOI: 10.17323/1996-7845-2022-03-04. – EDN: ISTXME.
5. Kurnosov A.V. SupTech- i RegTech-initsiativy: analiz bazovykh kharakteristik i modelnykh riskov / A.V. Kurnosov // Russian Journal of Economics and Law. – 2021. – Vol. 15, No. 4. – P. 702-712. – DOI: 10.21202/2782-2923.2021.4.702-712. – EDN: DTOQEH.
6. Lvova M.I., Mokeeva N.N. Strategiya tsifrovizatsii bankovskogo regulirovaniya na osnove vnedreniya instrumentov SupTech i RegTech // Vestnik Akademii znaniy. – 2022. – No. 51(4). – P. 417-423. – EDN: TSSJBH.
7. Popov A.A., Balanyuk L.L. Perspektivy sozdaniya pravovogo regulirovaniya oborota tsifrovyykh prav i kriptovalyut v EAES // Probely v rossiyskom zakonodatelstve. – 2023. – Vol. 16, No. 7. – P. 94-105. – EDN: SAEWGS.
8. Stepankov S.D. K voprosu o publichno-pravovom regulirovanii oborota tokenezizirovannykh tsifrovyykh aktivov (na primere Velikobritanii, Frantsii i Germanii) / S.D. Stepankov // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2025. – No. 3. – P. 213-216. – DOI: 10.47643/1815-1337_2025_3_213. – EDN: IOPAPX.
9. Tikhonov A.O., Yuzefalchik I.V. Tsifrovizatsiya denezhno-kreditnoy sistemy: institutsionalnyy i regulyatornyy aspekty // Russian Journal of Economics and Law. – 2021. – Vol. 15, No. 4. – P. 713-730. – DOI: 10.21202/2782-2923.2021.4.713-730. – EDN: THCLEZ.
10. Shulgina N.N., Andrianova N.G. Problemy pravovogo regulirovaniya regulyatornykh i nadzornykh tekhnologiy // Uralskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. – 2023. – No. 4(25). – P. 44-49. – DOI: 10.34076/2658_512X_2023_4_44. – EDN: QMWWSN.
11. Anifa M., Ramakrishnan S., Joghee Sh. [et al.]. Fintech Innovations in the Financial Service Industry // Journal of Risk and Financial Management. – 2022. – Vol. 15, No. 7. – P. 287. – DOI: 10.3390/jrfm15070287. – EDN: MRTVFO.
12. Azuikpe P.F., Fabuyi J.A., Balogun A.Y. [et al.]. The necessity of artificial intelligence in fintech for SupTech and RegTech supervisory in banks and financial organizations // International Journal of Science and Research Archive. – 2024. – Vol. 12, No. 2. – P. 2853-2860. – DOI: 10.30574/ijra.2024.12.2.1614. – EDN: YDMVST.
13. Grassi L., Lanfranchi D. RegTech in public and private sectors: the nexus between data, technology and regulation // Economia e Politica Industriale. – 2022. – Vol. 49, No. 3. – P. 441-479. – DOI: 10.1007/s40812-022-00226-0. – EDN: DPYJFC.
14. Krause D. Questioning the U.S. Centric Approach to Digital Asset Regulation and Its Implications for Global Innovation and Growth [Electronic resource]. – 2025. – Available at: SSRN. – URL: <https://ssrn.com/abstract=5245602>. – DOI: 10.2139/ssrn.5245602.
15. Larionova M., Shelepov A. Emerging Regulation for the Digital Economy: Challenges and Opportunities for Multilateral Global Governance // International Organisations Research Journal. – 2021. – Vol. 16, No. 1. – P. 29-63. – DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-02.

16. McCarthy J. The regulation of RegTech and SupTech in finance: ensuring consistency in principle and in practice / J. McCarthy // *Journal of Financial Regulation & Compliance*. – 2023. – Vol. 31, No. 2. – P. 186-199. – DOI: 10.1108/JFRC-01-2022-0004. – EDN: FLMFBQ.

17. Saputra B., Kusniati R. Who's Watching the Machines? IOSCO's Role in Regulating AI in Global Finance [Electronic resource]. – 2025. – Available at: SSRN. – URL: <https://ssrn.com/abstract=5167073>. – DOI: 10.2139/ssrn.5167073.

18. Trapanese M., Lanotte M. Financial Intermediation and New Technology: Theoretical and Regulatory Implications of Digital Financial Markets [Electronic resource]. – 2023. – Bank of Italy Occasional Paper No. 758. – Available at: SSRN. – URL: <https://ssrn.com/abstract=4464132>. – DOI: 10.2139/ssrn.4464132.

19. Wong M.Ch.Sh., Chan E.Ka.Ho., Yousaf I. CBDCs, regulated stablecoins and tokenized traditional assets under the Basel Committee rules on cryptoassets // *Journal of Financial Regulation & Compliance*. – 2024. – DOI: 10.1108/JFRC-03-2024-0050. – EDN: CSFFTY.

Масинев Дмитрий Валерьевич

аспирант кафедры оценочной деятельности и корпоративных финансов

Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия», РФ, г. Москва

masyadmitry@mail.ru

+7-926-392-85-34

ORCID: 0009-0009-2584-3040

Masinev Dmitrii

Postgraduate student

Moscow University for Industry and Finance «Synergy», city Moscow

УДК 338.542.2

DOI 10.5281/zenodo.20434219

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ НА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ ТОРГОВЛИ

© 2026. М.А. Пундик

В статье представлены результаты анализа современной практики прогнозирования бизнес-процессов на отечественных предприятиях торговли, рассматривается влияние макроэкономических факторов, цифровизации и конкуренции на развитие торговых процессов в Российской Федерации. Особое внимание уделено методологическим подходам к прогнозированию, включая классические и современные методы, такие как регрессионный анализ, экспонентное сглаживание и методы машинного обучения. В исследовании уделено внимание специфике функционирования оптовой и розничной торговли в различных федеральных округах, приводятся эмпирические данные, а также предлагаются рекомендации по совершенствованию стратегического планирования и прогнозирования бизнес-процессов предприятий торговли.

Ключевые слова: прогнозирование бизнес-процессов, оптовые и розничные продажи, Российский рынок, конкуренция, машинное обучение, омниканальные стратегии

Постановка проблемы. Современные условия российской экономики, характеризуются высокой степенью неопределенности, динамичностью рыночных бизнес-процессов и усилением конкуренции, тем самым требуя эффективного прогнозирования бизнес-процессов для отечественных предприятий торговли, предавая решению данного вопроса особое значение.

Актуальность темы исследования. За период с 2022 года предприятия торговли Российской Федерации демонстрируют устойчивый рост, несмотря на внешние экономические ограничения и внутренние структурные изменения, продолжая формировать валовой внутренний продукт и создавая определенный уровень занятости населения [1,2]. Особую роль в устойчивом отечественных предприятий торговли выполняют крупные федеральные сети [3], региональные предприятия торговли и стремительно развивающийся сегмент электронной коммерции, однако и их дальнейшее развитие требует постоянного совершенствования подходов к прогнозированию бизнес-процессов [4].

Анализ последних исследований и публикаций. Внимание вопросам анализа современных практик прогнозирования бизнес-процессов предприятий торговли уделено в работах О. А. Балабанович [5], С. Лэ [6], М. Ходжалыева [7], М. С. Камионского [8] и А. С. Васильевского [9] Учёные акцентируют внимание на особенностях современного рынка торговли, подчёркивая необходимость совершенствования стратегического управления и прогнозирования бизнес-процессов в условиях усиления конкуренции и внешних экономических ограничений. Исследуются методики разработки эффективных стратегий развития предприятий торговли, предлагаются научно обоснованные подходы к трансформации российского торгового рынка в условиях санкций и геополитической турбулентности. Особое значение придаётся изучению влияния исследуемых процессов на экономическую безопасность и устойчивость национальных предприятий [10].

Гипотеза исследования заключается в предположении, что эффективное прогнозирование бизнес-процессов отечественных предприятий торговли, основывается

на комплексном подходе, включающем в себя сочетание классических и современных методов прогнозирования, позволит повысить конкурентоспособность и устойчивое развитие предприятий в условиях динамически меняющейся экономической среды.

Цель исследования является анализ современных методов прогнозирования бизнес-процессов отечественных предприятий торговли, выявление ключевых факторов, влияющих на их развитие, а также разработка рекомендаций по совершенствованию стратегического планирования и прогнозирования с учетом специфики российских реалий.

Материалы и методы исследования. В работе использованы статистические данные по обороту оптовой и розничной торговли Российской Федерации за период с 2021 по 2026 год, полученные через официальные источники Росстата и отраслевые ассоциации. Кроме того, продемонстрированы особенности функционирования оптовой и розничной торговли, определены региональные различия и сформулированы рекомендации по их устранению.

Результаты исследования. Прогнозирование бизнес-процессов отечественных предприятий торговли – это не только инструмент операционного управления, а в первую очередь, стратегический организационно-экономический механизм, позволяющий принимать обоснованные и уникальные решения на всех стадиях формирования продукта.

Функционирования стратегического организационно-экономического механизма прогнозирования бизнес-процессов предприятий торговли Российской Федерации, в прямой степени отображает внутренний товароборот, который формируется под влиянием целого комплекса факторов. Структура внутреннего отечественного товарооборота характеризуется преобладанием ризничных продаж, однако должное внимание уделено и оптовому сегменту для обеспечения устойчивости цепочек поставок и формирования конкурентных преимуществ. Внедрение цифровых платформ, омниканальных стратегий и персонализированных сервисов [11], в последние годы, стало неотъемлемой частью формирования бизнес-процессов ведущих предприятий торговли.

Отдельное внимание следует акцентировать, на влиянии матричной модель взаимосвязи постулатов, императивов, доминант и ключевых бизнес-процессов предприятий торговли [12]. Современные отечественные предприятия торговли в первую очередь выделяют фундаментальные постулаты в виде абсолютной клиентоориентированности, комплексной цифровизации, локализации и импортозамещении, гибком управлении рисками и социальной ответственности. Непосредственно представленный базис постулатов находит не только свое отражение при формировании конкретных бизнес-процессов, но и определяет уникальные методы их прогнозирования успешно комбинируя классические методы с искусственным интеллектом.

Таким образом анализ современной практики прогнозирования бизнес-процессов на отечественных предприятиях торговли определяет статистические методы прогнозирования в виде экспоненциального сглаживания, регрессионного анализа и модели ARIMA в комбинированной взаимосвязи методов машинного обучения, а именно нейронные сети (ANN), деревья решений и кластерный анализ.

Рассмотрев вопросы общей тенденции и специфики прогнозирования бизнес-процессов предприятий торговли Российской Федерации, необходимо сфокусировать внимание на отельном из ключевых, системообразующих сегментов отрасли. Оптовая торговля отечественных предприятий торговли представлена самостоятельным,

масштабным и стратегическим сектором экономики создавая прочную взаимосвязь между производителем и розничной торговлей.

В своей структуре оптовая торговля отечественных предприятий отличается высокой степенью сложности и неоднородности, как например, крупными федеральными распределительными центрами, холдингами и независимыми товарными группами.

Рассмотрим оборот оптовой торговли Российской Федерации (табл. 1) в контексте количества организаций в период с 2011 по 2026 год.

Таблица 1

Оборот оптовой торговли Российской Федерации [13]

№ п/п	Год	Оборот оптовой торговли, млрд руб.	в том числе организаций оптовой торговли
1	2011	39 154,0	31 205,7
2	2012	42 946,0	33 595,7
3	2013	45 121,4	35 673,4
4	2014	51 343,9	41 434,5
5	2015	56 732,5	46 732,2
6	2016	61 715,1	50 324,6
7	2017	69 694,2	56 725,4
8	2018	79 779,9	63 315,0
9	2019	84 148,7	66 186,0
10	2020	84 847,9	67 616,4
11	2021	109 486,8	85 438,3
12	2022	118 243,8	92 799,8
13	2023	137 299,9	105 634,1
14	2024	158 539,2	120 679,4
15	2025	181 143,9	137 167,3
16	2026	205 112,3 (прогноз)	155 233,5 (прогноз)

Общий оборот оптовой торговли демонстрирует стабильную положительную динамику, однако характер исследуемого роста не является равномерным. В период 2011–2020 гг. наблюдался умеренный, но стабильный рост, суммарный оборот увеличился с 39,2 трлн руб. до 84,8 трлн руб., то есть более чем в 2,1 раза за 10 лет. Среднегодовой темп роста в этот период был относительно невысоким. В свою очередь в период 2021–2026 гг. происходит резкий скачок и ускорение темпов роста. Оборот за 6 лет (с 2021 по 2026) увеличивается с 109,5 трлн руб. до 205,1 трлн руб., что составляет почти двукратный рост, это свидетельствует о качественных изменениях в экономике, структурных сдвигах и, возможно, инфляционных процессах, которые значительно увеличили стоимостные объемы торговли.

Таким образом аномально высокие темпы прироста подчинены внешним и внутренним факторам, а именно следует предположить, что в 2014-2015 гг. резкий скачек оптового товарооборота обусловлен с адаптацией экономики к новым геополитическим условиям и курсовым колебаниям. Наблюдаемые значительный прорыв данных в 2021 году свидетельствует о мощном восстановительном росте экономики после реализации отложенного спроса, а данные 2025-2026 гг. подтверждают гипотезу о переходе экономики в новую фазу развития с более высокими номинальными показателями оптового товарооборота.

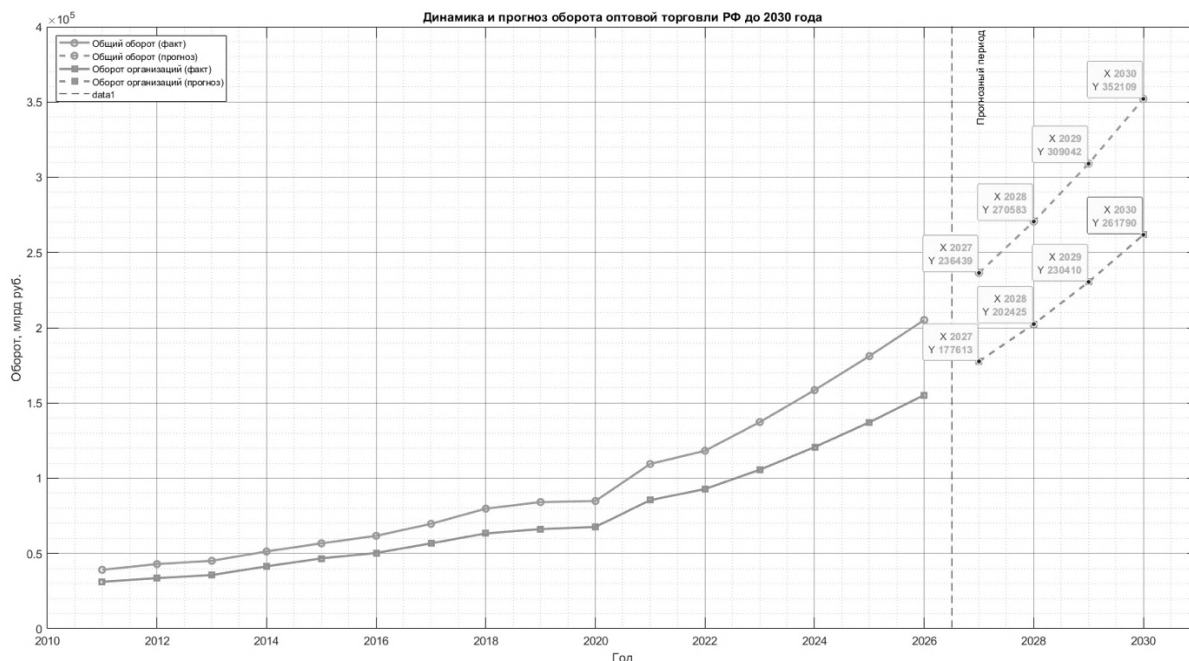

Рис. 1. Оборот оптовой торговли Российской Федерации с прогнозируемыми показателями до 2030 года

Оптовый сектор предприятий торговли Российской Федерации за период с 2011 по 2026 год трансформировался из умеренно растущей отрасли в один из ключевых драйверов номинального экономического роста, а также наблюдается высокая степень консолидации вокруг специализированных предприятий оптовой торговли.

Следует обратить внимание, на сравнительный анализ общего оборота и оборота организаций оптовой торговли, где наглядно наблюдается явления формирования значительной доли прочих участников, таких как производители, прямые контакты и экспортно-импортные операции.

Прогнозирование показателей оптовой торговли отечественных предприятий сформированы с применением полиномиальной регрессии, а именно:

$$y = a_n x^n + a_{n-1} x^{n-1} + \dots + a_1 x + a_0 \quad (1)$$

Данный метод прогнозирования подчеркивает имеющийся рост оборота и его не линейность, оптимизируя баланс между сложностью и точностью модели.

Прогнозируемые показатели темпа роста оборота отечественных оптовых предприятий торговли сохранили рост на уровне 10-15% ежегодно, а общий уровень к 2030 году прогнозируется примерно 350 000 млрд руб.

Однако следует учесть, что факторами, стремительного роста, может быть обусловлен отчасти инфляционными процессами и ослаблением национальной валюты, что приводит к удорожанию товаров. Еще одним важнейшим фактором может являться стремительное развитие цифровых платформ, электронной коммерции и омниканальных моделей, что приводит к существенному ускорению процесса товарооборота и увеличению объемов оптовых продаж.

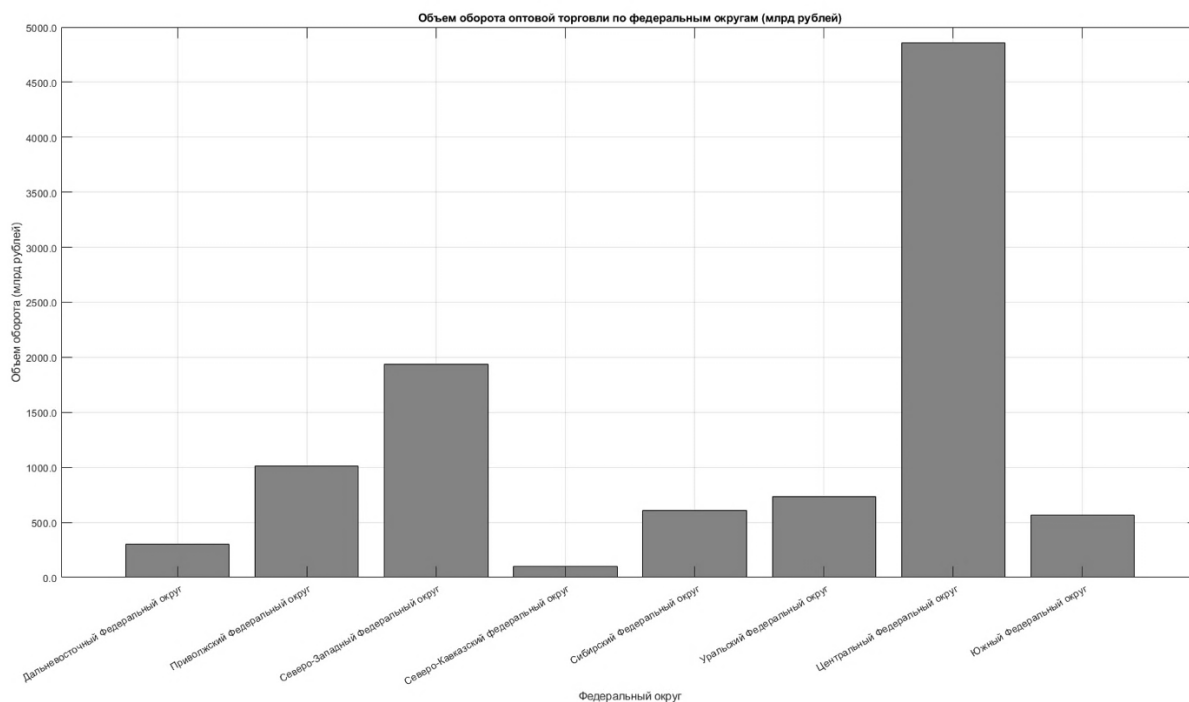

Рис. 2. График объема оборота оптовой торговли по федеральным округам Российской Федерации за 2026 год

График объема оборота оптовой торговли по федеральным округам Российской Федерации за 2026 год наглядно демонстрирует влияние цифровых технологий на ускорение процесса товарооборота. Центральный федеральный округ занимает лидирующую позицию в связи не только концентрацией промышленных, финансовых и коммерческих центров в крупных городах, но и их цифрового лидерства по сравнению с другими регионами страны.

Следует обратить внимание, на то, что значительная диспропорция в объемах оборота представляют потенциал для инвестиционных программ развития, которые необходимо взаимосвязывать не только с географическим положением, но и с комплексным подходом формирования бизнес-процессов. Особое внимание необходимо уделить транспортной инфраструктуре, внедрению цифровых технологий, логистики и государственным программам развития.

Вопрос необходимости сбалансированного регионального развития предприятий оптовой торговли требует концептуального подхода не распределения мощностей от центра к периферийным регионам, а комплексных мер инвестиционной поддержки инфраструктуры для стремительного увеличения экономического потенциала.

Для комплексного понимания рыночной ситуации отечественных предприятий оптовой торговли и выработки стратегических решений в области бизнес-процессов необходимо исследовать темпы роста оптовой торговли по категориям товаров [14].

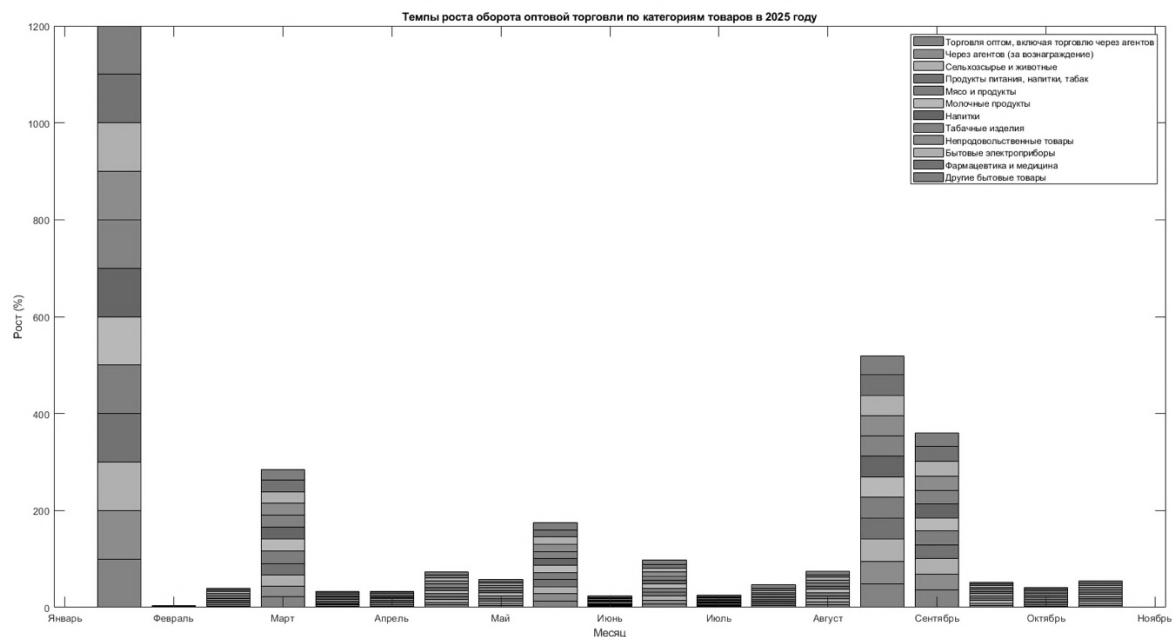

Рис. 3. Темпы роста оборота оптовой торговли по категориям товаров в 2025 г.

Представленная интерпретация столбчатой диаграммы в первую очередь позволяет сделать выводы о наличии сезонности в исследуемой выборке категорий товаров, наглядно продемонстрированный в январе исследуемого периода. Аномальные показатели, которые достигают почти 1200% в категории «торговля оптом, включая торговлю через агентов», может быть определена тесной взаимосвязью с культурными особенностями и уместными новогодними распродажами.

Ведущей категорией темпов роста оптовой торговли является «Торговля оптом, включая торговлю через агентов», демонстрируя наивысшие темпы роста на протяжении всего года, в особенности январь, апрель и сентябрь

Акцентируем внимание на снижение активности летом, где в период с июнь-август наблюдается снижение по всем категория рассматриваемой выборки, однако категория «Продукты питания, напитки, табак» демонстрируют высокие темпы роста, примерно 400%.

Категория оптовых товаров «Фармацевтика и медицина», на протяжении всего года показывает стабильный рост, наиболее стремительно возрастает в конце лета, начало осени обуславливая именно в эти периоды повышенный спрос на медицинские товары перед изменением климатических условий. «Бытовые электроприборы» и «Непродовольственные товары» в противоположной мере указывают на умеренный темп роста весной.

Подводя итоги представленного анализа современной практики прогнозирования бизнес-процессов на отечественных предприятиях оптовой торговли следует акцентировать внимание на том, что, прогнозирование в первую очередь должно основываться на комплексном подходе распределения региональных мощностей, программы федеральных округов требуют инвестиционных вложений, а тренды формируются на основе сезонности определенных категорий товаров.

Переходя от анализа прогнозирования бизнес-процессов оптовой торговли Российской Федерации к розничной, можно утверждать, что многие принципы сезонности, трендов и стратегического планирования остаются актуальными, однако с учетом некоторых специфических особенностей.

Бизнес-процессы отечественных предприятий розничной торговли в первую очередь направлены на формирование индивидуальных подходов к обслуживанию конечных потребителей, а также формированию широкого ассортимента товаров для привлечения максимального количества покупателей.

Розничный рынок Российской Федерации насыщен конкуренцией, в связи с чем особое внимание уделяется таким бизнес-процессам как реклама и маркетинг. Особенностью розничной торговли выступает более жесткая привязанность к сезонности, а климатические изменения формируют уровень спроса к определенным категориям товаров.

Внедрение цифровых инструментов и электронной коммерции, не только кардинально изменила структуру рынка, но и постоянно создает свои правила став незаменимым инструментом для привлечения и удержания клиентов [15].

Оборот розничной торговли Российской Федерации за период с 2021 по 2026 год, представлен в таблице 2.

Таблица 2

Оборот розничной торговли Российской Федерации за 2021-2026 год, млн руб. [13]

Оборот розничной торговли Российской Федерации	2021, млн руб.	2022, млн руб.	2023, млн руб.	2024, млн руб.	2025, млн руб.	2026, млн руб.
	39 472,02	42 577,02	48 155,72	55 791,42	60 133,28	65 586,97 (прогноз)

Полученная выборка данных оборота предприятий розничной торговли Российской Федерации за 2021-2026 год демонстрирует устойчивую тенденцию к росту и стабильном экономическом росте потребительской активности. Следует обратить внимание что если в 2021-2022 году темп прироста составил 3 105 млн руб, то уже с 2023 по 2024 год 7 635,7 млн руб., а в период 2025-2026 года 5 453,69 млн руб, что указывает на ускорение экономического развития и укрепление позиций отечественной розничной торговли.

Функционирование предприятий розничной торговли является важной частью национального хозяйства, оказывая прямое влияние на занятость населения, налоговые поступления и социальную стабильность. Непрерывный рост оборота свидетельствует о повышении доверия потребителей к отечественному рынку, подтверждая готовность поддерживать отечественного производителя и формировать позитивный макроэкономический показатель в стране.

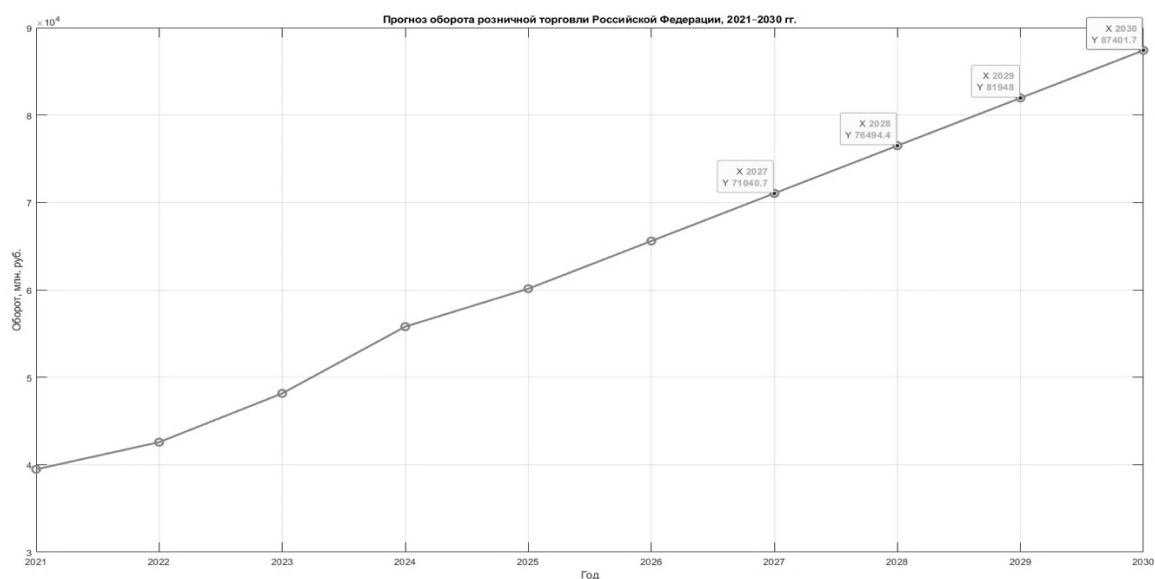

Рис. 4. Оборот розничной торговли Российской Федерации с прогнозируемыми показателями до 2030 года

Прогнозируемые показатели розничной торговли Российской Федерации демонстрируют положительный экономический эффект, а ожидаемый результат к 2030 году должен составить 8,7 млрд руб. Прогнозируемый рост представляется множеством факторов оказанного влияния, как от инвестиционной поддержки, так и от роста доходов населения.

Для более детального анализа прогнозирования роста розничного товарооборота, следует рассмотреть данный вопрос на региональном уровне, где важно отметить, что различные федеральные округа обладают индивидуальными уникальными характеристиками.

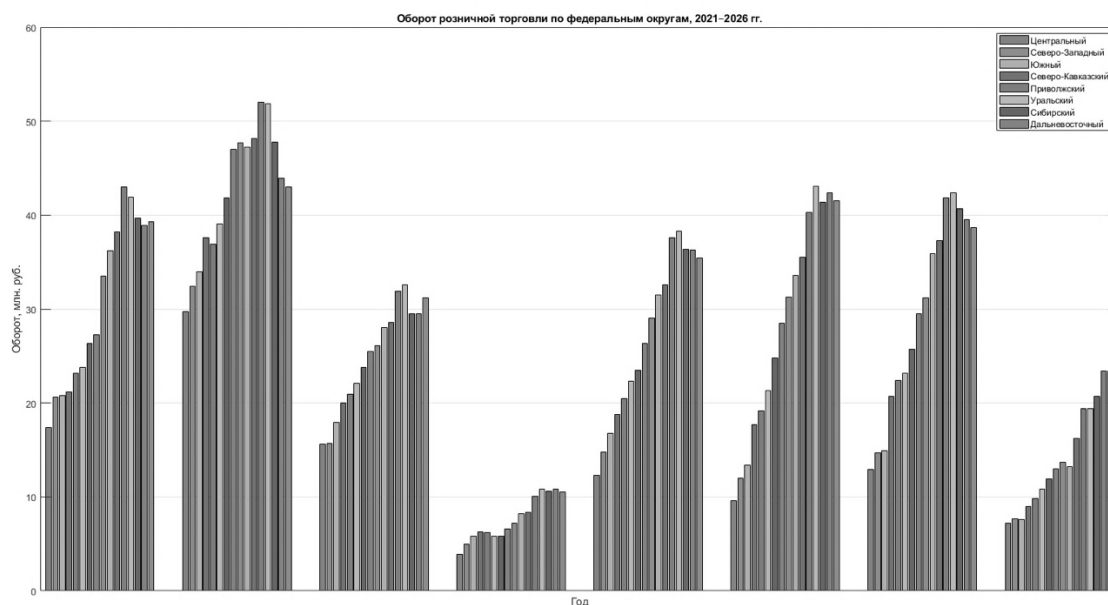

Рис. 5. Оборот розничной торговли по федеральным округам за 2021-2026 гг.

Представленный рисунок демонстрирует распределение оборота предприятий розничной торговли за период с 2021 по 2026 год и позволяет сделать заключения о том, что, как и при рассмотрении вопроса с оптовой торговлей доминирующее положение занимает центральный федеральный округ. Центральный и Северо-Западный округа являются лидерами по показателям розничных продаж Российской Федерации, южные и западные регионы демонстрируют умеренный рост. Особые трудности наблюдаются в Дальневосточном и Сибирский округ, темп роста которых сталкивается с трудностями, связанными с географическим расположением и инфраструктурными ограничениями, однако положительная динамика наблюдается и в этих округах.

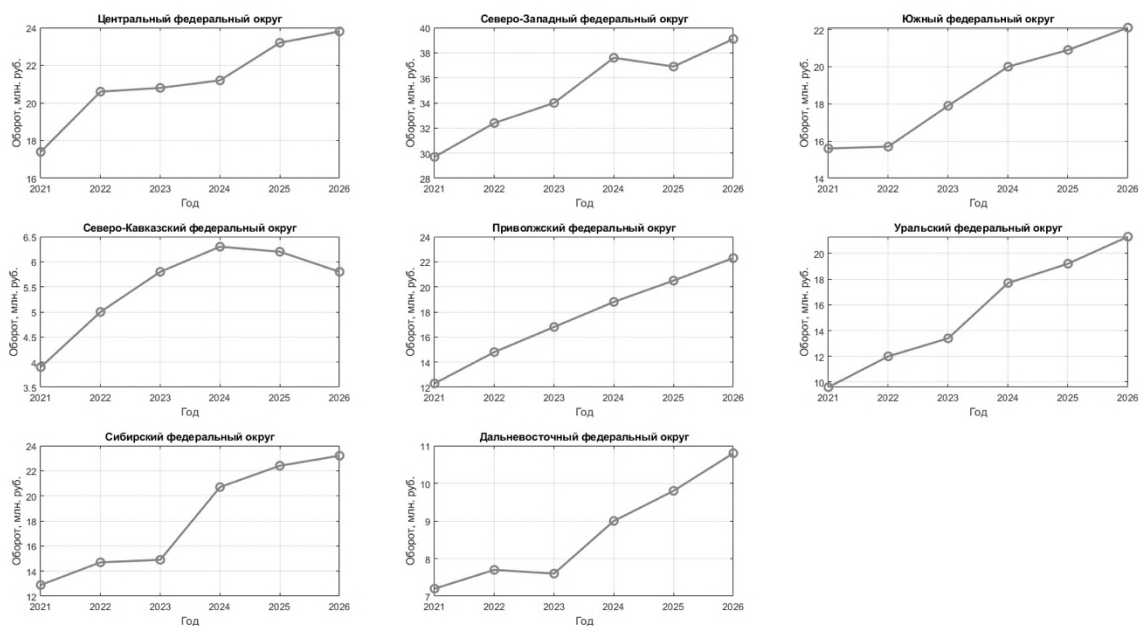

Рис. 6. Динамика изменения оборота розничной торговли по федеральным округам Российской Федерации

Динамика изменения оборота розничных предприятий торговли свидетельствует о умеренном росте и сильной экономической активности населения, наблюдаются сезонные колебания в некоторых регионах и колебаниях, связанных с отраслевыми факторами.

Выводы. В целом в условиях нестабильной внешней среды и усиливающейся конкуренции отечественные предприятия торговли, сталкиваясь с многочисленными вызовами, демонстрируют умеренный рост, проходят адаптационные периоды, внедряют современные технологии и цифровые инструменты.

Представленный анализ бизнес-процессов отечественных предприятий торговли продемонстрировал, что эффективное прогнозирование и стратегическое планирование являются критически важными составляющими любого предприятия. Протекающие процессы цифровой трансформации, позволяют успешно развивать торговый потенциал предприятий демонстрируя устойчивое развитие и долговременный успех, даже в условиях динамичных мировых изменений.

Перспективы дальнейших исследований могут быть направлены на интеграцию новых технологий, таких как искусственный интеллект и Big Data, для повышения точности прогнозирования и оптимизации бизнес-процессов, а также на изучение новых

бизнес-моделей, таких как омниканальные стратегии и экосистемы, с акцентом на международную интеграцию и устойчивое развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессарабов, В. О. Современные реалии функционирования и развития зарубежных рынков консалтинговых услуг / В. О. Бессарабов, Р. Н. Курасов // Экономическое развитие России. – 2026. – Т. 33, № 1. – С. 46-469. – EDN MLQNOP.
2. Бессарабов, В. О. Проблемы развития отечественных предприятий сервиса и торговли в условиях новых вызовов и цифровизации экономики / В. О. Бессарабов, В.Ю. Энглези // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – № 1. – Т. 1. – С. 18-25.
3. Пундик, М. А. Теоретико-методологическое обоснование прогнозирования бизнес-процессов предприятий торговли в контексте региональной экономики / М. А. Пундик // Финансовые рынки и банки. – 2026. – № 1. – С. 231-234. – EDN HGCTDF.
4. Демидов, С.С. Природа юридических услуг как предмет региональной и отраслевой экономики: от причин роста спроса до классификации в современных условиях / С.С. Демидов // Индустриальная экономика. – 2023. – № S3. – С. 47-52.
5. Балабанович, О. А. Архитектура устойчивости: методический инструментарий для бизнеса в эпоху перемен / О. А. Балабанович // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты и перспективы : Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. В 3-х томах, Минск, 13–14 ноября 2025 года. Том 1. – Минск: Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, 2025. – С. 216-221. – EDN UWFOYL.
6. Лэ, С. Методы цифровизации бизнес-процессов розничного сегмента нефтегазовых компаний: российский и зарубежный опыт / С. Лэ // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2026. – Т. 28, № 1. – С. 106-115. – DOI 10.15688/ek.jvolsu.2026.1.9. – EDN IUTIVO.
7. Ходжалыева, М. использование статистического анализа в бизнесе / М. Ходжалыева, Т. Дурдыназарова // Матрица научного познания. – 2025. – № 2-1. – С. 146-150. – EDN WLXOTM.
8. Каминский, М. С. Динамический подход к развитию базовых инструментов менеджмента в процессах стратегического управления / М. С. Каминский // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2024. – Т. 21, № 2(134). – С. 202-214. – DOI 10.21686/2413-2829-2024-2-202-214. – EDN QOPCGB.
9. Васильевский, А. С. Методика совершенствования системы финансового риск-менеджмента в крупном банке / А. С. Васильевский, А. Ю. Усанов // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16, № S6. – EDN VMEDWO.
10. Ильченко, А. А. Финансовый консалтинг как механизм повышения уровня жизни в региональной экономике в цифровую эпоху / А. А. Ильченко // Информационное пространство Донбасса: проблемы и перспективы : Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, Донецк, 24 октября 2025 года. – Донецк: Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, 2025. – С. 173-176. – EDN LNKICG.
11. Бессарабова, А. А. Инновационное управление маркетингом / А. А. Бессарабова // Общество, профсоюзы и образование: конструктивное сотрудничество и тенденции развития : Материалы II Международной научно-практической конференции, Витебск, 05 ноября 2025 года. – Витебск: Витебский филиал Международного университета "МИТСО", 2025. – С. 142-146. – EDN FMТАКІ.
12. Пундик, М. А. Архитектоника гносеологической модели прогнозирования бизнес-процессов предприятий торговли / М. А. Пундик // Финансовые рынки и банки. – 2026. – № 1. – С. 353-356. – EDN WQZXTX.
13. Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: [02.04.2026]).
14. Пундик, М. А. Эволюция бизнес-процессов предприятий торговли: от теории к практической адаптации / М. А. Пундик // Общество, профсоюзы и образование: конструктивное сотрудничество и тенденции развития : Материалы II Международной научно-практической конференции, Витебск, 05 ноября 2025 года. – Витебск: Витебский филиал Международного университета "МИТСО", 2025. – С. 220-225. – EDN KHOHLA.
15. Кулешов, Д. К. Стратегии развития предпринимательских структур в условиях развития конкурентной рыночной среды / Д. К. Кулешов // Торговля и рынок. – 2020. – Т. 2, № 4-2(56). – С. 153-159. – EDN ZYFPUS.

Поступила в редакцию 17.04.2026 г.

ANALYSIS OF MODERN PRACTICE OF FORECASTING BUSINESS PROCESSES AT DOMESTIC TRADE ENTERPRISES

M.A. Pundik

The article analyzes the modern practice of forecasting business processes at domestic trade enterprises, examines the impact of macroeconomic factors, digitalization and competition on the development of trade processes in the Russian Federation. Special attention is paid to methodological approaches to forecasting, including classical and modern methods such as regression analysis, exponential smoothing and machine learning methods. The paper examines the specifics of the functioning of wholesale and retail trade in various federal districts, provides empirical data, and offers recommendations for improving strategic planning and forecasting of business processes of retail enterprises.

Keywords: business process forecasting, wholesale and retail sales, Russian market, competition, machine learning, omnichannel strategies

LIST OF REFERENCES

1. Bessarabov, V. O. Modern realities of functioning and development of foreign markets of consulting services / V. O. Bessarabov, R. N. Kurasov // Economic development of Russia. – 2026. – Vol. 33, No. 1. – pp. 46-469. – EDN MLQNOP.
2. Bessarabov, V. O. Problems of development of domestic service and trade enterprises in the context of new challenges and digitalization of the economy / V. O. Bessarabov, V.Y. Englesi // Economics and management: problems, solutions. – 2024. – No. 1. – Vol. 1. – pp. 18-25.
3. Pundik, M. A. Theoretical and methodological substantiation of forecasting business processes of trading enterprises in the context of the regional economy / M. A. Pundik // Financial markets and banks. – 2026. – No. 1. – pp. 231-234. – EDN HGCTDF.
4. Demidov, S.S. The nature of legal services as a subject of regional and sectoral economics: from the causes of demand growth to classification in modern conditions / S.S. Demidov // Industrial Economics. – 2023. – No. S3. – pp. 47-52.
5. Balabanovich, O. A. Architecture of sustainability: methodological tools for business in the era of change / O. A. Balabanovich // Strategy for the development of the economy of Belarus: challenges, tools and prospects : Collection of scientific articles of the International Scientific and Practical Conference. In 3 volumes, Minsk, November 13-14, 2025. Volume 1. Minsk: Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, 2025. pp. 216-221. - EDN UWFOYL.
6. Le, S. Methods of digitalization of business processes of the retail segment of oil and gas companies: Russian and foreign experience / S. Le // Bulletin of Volgograd State University. Economy. – 2026. – Vol. 28, No. 1. – pp. 106-115. – DOI 10.15688/ek.jvolsu.2026.1.9. – EDN IUTIVO.
7. Khojalyeva, M. the use of statistical analysis in business / M. Khojalyeva, T. Durdynazarova // The matrix of scientific knowledge. – 2025. – No. 2-1. – pp. 146-150. – EDN WLXOTM.
8. Kamionsky, M. S. A dynamic approach to the development of basic management tools in strategic management processes / M. S. Kamionsky // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. – 2024. – Vol. 21, No. 2(134). – pp. 202-214. – DOI 10.21686/2413-2829-2024-2-202-214. – EDN QOPCGB.
9. Vasilevsky, A. S. Methodology for improving the financial risk management system in a large bank / A. S. Vasilevsky, A. Yu. Usanov // Bulletin of Eurasian Science. – 2024. – Vol. 16, no. S6. – EDN BMEDWO.
10. Ilchenko, A. A. Financial consulting as a mechanism for improving the standard of living in the regional economy in the digital age / A. A. Ilchenko // Information space of Donbass: problems and prospects : Collection of materials of the VIII International Scientific and Practical Conference, Donetsk, October 24, 2025. Donetsk: Donetsk National University of Economics and Trade named after M. Tugan-Baranovsky, 2025. pp. 173-176. - EDN LNKICG.
11. Bessarabova, A. A. Innovative marketing management / A. A. Bessarabova // Society, trade unions and education: constructive cooperation and development trends : Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, Vitebsk, November 05, 2025. Vitebsk: Vitebsk Branch of the MITSO International University, 2025. pp. 142-146. EDN FMTAKI.
12. Pundik, M. A. Architectonics of the epistemological model of forecasting business processes of trade enterprises / M. A. Pundik // Financial markets and banks. – 2026. – No. 1. – pp. 353-356. – EDN WQZXTX.
13. Rosstat [Electronic resource]. URL: <https://rosstat.gov.ru> (date of access: [04/02/2026]).

14. Pundik, M. A. Evolution of business processes of trade enterprises: from theory to practical adaptation / M. A. Pundik // Society, trade unions and education: constructive cooperation and development trends : Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, Vitebsk, November 05, 2025. Vitebsk: Vitebsk Branch of the MITSO International University, 2025, pp. 220-225, EDN KHOHLA.

15. Kuleshov, D. K. Strategies for the development of entrepreneurial structures in the context of the development of a competitive market environment / D. K. Kuleshov // Trade and market. – 2020. – Vol. 2, No. 4-2(56). – pp. 153-159. – EDN ZYFPUS.

Пундик Михаил Александрович

кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой естествознания и безопасности жизнедеятельности

Федеральное государственного бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила-Туган Барановского», РФ, ДНР, г. Донецк

mihailpundik@gmail.com

+7-949-327-64-61

ORCID: 0000-0002-9488-7209

Pundik Mikhail

candidate of technical sciences, associate professor,

head of the department of natural sciences and life safety

Donetsk national university of economics and trade named after Mikhail-Tugan Baranovsky, city Donetsk

УДК 332.1:334.012

DOI 10.5281/zenodo.20434406

ИНТЕГРАЦИЯ КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА И ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА КАК МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

© 2026. О.-А.С. Сокрутенко

В статье рассматривается интеграция кластерного подхода и механизмов государственно-частного партнёрства (ГЧП) как механизм повышения конкурентоспособности инновационно-инвестиционного потенциала региона в условиях цифровой трансформации. На основе критического анализа традиционных методов региональной политики обоснована необходимость перехода от поддержки изолированных локальных кластеров к формированию сетевых межрегиональных кластерных экосистем. Предложена модель «ГЧП 2.0», интегрирующая цифровые платформы, механизмы софинансирования, офсетные контракты и венчурные фонды с государственным участием. Разработан многокритериальный алгоритм отбора проектов, учитывающий технологический суверенитет и сетевой межрегиональный эффект. Выявлены институциональные барьеры и предложены меры по трансформации законодательства, включая введение категории «цифровой объект ГЧП» и регуляторных песочниц.

Ключевые слова: кластер, государственно-частное партнёрство, инновационно-инвестиционный потенциал, конкурентоспособность региона, цифровая трансформация, технологический суверенитет, сетевая экосистема.

Постановка проблемы. Фундаментальной характеристикой современного пространственного развития Российской Федерации выступает устойчивая и самовоспроизводящаяся межрегиональная асимметрия в уровне инновационно-инвестиционного потенциала (ИИП). Как показывают эмпирические исследования, на десять ведущих регионов приходится более 52% инвестиций в основной капитал и около 73% внутренних затрат на научные исследования и разработки [1, с. 12–18]. Данная конфигурация, обозначаемая в научной литературе как «экономика архипелага», не является временным следствием кризисных явлений, а представляет собой неотъемлемое свойство сложившейся модели пространственного развития. Традиционные инструменты региональной политики: бюджетное выравнивание, целевые программы, субсидирование отстающих территорий, демонстрируют недостаточную эффективность в условиях, когда конкурентное преимущество территории определяется не столько объёмом ресурсов, сколько качеством институциональной среды и способностью к генерации и коммерциализации знаний [2, с. 297–298]. Возникает объективная потребность в поиске качественно иных механизмов, способных трансформировать пространственное разнообразие из источника диспропорций в структурный фундамент устойчивости национальной экономики и повысить конкурентоспособность инновационно-инвестиционного потенциала каждого отдельного региона.

Актуальность темы исследования. Актуальность темы обусловлена тремя взаимосвязанными факторами. Во-первых, ускоренный курс на достижение технологического суверенитета и импортозамещение в условиях санкционного давления требует консолидации инновационных ресурсов всех регионов, а не только ограниченной группы лидеров. Во-вторых, динамичная цифровая трансформация

создаёт технологические предпосылки для формирования распределённых, сетевых форм кооперации, где физическая удалённость перестаёт быть непреодолимым барьером. Цифровые платформы, облачные сервисы, технологии распределённых реестров позволяют организовывать бесшовное взаимодействие между участниками инновационного процесса независимо от их географической локации [3, с. 86–87]. В-третьих, действующее законодательство о государственно-частном партнёрстве [4; 5] концептуально ориентировано на «жёсткую» инфраструктуру и не учитывает специфику цифровых и нематериальных активов, что создаёт правовые барьеры для привлечения частных инвестиций в высокотехнологичные межрегиональные проекты [6, с. 441–442]. Таким образом, интеграция кластерного подхода и механизмов ГЧП, адаптированных к цифровой среде, становится насущной научно-практической задачей, от решения которой зависит способность регионов повышать свою конкурентоспособность и реализовывать стратегию опережающего развития.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблематика кластеров как драйверов региональной конкурентоспособности восходит к работам М. Портера, который определил кластер как географическую концентрацию взаимосвязанных компаний, поставщиков, университетов и других организаций, конкурирующих и одновременно кооперирующихся [7, с. 210–230]. В российской науке кластерный подход развивался в трудах А. И. Татаркина, Ю. Г. Лавриковой, Е. С. Куценко, которые адаптировали модель М. Портера к российским условиям и обосновали необходимость государственной поддержки инновационных территориальных кластеров [8; 9]. Однако, как отмечает А. В. Райхлина, дефицит долгосрочных инвестиционных ресурсов в большинстве регионов РФ делает невозможным развитие кластерных экосистем исключительно за счёт бюджетных средств или собственных средств бизнеса [10, с. 3].

В свою очередь, актуальным теоретическим проблемам государственно-частного партнёрства в России посвящены опубликованные в последние годы монографии Н. Н. Губачева [11], Ж. А. Захаровой [12], И. М. Шор [13]. Основное внимание уделялось инфраструктурным концессиям и соглашениям о ГЧП в социальной сфере. Применительно к инновационной сфере механизмы ГЧП остаются слабо изученными, а практика их реализации – крайне ограниченной. Исключения составляют отдельные пилотные проекты в сфере создания технопарков и центров коллективного пользования.

В последние годы появились исследования, синтезирующие кластерный и концессионный подходы. Так, Л. К. Бабаян рассматривает роль кластеров в обеспечении научно-технологического развития, подчёркивая необходимость привлечения частного капитала [14]. Однако целостная концепция, интегрирующая кластерный подход и практики ГЧП как механизм повышения конкурентоспособности инновационно-инвестиционного потенциала региона, требует дальнейшего изучения.

Выделение нерешённых проблем. Несмотря на значительный объём исследований, остаются нерешёнными следующие проблемы:

Во-первых, отсутствует теоретически обоснованная и методически проработанная модель сетевого (межрегионального) кластера, финансируемого и управляемого на принципах ГЧП. Традиционные кластерные инициативы ограничены рамками одного субъекта Федерации и не охватывают кооперацию между регионами разного уровня развития.

Во-вторых, не разработан многокритериальный алгоритм отбора ГЧП-проектов для включения в кластерные сети, учитывающий не только экономическую эффективность, но и вклад в технологический суверенитет, синергетический эффект внутри кластера и сетевое межрегиональное взаимодействие.

В-третьих, действующее законодательство содержит объектные, процедурные и рисковые барьеры, блокирующие реализацию высокотехнологичных кластерных проектов с участием частного капитала. Предложения по их устранению носят фрагментарный характер и не систематизированы.

В-четвёртых, остаётся открытым вопрос о роли венчурных фондов с государственным участием в финансовом обеспечении кластерных экосистем и о дифференциации их моделей в зависимости от типа региона.

Гипотеза исследования. Предполагается, что интеграция кластерного подхода и механизмов ГЧП в цифровой среде позволяет сформировать качественно новую институциональную технологию, способную повысить конкурентоспособность инновационно-инвестиционного потенциала региона. Ключевым условием эффективности является переход от поддержки изолированных локальных кластеров к созданию сетевых межрегиональных кластерных экосистем, связанных единой технологической повесткой, цифровой инфраструктурой и распределением рисков между государством и бизнесом. Такая интеграция ведёт к росту конкурентоспособности за счёт эффектов масштаба, специализации, синергии и притока частного капитала в высокотехнологичные проекты.

Цель исследования. Цель исследования – разработка теоретических положений и практического инструментария интеграции кластерного подхода и ГЧП как механизма повышения конкурентоспособности инновационно-инвестиционного потенциала региона в условиях цифровой трансформации.

Материалы и методы исследования. Теоретической базой исследования послужили концепции кластерного развития (М. Портер), теории государственно-частного партнёрства, институциональной экономики (Д. Норт), а также фундаментальные труды российских учёных в области региональной экономики: А. Г. Гранберга (основы региональной экономики и пространственного анализа), Н. В. Зубаревич (пространственная асимметрия и социально-экономическое развитие регионов), С. П. Земцова (инновационная активность и институциональная среда регионов), А. И. Татаркина и Ю. Г. Лавриковой (кластерная политика), Е. С. Куценко (пилотные инновационные кластеры). Информационную базу составили официальные данные Росстата, рейтинги инновационного развития субъектов РФ (НИУ ВШЭ), аналитические материалы Министерства экономического развития РФ, Национального центра ГЧП, а также нормативно-правовые акты: Федеральный закон № 224-ФЗ «О государственно-частном партнёрстве» [4], Федеральный закон № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» [5], Постановление Правительства РФ № 1552 «О планировании технологической политики в Российской Федерации» [15]. В работе использованы методы системного и структурно-функционального анализа, метод анализа иерархий Т. Саати для определения весовых коэффициентов, методы математического моделирования (аддитивная свёртка, линейное целочисленное программирование), а также метод кейс-стади для апробации модельных конфигураций на примере гипотетических межрегиональных кластеров.

Результаты исследования. В ходе исследования разработана концептуальная модель интегрированного кластерного ГЧП, получившая условное наименование «ГЧП 2.0». В условиях цифровой трансформации классическое понимание инновационного кластера как строго локализованной географической концентрации уступает место концепции сетевой кластерной экосистемы. Её каркасом выступают цифровые платформы, облачные сервисы, технологии больших данных и распределённых реестров, которые обеспечивают бесшовный трансфер знаний, компетенций и данных

между участниками, распределёнными по разным субъектам Федерации.

Предложенная модель базируется на четырёх ключевых элементах:

Первый элемент – создание цифровой инфраструктуры общего пользования как объекта ГЧП. Частный концессионер создаёт и эксплуатирует вычислительные мощности, облачные платформы, системы обработки больших данных. Государство, в свою очередь, субсидирует доступ к этим мощностям для участников кластера (особенно малого и среднего бизнеса, научных организаций из отстающих регионов) и выступает ведущим заказчиком платформенных сервисов. Это снижает капитальные затраты для участников сети и обеспечивает единые технологические стандарты.

Второй элемент – софинансирование R&D-инфраструктуры на принципах ГЧП. Речь идёт о строительстве и оснащении центров коллективного пользования, инжиниринговых центров и «фабрик будущего». Особенностью таких соглашений должно стать чёткое распределение прав на интеллектуальную собственность, созданную с использованием этой инфраструктуры, пропорционально вкладу сторон. Именно неопределённость в вопросах интеллектуальной собственности является одним из ключевых барьеров для ГЧП в инновационной сфере.

Третий элемент – офсетные контракты в рамках кластера. Региональные или федеральные власти заключают долгосрочные контракты на закупку инновационной продукции, созданной в рамках кластерной сети. Для инвестора это выступает гарантией возврата вложений в НИОКР и стимулом для локализации производств не только в столичных регионах, но и в субъектах, обладающих производственными мощностями.

Четвёртый элемент – кластерные концессии на создание и эксплуатацию отраслевой цифровой платформы. Государство (через институт развития) выступает инициатором концессии на создание платформы как критической инфраструктуры. Частный концессионер (консорциум ИТ-компаний и отраслевых лидеров) разрабатывает, финансирует и поддерживает платформу, получая право на монетизацию части данных и транзакционных сборов. Государство обеспечивает доступ к её базовому функционалу для всех участников сети, задавая технические и правовые стандарты.

Координацию всей деятельности осуществляет Управляющая компания сетевого кластера (УКСК) – консорциум с участием федеральных и региональных институтов развития, инвесторов и представителей научно-образовательного сообщества. УКСК берёт на себя функции оператора цифровой платформы, организатора конкурсного отбора проектов, мониторинга достижения сетевых ключевых показателей эффективности и разрешения межрегиональных коллизий. Финансирование деятельности УКСК может осуществляться за счёт комиссии с транзакций на платформе, целевых взносов участников и грантовой поддержки на этапе запуска, что обеспечивает её относительную автономию от текущих бюджетных циклов.

В таблице 1 обобщены основные типовые модели такой интеграции.

В соответствии с данными последних исследований НИУ ВШЭ, посвященных вопросам инновационного развития субъектов регионов РФ, регионы с развитыми кластерами и активным использованием ГЧП демонстрируют на 25–30% более устойчивый рост инновационной продукции. Индекс цифровой зрелости в таких регионах выше на 15–20 процентных пунктов [1]. Таким образом, эмпирические данные подтверждают эффективность предлагаемого подхода.

Таблица 1

Модели межрегиональной кластерной интеграции на базе ГЧП*

Модель интеграции	Регионы-участники (пример)	Суть механизма ГЧП	Ожидаемый эффект для конкурентоспособности
Технологическая связь	Москва (R&D) – Калужская обл. (производство)	Межрегиональный офсетный контракт на поставку ИТ-оборудования, произведённого в Калужской области по московским разработкам	Локализация высокотехнологичных производств в регионах «второго эшелона», снижение логистических издержек
Ресурсная синергия	Татарстан (химия) – Башкортостан (машиностроение)	Совместное инвестирование в рамках ГЧП-соглашения в цифровую платформу управления цепочками поставок для химико-машиностроительного кластера	Снижение издержек на 15–20%, рост экспортного потенциала макрорегиона (ПФО)
Интеллектуальный мост	Новосибирская обл. (наука) – Кемеровская обл. (внедрение)	Концессия на создание регионального центра трансфера технологий в добывающей отрасли (государство – инфраструктура, частный партнёр – внедрение ПО и обучение)	Модернизация сырьевых регионов через внедрение отечественных инноваций, диверсификация экономики

* Составлено автором

В условиях ограниченности бюджетных ресурсов и необходимости селекции проектов, максимально способствующих технологическому суверенитету и сетевому развитию, традиционные методики оценки оказываются недостаточными. Они не учитывают стратегический вклад проекта в развитие всей кластерной экосистемы и его роль в повышении конкурентоспособности инновационно-инвестиционного потенциала. В связи с этим разработан многокритериальный алгоритм отбора ГЧП-проектов для интеграции в кластерные сети, состоящий из четырёх последовательных этапов.

На первом этапе осуществляется фильтрация по критерию технологической значимости и локализации. Проект должен соответствовать порядку формирования и актуализации перечня критических технологий, утверждённому Постановлением Правительства РФ от 06.10.2025 № 1552 (ред. от 05.12.2025) [15], и обеспечивать минимальный уровень использования отечественных решений. Для количественной оценки этого требования рассчитывается коэффициент локализации:

$$K_{loc} = \frac{T_{rus}}{T_{total}} \geq 0.7 \quad (1)$$

где:

T_{rus} – количество применяемых в проекте российских патентных разработок, программных модулей, конструкторских решений и комплектующих

T_{total} – общее количество всех технологических решений (как отечественных, так и зарубежных), задействованных в проекте.

Проект допускается к дальнейшей оценке только в том случае, если значение K_{loc}

составляет не менее 0,7, то есть не менее 70% ключевых технологических элементов имеют российское происхождение.

На втором этапе рассчитывается интегральный индекс приоритетности на основе аддитивной модели свёртки пяти показателей: экономическая эффективность (классические показатели финансовой эффективности для частного партнёра), технологический суверенитет (уровень готовности технологии и степень импортнезависимости), социальный вклад (количество создаваемых высокопроизводительных рабочих мест, в том числе в регионах-реципиентах сети), синергетический эффект внутри кластера (количество и ценность новых кооперационных связей с малым и средним бизнесом и вузами), сетевой межрегиональный эффект (количество привлекаемых в сеть организаций из регионов с низким инновационно-инвестиционным потенциалом, объём инвестиций, направляемых в эти регионы, планируемый трансфер технологий). Весовые коэффициенты определяются методом анализа иерархий Т. Саати. Данный подход развивает принципы, заложенные в утвержденных Министерством экономического развития РФ документах [16], а также в «Модели государственно-частного взаимодействия по долгосрочному финансированию инвестиционных проектов», разработанной при участии Национального центра ГЧП «Развивай.РФ» [17].

На третьем этапе целесообразна оптимизация портфеля проектов методом линейного программирования. Для региональной или федеральной администрации, распределяющей ограниченные ресурсы государственной поддержки (капитальные гранты, налоговые льготы), задача отбора сводится к увеличению суммы интегральных индексов приоритетности отобранных проектов. При этом учитываются бюджетное ограничение, лимит совокупного риска портфеля, а также пространственное ограничение, которое обеспечивает поддержку проектов из определённой группы регионов (например, с низким инновационно-инвестиционным потенциалом).

На четвертом этапе рационально внедрение динамического мониторинга и «умного ГЧП» на основе смарт-контрактов. Ключевые показатели эффективности проекта (включая сетевые) фиксируют в смарт-контракте на региональной блокчейн-платформе. Автоматические выплаты субсидий или предоставление льгот происходят только после достижения верифицированных целевых показателей. Это повышает дисциплину исполнения и доверие инвесторов, особенно в регионах с невысоким качеством институтов.

Особую роль в финансовом обеспечении кластерных экосистем играют венчурные фонды с государственным участием, эволюционировавшие от финансирования отдельных стартапов к функции активного формирования технологического стека кластера. В рамках сетевой модели такие фонды выполняют три ключевые функции: синдикацию рисков (принятие первой доли убытков, что снижает порог входа для частного капитала, особенно в периферийных узлах кластерной сети); smart-управление активами и экосистемой (финансирование, менторская поддержка, доступ к сетям партнёров); формирование взаимосвязей внутри сети (стимулирование приобретения «подросших» стартапов более сильными предприятиями кластера, что усиливает технологический уровень экосистемы).

Эффективность венчурных фондов с государственным участием варьируется в зависимости от типа региона, что требует дифференциации моделей. Для менее развитых регионов целесообразны фонды, финансирующие прототипы и НИОКР в вузовских лабораториях, а также подготавливающие проекты. Для индустриальных центров – отраслевые фонды суверенитета, масштабирующие производства программного

обеспечения и комплектующих, инвестирующие в высокие технологии для импортозамещения. Для хабов БРИКС – фонды международной экспансии, финансирующие адаптацию продуктов кластера под рынки Глобального Юга и защиту интеллектуальной собственности, с целевой долей выручки от экспорта и количеством зарубежных патентов.

Ключевой проблемой венчурных фондов с государственным участием остаётся отсутствие права на риск в правоприменительной практике. Для повышения эффективности необходимо легализовать портфельный подход к оценке (где один успешный проект покрывает несколько неудачных), разрешить рециклирование прибыли внутри фонда и обеспечить тесную синхронизацию венчурных инвестиций с механизмами ГЧП, используя их как долю частного партнёра.

Внедрение модели интеграции кластерного ГЧП наталкивается на ряд фундаментальных институциональных и правовых барьеров. Действующее законодательство, в первую очередь Федеральный закон № 224-ФЗ «О государственно-частном партнёрстве» [4] и Федеральный закон № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» [5], ориентировано на инфраструктуру с предсказуемым денежным оборотом, а не на инновационные проекты с высокой степенью неопределённости. Можно выделить три ключевые группы барьеров:

Объектный барьер: объектом ГЧП-соглашения по закону является объект капитального строительства или недвижимость. Однако ядром цифрового кластера выступают нематериальные активы: интеллектуальная собственность, программное обеспечение, данные, цифровые платформы. Правовой вакуум в этом вопросе блокирует заключение соглашений на создание ключевых элементов экосистемы.

Процедурный барьер: длительные сроки подготовки ГЧП-соглашения (9–18 месяцев) не соответствуют скорости технологических циклов в цифровой среде (6–8 месяцев), приводя к моральному устареванию решений к моменту запуска проекта.

Рисковый барьер: отсутствие легальных механизмов распределения риска технологических неудач, который не является виной частного партнёра, отталкивает инвесторов.

Для преодоления этих барьеров необходима комплексная законодательная и институциональная трансформация. В объектной сфере предлагается включить в категорию «цифровой объект ГЧП» (государственные информационные системы, программное обеспечение, совокупности прав на результаты интеллектуальной деятельности) и легализовать конвертируемые займы как инструмент входа государства в капитал стартапов в рамках ГЧП. В процедурной сфере – внедрить режим быстрой реализации для ГЧП-проектов, направленных на создание критических технологий, с сокращёнными сроками конкурсных процедур и экспертизы. В рискованной сфере – закрепить в ГЧП-соглашениях допустимый коэффициент риска НИОКР (долю проектов, которые могут не достичь коммерческого результата без санкций для частного партнёра).

Таким образом, интеграция кластерного подхода и механизмов ГЧП в условиях цифровой трансформации представляет собой мощный механизм повышения конкурентоспособности инновационно-инвестиционного потенциала регионов. Предложенная модель сетевого мкластера, управляемого на принципах ГЧП 2.0, позволяет трансформировать пространственную асимметрию из угрозы в масштабируемый ресурс, где успех ядра напрямую зависит от развития периферийных узлов.

Выводы и дальнейшая дискуссия. Проведённое исследование подтверждает

начальную гипотезу о том, что внедрение кластерного подхода и механизмов ГЧП в условиях динамичной диджитализации представляет собой эффективный механизм повышения конкурентоспособности инновационно-инвестиционного потенциала региона. Предложенная концепция ГЧП 2.0, основанная на сетевых межрегиональных кластерных экосистемах, позволяет задействовать конкурентные преимущества регионов с различным уровнем развития, масштабировать частные инвестиции в высокотехнологичные проекты и создать синергетический эффект.

Дальнейшая дискуссия может быть сосредоточена на нескольких ключевых вопросах. Необходима количественная оценка пороговых значений коэффициента локализации для разных отраслей с учётом специфики технологических цепочек. Требуется апробация модели на реальных пилотных проектах с последующей верификацией полученных теоретических выводов. Предстоит адаптировать механизмы токенизации и цифровых финансовых активов для привлечения инвестиций в кластерные проекты, что особенно актуально в контексте сотрудничества со странами БРИКС. Необходимо разработать типовые смарт-контракты для «умного ГЧП», включающие автоматизированный контроль ключевых показателей эффективности и механизмы разрешения споров. Важным направлением является также создание методических рекомендаций для региональных органов власти по внедрению модели интегрированного кластерного ГЧП с учётом дифференциации регионов по уровню инновационно-инвестиционного потенциала.

Обоснование научной новизны в представленном исследовании. Научная новизна полученных результатов заключается в разработке и обосновании целостной институциональной концепции интегрированного кластерного ГЧП, адаптированной к условиям цифровой трансформации и нацеленной на повышение конкурентоспособности инновационно-инвестиционного потенциала региона. В отличие от существующих исследований, которые рассматривают кластерную политику и механизмы ГЧП как относительно независимые инструменты регионального развития, в данной работе предложен их синтез в качественно новую институциональную технологию – «ГЧП 2.0». Эта технология предполагает переход от поддержки изолированных локальных кластеров к формированию сетевых межрегиональных кластерных экосистем, связанных единой технологической повесткой и цифровой инфраструктурой. Конкретные элементы новизны состоят в следующем:

Впервые концептуализирована модель сетевого мегакластера, в которой регион-лидер выполняет функции интегратора и поставщика сложных компетенций, а регионы-реципиенты специализируются на звеньях цепочки создания стоимости, где обладают сравнительными преимуществами. Разработан многокритериальный алгоритм отбора ГЧП-проектов для кластерных сетей, который, в отличие от традиционных методик оценки, включает наряду с показателями экономической эффективности критерии технологического суверенитета (уровень готовности технологии, коэффициент локализации), синергетического эффекта внутри кластера и сетевого межрегионального эффекта.

Кроме того, систематизированы институциональные барьеры (объектный, процедурный, рисковый) и предложен комплекс мер по трансформации законодательства, включающий введение категории «цифровой объект ГЧП», легализацию конвертируемых займов, внедрение режима быстрой реализации для критических технологий, закрепление допустимого коэффициента риска НИОКР и создание регуляторных песочниц.

Наконец, предложены дифференцированные модели участия венчурных фондов с

государственным участием в кластерном развитии (фонды, финансирующие прототипы и НИОКР, отраслевые фонды суверенитета, фонды международной экспансии) с определением целевых ключевых показателей эффективности.

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении. Разработанная концепция интегрированного кластерного ГЧП открывает широкое поле для дальнейших научных исследований. Приоритетным направлением является эмпирическая верификация предложенной модели на реальных данных. В частности, проведение количественной оценки влияния интегрированного кластерного ГЧП на динамику инновационно-инвестиционного потенциала регионов с использованием панельных регрессий, что позволит не только подтвердить или уточнить теоретические выводы, но и определить оптимальные параметры реализации модели для разных типов регионов.

Целесообразно также создание типовой цифровой платформы для управления межрегиональными кластерными проектами с встроенными смарт-контрактами и модулями предиктивной аналитики, что позволит автоматизировать процессы мониторинга и отчётности. Наконец, заслуживает внимания апробация модели в рамках экспериментального правового режима на территории одного из федеральных округов с последующим распространением успешных практик. Результаты такой апробации могут стать основой для подготовки предложений по совершенствованию механизмов ГЧП и кластерной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 10 [Электронный ресурс] / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, С. В. Артёмов, и др.; под ред. Л. М. Гохберга, Е. С. Куценко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – ISBN 978-5-7598-3113-6. – URL: <https://issek.hse.ru/news/1068199937.html> (дата обращения: 10.04.2026).
2. Земцов С.П. Источники роста деловой активности в регионах России в условиях внешних шоков / С.П. Земцов // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2025. – № 1 (66). – С. 291–300. – DOI: 10.31737/22212264_2025_1_291-300. – EDN: MMFVNX.
3. Напольских Д.Л. Атрибутивные признаки и типы инновационных кластеров в условиях цифровой трансформации / Д.Л. Напольских // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2024. – Т. 59. – № 3. – С. 66-95. – DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-3-4. – EDN: FEQMDF.
4. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Ст. 4350 [Электронный ресурс] // ЗАО «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/?ysclid=moo46eh9xs536688210 (дата обращения: 10.04.2026).
5. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях». Ст. 3126. [Электронный ресурс] // ЗАО «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/?ysclid=moo4c95tax450008745 (дата обращения: 10.04.2026).
6. Третьякова С.Н. Государственно-частное партнёрство в России: текущее состояние, проблемы и возможности развития / С.Н. Третьякова, М.А. Адаменко // Вестник Академии знаний. – 2025. – № 3 (68). – С. 441-446. – EDN: PCAEVN.
7. Портер М. Международная конкуренция [пер. с англ.] / Майкл Портер. – Москва: Международные отношения, 1993. – 896 с. – ISBN 5-7133-0413-2.
8. Татаркин А.И. Кластерная политика регионов в пространственном обустройстве Российской Федерации / А.И. Татаркин, Ю.Г. Лаврикова // Современные производительные силы. – 2015. – № 2. – С. 111-126. – EDN: UNVLEP.
9. Куценко Е.С. Пилотные инновационные территориальные кластеры России: модель устойчивого развития / Е.С. Куценко // Форсайт. – 2015. – Т. 9. – № 1. – С. 32-55. – DOI: 10.17323/1995-459X.2015.1.32.55. – EDN: TODVVL

10. Райхлина А.В. Формирование и развитие инфраструктуры инновационной деятельности: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Райхлина Анна Владимировна; Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 2012. – 25 с.

11. Губачев Н.Н. Государственно-частное партнерство: международный опыт и развитие в Российской Федерации: монография / Н.Н. Губачев, Н.С. Огурцова. – Москва: Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина, 2024. – 213 с. – ISBN 978-5-00181-581-5.

12. Захарова Ж.А. Государственно-частное партнерство в обеспечении саморазвития и экономической безопасности региона: монография / Ж.А. Захарова. – Нижний Новгород : Печатная мастерская «Радонеж», 2024. – 207 с. – ISBN 978-5-6052988-6-1.

13. Шор И.М. Теория и практика применения форм государственно-частного партнерства в регионах России : монография / И.М. Шор. – Москва: Ruscience, 2023. – 204 с. – ISBN 978-5-466-04365-5.

14. Бабаян Л.К. Роль региональных кластеров в обеспечении научно-технологического развития Российской Федерации //Л.К. Бабаян //Креативная экономика. – 2024. – Т. 18. – № 5. – С. 1091-1108. – DOI: 10.18334/ce.18.5.120874. – EDN: LRYOSV.

15. Постановление Правительства РФ от 06.10.2025 № 1552 (ред. от 05.12.2025) «О планировании технологической политики в Российской Федерации» [Электронный ресурс] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_516151/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 11.04.2026).

16. Приказ Минэкономразвития России от 30.11.2015 № 894 (ред. от 21.08.2025) «Об утверждении Методики оценки эффективности проекта государственно-частного партнерства, проекта муниципально-частного партнерства и определения их сравнительного преимущества» // ЗАО «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192148/c294a02796f21883a666153c370e258772884a9a/?ysclid=mo0ac8ons5831518029 (дата обращения: 11.04.2026).

17. Модель государственно-частного взаимодействия по долгосрочному финансированию инвестиционных проектов. Методика 2026 //Национальный центр «РАЗВИВАЙ.РФ»: сайт. – URL: <https://xn--80aafahj3c.xn--p1ai/research> (дата обращения: 11.04.2026).

Поступила в редакцию 16.04.2026 г.

INTEGRATION OF CLUSTER APPROACH AND PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AS A MECHANISM FOR ENHANCING THE COMPETITIVENESS OF THE REGION'S INNOVATION AND INVESTMENT POTENTIAL

O.-A.S. Sokrutenko

The article examines the integration of the cluster approach and public-private partnership (PPP) mechanisms as a tool for enhancing the competitiveness of the region's innovation and investment potential in the context of digital transformation. Based on a critical analysis of traditional regional policy methods, the necessity of transitioning from supporting isolated local clusters to forming networked interregional cluster ecosystems is substantiated. A model of “PPP 2.0” is proposed, integrating digital platforms, co-financing mechanisms, offset contracts and venture funds with state participation. A multi-criteria project selection algorithm is developed, taking into account technological sovereignty and the network interregional effect. Institutional barriers are identified and measures for legislative transformation are proposed, including the introduction of the category “digital PPP object” and regulatory sandboxes.

Keywords: cluster, public-private partnership, innovation and investment potential, regional competitiveness, digital transformation, technological sovereignty, network ecosystem.

LIST OF REFERENCES

1. Rating of Innovative Development of the Subjects of the Russian Federation. Issue 10 [Electronic resource] / V.L. Abashkin, G.I. Abdakhmanova, S.V. Artemov, etc.; edited by L. M. Gohberga, E.S. Kutsenko; National Research University Higher School of Economics. – Moscow: ISEI HSE, 2025. – ISBN 978-5-7598-3113-6. – URL: <https://issek.hse.ru/news/1068199937.html> (access date: 10.04.2026).

2. Zemtsov S.P. Sources of growth of business activity in Russian Regions in the face of external shocks / S.P. Zemtsov // Journal of the New Economic Association. – 2025. – No. 1 (66). – Pp. 291–300. – DOI:

10.31737/22212264_2025_1_291-300. – EDN: MMFVNX.

3. Napolskikh D.L. Attributive features and types of innovation clusters in the context of digital transformation / D.L. Napolskikh // Bulletin of the Moscow University. Series 6: Economics. – 2024. – Vol. 59. – No. 3. – Pp. 66-95. – DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-3-4. – EDN: FEQMDF.

4. Federal Law No. 224-FZ of July 13, 2015 “On Public-Private Partnerships, Municipal-Private Partnerships in the Russian Federation, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”. Article 4350 [Electronic resource] // ConsultantPlus CJSC: website. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/?ysclid=moo46eh9xs536688210 (access date: 10.04.2026).: 10.04.2026).

5. Federal Law No. 115-FZ of July 21, 2005 “On Concession Agreements”. Article 3126 [Electronic resource] // ConsultantPlus CJSC: website. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/?ysclid=moo4c95tax450008745 (access date: 10.04.2026).

6. Tretyakova S.N. Public-private partnership in Russia: current state, problems and development opportunities / S.N. Tretyakova, M.A. Adamenko // Bulletin of the Academy of Knowledge. – 2025. – No. 3 (68). – Pp. 441-446. – EDN: PCAEVN.

7. Porter M. International competition [trans. from English] / Michael Porter. – Moscow: International Relations, 1993. – 896 p. – ISBN 5-7133-0413-2.

8. Tatarkin A.I. Cluster Policy of Regions in the Spatial Arrangement of the Russian Federation / A.I. Tatarkin, Yu.G. Lavrikova // Modern Productive Forces. – 2015. – No. 2. – Pp. 111-126. – EDN: UNVLEP.

9. Kutsenko E.S. Pilot innovative territorial clusters of Russia: a model of sustainable development / E.S. Kutsenko // Foresight. – 2015. – Vol. 9. – No. 1. – Pp. 32-55. – DOI: 10.17323/1995-459X.2015.1.32.55. – EDN: TODVVL.

10. Raikhlyna A.V. Formation and development of the infrastructure for innovative activity: Abstract of Dissertation. ... Candidate of Economic Sciences: 08.00.05 / Raikhlyna Anna Vladimirovna; Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. – Yaroslavl, 2012. – 25 p.

11. Gubachev N.N. Public-private partnership: international experience and development in the Russian Federation: monograph / N.N. Gubachev, N.S. Ogurtsova. – Moscow: Kosygin Russian State University, 2024. – 213 p. – ISBN 978-5-00181-581-5.

12. Zakharova J.A. Public-private partnership in ensuring self-development and economic security of the region: monograph / J.A. Zakharova. – Nizhny Novgorod : Printing workshop “Radonezh”, 2024. – 207 p. – ISBN 978-5-6052988-6-1.

13. Shor I.M. Theory and practice of applying public-private partnership forms in Russian regions: monograph / I.M. Shor. – Moscow: Ruscience, 2023. – 204 p. – ISBN 978-5-466-04365-5.

14. Babayan L.K. The role of regional clusters in ensuring the scientific and technological development of the Russian Federation / L.K. Babayan // Creative Economy. – 2024. – Vol. 18. – No. 5. – Pp. 1091-1108. – DOI: 10.18334/ce.18.5.120874. – EDN: LRYOSV.

15. Decree of the Government of the Russian Federation dated 06.10.2025 No. 1552 (as amended on 05.12.2025) “On planning technological policy in the Russian Federation” [Electronic resource] // ConsultantPlus CJSC: website. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_516151/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b (access date: 11.04.2026).

16. Order No. 894 of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated November 30, 2015 (as amended on August 21, 2025) “On Approval of the Methodology for Assessing the Effectiveness of Public-Private Partnership Projects, Municipal-Private Partnership Projects, and Determining Their Comparative Advantages” // ConsultantPlus CJSC: website. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192148/c294a02796f21883a666153c370e258772884a9a/?ysclid=mooac8ons5831518029 (access date: 11.04.2026).

17. Model of public-private cooperation for long-term financing of investment projects. Methodology 2026 // National Center “RAZVIVAI.RF”: website. – URL: <https://xn--80aafahj3c.xn--p1ai/research> (access date: 11.04.2026).

Сокрутенко Ольга-Анна Сергеевна

старший преподаватель кафедры мировой экономики и международных экономических отношений

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», РФ, ДНР, г. Донецк

o.sokrutenko@donnu.ru

+7-949-323-93-45

ORCID 0009-0009-9313-8482

Sokrutenko Olga-Anna

Senior Lecturer

Department of World Economy and International Economic Relations

Donetsk State University, Donetsk

УДК 338.46:332.012.33
DOI 10.5281/zenodo.20434430

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ: СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

© 2026. М.В. Фомина

Основной акцент статьи – специфические особенности и тенденции развития общественного сектора экономики, предопределен формирующимся мировым системным кризисом, который в последнее время высветил противоречия социально-экономического развития и актуализировал необходимость качественной трансформации экономической системы в сторону ее социализации, очеловечивания, равенства. Ключевую роль в обеспечении социальной стабильности и устойчивого развития играет именно общественный сектор. В процессе исследования систематизированы концептуальные подходы и проанализированы экономико-статистические данные, что позволило сместить акценты с принятия общественного сектора как госинструмента противодействия рынку, к признанию его сетевой, цифровой и гибридной природы.

Ключевые слова: общественный сектор экономики, государство, рынок, свойства, структура, функции.

Постановка проблемы. Обострение социальных противоречий, вызванное мировой экономической рецессией и повышением уровня нестабильности, видится закономерным результатом трансформации господствующей социально-экономической системы, базирующейся на институте частной собственности, всеобъемлющем рынке, касающимся не только сферы экономики и финансов, но и социальной сферы, прибыльности как основной цели общественного производства и воспроизводства. Последствиями ее функционирования является неолиберальная глобализация, господство рыночного механизма, финансиализация, коммерциализация. Особенное беспокойство вызывает проникновение этих механизмов в социальную сферу, что не может не отразиться на социальном неравенстве, резкой поляризации доходов, стремительном росте нищеты.

Многие зарубежные и отечественные исследователи обосновывают необходимость социальной трансформации капиталистической (рыночной системы). При этом социализация принимается, с одной стороны, как формирование социальных качеств человека (социальная личность); с другой – как социализацию общества в целом (создание институтов и отношений, способствующих социальному прогрессу). Считаем, что триггером социализации экономической системы может стать общественный сектор экономики, который играет важную роль в процессе обеспечения социальной стабильности и равномерного перераспределения ресурсов и результатов деятельности.

Актуальность темы исследования связана со специфическими свойствами и особенностями общественного сектора экономики, который как подсистема, способствующая удовлетворению общественных потребностей, перераспределению доходов и обеспечению социальной справедливости, противодействует провалам и несовершенству рынка, и его эффективностью. Так, увеличение масштабов общественного сектора экономики может способствовать снижению экономической эффективности общественного производства, а резкое сокращение – провоцировать социальную нестабильность. Выявленная дихотомия предполагает комплексное

исследование современных концептуальных подходов к определению сущности общественного сектора экономики как многогранной и сложной модели.

Анализ последних исследований и публикаций. Отличительной особенностью современных исследований общественного сектора является отказ от «примитивизма», т.е. восприятия этой подсистемы как механизма реализации противодействия государства рынку, сферы минимизации проявлений «провалов» рынка и «несовершенства» государства, к более сложным концепциям и моделям.

Так, в трудах С. П. Озборна [1] представлена концепция «Новой государственной деятельности» (*New Public Governance*), в рамках которой исследование общественного сектора осуществляется с точки зрения сетевой формы взаимодействия государства, бизнеса и некоммерческих организаций, что приводит к размыванию границ последнего.

Дж. Бьюкенен [2] и Г. Таллок [3], являясь современными интерпретаторами теории общественного выбора, с одной стороны, дополняют классическую теорию анализом рисков бюрократизации, акцентируют внимание на закономерностях и мотивации поведения бюрократии; с другой стороны, обосновывают концепцию «рентоориентированного» поведения власти в рамках общественного сектора экономики, т.е. дополняют теорию общественного выбора понятием «политическая рента».

Институциональный концептуальный подход нашел отражение в фундаментальных работах Э. Острома [4], обосновавшего сложность общественного сектора и разнообразие форм организации процесса производства общественных благ, включая способы паритетного управления экономическими ресурсами, частно-государственное партнерство, теорию «клубного блага». А, также в работах О. Уильямсона [5], занимавшегося исследованиями проблем развития институциональной экономики с точки зрения трансакционных издержек, а общественного сектора экономики с точки зрения контрактных отношений.

Среди отечественных ученых, занимающихся проблематикой современного развития общественного сектора целесообразно выделить:

во-первых, труды Баянова О. В. [6], в которых при анализе общественного сектора экономики используется микроэкономический подход, позволяющий выявить проблемы и возможности обеспечения общественного благосостояния за счет нейтрализации внешних эффектов и наращивания объемов производства общественных благ.

Во-вторых, исследования Некипелова А.Д. [7], касающиеся необходимость перехода от господствующей модели, ориентированной на максимизацию внутреннего продукта и источников ресурсов, к новой много векторной экономической системе, основанной на планировании и рациональном распределении ресурсов и доходов. В качестве фундаментальной организационно-экономической основы такого перехода автор видит институциональные преобразования, способные интегрировать конкретные, общественные и частные усилия в единую систему качественно новых социально-экономических отношений.

В-третьих, научные работы Е. И. Добролюбовой [8], В. Н. Южакова [8], В. В. Приходько [9], посвященные исследованию проблем цифровой трансформации общественного сектора экономики и возможным ее последствиям. В них, кроме прочего отмечается, что процесс внедрения цифровых технологий далеко не однозначен, *цифровизация снижает трансакционные издержки бизнеса и общества, но абсолютно не влияет на прогрессирующий рост неравенства, бюрократии и коррупции. А, чаще всего, провоцирует рост безработицы, что не может не повышать уровень социальной напряженности и нестабильности.*

Выделение нерешенных проблем. Огромное количество исследований общественного сектора экономики, затрагивая многие проблемы его развития, но оставляют не до конца обоснованными и дискуссионными вопросы относительно: во-первых, структуры общественного сектора и постепенного размывания его границ; во-вторых, масштабов общественного сектора экономики, его функциями и эффективностью; в-третьих, цифровой трансформации сферы общественного сектора и институциональных ловушек.

Гипотеза исследования. Развитие общественного сектора в современной экономике и эффективность его функционирования напрямую зависит от сформировавшейся институциональной среды, а не от сокращения государственных расходов (удельного веса в ВВП страны) и скорости цифровой трансформации.

При этом, по нашему мнению, сбалансированная институциональная среда должна иметь такую структуру, которая, с учетом огромного количества институциональных ловушек, должна стимулировать трансформацию: во-первых, системы государственного управления на основе внедрения действенной системы обратной связи; во-вторых, системы государственного планирования, его ориентацию, с одной стороны, на долгосрочные планы, а, с другой – переход к проектному управлению, ориентированному на конечного потребителя; в-третьих, цифровых технологий и цифровых компетенций в рамках общественного сектора экономики, что предполагают не только массовую цифровизацию (платформенный подход), но и учет всех рисков цифрового перехода.

Таим образом, эффективный объем общественного сектора не может быть определен эмпирическим путем, не может являться постоянным и неизменным, исходя из свойств сложной системы, его можно обосновать только на основе соизмерения уровня социально-экономического неравенства в обществе, его готовностью к цифровым преобразованиям («цифровой зрелостью») и качественных и количественных показателей функционирования институциональной среды.

Цель исследования теоретическое обоснование существенных характеристик общественного сектора и выявление основных тенденций развития общественного сектора России.

Материалы и методы исследования. Теоретическую основу исследования формируют положения экономической теории, разработанные представителями различных школ и направлений (классическая, неоклассическая, институциональная школы); общеэкономические методы (анализ, синтез, научная абстракция); специализированные методы.

Информационной базой являются данные официальной государственной статистики Российской Федерации (Росстат, Правительство РФ, Министерство финансов РФ, Счетная палата РФ), данные аналитических докладов ЦМАКП и РАНХиГС.

Результаты исследования. В обобщенной трактовке общественный сектор – это находящийся под непосредственным контролем государства комплекс экономических ресурсов и институтов, функционирующий с целью удовлетворения потребностей общества и используемый для перераспределения доходов и обеспечения социальной справедливости. Многие авторы, принимают его как подсистему национальной экономики [11, с. 241-243], некоторые – как механизм согласования интересов рынка и государства посредством контрактных отношений [5].

Какую бы трактовку не поддерживали исследователи, основными характеристиками данного сегмента являются: специфика целевой ориентации

(достижение социально значимых результатов); форма собственности (преимущественно государственная или смешанная); финансирование (в основном бюджетные средства, формирующиеся за счет фискальной политики); механизмы и способы принятия решений (административный и политический). Специфические характеристики общественного сектора являются главными отличительными особенностями, делающими его непохожим на традиционный частный бизнес и некоммерческий сектор экономики.

Структура общественного сектора неоднородна, имеет сложную конфигурацию, поэтому для ее описания используют различные подходы, от функционального до институционального.

В рамках функционального подхода предполагается деление общественного сектора в зависимости от вида деятельности и комплекса предоставляемых общественных благ и услуг. Что предполагает выделение таких секторов: производство общественных благ (отрасли, связанные с обеспечением безопасности и правопорядка); социальных услуг (предоставление услуг в сфере здравоохранения, образования); перераспределение доходов (обеспечение пенсионными и социальными выплатами); регулирующий сектор (надзорные и антимонопольные органы).

Финансово-экономический подход предполагает деление по критерию – источник финансирования, предполагает деление на бюджетный, внебюджетный и квази-общественный (частный, но находящийся под контролем государства) сегменты.

Концептуальный «общественный» подход предполагает деление общественного сектора экономики в зависимости от степени «оплачиваемости» благ и услуг, т.е. наличия элементов рыночных отношений, выделяет: чисто общественный сектор (неисключаемые блага); смешанный сектор (предоставляемые общественные блага могут быть и платными, и бесплатными, например, образование или здравоохранение); естественные монополии (функционирует на основе рыночного механизма, но регулируется государством. В случае естественных монополий, предоставляемые блага оплачиваются всеми, но государство за счет положительной отдачи от масштабов производства минимизирует расходы общества, а в качестве социальной помощи, может даже субсидировать отдельных членов общества).

Международные методики предполагают использование системы национальных счетов, так, согласно методике ООП (СНС-2008) общественный сектор состоит из сектора государственного управления, государственных нефинансовых и финансовых корпораций. Фактически структура многоуровневая и предполагает деление на уровни в зависимости от центра управления: национальный (государственные органы власти), мезоуровень (региональные органы власти), муниципальный (местное самоуправление), микроуровень (корпорации, если они контролируются государством).

Наиболее популярным является институциональный подход, который предполагает деление общественного сектора на сегменты в зависимости от формы собственности: государственный (министерства, ведомства, организации на федеральном и региональном уровнях); муниципальный (социальные и коммунальные предприятия на уровне отдельных округов); смешанный (частно-государственное партнерство).

Таким образом, единого устоявшегося подхода к определению структуры общественного сектора экономики просто не существует, а наличие разных подходов позволяет использовать ту конфигурацию, которая в наибольшей степени отвечает цели исследования.

Представления о масштабах общественного сектора в рамках национальной экономики могут дать данные относительно: государственных расходов и их структуры; удельный вес государственной собственности в национальной экономике; занятость в общественном секторе (табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес государственных расходов в общем объеме ВВП Российской Федерации

[Источник: Минфин РФ, Росстат, Счётная палата РФ, 2024]

Годы	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Расходы консолидированного бюджета (в % к ВВП)	33,6	39,1	35,2	37,5	39,1	40,2
Расходы с учетом госкорпораций и внебюджетных фондов (в % к ВВП)	≈ 37	≈ 43	≈ 39	≈ 41	≈ 43	≈ 44

Из таблицы 1 видно, что происходит резкий рост государственных расходов в период с 2019 по 2020 гг., что связано с COVID-19 и необходимостью применения комплекса антиковидных мер. После 2020 г. доля расходов снижается, хотя и остается несколько выше до ковидного уровня. В период 2022-2024 гг. увеличение удельного веса ассигнований связано с повышением уровня военных расходов (оборона, проведение СВО), а также ростом социальных обязательств перед военнослужащими. Если сравнивать показатели России (43% в 2023 г.) в мировом масштабе, то по расходам на общественный сектор, она занимает усредненную позицию. Наибольший размер общественного сектора по расходам в 2023 г. у таких развитых стран как Дания (51,7%); Швеция (50,8%); Финляндия (54,1%), а наименьший – США и Швейцария (в районе 34%) и Ирландия (34,5%).

Структура расходов консолидированного бюджета в 2023 г. представлена в таблице 2.

Таблица 2

Структура расходов консолидированного бюджета Российской Федерации в 2023 г.

[Источник: Федеральное казначейство, Росстат (отчёт об исполнении консолидированного бюджета), 2024]

№	Раздел расходов	Расходы в % к ВВП
1	Социальная политика (пенсии, пособия, социальная поддержка)	11,2
2	Национальная оборона	3,9
3	Национальная безопасность и охрана порядка	2,8
4	Образование	3,6
5	Здравоохранение	3,9
6	Национальная экономика (транспорт, сельское хозяйство, промышленность)	5,1
7	Жилищно-коммунальное хозяйство	1,2
8	Культура, кинематография	0,6
9	Обслуживание госдолга	0,7
10	Прочие расходы	5,7

Совокупные расходы РФ на оборону и обеспечение безопасности и правопорядка составили 6,7%, что практически в 1,5 раза выше среднего показателя по ЕС, в то время как совокупные расходы на здравоохранение практически в 2 раза ниже (средний показатель по ЕС – 7,5%).

Удельный вес государственной собственности позволяет создать общее представление об объемах общественного сектора. В некоторых странах вместо этого показателя используют – удельный вес активов государства. В случае России этот

вариант неприемлем, т.к. очень сложно его рассчитать по причине функционирования ряда госкорпораций таких как Росатом, Ростех, РЖД, Газпром (государство владеет контрольным пакетом акций) и т.д. Согласно данным Росстата и аналитическим докладам ЦМАКП и РАНХиГС за 2023-2024 гг. доля государства в основных фондах, включая инфраструктуру, составляет 45%, в валовой добавленной стоимости по разным методикам расчетов колеблется в промежутке 35-50%, а доля государственных инвестиций, включая инвестиции государственных компаний, составляет примерно 50%.

Государственная занятость в общественном секторе России составляла – 20,2% в 2024 г., прирост по сравнению с 2015 г. – 13,48% (17,8% занятых в госсекторе), что связано с увеличением численности работников силовых структур (табл. 3).

Таблица 3

Занятость в общественном секторе экономики России
[Источник: Росстат, выборочное исследование рабочей силы, 2023]

№	Категория рабочей силы	Численность, млн. чел.	% от общей занятости
1	Государственные гражданские и муниципальные служащие	2,3	3,1
2	Работники, занятые в бюджетной сфере (наука, образование, культура, здравоохранение, правопорядок)	11,4	15,5
3	Работники государственных корпораций и государственных унитарных предприятий	1,2	1,6
Итого по общественному сектору		14,9	20,2

Если проанализировать удельный вес общественного сектора в экономике России в динамике (табл. 4), очевидными становятся следующие тенденции: во-первых, в период с 1990 по 2000 гг. происходит резкое сокращение масштабов общественного сектора, что связано с объективными причинами, такими как распад СССР, смена командно-административной модели на либерально-рыночную, что сопровождалось имевшим массовый характер разгосударствлением и приватизацией государственной собственности. Во-вторых, до 2010 г. Процесс сворачивания общественного сектора продолжается, но уже в гораздо меньших объемах (примерно на 1-2% в год). В-третьих, с 2010 г. государство начинает постепенно возвращать свои позиции, особенно в 2014 г. – начало военных действий в Донбассе, в 2020 г. – после кризисное постковидное состояние, а также 2022 г. в связи с началом СВО.

Таблица 4

Динамика удельного веса общественного сектора в экономике Российской Федерации

[Источник: Минфин РФ, Росстат, Счётная палата РФ, 2024]

Годы	1990-1995	1996-2000	2000-2008	2009-2014	2015-2020	2020-2024
Удельный вес общественного сектора в экономике (в % ВДС)	68-70	68-42	42-35	35-33	33-39	39-43

Учитывая данные тенденции можно констатировать, что Российская Федерация в качестве стратегической цели принимает построение новой экономической модели с сильным общественным сектором, причем по многим параметрам его функционирования она приближается к уровню Европейского Союза, его наиболее развитой части, однако в структуре расходов государства в сфере общественного сектора преобладают траты на оборону и обеспечение правопорядка, а также значительно отстает финансирование образования и здравоохранения.

Проблема эффективности функционирования общественного сектора на современном этапе непосредственно связана с цифровизацией, основной целью которой является повышение качества и доступности общественных благ и услуг за счет оптимизации управления и обеспечения действенной обратной связи между государством, бизнесом и обществом.

Что касается Российской Федерации, цифровое трансформации в общественном секторе происходят стремительно, а к основным результатам могут быть отнесены такие нововведения: во-первых, в рамках реализации проекта «Электронное правительство» запущен и функционирует портал «Госуслуги», который стал основным окном для получения общественных услуг населением (оформление справок, получение загранпаспорта, регистрация автотранспорта, оплата налогов и штрафов и т.д.), причем уровень цифровой зрелости граждан РФ позволяет оказывать более 90% таких услуг полностью онлайн. Во-вторых, создание цифровой инфраструктуры общественного сектора на основе межведомственного взаимодействия с целью беспрепятственного обмена данными. Так, положительно себя зарекомендовали система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), национальная система управления данными (НСУД), цифровой профиль (на базе ЕСИА). В-третьих, повышение эффективности в социальной сфере и здравоохранении позволяют реализовать такие цифровые сервисы, как социальное казначейство (автоматическое назначение мер поддержки населения на основе данных, поступающих в ЕГИССО, без заявлений и справок о доходах), единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ), которая включает весь спектр медицинских услуг, платформы цифрового контроля за качеством (система маркировки лекарств) и движением жизненно важных медикаментов. В-четвертых, цифровизация системы обратной связи, позволяющая проводить общественные обсуждения отдельных социальных проектов («Формирование комфортной городской среды») и оценивать качество общественных благ и услуг («Госуслуги. Решаем вместе»).

Таким образом, можно говорить о формировании «цифрового общественного сектора», при этом, он будет приобретать, не теряя традиционные, новые качественные характеристики и новые измерения: фискальное, институциональное, цифровое.

Любые трансформации и преобразования связаны с комплексом рисков, а если речь идет об общественном секторе, преимущественно социальным: постепенное вымещение человека из процесса общественного производства, что приведет к безработице и избытку человеческих ресурсов; неравномерное развитие и внедрение цифровых технологий сформирует «цифровое неравенство» или «цифровой разрыв», что может исключить из общего процесса развития отдельные регионы или группы людей; рост значимости этических рисков, связанных с защитой персональных данных и кибербезопасностью, что может привести к развитию мошеннических схем и резкому скачку преступлений.

Выводы и дальнейшая дискуссия. Проведенное теоретическое и эмпирическое исследование общественного сектора экономики позволило сделать следующие выводы:

Во-первых, общественный сектор – специфический сегмент экономики, целью функционирования которого является обеспечение социальной стабильности и устойчивого развития. Основными характеристиками данного сегмента являются: специфика целевой ориентации; форма собственности; финансирование; механизмы и способы принятия решений.

Во-вторых, структура общественного сектора неоднородна, имеет сложную конфигурацию, поэтому для ее описания используют различные подходы:

функциональный (деление общественного сектора в зависимости от вида деятельности и комплекса предоставляемых общественных благ и услуг); финансово-экономический (деление по критерию – источник финансирования); «общественный» (деление в зависимости от степени «оплачиваемости» благ и услуг); международный (использование системы национальных счетов); институциональный (деление на сегменты в зависимости от формы собственности).

В-третьих, учитывая социальную и общественную значимость сектора актуальным является вопрос об оптимальных его масштабах и эффективности. Представления о масштабах общественного сектора в рамках национальной экономики могут дать данные относительно: государственных расходов и их структуры; удельный вес государственной собственности в национальной экономике; занятость в общественном секторе.

В-четвертых, анализ общественного сектора экономики позволяет констатировать, что Российская Федерация в качестве стратегической цели принимает построение новой экономической модели с сильным общественным сектором, причем по многим параметрам его функционирования она приближается к уровню Европейского Союза, его наиболее развитой части, однако в структуре расходов государства в сфере общественного сектора преобладают траты на оборону и обеспечение правопорядка, а также значительно отстает финансирование образования и здравоохранения.

В-пятых, основными проблемными вопросами общественного сектора являются вопросы его эффективности, т.е. высокие бюджетные ассигнования не гарантируют высокого качества предоставляемых общественных благ и услуг. Это непосредственно связано с необходимостью реформирования системы государственного управления, которое видится в отказе от традиционных способов в пользу проектного синергетического менеджмента.

В-шестых, как в России, так и в мировом масштабе, набирает скорость процесс цифровизации, что предполагает появление новых цифровых продуктов, благ и услуг. Цифровая трансформация должна повысить управляемость и эффективность общественного сектора, однако последствия цифровизации экономики в целом могут привести к негативным социальным последствиям, что потребует реакции со стороны государства. Следовательно, общественный сектор должен будет модифицироваться и приобрести новые качественные характеристики и новые измерения: фискальное, институциональное, цифровое.

Обоснование научной новизны в представленном исследовании на основе проведенного исследования обоснована трансформация от простого дихотомического принятия общественного сектора экономики (согласование интересов государства и рынка в условиях «несовершенства» и «провалов» обоих) до признания его сложной экономической трансформирующейся системой, имеющей сложную структуру.

Перспективы дальнейших исследований в этом направлении постепенное расширение и размывание границ общественного сектора актуализирует исследование вопросов его структуры и эффективности. Представленное исследование может стать основой для обоснования условий формирования «цифрового общественного сектора», который не будет отвечать классическим принятым характеристикам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Osborne, S. P. Public Governance and Public Services: A New Research Agenda / S. P. Osborne. – London : Routledge, 2020. – 312 p. – ISBN 978-0-367-46621-1.

2. Buchanan, J. M. The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy / J. M. Buchanan, G. Tullock. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 1962. – 361 p.
3. Tullock, G. The Politics of Bureaucracy / G. Tullock. – Washington, D.C. : Public Affairs Press, 1965. – 228 p.
4. Ostrom, E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action / E. Ostrom. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 298 p. – ISBN 0-521-40599-8.
5. Williamson, O. E. The Mechanisms of Governance / O. E. Williamson. – New York : Oxford University Press, 1996. – 448 p. – ISBN 0-19-509824-9.
6. Баянова, О.В. К вопросу об обеспечении роста общественного благосостояния / О.В. Баянова // Modern Economy Success. – 2026. – № 1. – С. 282-287. – EDN DNDWDT.
7. Некипелов, А.Д. Концептуальная модель сбалансированного социально-экономического развития России // Управленческое консультирование. – 2026. – № 1(193). – С. 14-21. – EDN VGQUJO.
8. Добролюбова, Е. И. Цифровая трансформация государственного управления: эффекты и риски (на примере суперсервисов и ЕПГУ) / Е. И. Добролюбова, В. Н. Южаков. – Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. – 96 с.
9. Приходько, В. В. Цифровизация общественного сектора экономики: проблемы и перспективы / М. В. Фомина, В. В. Приходько // Дорожная карта мировой экономики : Сборник научных трудов X Международной научно-практической интернет-конференции, Донецк, 28 ноября 2025 года. – Донецк: ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», 2025. – С. 230-235. – EDN LXKFED.
10. Фомина, М. В. Неолиберальная глобализация и возможные альтернативы / М. В. Фомина // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2026. – Т. 4, № 1(166). – С. 21-28. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2026.01.04.003. – EDN ZEZEQQ.
11. Горощенко, В. В. «Несовершенство» государства и «провалы» рынка: сущность и последствия / М. В. Фомина, В. В. Горощенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2025. – № 3. – С. 239-247. – DOI 10.5281/zenodo.17665357. – EDN SUSHUP.

Поступила в редакцию 17.04.2026 г.

PUBLIC SECTOR OF THE ECONOMY: SPECIFIC FEATURES AND DEVELOPMENT TRENDS

M.V. Fomina

The main focus of the article is on the specific features and trends in the development of the public sector of the economy, which is predetermined by the emerging global systemic crisis, which has recently highlighted the contradictions of socio-economic development and highlighted the need for a qualitative transformation of the economic system towards its socialization, humanization, and equality. The public sector plays a key role in ensuring social stability and sustainable development. In the course of the study, conceptual approaches were systematized and economic and statistical data were analyzed, which allowed shifting the focus from the adoption of the public sector as a state tool for countering the market, to the recognition of its network, digital, and hybrid nature.

Keywords: public sector of the economy, state, market, properties, structure, functions.

LIST OF REFERENCES

1. Osborne, S. P. Public Governance and Public Services: A New Research Agenda / S. P. Osborne. – London : Routledge, 2020. – 312 p. – ISBN 978-0-367-46621-1.
2. Buchanan, J. M. The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy / J. M. Buchanan, G. Tullock. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 1962. – 361 p.
3. Tullock, G. The Politics of Bureaucracy / G. Tullock. – Washington, D.C. : Public Affairs Press, 1965. – 228 p.
4. Ostrom, E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action / E. Ostrom. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 298 p. – ISBN 0-521-40599-8.

5. Williamson, O. E. *The Mechanisms of Governance* / O. E. Williamson. – New York : Oxford University Press, 1996. – 448 p. – ISBN 0-19-509824-9.
6. Bayanova, O.V. *On the Issue of Ensuring the Growth of Public Welfare* / O.V. Bayanova // *Modern Economy Success*. – 2026. – No. 1. – Pp. 282-287. – EDN DNDWDT.
7. Nekipelov, A.D. *Conceptual Model of Balanced Socioeconomic Development in Russia* // *Management Consulting*. – 2026. – No. 1(193). – Pp. 14-21. – EDN VGQUJO.
8. Dobrolyubova, E. I. *Digital Transformation of Public Administration: Effects and Risks (on the Example of Superservices and EPGU)* / E. I. Dobrolyubova, V. N. Yuzhakov. – Moscow: Delo Publishing House of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2022. – 96 p.
9. Prikhodko, V. V. *Digitalization of the Public Sector of the Economy: Problems and Prospects* / M. V. Fomina, V. V. Prikhodko // *Roadmap of the Global Economy: Collection of Scientific Papers of the X International Scientific and Practical Internet Conference, Donetsk, November 28, 2025*. – Donetsk: Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, 2025. – Pp. 230-235. – EDN LXFED.
10. Fomina, M. V. *Neoliberal Globalization and Possible Alternatives* / M. V. Fomina // *Economics and Management: Problems, Solutions*. – 2026. – Vol. 4, No. 1(166). – Pp. 21-28. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2026.01.04.003. – EDN ZEZEQQ.
11. Goroshchenko, V. V. *The "Imperfection" of the State and the "Failures" of the Market: Essence and Consequences* / M. V. Fomina, V. V. Goroshchenko // *Bulletin of Donetsk National University. Series B. Economics and Law*. – 2025. – No. 3. – Pp. 239-247. – DOI 10.5281/zenodo.17665357. – EDN SUSHUP.

Фомина Марина Валерьевна

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории
Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Донецкий
национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»,
РФ, ДНР, г. Донецк
miss.proftss@mail.ru
+7-949-320-26-37
ORCID 0000-0002-9337-492X

Fomina Marina

Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economic Theory
Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky,
city Donetsk

УДК [336.1/.6:336.7]-021.272-047.48
DOI 10.5281/zenodo.20434437

ДЕФИНИЦИИ «БАНКОВСКИЙ СЕКТОР» И «БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА»: ТОЖДЕСТВО И ОТЛИЧИЕ

© 2026. *Е.И. Хорошева, А.С. Хорошева*

Сущность многих экономических и финансовых понятий и категорий требует уточнения и определения терминологической позиции исследователя определенной предметной области. Отсутствие унифицированного понимания сути банковского сектора и банковской системы приводит к необоснованному их отождествлению и неоднозначному толкованию в процессе ознакомления с результатами научных исследований и применением банковской терминологии в практической деятельности. Статья посвящена уточнению дефиниций «банковский сектор» и «банковская система» с учетом их тесной взаимосвязи и цифровизации рынка банковских услуг. Предложено банковскую систему воспринимать в узком смысле с позиции институционального подхода как совокупность банковских корпораций, что позволяет установить тождество с банковским сектором. В широком смысле банковскую систему предложено понимать через экономические отношения и правовую регламентацию, что расширяет и углубляет сущность банковской системы по сравнению с понятием банковского сектора.

Ключевые слова: банк, банковский сектор, банковская система, финансовая корпорация, институциональный сектор, сегмент финансового сектора, цифровой банк, цифровой банковский сектор.

Постановка проблемы. Терминологическая и категориальная неточность сопровождается формированием понятийного аппарата любой науки ввиду абстрактности многих категорий. Интенсивное развитие финансовой цивилизации привело к значимому расширению понятийного аппарата финансовой науки, смешению подходов в определении сущности многих явлений, в том числе таких как банковский сектор и банковская система. Наличие правового пространства для применения этих категорий не является обязательным, что дополнительно способствует многообразию точек зрения на раскрытие свойств финансовых явлений и создает неточности их восприятия, а это, в свою очередь, снижает качество разработки и реализации управленческих решений на уровне финансовых корпораций, макроэкономического регулирования развития банковской сферы деятельности, а также на уровне участия граждан в отношениях с кредитными организациями.

Актуальность темы исследования. В условиях глобализации и цифровизации экономики роль банковского сектора продолжает возрастать: он не только обеспечивает базовые финансовые операции, но и выступает катализатором инноваций, инвестиционного роста и повышения благосостояния населения. Современные коммерческие банки осуществляют множество операций как финансовые посредники, а также как корпорации, составляя важнейшую часть экономики. При этом они активно переносят операции в цифровой формат: предоставляют круглосуточный доступ к счетам, переводам, оплате услуг через веб-интерфейсы и мобильные приложения; внедряют чат-боты и виртуальных ассистентов на базе искусственного интеллекта для поддержки клиентов; сокращают число физических отделений, оптимизируя затраты и ускоряя обслуживание, что требует трансформации банковского сектора с учетом его специфических свойств. С возникновением цифровых банков понимание банковского сектора кардинально трансформируется [1]. Инновационные преобразования

банковского сектора необходимо осуществлять на прочном теоретико-методологическом фундаменте, который до сих пор не получил должного отражения в теории и практике. Дефиниции «банковский сектор» и «банковская система» имеют важное значение в финансовой науке и правовой практики, обеспечивая точность применения терминов.

Анализ последних исследований и публикаций. Анализ источников теоретического и прикладного характера показал, что значимых расхождений в понимании такого явления, как «банковский сектор» нет. Однако не всегда в определении раскрываются основные свойства банковского сектора, с одной стороны, и часто отождествляется понятие банковского сектора с понятиями кредитных организаций и банковской системы. В качестве примера приведем, прежде всего, трактовку, которую дает Банк России: «Банковский сектор – важнейшая часть финансовой системы. Кредитные организации проводят расчеты, обеспечивают сохранность средств клиентов на банковских счетах и трансформируют эти средства в кредиты экономике» [2]. В таком подходе не ясны истоки отождествления понятия «банковский сектор» с понятием «кредитные организации», а также требует пояснения понимание финансовой системы.

Наиболее распространенным является отождествление банковского сектора и банковской системы [3; 4; 5]. Корниевская Е. В. представляет банковский сектор как комплекс национальных банков и кредитных учреждений, «функционирующих в рамках общего денежно-кредитного механизма» [3]. Донецкова О. Ю. банковский сектор отождествляет с банковской системой и с банковским рынком [6]. Матерова Е. С. определяет банковский сектор как субъекта – участника большинства финансовых операций [7]. При сравнении банковской системы России и Китая Воскеричан Р. О. и Ю Ч. обращают внимание на сходство их системных свойств при различии норм регулирования банковского сектора [5]. В работах, посвященных раскрытию сущности банковского сектора, речь может идти исключительно о банках и даже в ключевых словах может не упоминаться понятие «банковский сектор». Многие работы посвящены банковскому сектору в контексте его проблем, определению возможностей развития без трактовки этого понятия [8-12], в результате чего можно констатировать привычность и распространенность оперирования данным понятием как тождественным банковской системе или банкам как таковым.

На сайте аналитических компаний можно встретить разные определения банковского сектора. Например, «банковский сектор – ключевая часть финансовой системы, обеспечивающая стабильное функционирование экономики посредством аккумуляции, распределения и перераспределения денежных ресурсов» [13]. Это обусловлено подходом Банка России к трактовке понятия «банковский сектор». Заметим, что такая трактовка на теоретическом уровне вызывает вопросы, так как сущность самой финансовой системой воспринимается неоднозначно.

Следует также учитывать наличие множества терминов, близких понятию банковского сектора: банки, банковская система, институциональная архитектура банковской индустрии [14], банковский сектор как финансовый посредник [15], банковская отрасль [16]

Выделение нерешённых проблем. Свободное оперирование разнообразными терминами при описании определенных процессов может породить неточность понимания этих процессов, что снижает качество результатов анализа этих процессов и формирования платформы для принятия управленческих решений. Отсутствие логики в

использовании понятийного аппарата исследования может привести к неоднозначному пониманию его результатов.

Гипотеза исследования. Недостаточная глубина раскрытия понятий «банковский сектор» и «банковская система» влияет на полноценность определения функций и роли важнейшего сектора экономики, ограничивает или искажает их характеристику, а также создает предпосылки для их необоснованного отождествления.

Цель исследования заключается в выявлении тождественных и отличительных свойств банковского сектора и банковской системы как явлений, для однозначности трактовки понятий, составляющих основу теории финансов, и формирования методологических основ исследования важнейшего сектора народнохозяйственного комплекса страны и ключевой составляющей современной финансовой цивилизации.

Материалы и методы исследования. Теоретико-методологической и информационной базой исследования послужили работы ученых в области исследования финансов и кредита, банковского сектора и банковской системы, банковской инфраструктуры, нормативно-правовая и методологическая база регламентации и анализа функционирования банковской сферы. При определении свойств банковского сектора и банковской системы, их отличительных особенностей применялись следующие методы научного познания: дедукции и индукции, абстрагирования и формализации, сравнительного анализа теоретических и прикладных подходов к исследованию функционирования банковского сектора и банковской системы.

Результаты исследования и их обсуждение. Сущность любого явления проявляется через его свойства, глубинные качества, взаимодействия внутреннего и внешнего характера. Поэтому для выявления сущности банковского сектора необходимо установить, какими свойствами этот сектор обладает.

Считаем целесообразным подойти к раскрытию сущности понятия «банковский сектор» с таких сторон:

1. Восприятие банковского сектора как отдельного сектора экономики государства.
2. Комплексный подход к категории «банк» как области специфического предпринимательства.
3. Синтезирование свойств явления «банковский сектор».
4. Четкое разграничение понятий «банковский сектор» и «банковская система».

Сектор экономики представляет собой ее часть, характеризующуюся определенными свойствами, общими для всех составных этой части. Определение каких-либо частей экономики зависит от классификационного признака, например, формы собственности, типа деятельности и т.д. Достаточно распространенным является деление экономики на реальный и финансовый сектора, в контекст чего логично вписывается выделение именно банковского сектора. При этом акцент делается на разграничении производства товаров, выполненных работ и оказанных услуг с учетом наличия или отсутствия их финансового характера. Предполагается, что в финансовом секторе не производятся товары и не выполняются работы, а услуги носят исключительно финансовый характер. Вместе с тем, отнесение торговой сферы, ремонта, сферы услуг нефинансового характера к реальному сектору экономики также неоднозначно. Если следовать этой логике, то чем финансовое посредничество в этом плане отличается от торгового посредничества, когда происходит участие в создании ВВП? Поэтому необходим более основательный фундамент для выделения банковского сектора. Наиболее ясной (хотя и с некоторыми оговорками) для всех участников экономической деятельности может быть методология, разработанная Банком России для составления финансового счета и баланса финансовых активов и обязательств как

части системы национальных счетов с учетом институционального подхода. Согласно названной методологии во внутренней экономике выделяются следующие сектора: нефинансовые корпорации; финансовые корпорации; государственное управление; домашние хозяйства и некоммерческие организации, обслуживающие домашние хозяйства. В качестве финансовой корпорации названа банковская система, состоящая из центрального банка и кредитных организаций. К другим видам финансовых корпораций отнесены инвестиционные фонды, страховщики, негосударственные пенсионные фонды. При сопоставлении названных видов финансовых корпораций между собой, становится очевидным неоднозначность представления банковской системы как корпорации. В нашем понимании наименование банковской системы как вида корпорации следовало бы заменить на кредитные организации (центральный банк, коммерческие банки и другие кредитные организации).

Институциональный характер просматривается в подходе законодателя, когда банковская система представлена через центральный банк и кредитные организации – в ст. 2 Федерального закона «О банках и банковской деятельности». Такой узкий подход к банковской системе не согласуется с широким спектром свойств, которые охвачены в указанном законодательном акте через регламентацию обеспечения стабильности банковской системы, подчеркивая тем самым ее целостность, не свойственную сектору как части системы. Если этот подход ложится в основу исследования, то может произойти отождествление понятий банковской системы и банковского сектора [17], не смотря на то, что определяется масштабная цель установления взаимосвязи между стабильностью и устойчивостью банковской системы и эффективностью уровня экономической безопасности Российской Федерации. Это подтверждает гипотезу, выдвигаемую в нашем исследовании о предпосылках для необоснованного отождествления близких, но разных явлений.

Комплекс банковских и других кредитных организаций представляет собой банковский сектор как сегмент финансового сектора. Банк как финансовая корпорация воспринимается достаточно привычно. Однако следует отдельно оговорить, что центральный банк как корпорация в отличие от других кредитных организаций, в том числе и коммерческих банков, функционирует на некоммерческой основе. Кроме того, сложно признать корректным синонимичность понятий «банковский сектор» и «банковская система», так как банковская система гораздо глубже по своей сути. При исследовании взаимодействия банковского сектора с другими секторами следует также учесть, что в состав других секторов могут быть включены корпорации финансового характера. Например, ВЭБ.РФ – государственная корпорация развития, которая может взаимодействовать с банками по вопросам проектного финансирования и не только. Создана корпорация на базе Внешэкономбанка, однако в состав банковского сектора не включена и, соответственно, не включена в состав финансовых корпораций. При этом одним из принципов деятельности ВЭБ.РФ является отсутствие конкуренции с другими банками, несмотря на участие в финансовых проектах.

Сравнительный анализ проявления финансовой природы, системных свойств, функций, состава, институциональной структуры и регуляторных позиций банковского сектора и банковской системы представлен в таблице 1.

Наиболее яркой с позиции сравнения банковского сектора и банковской системы является роль центрального банка как финансовой корпорации в составе банковского сектора и его роль как монетарного мегарегулятора в составе банковской системы. Функция денежно-кредитного регулирования, которую выполняет центральный банк, формирует основу для проявления системных свойств банковской сферы деятельности.

Таблица 1

Сравнительный анализ характерных свойств банковского сектора и банковской системы

Критерий для сравнения	Банковский сектор	Банковская система (в широком смысле)
Финансовая природа	Отраслевой характер	Фундаментальное сущностное свойство
Системные свойства	Сегмент (часть) финансового сектора экономики (народнохозяйственного комплекса)	Целостность и единство; Иерархичность; Динамичность и саморазвитие; Взаимодействие с внешней средой и др.
Функции	Секторальные: отношения на рынке банковских услуг; корпоративные функции финансового посредника привлечение депозитов; кредитование физических лиц, бизнеса и государства; обеспечение платёжных услуг (расчёты, переводы); инвестиции и управление активами; управление рисками; обеспечение собственной экономической эффективности и поддержание собственной финансовой устойчивости	Системные: обеспечение денежного обращения; функционирование ссудного фонда (в его системном восприятии); кредитование; расчёты; поддержание необходимого уровня ликвидности; обеспечения стабильности финансового рынка; обеспечение устойчивости финансовой системы и экономики в целом.
Состав	Институциональный: Кредитные организации: банки и небанковские организации	Смешанный: Кредитные организации; банковская инфраструктура; институт денежно-кредитного регулирования; денежно-кредитный механизм
Институциональная структура	Кредитные корпорации, с возможностью многоуровневой группировки	Кредитные организации, сгруппированные по уровням банковской системы; институт монетарной власти
Регулирование	Регулирование в рамках отдельной кредитной корпорации	Системное регулирование на основе законодательной базы государства с обозначением полномочий монетарной власти

Анализ показал наличие ряда несовпадений в разрезе выделенных для сравнения критериев, что подтверждает некорректность отождествления банковского сектора и банковской системы. Восприятие явлений исключительно в их материальном проявлении, без подключения метафизического подхода (в его реалистичном и абстрактном синтезе) свойственно в большей степени западной научной мысли. Отечественная теория финансов как фундамент для нашего исследования выработала достаточно устойчивое восприятие финансов и сопряженных категорий через совокупность определенных экономических отношений, а не только с позиции инструментария или проблем [18, 19]. Данный подход распространяется на такие категории как кредит, денежный оборот, денежное обращение, страхование и ряд других. В результате это дает возможность учитывать действие объективно обусловленных законов и закономерностей при поиске возможностей гармонизации финансовых отношений в условиях наличия финансовых противоречий общественного и частного порядка. Поэтому банковская система представляет собой совокупность

банковских корпораций с учетом их функциональных особенностей и сопутствующим образованием и использованием ссудного фонда, основанную на экономических отношениях и регулирующую нормами права. Национальный колорит банковской системы проявляется через правовую регламентацию на уровне государства и соответствующие ей формы финансовых корпораций. В связи с этим под банковской системой Российской Федерации следует понимать совокупность банковских организаций (центральный банк, коммерческие банки и другие кредитные организации), основанную на экономических отношениях и регулирующую нормами права, в результате функционирования которой формируется ссудный фонд, используемый для поддержания процесса расширенного воспроизводства и удовлетворения потребностей граждан в формировании своего благосостояния.

Раскрывая сущность банковской системы на глубинном уровне ее восприятия, не стоит игнорировать ее узкий смысл, обусловленный материалистическим подходом. И здесь, конечно же, можно подчеркнуть возможность отождествления банковского сектора и банковской системы через представление их в институциональном осмыслении как комплекса финансовых организаций, иерархичность которых зависит от типа хозяйственного устройства и норм банковского права, реализуемого в стране. Например, до 1990 года в СССР термин «банковская система» и тем более термин «банковский сектор» не употреблялись. В Великобритании только в конце прошлого столетия был законодательно обозначен особый статус центрального банка. Термин «банковская система» отсутствовал в правовом поле [20]. Во многих странах банковская система в институциональном плане аналогична банковской системе Российской Федерации, которая свой двухконтурный характер приобрела уже в связи с переходом к рыночным отношениям. В 1988 году был принят Верховным Советом СССР закон «О кооперации в СССР», дающий право создавать банки на коммерческой основе.

Следует отметить, что как в отечественной, так и зарубежной теории и практике понятие банковский сектор упоминается в основном в контексте банковской конкуренции на рынке банковских услуг. Для анализа банковского сектора формируется комплекс показателей, характеризующих его как сегмент экономики и финансов, а также как комплекс финансовых корпораций. К таким группам показателей можно отнести [21-25]:

- финансовые показатели (чистый процентный доход, чистый комиссионный доход, операционные доходы и расходы, чистая прибыль, рентабельность капитала (ROE), чистая процентная маржа);
- балансовые показатели (кредитный портфель, средства клиентов, собственные средства);
- нормативы (нормативы достаточности капитала, нормативы ликвидности, нормативы риска и др.);
- мультипликаторы (LTD, CIR, CoR (Cost of Risk));
- макроэкономические показатели (ключевая ставка регулятора, динамика количественных показателей, которые анализируются для оценки общего состояния сектора).

Данные для анализа часто берутся из финансовой отчетности банков (отчеты о прибылях и убытках, балансы), а также публикуются Банком России в ежеквартальных аналитических обзорах и ежемесячных статистических данных. Для объективной оценки показатели рассматривают в динамике и сравнивают с банками-конкурентами.

В условиях цифровой экономики усложняется сопоставимость терминов теории финансов и теории цифровых финансов ввиду различий в их природе и технологий

функционирования. Цифровой банк не является в привычном понимании корпорацией, функционируя преимущественно онлайн или через мобильное приложение. Его основными характеристиками как финансовой корпорации являются: цифровой интерфейс и операции, серверное ядро, отсутствие физических отделений и др. Деятельность цифровых банков трансформирует банковский сектор, расширяя его контуры и формируя новый пласт корпоративной культуры. Пожалуй, можно уже говорить о складывающемся цифровом банковском секторе как сегменте цифровой экономики. Цифровая трансформация банковского сектора и банковского бизнеса становится залогом выживания в конкурентной среде. Происходит цифровизация монетарной власти, многие центральные банки вводят цифровую национальную валюту, реализуют концепцию национальной цифровой инфраструктуры. Это сопровождается интенсивным расширением понятийного аппарата и осмыслением этого процесса на теоретическом и прикладном уровнях.

Выводы и дальнейшая дискуссия. Итак, наиболее корректным является употребление понятия «банковский сектор» в случае исследования процесса производства особого вида банковского продукта и представлений его на рынке банковских услуг в рамках единого народнохозяйственного комплекса страны. При этом более целесообразно отнесение банковского сектора к секторам финансовых корпораций с возможным сопоставлением особенностей их функционирования с другими секторами: нефинансовыми корпорациями; государственного управления; домашних хозяйств и некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства. А понятие банковской системы более уместно употреблять при описании целостности процесса функционирования банков с выделением отдельных подсистем и элементов.

Научная новизна проведенного исследования состоит в уточнении категории «банковская система» с позиции синтеза материалистического и метафизического подходов, а также в обосновании тождества и отличия банковского сектора и банковской системы, что позволяет сформировать контур исследования процессов их функционирования в логике сопоставимости. Предложено понятие «банковская система» воспринимать в узком и широком смыслах, а понятие «банковский сектор» – как корпоративный финансовый сегмент финансового сектора экономики, который имеет свои границы, однако не обладает системными качествами.

Перспективы дальнейших исследований. В процессе дальнейших исследований следует уделить внимание эмпирической базе данных для выявления тенденций в изменении состояния банковского сектора экономики государства и обоснованию наиболее эффективных направлений трансформации этого сегмента финансового посредничества с учетом того, что 01.10.25 изменен принцип расчета отдельных показателей, в частности корпоративные кредиты, кредиты физическим лицам (портфель в целом), средства юридических и физических лиц приводятся с учетом начисленных процентов, а по составляющим розничного портфеля начисленные проценты не добавляются. Важным направлением дальнейшего исследования является теоретико-методологическое обоснование взаимосвязи категорий «банковский сектор» и «банковское хозяйство», для чего следует опираться на теорию финансового хозяйства и денежного хозяйства. Актуализируется вопрос сопряженности традиционных и инновационных терминов теории финансов в условиях развития цифровых технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рябченко, А. А. Необанк как направление цифровизации банковской сферы / А. А. Рябченко // Тенденции и перспективы развития банковской системы в современных экономических условиях : Материалы III международной научно-практической конференции, Брянск, 23 декабря 2021 года. Том 1. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2022. – С. 79-83. – EDN JUMBYH.
2. Банковский сектор / Центральный банк Российской Федерации. Официальный сайт. – Режим доступа: https://cbr.ru/banking_sector/.
3. Корниевская, Е. В. Понятие и особенности функционирования банковского сектора экономики / Е. В. Корниевская, А. Г. Папук // Современные аспекты развития финансовой системы Приднестровской Молдавской Республики : Материалы республиканского круглого стола, Тирасполь, 14 декабря 2017 года. – Тирасполь: Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, 2017. – С. 287-291. – EDN DXJSJB.
4. Мезенцева, Л. А. Банковский сектор и его универсализация / Л. А. Мезенцева, М. Е. Лебедева // Ученые записки Международного банковского института. – 2017. – № 19. – С. 92-99. – EDN YNFROB.
5. Voskerichyan, R. O. The banking systems of Russia and China: common tasks and perspectives of development / R. O. Voskerichyan, Ch. Yu // Horizons of Economics. – 2023. – No. 2(75). – P. 125-130. – EDN EJOMEN.
6. Донецкова, О. Ю. Банковский сектор: современное состояние, проблемы, перспективы / О. Ю. Донецкова // Научный вектор Балкан. – 2019. – Т. 3, № 2(4). – С. 97-99. – EDN KPXORH.
7. Матерова, Е. С. Роль банковского сектора в обеспечении устойчивого роста экономики / Е. С. Матерова, Д. В. Дунаева // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов : сборник материалов XXI Международной научно-практической конференции, Москва, 24 мая 2023 года. Том Часть 2. – Москва: Печатный цех, 2023. – С. 194-198. – EDN LTNSZO.
8. Саадулаева, Т. А. Банковский сектор России: современное состояние и тенденции развития / Т. А. Саадулаева, В. В. Штанов // Столыпинский вестник. – 2023. – Т. 5, № 5. – EDN WCGWTK.
9. Люкшина, А.Ю. Направления развития банковского сектора Российской Федерации : автореферат дис. ... кандидата экономических наук : 5.2.4. / Люкшина Анна Юрьевна; [Место защиты: ФГОБУ ВО Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации ; Диссовет Д 505.001.107]. - Москва, 2023. - 26 с.
10. Синиченко, О. А. Роль банковского сектора в развитии экономики страны / О. А. Синиченко // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2023. – № 4(40). – С. 3-10. – EDN OANVOJ.
11. Быкова, А. О. Анализ состояния и развития банковского сектора в России / А. О. Быкова // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2024. – № 2-2. – С. 164-169. – EDN FQPEMG.
12. Ilich, L. Role of the Banking Sector in the Financial System and Its Macroeconomic Functions in Russia / L. Ilich // Lecture Notes in Networks and Systems. – 2022. – Vol. 381 LNNS. – P. 311-319. – DOI 10.1007/978-3-030-93677-8_27. – EDN IXLTHW.
13. Банковский сектор – МЭЦ. Обзор банковского сектора <https://mec-analytics.ru/>
14. Лобачёв Р. В. Роль и место банков развития в институциональной архитектуре банковской индустрии // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 6. – С. 102–116. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-6-102>.
15. Горчакова, М. Е. Роль государственного вмешательства в развитие банковского сектора Российской Федерации / М. Е. Горчакова // Журнал прикладных исследований. – 2024. – № 4. – С. 39-43. – DOI 10.47576/2949-1878.2024.4.4.005. – EDN TVHRFS.
16. Ершова, И. Г. Оценка динамики инновационной активности в банковской отрасли / И. Г. Ершова, Л. Н. Гусельникова, М. В. Воронова // Естественно-гуманитарные исследования. – 2023. – № 6(50). – С. 544-549. – EDN OAZDSV.
17. Ануфриева, А. П. Роль банковской системы в обеспечении экономической безопасности государства / А. П. Ануфриева // Научный результат. Экономические исследования. – 2025. – Т. 11, № 1. – С. 85-94. – DOI 10.18413/2409-1634-2025-11-1-0-8. – EDN CLJUNI.
18. Хорошева, Е. И. Финансы и финансовые отношения: ценностные ориентиры / Е. И. Хорошева. – Москва : Издательство "Перо", 2025. – 219 с. – ISBN 978-5-00258-384-3. – EDN OIRVGO.
19. Хорошева, А. С. Подходы к обоснованию природы финансов / А. С. Хорошева, Е. И. Хорошева // Финансово-экономические исследования. – 2025. – № 1. – С. 29-41. – DOI 10.5281/zenodo.17503682. – EDN VCDJLI.
20. Фролов, С. В. Структура и особенности банковской системы Великобритании на современном этапе / С. В. Фролов // Финансовые рынки и банки. – 2023. – № 12. – С. 159-161. – EDN UDRARN.

21. Tchubenko, T. S. Analysis and evaluation of the foreign capital in the banking sector of Russia / T. S. Tchubenko // *Economy and Business: Theory and Practice*. – 2020. – No. 4-3(62). – P. 159-171. – DOI 10.24411/2411-0450-2020-10357. – EDN HSRDMU.
22. Номыанков, А. Д. Макроэкономический анализ банковского сектора Республики Беларусь / А. Д. Номыанков // 81-я научная конференция студентов и аспирантов белорусского государственного университета, 15–25 мая 2024 года. Часть 3, 2024. – P. 653-657. – EDN JHIAUS.
23. Богатырева, Ю. С. Банковский сектор России и его анализ / Ю. С. Богатырева, С. П. Сазонов // *NovaInfo.Ru*. – 2022. – № 132. – С. 61-64. – EDN PFBRDD.
24. Mondal A., Customer Satisfaction in Banking Sector: An Analysis / A. Mondal A. // *International Journal of Advanced Research in Commerce Management & Social Science*. - December 2025. - 08(04(I)):248-253. [Электронный ресурс]. DOI:10.62823/IJARCMS/8.4(I).8266 - URL: https://www.researchgate.net/publication/399157206_Customer_Satisfaction_in_Banking_Sector_An_A_nalysis (дата обращения 18.04.2026)
25. Bohra J., A Comparative Analysis of Financial Performance of Some Public Sector Banks and Private Sector Banks of India: A Review / J. Bohra, A. Mehta, M. Abid // *International Journal For Multidisciplinary Research*. – September 2025. - 7(5). [Электронный ресурс]. DOI:10.36948/ijfmr.2025.v07i05.55394. - URL: https://www.researchgate.net/publication/395523279_A_Comparative_Analysis_of_Financial_Performance_of_Some_Public_Sector_Banks_and_Private_Sector_Banks_of_India_A_Review (дата обращения 14.04.2026)

Поступила в редакцию 14.04.2026 г.

DEFINITIONS OF «BANKING SECTOR» AND «BANKING SYSTEM»: IDENTITY AND DIFFERENCE

E.I. Khorosheva, A.S. Khorosheva

The essence of many economic and financial concepts and categories requires clarification and definition of the researcher's terminological position in a specific subject area. The lack of a unified understanding of the essence of the banking sector and the banking system leads to unjustified identification and ambiguous interpretation in the process of familiarizing oneself with the results of scientific research and the application of banking terminology in practical activities. The article is devoted to clarifying the definitions of "banking sector" and "banking system" taking into account their close relationship and the digitalization of the banking services market. It is proposed to perceive the banking system in a narrow sense from the perspective of the institutional approach as a set of banking corporations, which allows us to establish an identity with the banking sector. In a broad sense, the banking system is proposed to be understood through economic relations and legal regulation, which expands and deepens the essence of the banking system compared to the concept of the banking sector.

Keywords: bank, banking sector, banking system, financial corporation, institutional sector, financial sector segment, digital bank, digital banking sector.

LIST OF REFERENCES

1. Ryabchenko, A. A. Neobank as a Direction of Digitalization of the Banking Sector / A. A. Ryabchenko // *Trends and Prospects of Development of the Banking System in Modern Economic Conditions : Materials of the III International Scientific and Practical Conference, Bryansk, December 23, 2021. Volume 1.* – Bryansk: Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, 2022. – Pp. 79-83. – EDN JUMBYH.
2. Banking Sector / Central Bank of the Russian Federation. Official website. – Access mode: https://cbr.ru/banking_sector/.
3. Korniyevskaya, E. V. The Concept and Features of the Banking Sector of the Economy / E. V. Korniyevskaya, A. G. Papuk // *Modern Aspects of the Development of the Financial System of the Pridnestrovian Moldavian Republic: Materials of the Republican Round Table, Tiraspol, December 14, 2017.* – Tiraspol: T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University, 2017. – P. 287-291. – EDN DXJSJB.
4. Mezentseva, L. A. Banking Sector and Its Universalization / L. A. Mezentseva, M. E. Lebedeva // *Scientific Notes of the International Banking Institute*. – 2017. – No. 19. – Pp. 92-99. – EDN YNFROB.
5. Voskerichyan, R. O. The banking systems of Russia and China: common tasks and perspectives of development / R. O. Voskerichyan, Ch. Yu // *Horizons of Economics*. – 2023. – No. 2(75). – P. 125-130. – EDN EJOMEN.

6. Donetskova, O. Yu. Banking Sector: Current State, Problems, and Prospects / O. Yu. Donetskova // *Scientific Vector of the Balkans*. – 2019. – Vol. 3, No. 2(4). – Pp. 97-99. – EDN KPXORH.
7. Materova, E. S. The role of the banking sector in ensuring sustainable economic growth/E. S. Materova, D. V. Dunaev//*Actual problems of science and education in the face of modern challenges: collection of materials from the XXI International Scientific and Practical Conference, Moscow, May 24, 2023. Volume Part 2. - Moscow: Printing shop, 2023. - S. 194-198. – EDN LTNSZO.*
8. Saadulaeva, T. A. Banking sector of Russia: current state and development trends/T. A. Saadulaeva, V. V. Shtanov//*Stolypinsky Bulletin*. – 2023. - T. 5, NO. 5. – EDN WCGWTK.
9. Lyukshina, A.Yu. Guidelines for the development of the banking sector of the Russian Federation: abstract dis.... Candidate of Economic Sciences: 5.2.4 /Lyukshina Anna Yurievna; [Place of protection: FSBEI HE Financial University under the Government of the Russian Federation; Dissertation Council D 505.001.107]. - Moscow, 2023. - 26 s.
10. Sinichenko, O. A. The role of the banking sector in the development of the country's economy/O. A. Sinichenko//*Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*. – 2023. – № 4(40). - S. 3-10. – EDN OANVOJ.
11. Bykova, A.O. Analysis of the state and development of the banking sector in Russia/A.O. Bykova//*Science of the XXI century: current directions of development*. – 2024. – № 2-2. - S. 164-169. – EDN FQPEMG.
12. Ilich, L. Role of the Banking Sector in the Financial System and Its Macroeconomic Functions in Russia / L. Ilich // *Lecture Notes in Networks and Systems*. – 2022. – Vol. 381 LNNS. – P. 311-319. – DOI 10.1007/978-3-030-93677-8_27. – EDN IXLTHW.
13. Banking sector - MEC. Banking Sector Overview <https://mec-analytics.ru/>
14. Lobachev R.V. The role and place of development banks in the institutional architecture of the banking industry//*Intellect. Innovation. Investments*. – 2025. – № 6. - S. 102-116. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-6-102>.
15. Gorchakova, M. E. The role of state intervention in the development of the banking sector of the Russian Federation/M. E. Gorchakova//*Journal of Applied Research*. – 2024. – № 4. - S. 39-43. – DOI 10.47576/2949-1878.2024.4.4.005. – EDN TVHRFS.
16. Ershova, I. G. Assessment of the dynamics of innovation activity in the banking industry/I. G. Ershova, L. N. Guselnikova, M. V. Voronova//*Natural and humanitarian studies*. – 2023. – № 6(50). - S. 544-549. – EDN OAZDSV.
17. Anufrieva, A.P. The role of the banking system in ensuring the economic security of the state/A.P. Anufrieva//*Scientific result. Economic research*. – 2025. - T. 11, NO. 1. - S. 85-94. – DOI 10.18413/2409-1634-2025-11-1-0-8. – EDN CLJUNI.
18. Khorosheva, E.I. Finance and financial relations: value guidelines/E.I. Khorosheva. - Moscow: Publishing house "Pen," 2025. - 219 p. - ISBN 978-5-00258-384-3. – EDN OIRVGO.
19. Khorosheva, A. S. Approaches to substantiating the nature of finance/A. S. Khorosheva, E. I. Khorosheva//*Financial and economic research*. – 2025. – № 1. - S. 29-41. – DOI 10.5281/zenodo.17503682. – EDN VCDJLI.
20. Frolov, S.V. Structure and features of the UK banking system at the present stage/S.V. Frolov//*Financial markets and banks*. – 2023. – № 12. - S. 159-161. – EDN UDRARN.
21. Tchubenko, T. S. Analysis and evaluation of the foreign capital in the banking sector of Russia / T. S. Tchubenko // *Economy and Business: Theory and Practice*. – 2020. – No. 4-3(62). – P. 159-171. – DOI 10.24411/2411-0450-2020-10357. – EDN HSRDMU.
22. Homyankov, A. D. Macroeconomic analysis of the banking sector of the Republic of Belarus/A. D. Homyankov//*81st scientific conference of students and graduate students of the Belarusian State University, May 15-25, 2024. Part 3, 2024. – P. 653-657. – EDN JHIAUS.*
23. Bogatyreva, Yu. S. Banking sector of Russia and its analysis/Yu. S. Bogatyreva, S. P. Sazonov//*NovInfo.Ru*. – 2022. – № 132. - S. 61-64. – EDN PFBRDD.
24. Mondal A., Customer Satisfaction in Banking Sector: An Analysis / A. Mondal A. // *International Journal of Advanced Research in Commerce Management & Social Science*. - December 2025. - 08(04(I)):248-253. [Electronic resource]. DOI:10.62823/IJARCMS/8.4(I).8266 - URL: https://www.researchgate.net/publication/399157206_Customer_Satisfaction_in_Banking_Sector_An_Analysis (дата обращения 14.04.2026)
25. Bohra J., A Comparative Analysis of Financial Performance of Some Public Sector Banks and Private Sector Banks of India: A Review / J. Bohra, A. Mehta, M. Abid // *International Journal For Multidisciplinary Research*. – September 2025. - 7(5). [Electronic resource]. DOI:10.36948/ijfmr.2025.v07i05.55394. - URL:

https://www.researchgate.net/publication/395523279_A_Comparative_Analysis_of_Financial_Performance_of_Some_Public_Sector_Banks_and_Private_Sector_Banks_of_India_A_Review (дата обращения 14.04.2026)

Хорошева Елена Ивановна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и банковского дела
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Донецкий государственный университет», РФ, ДНР, г. Донецк
khorosheva.koi@mail.ru
+7-949-323-03-08
ORCID: 0009-0000-9178-6552

Хорошева Анна Сергеевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Донецкий государственный университет», РФ, ДНР, г. Донецк
askhorosheva.dongu@mail.ru
+7-949-323-03-09
ORCID: 0009-0000-1457-1793

Khorosheva Elena

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Donetsk State University, city Donetsk

Khorosheva Anna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Donetsk State University, city Donetsk

УДК 338.48+658.818+004.8
DOI 10.5281/zenodo.20434448

ТРАДИЦИОННЫЕ И ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КЛИЕНТСКОГО ОПЫТА В ТУРИСТСКОЙ ИНДУСТРИИ

© 2026. О.И. Шеболкина

В статье рассматривается эволюция концепции управления клиентскими впечатлениями как ключевого фактора повышения конкурентоспособности предприятий индустрии туризма и гостеприимства. Цель исследования – характеристика и классификация традиционных и цифровых инструментов формирования клиентского опыта в туристской индустрии. Исследование базируется на контент-анализе, табличном методе, синтезе и сервис-дизайне, индукции, дедукции, ранжировании и классификации. На основе критического обзора научной литературы анализируются теоретические подходы к определению сущности клиентского опыта, выделяются его основные элементы и этапы формирования. Описаны традиционные и цифровые инструменты управления точками контакта с покупателями, представлено ранжирование факторов клиентского опыта гостиничного предприятия, а также разработаны рекомендации по управлению его онлайн-репутацией. Особое внимание уделяется схемам организации сервисного взаимодействия с потребителями, повышающим их лояльность и вовлеченность на протяжении всего клиентского пути. Кроме того, в работе раскрывается перспективная роль цифровых технологий в оптимизации процесса обслуживания в туризме. Обосновывается, что оптимальная стратегия управления впечатлениями зависит от типа услуги и базируется на эмоциональном интеллекте, информационно-коммуникационных технологиях, персонализации и создании «wow-эффектов».

Ключевые слова: управление впечатлениями, клиентский опыт, туризм, гостеприимство, точки контакта, цифровизация, персонализация, сервис, лояльность

Постановка проблемы. В настоящее время в условиях продуктового насыщения рынка туристских и гостиничных услуг, когда ценовая конкуренция достигает своего предела, а стандарты качества являются обязательным минимумом, ключевым фактором дифференциации компаний становится уникальность предоставляемого клиентского опыта. При этом в индустрии гостеприимства, где продукт в большей степени носит нематериальный и эмоционально окрашенный характер, именно умение управлять впечатлениями может быть названо главным источником добавленной стоимости компании и укрепления лояльности ее потребителей.

Актуальность темы исследования обусловлена длительной трансформацией потребительского поведения в постиндустриальном обществе, когда традиционные технологии обслуживания, фокусирующиеся, главным образом, на функциональности и безошибочности предоставления услуг, постепенно дополняются новыми подходами, направленными на формирование целостного клиентского впечатления.

Анализ последних исследований и публикаций. Анализ публикаций за последние пять лет показывает, что многие исследования фокусируются либо на теоретических аспектах экономики впечатлений [1, 7-10, 12,15], либо на отдельных цифровых инструментах организации процесса обслуживания (CRM-системы, мобильные приложения и др.) [3-6,11,13,14,16].

Выделение нерешенных проблем. При этом в научном сообществе отсутствуют работы, в которых предлагается комплексная классификация традиционных и цифровых методов управления туристскими впечатлениями, адаптированная для российских

предприятий гостеприимства с учетом специфики их клиентского пути. Настоящее исследование призвано заполнить этот пробел.

Цель исследования – характеристика и классификация методов формирования клиентского опыта потребителей туристских услуг, предоставляемых в современных рыночных условиях с учетом цифровизации отдельных стадий их оказания.

В соответствии с целью исследования были выделены его следующие задачи: выявить традиционные и цифровые методы управления туристскими впечатлениями и привести их классификацию; определить ключевые факторы, влияющие на формирование положительного клиентского опыта на разных этапах потребительского пути; сформировать перспективные направления развития методов управления впечатлениями, направленных на устойчивую потребительскую лояльность в индустрии гостеприимства.

Гипотеза исследования состоит в том, что эффективная конфигурация управления туристскими впечатлениями достигается за счет сочетания прогрессивных цифровых инструментов с традиционными методами обслуживания, основанными на эмпатии и обучении персонала.

Материалы и методы исследования. Объектом исследования выступает сфера туризма и гостеприимства, в то время как предметом исследования являются современные методы управления клиентскими впечатлениями, используемые на различных этапах потребительского пути в туристской индустрии.

Теоретическую базу исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых в области маркетинга услуг, экономики впечатлений и менеджмента гостеприимства: А. А. Агрба, К. Д. Барашковой, Д. А. Белинской, Ю. С. Валеевой, О. А. Гешко, Д. Гилмора, Г. В. Думбадзе, И. А. Захаровой, Ф. Котлера, Т. А. Кулаговской, Е. Г. Меркуловой, А. В. Михайловой, Д. Пайна, О. Д. Романовой, А. П. Соколовой, Н. В. Черноножкиной, А. Г. Шакая, Б. Шмитта, К. В. Яргина. Отдельного внимания заслуживают труды авторов, посвященные отдельным аспектам цифровизации клиентского пути: Я. В. Дегтяревой, А. Н. Есболовой, Л. М. Романовой, Н. Д. Троицкой, С. Г. Ушенко, С. Р. Хрусталевой и других.

Методологической основой написания работы стали табличный метод, метод сервис-дизайна, систематизация и классификация управленческих инструментов, а также общенаучные методы (анализ, синтез, абстрагирование, сравнение, индукция, дедукция).

Теоретическая и практическая значимость данного исследования заключается в том, что его результаты дополняют и систематизируют представления о формировании эмоционального опыта в сфере туризма и гостеприимства, а разработанные рекомендации могут быть использованы сервисными предприятиями для повышения уровня удовлетворенности и лояльности их потребителей.

Результаты исследования. Современные исследователи фиксируют макротренд: «Экономика впечатлений будет набирать обороты, влияя на многие области жизни. В том числе – оказывая воздействие на восприятие места, пространства, территории» [1, с. 294]. Вместе с тем, «экономика впечатлений становится важным инструментом для привлечения новых клиентов и увеличения прибыли компаний» [2, с. 122]. Причем теоретическое обоснование этого процесса впервые было заложено Дж. Пайном и Дж. Гилмором, которые обосновали тезис о том, что экономика услуг эволюционирует в экономику впечатлений, где ключевой ценностью становится не сама услуга, а уникальный и запоминающийся опыт и эмоции клиента [10].

В операциональном плане ключевое для нас понятие раскрывает С.Р. Хрусталева: «Под клиентским опытом понимается совокупность когнитивных и эмоциональных реакций со стороны клиента на взаимодействие с организацией. Клиентский опыт определяет степень удовлетворенности клиента качеством обслуживания, а также влияет на уровень лояльности» [14, с. 314]. В свою очередь И. А. Захарова описывает данную категорию более лаконично, но также подчеркивает ее связь с потребительской лояльностью: «Клиентский опыт – это восприятие вашими клиентами отношения компании к ним. Данные представления влияют на поведение клиентов и создают воспоминания и чувства, которые в итоге формируют лояльность» [7, с. 1464].

На основе проведенного контент-анализа источников можно сделать вывод, что в современной научной литературе понятие «клиентский опыт» трактуется как совокупность когнитивных, эмоциональных, сенсорных и поведенческих реакций потребителя, возникающих на всех этапах взаимодействия клиента с компанией – от поиска информации до постсервисного сопровождения. Причем в отличие от традиционной категории «качество обслуживания», ориентированной на соответствие стандартам, опыт клиента и его впечатления носят субъективный, эмоционально окрашенный и индивидуализированный характер.

Американский исследователь в области маркетинга Б. Шмитт дополнил концепцию экономики впечатлений, предложив модель стратегического управления ими через пять модулей потребительского восприятия: ощущения, чувства, мышление, действия и связь (табл. 1).

Таблица 1

Модель стратегического управления впечатлениями Б. Шмитта [15]

Модуль	Характеристика	Цель воздействия
Ощущения	Воздействие на органы чувств (зрение, слух, осязание, вкус, обоняние)	Создание эстетического удовольствия и сенсорного опыта
Чувства	Воздействие на эмоции и настроение потребителя	Формирование эмоциональной связи с брендом
Мышление	Интеллектуальная вовлеченность, решение творческой задачи	Стимулирование любопытства и переосмысления опыта
Действия	Влияние на поведение, привычки и образ жизни	Побуждение к конкретному действию или изменению поведения
Связь	Интеграция всех модулей через социальный и культурный контекст	Формирование чувства принадлежности к сообществу или идеологии

Материалы таблицы 1 позволяют наглядно систематизировать пять модулей модели Б. Шмитта, сравнив их по цели, характеру воздействия для целостного понимания стратегического управления впечатлениями потребителей туристских услуг.

В свою очередь А.П. Соколова предложила авторский подход, согласно которому «ключевые элементы управления клиентским опытом включают: анализ и использование клиентских данных для формирования персонализированных предложений; внедрение моделей и инструментов, позволяющих системно управлять взаимодействиями на всех этапах клиентского пути; мотивацию сотрудников как важный фактор повышения качества обслуживания и удовлетворенности клиентов» [12, с. 163].

Вместе с тем, отечественные исследователи Т. А. Кулаговская и А. Г. Шакая сформировали системный взгляд на данную категорию: «модель ценности клиента предлагает комплексный подход к управлению клиентским опытом, сочетающим

эмоциональный интеллект, технологические инновации и организационную гибкость» [8, с. 97].

Исходя из вышеизложенного, можно выделить две укрупненные группы методов управления потребительскими эмоциями, применяемых в современной индустрии туризма и гостеприимства: традиционные и цифровые. Эта классификация основана на преобладающем канале взаимодействия с потребителем, степени использования информационных технологий и характере воздействия на эмоциональную сферу клиента. Рассмотрим данные методы более подробно.

Традиционные методы базируются на непосредственном межличностном контакте между персоналом предприятия и гостем. Их эффективность в значительной степени зависит от человеческого фактора – эмпатии, коммуникативных навыков, эмоционального интеллекта сотрудников, а также от физической среды предоставления услуги. Основная цель традиционных методов обслуживания – создать позитивные, запоминающиеся впечатления для клиента на каждом этапе взаимодействия, чтобы повысить удовлетворенность и лояльность, а также сформировать положительный имидж бренда. Именно ради этого и используют такие инструменты клиентского менеджмента как опросы, разработка карты пути клиента, анализ обратной связи и обучение сотрудников. Как именно каждый из традиционных методов позволяет приблизиться к этой цели, показано в таблице 2.

Таблица 2

Традиционные методы создания позитивного клиентского опыта

Метод	Как именно создается позитивный опыт	Ключевой результат для клиента
Опросы	Позволяют вовремя заметить недовольство и исправить ситуацию, пока клиент не ушел	Чувство, что его мнение важно и на него реагируют
Карта пути клиента	Убирает препятствия и снижает негативные эмоции на каждом шаге клиента	Понятная и комфортная последовательность действий от момента первого контакта до приобретения услуги
Анализ обратной связи	Превращает жалобы в точки роста, улучшая продукт и сервис	Клиент отмечает, что его проблемы решают, а сервис становится лучше
Обучение сотрудников	Каждый сотрудник становится «амбассадором бренда», который заботится о клиенте	Единый, предсказуемый и вежливый сервис на всех уровнях общения с потребителем

Каждый из рассмотренных методов является не только инструментом сбора данных, но и элементом формирования клиентоцентричной культуры предприятия. Вместе они работают на одну главную цель: трансформировать разового потребителя в лояльного клиента, совершающего повторные обращения.

Цифровые методы, в отличие от традиционных, основаны на применении информационно-коммуникационных технологий для сбора данных, персонализации взаимодействия, автоматизации сервиса и анализа обратной связи. Как отмечает Я.В. Дегтярева, «цифровая трансформация клиентского опыта осуществляется в следующих направлениях: цифровизация каналов взаимодействия с клиентом, цифровизация процессов обслуживания клиентов, формирование цифровой культуры работников и клиентов, создание цифровых экосистем» [4, с. 46]. Отметим, что стремительное развитие вышеизложенных интеллектуальных сервисов обусловлено инфраструктурной трансформацией индустрии гостеприимства и изменением поведения современного туриста, который активно использует онлайн-инструменты на всех этапах взаимодействия с компанией. В конечном итоге, основная цель цифровых методов –

создание персонализированного и прогнозируемого клиентского опыта при одновременном снижении транзакционных издержек и повышении скорости реакции на запросы гостя (табл. 3).

Таблица 3

Цифровые методы управления клиентскими впечатлениями в индустрии туризма и гостеприимства

Направление	Основная функция	Польза для клиента
Онлайн -бронирование (веб-сайты и мобильные приложения)	Поиск и бронирование номеров в режиме реального времени	Упрощение и ускорение процесса бронирования, доступ 24/7
Мобильные приложения с обратной связью	Возможность оставлять отзывы, предложения и сообщать о проблемах прямо из приложения	Быстрое и удобное информирование представителя компании о своих впечатлениях и проблемах
CRM-системы	Сбор, систематизация и анализ данных о предпочтениях, поведении и истории пребывания гостей	Получение персонализированных предложений и скидок, более качественный сервис

Следовательно, IT-решения, применяемые в процессе обслуживания, позволяют глубже понимать потребности каждого гостя, формировать точные персонализированные предложения и повышать лояльность клиентов, стимулируя повторные бронирования. Отдельного внимания заслуживает создание на основе полученной информации «wow-эффектов» – неожиданных позитивных событий, вызывающих у гостя сильные эмоции. Примерами таких эффектов могут служить персонализированный комплимент от отеля, бесплатный апгрейд номера при заселении или маленький сюрприз для ребенка. В отличие от стандартизированных методов, wow-эффекты не требуют значительных затрат, но формируют запоминающийся опыт и стимулируют устные рекомендации.

В качестве объекта исследования, по материалам которого мы рассмотрим особенности применения вышеизложенных инструментов формирования клиентского опыта, выбран AZIMUT Отель Ставрополь 4* (ранее известный как «Евроотель»). Это одно из крупнейших и наиболее узнаваемых средств размещения уровня 4 звезды, расположенное в центре города Ставрополя. Отель относится к международной сети AZIMUT Hotels, что предполагает наличие стандартизированных процедур обслуживания.

Для оценки эффективности методов управления впечатлениями потребителей проведен анализ отзывов гостей AZIMUT Отель Ставрополь, опубликованных на платформе «Яндекс Путешествия». Для анализа отобраны 100 наиболее информативных отзывов (50 позитивных, 50 негативных) за период с марта 2024 по март 2026 года. Отбор осуществлялся методом случайной выборки из общего массива отзывов, что позволило выявить ключевые факторы удовлетворенности клиентов и зоны роста для улучшения сервиса на предприятии (рис. 1).

В целом, как показал проведенный анализ, между ожиданиями гостей (бренд, уровень 4 звезды) и реальным клиентским опытом существует определенный разрыв, что делает его подходящим кейсом для изучения эффективности управления потребительскими впечатлениями.

Итак, проведенное ранжирование факторов по доле позитивных упоминаний позволило выявить «ядро» клиентской лояльности AZIMUT Отель Ставрополь:

расположение (28% позитивных упоминаний) и персонал (22% позитивных упоминаний), которые формируют основу положительных впечатлений потребителей.

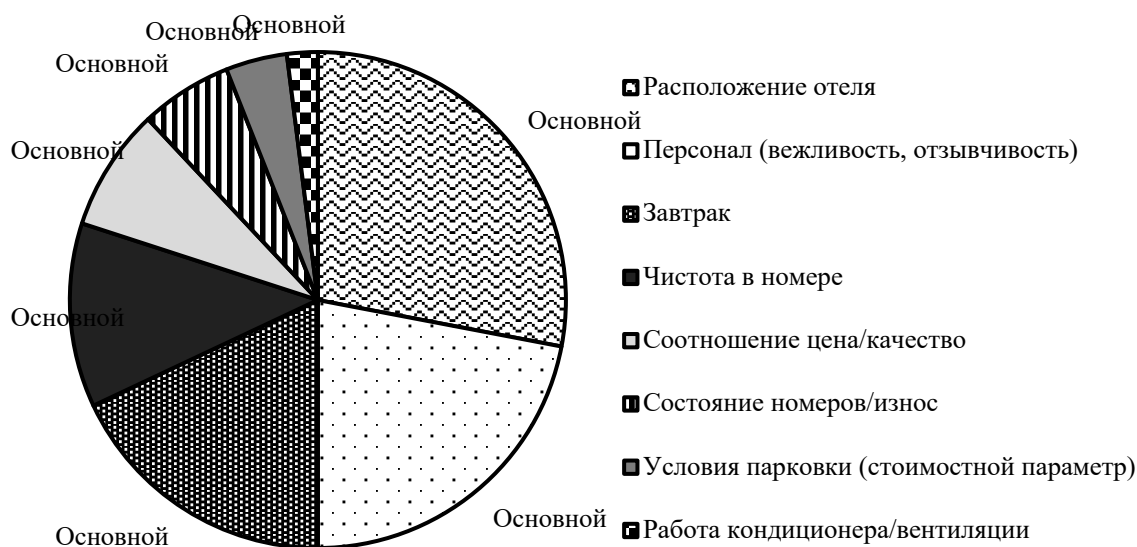

Рис. 1. Ранжирование факторов клиентского опыта в AZIMUT Отель Ставрополь (по доле позитивных упоминаний за период с марта 2024 по март 2026) [16]

Так, гости регулярно отмечают удачное расположение отеля в центре города: «отличное расположение в центре, наличие паркинга» (Айрат Г., август 2025), «удобное расположение» (Ярослав, май 2025). Вторым по значимости позитивным фактором выступает работа персонала: «Персонал доброжелательный» (Ренат Ф., январь 2026), «На ресепшен вежливо встретили, в номер все принесли и подушки тоже» (Станислав, июль 2024). Отдельно выделяется проявление эмпатии и заботы: «Забыл в номере телефон, позвонили, предупредили, отправят СДЭК. Спасибо!» (Станислав, июль 2024).

При этом отдельные аспекты обслуживания гостей, в частности, связанные с состоянием номерного фонда и политика оказания услуг парковки, являются зонами, требующими особого внимания со стороны средства размещения.

К примеру, наиболее частой причиной негативных эмоций гостей выступает физический износ номеров. Так, некоторые гости отмечают: «Номера старые с запахом» (Ренат Ф., январь 2026), «Крайне потрепан, мебель требует замены» (Ольга, июнь 2024). Введение платной парковки также вызвало негативную реакцию: «сделать паркинг для постояльцев отеля бесплатным» (Айрат Г., август 2025).

Завтрак и чистота занимают промежуточное положение в рейтинге с положительным балансом. Однако полярность оценок завтрака (18% позитива против 10% негатива) свидетельствует о нестабильности качества. С одной стороны, гости хвалят: «Завтрак понравился!» (Константин Васильев, август 2025), «Хороший завтрак» (Мария С., сентябрь 2024), «Завтраки вкусные» (Станислав, июль 2024). С другой – иногда звучат более критические отзывы.

Что касается чистоты, большинство гостей подтверждают ее высокий уровень: «Чистый и свежая мебель» (Ярослав, май 2025), «В номерах чисто, хорошая шумоизоляция» (Е К., апрель 2025). Однако встречаются и замечания: «ковер требует чистки» (Ольга, июнь 2024).

Таким образом, эмпирический анализ подтверждает теоретический тезис о ситуационном приоритете эмоциональной составляющей обслуживания (персонал) и фактора местоположения над материально-технической базой в формировании лояльности гостей. Вместе с тем выявленные системные проблемы с состоянием номерного фонда и политикой парковки требуют управленческого вмешательства, поскольку их накопленный негативный эффект способен со временем нивелировать сильные стороны отеля.

В целом администрация AZIMUT Отель Ставрополь демонстрирует приверженность обратной связи, отвечая практически на каждый отзыв на платформе «Яндекс Путешествия». Это соответствует современным стандартам клиентоориентированного сервиса. Вместе с тем, анализ ответов показывает, что они построены по сходному шаблону, например: «Уважаемый [имя], Спасибо за то, что нашли время поделиться своим мнением. Нам очень жаль, что предложенный сервис не соответствовал вашим ожиданиям». При такой схеме ответы получаются вежливыми, но не всегда учитывают конкретную ситуацию гостя, что снижает их убедительность. Так, А.Н. Есболова исследует понятие алгоритмического маркетинга и говорит о том, что «его ключевая ценность заключается не только в автоматизации маркетинговых операций, но и в способности формировать персонализированный клиентский опыт, повышать точность коммуникаций и обеспечивать устойчивый рост экономической эффективности» [6, с. 49].

Для повышения эффективности взаимодействия исследуемого предприятия с гостями и превращения потенциально негативного опыта в позитивный можно рекомендовать следующие шаги. Во-первых, целесообразно дополнять стандартный ответ конкретными действиями в ответ на выявленную проблему (например: «Мы уже передали информацию о неисправном кондиционере в технический отдел»). Во-вторых, использование элементов персонализации и эмпатии (искреннее сожаление по конкретному поводу, обращение по имени) делает реакцию более человеческой. В-третьих, в отдельных случаях уместным может быть предложение небольшой компенсации (скидка на следующее проживание, комплимент от отеля), что является признанным инструментом «восстановления после ошибок» и способствует закреплению лояльности даже у недовольных гостей.

Итак, полагаем, что на основе выявленных проблем AZIMUT Отель Ставрополь может быть рекомендован следующий комплекс мер по управлению его онлайн-репутацией с помощью отдельных цифровых инструментов (табл. 4).

Таблица 4

Мероприятия по управлению онлайн-репутацией гостиничного предприятия

Мероприятие	Цель	Механизм реализации	Ожидаемый эффект
1	2	3	4
Аудит текущей репутации	Выявление основных площадок (геосервисы (2ГИС, Яндекс.Карты), профильные отзывы и причин негативных оценок)	Анализ существующих отзывов, их тематическая кластеризация, ранжирование проблем по частоте упоминаний	Формирование базы для приоритизации улучшений
Разработка стандартов ответов	Унификация коммуникации бренда в публичном пространстве	Создание «формулы идеального ответа» для трех типов отзывов: позитивный, нейтральный, негативный	Повышение доверия, снижение репутационных рисков

Окончание табл. 4

1	2	3	4
Внедрение QR-кодов	Стимулирование сбора отзывов непосредственно в точках контакта с клиентом	Размещение QR-кодов в зонах регистрации, в ресторане, на ресепшене	Рост количества отзывов, сокращение временного разрыва между впечатлением и его фиксацией
Геймификация и поощрения	Повышение мотивации клиентов и персонала к участию в сборе отзывов	Конкурсы, подарки при отъезде за сканирование QR и оставленный отзыв; материальное стимулирование сотрудников за количество положительных упоминаний	Рост вовлеченности, увеличение доли позитивных отзывов

Итак, ключевым драйвером улучшения клиентского опыта в туризме может выступать цифровизация точек контакта: внедрение CRM-систем, платформ сбора и анализа отзывов, автоматизация каналов бронирования, QR-кодирование физических пространств.

Тем не менее следует отметить, что формирование положительного клиентского опыта представляет собой динамический процесс, в котором восприятие ценности возникает на каждом этапе взаимодействия целевой аудитории с брендом – не только в онлайн, но и в офлайн среде. Причем «создание «Карты путешествия гостя» (CJM) является лишь первым шагом на пути построения системы управления клиентским опытом» [11, с. 28]. Можно также согласиться с мнением Н.Д. Троицкой: «Важным фактором при планировании коммуникаций в омниканальной среде является то, что клиенты в процессе получения клиентского опыта воспринимают коммуникацию целостно, без деления на каналы. Клиент взаимодействует не с каналом, а непосредственно с брендом. В связи с этим компаниям важно выстраивать коммуникационную стратегию таким образом, чтобы информационные сообщения в различных каналах были согласованы (как содержательно, так и визуально), а каналы объединены в единую коммуникационную среду» [13, с. 340]. Поэтому в туризме необходимо комплексно использовать как традиционные, так и цифровые инструменты управления впечатлениями пользователей услуг (табл. 5).

Согласно представленной модели, потребительский путь включает стадии от осознания потребности до постпокупочного поведения. На ранних стадиях (осознание, оценка) доминируют информационно-когнитивные факторы (ясность, достоверность). На этапе покупки критическим становится фактор усилий, которые прикладывает клиент. Пост-продажный этап в наибольшей степени зависит от эмоционально-реляционных факторов (эмпатия, признание ошибок). Я.В. Дегтярева в данном отношении отмечает: «Эмпирический опыт взаимодействия с брендом проявляется в формировании впечатлений потребителя на всех этапах воронки продаж, изменяя статус от потребителя до покупателя, клиента и пользователя» [3, с. 27].

Таким образом, управление сервисным восприятием должно быть системным с точки зрения охвата всех стадий потребительского пути. И в этой связи можно согласиться с мнением И.А. Захаровой: «Повышение последовательности в обеспечении безупречного пути клиента является наиболее эффективным способом создания ценности» [7, с. 1471].

Таблица 5

Этапы потребительского пути и факторы создания положительного клиентского опыта в туризме		
Этап	Доминирующая цель клиента	Ключевые традиционные (Т) и цифровые (Ц) факторы создания положительного клиентского опыта
Осознание потребности	Обнаружение релевантного решения	Т: сарафанное радио; Ц: доступность информации (сайт, соцсети), релевантность контента (SEO, таргетинг), доверие к источнику (онлайн-репутация)
Оценка альтернатив	Сравнение и снижение перцепционного риска	Т: консультация персонала; Ц: прозрачность характеристик (онлайн-каталоги), социальные доказательства (отзывы, рейтинги), низкие когнитивные затраты на сравнение
Приобретение	Завершение транзакции с минимальными усилиями	Т: бронирование по телефону (вспомогательное); Ц: простота онлайн-бронирования, безопасность платежа, отсутствие скрытых комиссий
Использование продукта	Получение заявленной функциональной ценности	Т: соответствие ожиданиям (качество обслуживания), безотказность; Ц: интуитивность (мобильные приложения, умные устройства в номере)
Пост-продажное взаимодействие	Закрепление результата и формирование лояльности	Т: эмпатия и поддержка (личный контакт), проактивность; Ц: персонализация (CRM-системы, e-mail рассылки, программы лояльности)

В качестве дополнительного примера рассмотрим процесс обслуживания в ресторане. Действительно, «гастрономический туризм является особым ресурсом для привлечения гостей и туристов, где ощущение и эмоции становятся ценным продуктом» [9, с. 122]. Итак, обслуживание гостей связано с такими функциями как прием и размещение гостей, предложение меню, заказ определенного блюда гостем, передача заказа на кухню, приготовление заказа, предоставление готового блюда и обслуживание гостя, выдача счета, оплата счета, завершение обслуживания. Соответственно, в ходе непосредственного взаимодействия персонала с клиентами ресторана необходимо не только следовать технологическим картам, но и в целом сформировать эффективную контактную зону. Здесь важна четкость и скорость обслуживания, гостеприимство и внимание к деталям, превосходство ожиданий и «wow»-эффект, а также эмпатия и создание положительных эмоций.

Выводы и дальнейшая дискуссия. Принимая во внимание рассмотренные нами инструменты и учитывая тенденции технологизации рыночных отношений, полагаем, что для туристских предприятий наряду с традиционными можно выделить несколько перспективных направлений развития методов управления впечатлениями потребителей, реализуемых в цифровом пространстве.

1. Иммерсивные технологии – использование VR-туров и AR-примерки номеров/услуг для формирования «опыта» до прибытия гостя и управления ожиданиями на этапе оценки альтернатив.

2. Сбор и обработка обратной связи с использованием искусственного интеллекта (AI) – переход от реактивного сбора отзывов (опросы после выезда) к анализу неструктурированных данных в реальном времени: обработка голосовых сообщений, чатов, эмоционального тона в переписке, тегов в социальных сетях. При этом можно согласиться с мнением С.Р. Хрусталевой: «...необходимо комплексно подходить к процессу внедрения искусственного интеллекта в деятельность организаций и продвижение, сочетать технологические решения, организационные изменения и этические принципы» [14, с. 317].

3. Персонализация на базе единого клиентского профиля – интеграция данных из всех точек контакта: веб-сайт, мобильное приложение, мессенджеры, физический ресепшн и голосовые ассистенты.

4. Геймификация и токенизация – синтез поведенческих игровых механик с блокчейн-технологиями и цифровыми активами компании. По мнению Г.В. Думбадзе, К.В. Яргина и Д.А. Белинской: «Развитие программ лояльности, таких как накопительные бонусы или скидки для постоянных клиентов, поможет удержать текущих пользователей [5, с. 177].

Полученные результаты согласуются с выводами о том, что эмпатия и персонализация являются ключевыми факторами отдельных этапов клиентского пути [5-9,12]. В то же время наша работа дополняет имеющиеся научные труды количественными данными: весомый процент негативных упоминаний о состоянии номерного фонда исследуемого нами предприятия указывает на то, что материально-техническая база остается критической зоной даже при высоком качестве обслуживания, и в российском контексте гости ожидают не только эмоций, но и базового качества оказываемых услуг.

Обоснование научной новизны в представленном исследовании. В статье рассмотрены теоретико-методические основы управления клиентскими впечатлениями в индустрии туризма и гостеприимства, проведена классификация традиционных и цифровых методов воздействия на сервисное восприятие гостей, проанализированы факторы формирования положительных впечатлений на отдельных этапах потребительского пути и определены перспективные направления развития данной сферы. Это позволило сделать следующие выводы, что отражает научную новизну проведенного исследования.

Во-первых, понятие «клиентские впечатления» трактуется как комплексная категория, включающая когнитивные, эмоциональные, сенсорные и поведенческие реакции потребителя. В отличие от «качества обслуживания», ориентированного на стандарты, впечатления носят субъективный и эмоционально окрашенный характер.

Во-вторых, наиболее эффективная гибридная конфигурация управления впечатлениями для отелей среднего сегмента включает обязательное сочетание CRM-систем, онлайн-бронирования и мобильных приложений (цифровой метод) и обученного персонала, способного к эмпатии (традиционный метод, включающий также опросы, анализ карты пути клиента и обратной связи, обучение персонала).

В-третьих, в результате анализа этапов потребительского пути установлено, что доминирующие факторы формирования опыта различаются по стадиям: на этапах осознания и оценки альтернатив ключевыми являются информационно-когнитивные факторы (доступность и достоверность информации), на этапе приобретения – минимизация усилий клиента, а на пост-продажном этапе – эмпатия и персонализация. Это подтверждает необходимость дифференцированного подхода к управлению впечатлениями на разных точках контакта с потребителем.

В-четвертых, определены четыре перспективных направления цифровой трансформации управления клиентскими впечатлениями и повышения конкурентоспособности туристских предприятий: иммерсивные технологии (VR/AR) для управления ожиданиями; AI-обработка неструктурированной обратной связи в реальном времени; сквозная персонализация на базе единого клиентского профиля; геймификация и токенизация потребительской лояльности.

В-пятых, проведенный эмпирический анализ на примере AZIMUT Отель Ставрополь показал, что даже при формально высоком рейтинге отеля (4,9 из 5,0 на

основе 2365 оценок) существуют отдельные системные проблемы с состоянием номерного фонда и качеством управленческой реакции на обратную связь. Выявлено, что шаблонные ответы на негативные отзывы могут снижать потенциал восстановления лояльности гостей. Однако персонализация, эмпатия и предложение небольших компенсаций в ответах на отзывы могут способствовать повышению лояльности даже при наличии негативного опыта.

Таким образом, управление клиентскими впечатлениями в туризме требует подхода, учитывающего специфику каждого этапа, сочетания традиционных и цифровых методов, а также постоянного мониторинга технологических трендов. Результаты анализа ограничены данными одного отеля и платформой «Яндекс Путешествия».

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении. Для получения более репрезентативных выводов требуется расширение выборки на несколько отелей разных категорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агрба А.А. Перспективы развития территориального брендинга в контексте экономики впечатлений / А.А. Агрба // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2024. – Т. 6, № 2. – С. 277-300. – DOI: <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.441>.
2. Гешко О.А., Черноножкина Н.В. Развитие экономики впечатлений: отечественный и зарубежный опыт / О.А. Гешко, Н.В. Черноножкина // *Естественно-гуманитарные исследования*. – 2025. – № 3. – С. 116-122.
3. Дегтярева Я.В. Опыт потребителей в контексте реализации концепции эмпирического маркетинга / Я.В. Дегтярева // *Практический маркетинг*. – 2024. – № 10. – С. 25-27. – DOI: <https://doi.org/10.24412/2071-3762-2024-10328-25-27>.
4. Дегтярева Я.В. Цифровизация клиентского опыта в индустрии гостеприимства / Я.В. Дегтярева // *Региональные проблемы преобразования экономики*. – 2024. – № 170. – С. 46. – DOI: [10.26726/rppe2024v12ckovi](https://doi.org/10.26726/rppe2024v12ckovi).
5. Думбадзе Г.В., Яргин К.В., Белинская Д.А. Исследование «психологии» покупки: процесс принятия покупательского решения / Г.В. Думбадзе, К.В. Яргин, Д.А. Белинская // *Наука и реальность / Science & Reality*. – 2024. – № 4. – С. 173-178.
6. Есболова А.Н. Алгоритмический маркетинг и персонализация клиентского опыта / А.Н. Есболова // *Professional Bulletin: Economics and Management*. – 2025. – № 2. – С. 45-50.
7. Захарова И.А. Управление клиентским опытом на основе ценности / И.А. Захарова // *Креативная экономика*. – 2023. – Т. 17, № 4. – С. 1461-1476. – DOI: [10.18334/ce.17.4.117563](https://doi.org/10.18334/ce.17.4.117563).
8. Кулаговская Т.А., Шакая А.Г. Доверие клиентов – ресурс современной компании и его роль в построении клиентоориентированной бизнес-модели / Т.А. Кулаговская, А.Г. Шакая // *Экономическая наука современной России*. – 2025. – Т. 28, № 4. – С. 89-98. – DOI: [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(4\)-89-98](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(4)-89-98).
9. Меркулова Е.Г., Валеева Ю.С. Гастрономический театр: экономика впечатлений в ресторанном бизнесе / Е.Г. Меркулова, Ю.С. Валеева // *Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2025. – Т. 255, № 5. – С. 117-138. – DOI: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2025-255-5-117-138>.
10. Пайн П.Д.Б., Гилмор Д.Х. Экономика впечатлений: как превратить покупку в захватывающее действие / Д.Б. Пайн П, Д.Х. Гилмор ; пер. с англ. Н. Ливинская, Е. Борисов ; под ред. В. Кулакова. – 2-е изд., пересмотр. – Москва : Альпина ПРО, 2024. – 384 с. – ISBN 978-5-6042879-7-2.
11. Романова Л.М., Ушенко С.Г. Управление клиентским опытом на основе внедрения инновационных платформенных систем в отеле / Л.М. Романова, С.Г. Ушенко // *Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм*. – 2024. – № 4. – С. 27-32. – DOI: <https://doi.org/10.18572/2686-858X-2024-24-4-27-32>.
12. Соколова А.П. Управление клиентским опытом и сервис-дизайн / А.П. Соколова // *Парадигма*. – 2025. – № 10-2. – С. 162-166.

13. Троицкая Н.Д. Путешествие между каналами: формирование клиентского опыта в цифровой среде / Н.Д. Троицкая // Идеи и идеалы. – 2024. – Т. 16, № 3-2. – С. 333-347. – DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2024-16.3.2-333-347>.

14. Хрусталева С.Р. Синтез AI и данных клиента для персонализации цифрового клиентского пути в условиях трансформации каналов продвижения / С.Р. Хрусталева // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – № 11. – С. 314-318. – DOI: 10.24412/2411-0450-2025-11-314-318.

15. Шмитт Б. Эмпирический маркетинг: Как заставить клиента чувствовать, думать, действовать, а также соотносить себя с вашей компанией / Б. Шмитт ; пер. с англ. К. Ткаченко. – Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 400 с.

16. Azimut Отель Ставрополь 4*: отзывы гостей [Электронный ресурс] // Яндекс Путешествия. – URL: <https://travel.yandex.ru/hotels/stavropol/evrootel-stavropol/reviews/> (дата обращения: 18.04.2026).

Поступила в редакцию 19.04.2026 г.

TRADITIONAL AND DIGITAL TOOLS FOR SHAPING CUSTOMER EXPERIENCE IN THE TOURISM INDUSTRY

O. I. Shebolkina

The article examines the evolution of the concept of customer experience management as a key factor in increasing the competitiveness of enterprises in the tourism and hospitality industry. The aim of the study is to characterize and classify traditional and digital tools for shaping customer experience in the tourism industry. The research is based on content analysis, tabular methods, synthesis and service design, induction, deduction, ranking, and classification. Based on a critical review of the scientific literature, the study analyzes theoretical approaches to defining the essence of customer experience, identifying its main elements and stages of formation. Traditional and digital tools for managing customer touchpoints are described, a ranking of factors influencing customer experience in hotel enterprises is presented, and recommendations for managing online reputation are developed. Special attention is paid to service interaction schemes with consumers that enhance their loyalty and engagement throughout the entire customer journey. Furthermore, the paper highlights the promising role of digital technologies in optimizing service delivery processes in tourism. It argues that the optimal customer experience management strategy depends on the type of service and is based on emotional intelligence, information and communication technologies, personalization, and the creation of «wow effects».

Key words: experience management, customer experience, tourism, hospitality, touch points, digitalization, personalization, service, loyalty

LIST OF REFERENCES

1. Agrba A.A. Prospects for the development of territorial branding in the context of the experience economy / A.A. Agrba // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2024. – Vol. 6, No. 2. – S. 277-300. – DOI: 10.46539/gmd.v6i2.441.

2. Geshko O.A., Chernonozhkina N.V. Development of the experience economy: domestic and foreign experience / O.A. Geshko, N.V. Chernonozhkina // Natural-Humanitarian Studies. – 2025. – No. 3. – S. 116-122.

3. Degtyareva Ya.V. Consumer experience in the context of implementing the concept of experiential marketing / Ya.V. Degtyareva // Practical Marketing. – 2024. – No. 10. – S. 25-27. – DOI: 10.24412/2071-3762-2024-10328-25-27.

4. Degtyareva Ya.V. Digitalization of customer experience in the hospitality industry / Ya.V. Degtyareva // Regional Problems of Economic Transformation. – 2024. – No. 170. – S. 46. – DOI: 10.26726/rppe2024v12ckovi.

5. Dumbadze G.V., Yargin K.V., Belinskaya D.A. Study of the "psychology" of purchase: the process of making a purchasing decision / G.V. Dumbadze, K.V. Yargin, D.A. Belinskaya // Science & Reality. – 2024. – No. 4. – S. 173-178.

6. Esbolova A.N. Algorithmic marketing and personalization of customer experience / A.N. Esbolova // Professional Bulletin: Economics and Management. – 2025. – No. 2. – S. 45-50.

7. Zakharova I.A. Value-based customer experience management / I.A. Zakharova // *Creative Economy*. – 2023. – Vol. 17, No. 4. – S. 1461-1476. – DOI: 10.18334/ce.17.4.117563.
8. Kulagovskaya T.A., Shakaya A.G. Customer trust as a resource of a modern company and its role in building a customer-oriented business model / T.A. Kulagovskaya, A.G. Shakaya // *Economic Science of Modern Russia*. – 2025. – Vol. 28, No. 4. – S. 89-98. – DOI: 10.33293/1609-1442-2025-28(4)-89-98.
9. Merkulova E.G., Valeeva Yu.S. Gastronomic theater: the experience economy in the restaurant business / E.G. Merkulova, Yu.S. Valeeva // *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. – 2025. – Vol. 255, No. 5. – S. 117-138. – DOI: 10.38197/2072-2060-2025-255-5-117-138.
10. Pine II B.J., Gilmore J.H. *The Experience Economy: How to Turn a Purchase into an Exciting Action* / B.J. Pine II, J.H. Gilmore. – 2nd ed., rev. – Moscow : Alpina PRO, 2024. – 384 p. – ISBN 978-5-6042879-7-2.
11. Romanova L.M., Ushenko S.G. Customer experience management based on the implementation of innovative platform systems in a hotel / L.M. Romanova, S.G. Ushenko // *Professor Journal*. Series: Recreation and Tourism. – 2024. – No. 4. – S. 27-32. – DOI: 10.18572/2686-858X-2024-24-4-27-32.
12. Sokolova A.P. Customer experience management and service design / A.P. Sokolova // *Paradigm*. – 2025. – No. 10-2. – S. 162-166.
13. Troitskaya N.D. A journey between channels: shaping the customer experience in a digital environment / N.D. Troitskaya // *Ideas and Ideals*. – 2024. – Vol. 16, No. 3-2. – S. 333-347. – DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.3.2-333-347.
14. Khrustaleva S.R. Synthesis of AI and customer data for personalization of the digital customer journey in the context of transformation of promotion channels / S.R. Khrustaleva // *Economics and Business: Theory and Practice*. – 2025. – No. 11. – S. 314-318. – DOI: 10.24412/2411-0450-2025-11-314-318.
15. Schmitt B. *Experiential Marketing: How to Get Customers to Sense, Feel, Think, Act, and Relate to Your Company* / B. Schmitt. – Moscow : FAIR-PRESS, 2001. – 400 p.
16. Azimut Hotel Stavropol 4*: guest reviews [Electronic Resource] // Yandex Travel. – URL: <https://travel.yandex.ru/hotels/stavropol/evrootel-stavropol/reviews/> (access date: 18.04.2026).

Шеболкина Оксана Ивановна

кандидат экономических наук, доцент кафедры туризма и индустрии гостеприимства
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», РФ, г. Ставрополь
obelozeroва@ncfu.ru
+7-905-496-66-35
ORCID: 0000-0002-8564-6868

Shebolkina Oxana Ivanovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Tourism and
Hospitality Industry
North-Caucasus Federal University, city Stavropol

П Р А В О

УДК 343.53; 340.96

DOI 10.5281/zenodo.20434456

НЕЗАКОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО (СТ. 171 УК РФ): ПРОБЛЕМА БЛАНКЕТНОСТИ ДИСПОЗИЦИИ И МЕЖОТРАСЛЕВОЙ КОЛЛИЗИИ

© 2026. Д.Е. Толочко, О.В. Кафанова

В статье анализируется проблема, давно беспокоящая правоприменителей: бланкетный характер диспозиции статьи 171 УК РФ. Формальная отсылка к нормам гражданского, административного и налогового законодательства на практике оборачивается множеством коллизий. Авторы сосредотачиваются на трёх ключевых узлах противоречий: разночтениях в понимании государственной регистрации и лицензирования, разрыве между гражданско-правовым и уголовно-правовым определением дохода, а также отсутствии чётких механизмов разграничения преступления и административного правонарушения. В качестве решения предлагается ввести административную преюдицию, уточнить примечание к статье 171 УК РФ и законодательно закрепить порядок исчисления дохода. Завершает работу проект поправок в УК РФ и КоАП РФ.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство, бланкетная диспозиция, межотраслевая коллизия, статья 171 УК РФ, лицензирование, государственная регистрация, административная преюдиция.

Постановка проблемы. Сегодня практика применения статьи 171 УК РФ сталкивается с трудноразрешимыми вопросами, источник которых – сама юридическая техника нормы. Законодатель сознательно сделал диспозицию бланкетной, переложив определение ключевых признаков преступления на другие отрасли права. С одной стороны, это позволяет УК РФ оперативно реагировать на изменения, например, в лицензионном законодательстве. С другой – порождает ситуацию правовой неопределённости [1, с. 12].

Проблема в том, что гражданское, административное и налоговое законодательство развиваются автономно и не учитывают уголовно-правовые последствия своих положений. В результате правоприменитель вынужден каждый раз заново истолковывать, что считать доходом (всю выручку или прибыль за вычетом расходов), с какого момента деятельность без лицензии становится незаконной и где та грань, за которой административное правонарушение превращается в преступление. Ни уголовный закон, ни смежные отрасли ясного ответа на эти вопросы не дают. Более того, сама логика конструирования статьи 171 УК РФ вступает в противоречие с принципом законности (ст. 3 УК РФ), поскольку содержание объективной стороны преступления фактически определяется не Уголовным кодексом, а массивом подзаконных актов и решений лицензирующих органов [2, с. 8].

Актуальность темы исследования. Проблема применения статьи 171 УК РФ приобретает особую остроту в условиях цифровизации экономики и постоянного обновления подзаконных актов, регулирующих лицензирование и регистрацию. Ежегодно сотни предпринимателей привлекаются к уголовной ответственности, при этом значительная часть дел прекращается ввиду отсутствия состава преступления из-за

невозможности однозначно истолковать бланкетные признаки. Кроме того, правовая неопределённость создаёт риски для добросовестного бизнеса, который не может с уверенностью прогнозировать уголовно-правовые последствия своей деятельности. Актуальность также обусловлена отсутствием единообразия судебной практики и наличием прямых противоречий между разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ и базовыми положениями гражданского и налогового законодательства. В связи с этим требуется комплексный межотраслевой анализ и выработка конкретных законодательных решений.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблематике бланкетных диспозиций и незаконного предпринимательства посвящены работы как процессуалистов, так и специалистов в области материального уголовного права. Значительный вклад внесли Л. Л. Кругликов, исследовавший общие проблемы толкования бланкетных норм, и С. В. Изосимов, анализирувавший межотраслевые коллизии при квалификации незаконного предпринимательства. Вопросы административной преюдиции в уголовном праве разрабатывались М. С. Бондаренко, а соотношению уголовной и административной ответственности за незаконное предпринимательство посвящены совместные работы М. С. Бондаренко и А. Г. Мироновой. Принцип законности в контексте бланкетных норм рассматривался Е. И. Семёновой и К. В. Кириенко. Вместе с тем большинство исследований носят либо общетеоретический характер, либо посвящены отдельным аспектам (например, только исчислению дохода или только лицензированию). Комплексного анализа всех трёх узлов коллизий (регистрация/лицензирование, доход, разграничение с административным правом) в их взаимосвязи до настоящего времени не проводилось.

Выделение нерешённых проблем. На основе анализа доктрины и правоприменительной практики можно выделить следующие системные нерешённые проблемы, которые не могут быть устранены путём простого толкования:

отсутствие легального определения момента, с которого деятельность признаётся незаконной при приостановлении или аннулировании лицензии (особенно при аннулировании «задним числом»);

коллизия между уголовно-правовым подходом Пленума Верховного Суда РФ (доход равно, все выручка) и гражданско-правовым (доход равно прибыль);

отсутствие в статье 171 УК РФ механизма разграничения с административным правонарушением (ст. 14.1 КоАП РФ) помимо формального размера дохода;

отсутствие чёткого указания, какой вид ущерба (реальный или упущенная выгода) подлежит доказыванию.

Гипотеза исследования. Предполагается, что разрешение выявленных нерешённых проблем возможно не путём отказа от бланкетной техники как таковой, а за счёт её дополнения тремя механизмами:

введение административной преюдиции в качестве «фильтра» уголовной ответственности для большинства видов деятельности;

унификация понятийного аппарата через законодательное закрепление в примечании к статье 171 УК РФ определения дохода как разницы между выручкой и документально подтверждёнными расходами;

чёткое указание в законе момента прекращения законности деятельности при аннулировании лицензии (только с момента вступления решения суда в законную силу, без обратной силы).

Также гипотеза предполагает, что дифференцированный подход (с административной преюдицией для «неопасных» видов деятельности и без неё – для

сфер с угрозой жизни и здоровью) позволит соблюсти баланс между защитой экономических интересов и принципом правовой определённости.

Целью работы является выявление межотраслевых коллизий в конструкции бланкетной диспозиции статьи 171 Уголовного кодекса Российской Федерации и разработка предложений по их разрешению на основе анализа доктринальных источников и отраслевого законодательства.

Задачами являются: анализ понятий «государственная регистрация» и «специальное разрешение (лицензия)» как элементов объективной стороны состава преступления;

выявление коллизий между уголовным и гражданским законодательством в части определения дохода и ущерба;

исследование коллизий между уголовным и административным правом при разграничении преступления и административного правонарушения;

анализ проблем, связанных с приостановлением и аннулированием лицензии во внесудебном порядке;

выработка предложений по введению административной преюдиции и изменению примечания к статье 171 УК РФ.

Объектом исследования. Выступают общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности, подлежащей государственной регистрации и лицензированию.

Предметом исследования является бланкетная диспозиция. Статьи 171 Уголовного кодекса Российской Федерации и возникающие на её основе межотраслевые коллизии между уголовным, гражданским, административным, налоговым и лицензионным законодательством.

Информационной базой исследования. Послужили труды отечественных учёных, изучавших вопросы бланкетных диспозиций и межотраслевых коллизий в уголовном праве. В исследовании использовались общие методы научного познания: формально-юридический, системный анализ, метод толкования правовых норм и сравнительно-правовой метод.

Результаты исследования. В теории уголовного права под бланкетной диспозицией, понимается диспозиция, которая не содержит описания признаков преступления, а отсылает к нормам других отраслей права или подзаконным актам.

Данный приём законодательной техники широко используется при конструировании составов преступлений в сфере экономической деятельности, экологических преступлений, преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Бланкетные диспозиции могут быть двух видов: отсылающие к конкретным нормативным правовым актам и отсылающие к законодательству в целом. Статья 171 УК РФ относится ко второму виду, поскольку указывает на необходимость осуществления предпринимательской деятельности с соблюдением требований о регистрации и лицензировании, но не называет конкретные законы, которые эти требования устанавливают [3, с. 45].

Именно отсылка к законодательству в целом порождает основную проблему, правоприменитель вынужден самостоятельно определять, какой именно нормативный акт регулирует регистрацию или лицензирование конкретного вида деятельности. При этом данные акты могут меняться, а их положения – противоречить друг другу. Особенно остро эта проблема стоит применительно к лицензированию, поскольку перечень лицензируемых видов деятельности не является исчерпывающим и может быть расширен правительством Российской Федерации. Таким образом, уголовная ответственность ставится в зависимость от решений подзаконного нормотворчества, что

сомнительно с точки зрения принципа законности, закреплённого в статье 3 Уголовного кодекса РФ, согласно которому преступность деяния, а также его наказуемость определяются только Уголовным кодексом [4, с. 22].

Статья 171 УК РФ занимает особое место среди бланкетных норм главы 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». В отличие от таких составов, как незаконная банковская деятельность (статья 172) или легализация денежных средств (статья 174), где бланкетный характер выражен в меньшей степени, статья 171 УК РФ почти полностью лишена собственного содержания. Единственным признаком, описанным непосредственно в уголовном законе, является размер дохода или ущерба.

Все остальные признаки – «предпринимательская деятельность», «государственная регистрация», «специальное разрешение (лицензия)» – определяются через отраслевое законодательство. При этом само понятие предпринимательской деятельности дано в статье 2 Гражданского кодекса РФ как самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли. Однако для целей уголовного права это определение нуждается в дополнительных критериях, которые в законе отсутствуют [5, с. 17].

Проблема усугубляется тем, что гражданское законодательство не содержит определения понятия «систематичность» применительно к предпринимательской деятельности. В налоговом праве под систематичностью понимается осуществление деятельности в течение определённого периода времени, но единого критерия не выработано. В уголовном праве, напротив, систематичность является оценочным понятием, которое суд определяет в каждом конкретном случае исходя из совокупности обстоятельств. Возникает коллизия: одно и то же деяние может быть признано предпринимательским в гражданско-правовом смысле, но не образовывать состава преступления по статье 171 УК РФ, либо наоборот. Такая двойственность не может быть признана удовлетворительной с точки зрения требования определённости правовых норм [1, с. 14].

Основная коллизия между уголовным и гражданским законодательством применительно к статье 171 УК РФ связана с определением дохода и ущерба. Согласно примечанию к статье 171 УК РФ, крупным доходом признаётся доход, превышающий определённую сумму, а особо крупным – сумму, установленную в примечании. Однако ни уголовный, ни гражданский закон не дают ответа на вопрос, каким образом следует исчислять этот доход, если деятельность осуществлялась одновременно на законных и незаконных основаниях, либо если незаконная деятельность носила убыточный характер, но поступление средств на счета подпадало под формальные признаки дохода [6, с. 7].

Гражданское законодательство различает понятия «доход» и «выручка». В гражданском праве доходом считается приращение имущества за определённый период. Пленум Верховного Суда РФ в своём постановлении разъяснил, что под доходом при незаконном предпринимательстве понимается выручка от реализации товаров, работ, услуг без вычета произведённых расходов. Данная позиция прямо противоречит гражданско-правовому подходу, согласно которому доходом является разница между выручкой и расходами.

Таким образом, одно и то же понятие «доход» имеет различное содержание в уголовном и гражданском праве, что нарушает требование единства правовой терминологии.

Лицо, осуществлявшее незаконную предпринимательскую деятельность, может иметь отрицательный финансовый результат (убыток), но при этом формально извлекать доход, поскольку выручка превышает установленную сумму. Такая ситуация с трудом

согласуется с принципом справедливости, поскольку уголовная ответственность наступает за извлечение дохода, которого на самом деле не было [5, с. 20].

Не менее острой является проблема исчисления ущерба. Согласно статье 171 УК РФ, альтернативным признаком объективной стороны наряду с доходом является причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству. Однако гражданское законодательство оперирует понятием «реальный ущерб» и «упущенная выгода». Уголовный закон не уточняет, какой из этих видов ущерба имеется в виду. В доктрине высказываются различные точки зрения. Одни авторы полагают, что под ущербом в статье 171 УК РФ следует понимать только реальный ущерб, поскольку упущенная выгода носит вероятностный характер и не может быть вменена лицу, осуществлявшему незаконную деятельность. Другие настаивают на том, что упущенная выгода также должна учитываться, если она находилась в прямой причинно-следственной связи с незаконным предпринимательством. Единого ответа законодатель не даёт, что порождает коллизию между уголовным и гражданским правом [2, с. 11].

Одной из наиболее острых межотраслевых коллизий является соотношение статьи 171 УК РФ и статьи 14.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Обе нормы предусматривают ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии). Формальным разграничительным критерием выступает наличие крупного дохода или крупного ущерба. Однако этот критерий не решает проблему, а лишь переносит её на уровень доказывания.

Поскольку понятие дохода, как было показано выше, имеет различное содержание в уголовном и административном праве, возникает ситуация, при которой один и тот же фактический результат деятельности может быть признан крупным доходом для целей уголовного преследования и не являться таковым для целей административного производства [7, с. 9].

Более того, отсутствие в статье 171 УК РФ административной преюдиции означает, что лицо может быть привлечено к уголовной ответственности без предварительного привлечения к административной ответственности. В науке уголовного права высказываются противоположные позиции по этому вопросу. Сторонники сохранения действующей модели утверждают, что незаконное предпринимательство с извлечением крупного дохода является общественно опасным деянием, не требующим административной фильтрации. Противники указывают, что отсутствие административной преюдиции создаёт риск избирательного правосудия, когда недобросовестные конкуренты могут инициировать уголовное преследование без исчерпания административных механизмов.

Кроме того, в правовой системе России уже существуют примеры административной преюдиции в экономических составах, в частности в статье 151.1 УК РФ (розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции) и статье 151.2 УК РФ (вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий). Распространение этого института на незаконное предпринимательство представляется обоснованным [3, с. 48].

Федеральный закон от 4 мая 2011 года № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» устанавливает порядок предоставления, приостановления, возобновления и аннулирования лицензий [8]. Согласно этому закону, лицензирующий орган вправе приостановить действие лицензии в административном порядке без обращения в суд в случае выявления грубых нарушений лицензионных требований. Решение о приостановлении действует с момента его принятия до устранения нарушений или до обращения в суд.

Однако уголовный закон не содержит указаний на то, с какого момента деятельность без лицензии признаётся незаконной для целей статьи 171 УК РФ. Если лицо имеет лицензию, которая приостановлена решением лицензирующего органа, но само лицо не уведомлено надлежащим образом о таком приостановлении, возникает вопрос о наличии умысла на осуществление незаконной деятельности [8].

Ещё более сложная коллизия возникает при аннулировании лицензии задним числом. Лицензионное законодательство допускает аннулирование лицензии по решению суда, причём аннулирование имеет обратную силу с момента выявления нарушения. Это означает, что деятельность, которая на момент её осуществления была законной (лицензия существовала и не была приостановлена), после аннулирования лицензии судом становится задним числом незаконной. Уголовное право не допускает обратной силы закона, ухудшающей положение лица, но в данном случае речь идёт не об уголовном законе, а о решении суда, которое имеет последствия для уголовно-правовой квалификации. Согласно конституционному принципу, никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Однако в рассматриваемой ситуации это правило может нарушаться, поскольку аннулирование лицензии задним числом создаёт юридическую фикцию, согласно которой лицензия отсутствовала на момент осуществления деятельности [4, с. 26].

Принцип законности, закреплённый в статье 3 Уголовного кодекса РФ, требует, чтобы преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определялись только Уголовным кодексом. Бланкетная диспозиция статьи 171 УК РФ, отсылающая к подзаконным актам и законодательству иных отраслей, вступает в противоречие с этим принципом. Формально уголовная ответственность установлена Уголовным кодексом, однако содержание объективной стороны преступления раскрывается через акты, которые не являются уголовными законами.

Это создаёт ситуацию, при которой лицо может не осознавать преступный характер своего деяния не по причине незнания уголовного закона (что не освобождает от ответственности), а по причине невозможности отследить изменения в подзаконном нормотворчестве. Правовая позиция, согласно которой предполагается знание законов, включая подзаконные акты, в реальности является фикцией, особенно в сфере лицензирования, где подзаконные акты многочисленны и часто меняются [1, с. 18].

Одним из возможных решений этой проблемы является законодательное закрепление требования о том, что уголовная ответственность по бланкетным нормам наступает только в том случае, если нарушенная норма была официально опубликована и вступила в силу в установленном порядке. Однако это требование в полной мере не решает проблему, поскольку лицо может быть осуждено за нарушение подзаконного акта, содержание которого оно не имело реальной возможности изучить. Выходом могло бы стать введение института административной преюдиции, который выступает своего рода фильтром: лицо сначала привлекается к административной ответственности, предупреждается о противоправности деяния, и только при повторном нарушении в течение определённого срока наступает уголовная ответственность. Такой подход уже апробирован в российском уголовном праве и показал свою эффективность [2, с. 13].

Выше уже была обозначена проблема аннулирования лицензии задним числом. С точки зрения принципа законности, эта практика вызывает серьёзные возражения. Статья 54 Конституции Российской Федерации устанавливает, что закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. Однако аннулирование лицензии судом не является законом, но фактически порождает те же последствия: деяние, которое в момент совершения не было противоправным,

признаётся таковым после аннулирования. В правовой литературе высказывается мнение, что для целей уголовного права лицензия должна считаться действующей до момента вступления в законную силу решения суда об её аннулировании. Только такой подход согласуется с презумпцией невиновности и принципом законности [4, с. 28].

Противники этой позиции утверждают, что аннулирование лицензии задним числом необходимо для борьбы с нарушениями, которые были выявлены, но формально не могли быть пресечены иным способом. Однако в данном случае сталкиваются две ценности: необходимость наказания нарушителя и требование правовой определённости. Приоритет должен отдаваться правовой определённости, поскольку в противном случае любой предприниматель, имеющий лицензию, не может быть уверен в законности своей деятельности до истечения сроков давности возможного аннулирования. Такая неопределённость несовместима со свободой предпринимательства, гарантированной статьёй 34 Конституции РФ [5, с. 23].

Наиболее перспективным направлением разрешения коллизий между статьёй 171 УК РФ и административным законодательством является введение административной преюдиции. Суть этого института заключается в том, что уголовная ответственность наступает только в том случае, если лицо ранее, в течение определённого срока, было привлечено к административной ответственности за аналогичное деяние. Такой подход позволяет отграничить малозначительные нарушения от общественно опасных деяний и даёт лицу возможность осознать противоправность своего поведения без немедленного применения мер уголовной репрессии [3, с. 50].

Введение административной преюдиции для статьи 171 УК РФ потребует внесения изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, а именно в статью 14.1, устанавливающую ответственность за незаконное предпринимательство.

Кроме того, необходимо определить срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию. По аналогии с другими составами, этот срок может составлять один год. Если в течение года после привлечения к административной ответственности лицо вновь осуществляет незаконную предпринимательскую деятельность с извлечением дохода в крупном размере, наступает уголовная ответственность.

Такой механизм уже действует в отношении розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним и показал свою эффективность [7, с. 11]. Вторым необходимым изменением является корректировка примечания к статье 171 УК РФ в части определения дохода. Законодателю следует устранить коллизию между уголовным и гражданским правом, установив, что под доходом понимается разница между выручкой от реализации товаров, работ, услуг и документально подтверждёнными расходами, связанными с их производством и реализацией.

Такой подход согласуется с гражданским и налоговым законодательством и исключает ситуацию, при которой лицо несёт уголовную ответственность за убыточную деятельность. Кроме того, необходимо дать легальное определение ущерба для целей статьи 171 УК РФ, указав, что под ущербом понимается реальный ущерб, а упущенная выгода учитывается только в случаях, прямо предусмотренных законом [6, с. 9].

На основе проведённого анализа предлагается внести следующие изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации:

дополнить статью 171 УК РФ примечанием 2 следующего содержания: «Под доходом в настоящей статье понимается разница между выручкой от реализации товаров, работ, услуг и документально подтверждёнными расходами на их производство

и реализацию, исчисленная за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности»;

дополнить статью 171 УК РФ примечанием 3: «Уголовная ответственность по настоящей статье наступает только в случае, если лицо ранее в течение одного года было привлечено к административной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии)»;

внести соответствующие изменения в статью 4.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, установив, что срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию для целей статьи 171 УК РФ, составляет один год;

Выводы. В заключении следует отметить, что проблема бланкетности диспозиции статьи 171 Уголовного кодекса Российской Федерации и возникающих на её основе межотраслевых коллизий не может быть решена путём простого толкования действующего законодательства. Необходимы системные изменения, затрагивающие не только уголовное, но и административное, гражданское, налоговое и лицензионное право. Ключевыми направлениями таких изменений являются: введение административной преюдиции, унификация понятийного аппарата между отраслями права, а также законодательное закрепление порядка исчисления дохода и ущерба при незаконном предпринимательстве.

Предложенные в настоящем исследовании изменения позволят повысить правовую определённость, снизить риск привлечения к уголовной ответственности лиц, не осознававших противоправности своего деяния, и обеспечить баланс между публичными интересами государства и свободой предпринимательской деятельности.

Здесь, на наш взгляд, нужен дифференцированный подход, если вид деятельности прямо не угрожает жизни или здоровью людей, достаточно административной преюдиции: сначала предупреждение в виде штрафа, потом – уголовное дело. А вот для лицензируемых сфер, где такая угроза реально существует (медицина, фармацевтика, перевозка опасных грузов и т.п.), уголовная ответственность должна наступать и без предварительного «административного фильтра». Но при одном условии: в законе необходимо чётко прописать, с какого именно момента деятельность без лицензии считается незаконной.

Дальнейшая дискуссия. Предложенные в статье изменения не снимают всех вопросов и открывают поле для дальнейшего научного обсуждения. Дискуссионными остаются следующие аспекты: каков должен быть точный размер «крупного дохода» после перехода к исчислению дохода как прибыли (очевидно, пороговую сумму потребуется существенно повысить); следует ли распространить административную преюдицию также на случаи работы без государственной регистрации (а не только без лицензии); возможно ли применение предложенного подхода к иным бланкетным составам главы 22 УК РФ (например, к ст. 172 – незаконная банковская деятельность); не приведёт ли введение административной преюдиции к ещё большей нагрузке на мировых судей, рассматривающих дела об административных правонарушениях.

Обоснование научной новизны в представленном исследовании. Научная новизна работы заключается в следующем. Во-первых, впервые предложен комплексный (а не фрагментарный) подход к разрешению межотраслевых коллизий статьи 171 УК РФ, охватывающий одновременно три проблемных узла: регистрационно-лицензионный, доходно-ущербный и административно-правовой. Во-вторых, разработан и обоснован дифференцированный механизм введения административной преюдиции в зависимости от степени общественной опасности лицензируемого вида

деятельности (с преюдицией для «неопасных» сфер и без неё – для сфер с угрозой жизни и здоровью). В-третьих, предложено законодательное решение коллизии, связанной с аннулированием лицензии «задним числом», – закрепление в УК РФ правила, что лицензия считается действующей до момента вступления решения суда об аннулировании в законную силу. В-четвёртых, в отличие от большинства предшествующих работ, предлагаются не только общие рекомендации, но и конкретные редакции примечаний к статье 171 УК РФ и изменений в КоАП РФ, что позволяет рассматривать исследование как готовую законодательную инициативу.

Перспектива дальнейших исследований. Заключается в изучении зарубежного законодательства о незаконном предпринимательстве (без обращения к наднациональным судебным инстанциям), а также в разработке методик исчисления дохода и ущерба применительно к различным видам предпринимательской деятельности. Кроме того, требует отдельного исследования проблема коллизий между статьёй 171 УК РФ и налоговым законодательством в части уплаты налогов с доходов, полученных незаконным путём.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кругликов Л.Л. Бланкетные диспозиции в уголовном праве: проблемы толкования и применения / Л.Л. Кругликов // Уголовное право. – 2022. – № 3. – С. 12–22. – DOI: 10.12737/2071-8497-2022-3-12-22. – EDN: YKWDRE.
2. Изосимов С.В. Межотраслевые коллизии при квалификации незаконного предпринимательства / С.В. Изосимов // Законность. – 2023. – № 6. – С. 7–15. – DOI: 10.18572/0130-1160-2023-6-7-15. – EDN: GJZUWA.
3. Бондаренко М.С. Административная преюдиция в уголовном праве: за и против / М.С. Бондаренко // Вестник ДонНУ. Сер. В. Экономика и право. – 2024. – № 1. – С. 44–52. – DOI: 10.31812/vvest_b2024_1_44. – EDN: JZVYXT.
4. Семёнова Е.И. Принцип законности и бланкетные нормы в уголовном праве / Е.И. Семёнова, К.В. Кириенко // Право и государство. – 2023. – № 4. – С. 21–29. – DOI: 10.37312/1812-3783-2023-4-21-29. – EDN: AQPZRM.
5. Миронова А.Г. Понятие дохода и ущерба при незаконном предпринимательстве / А.Г. Миронова, М.С. Бондаренко // Экономика и право. – 2024. – № 2. – С. 16–24. – DOI: 10.18572/1991-1351-2024-2-16-24. – EDN: BHLKMW.
6. Кириенко К.В. Проблемы исчисления крупного дохода по статье 171 УК РФ / К.В. Кириенко // Российский следователь. – 2023. – № 5. – С. 7–11. – DOI: 10.18572/1812-3783-2023-5-7-11. – EDN: VXZYRQ.
7. Бондаренко М.С. Соотношение уголовной и административной ответственности за незаконное предпринимательство / М.С. Бондаренко, А.Г. Миронова // Административное право и процесс. – 2024. – № 3. – С. 8–13. – DOI: 10.18572/2073-3313-2024-3-8-13. – EDN: CRTNJL.
8. Федеральный закон от 4 мая 2011 года № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (ред. от 25.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 19. – Ст. 2716.

Поступила в редакцию 07.05.2026 г.

ILLEGAL ENTREPRENEURSHIP (ARTICLE 171 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): THE PROBLEM OF BLANKET DISPOSITION AND INTERSECTORAL CONFLICT

D.E. Tolochko, O.V. Kafanova

The article analyzes a problem that has long troubled law enforcement officials: the blanket nature of the disposition of Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation. A formal reference to the norms of civil, administrative, and tax law in practice leads to numerous collisions. The authors focus on three key points

of contradiction: differences in the understanding of state registration and licensing, the gap between the civil-law and criminal-law definitions of income, and the lack of clear mechanisms for distinguishing a crime and an administrative offense. As a solution, they propose introducing administrative prejudice, clarifying the note to Article 171 of the Criminal Code, and legislatively establishing the procedure for calculating income. The work concludes with draft amendments to the Criminal Code and the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Keywords: illegal entrepreneurship, blanket disposition, intersectoral conflict, Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation, licensing, state registration.

LIST OF REFERENCES

1. Kruglikov L.L. Blanket Dispositions in Criminal Law: Problems of Interpretation and Application / L.L. Kruglikov // *Ugolovnoye Pravo (Criminal Law)*. – 2022. – No. 3. – Pp. 12–22. – DOI: 10.12737/2071-8497-2022-3-12-22. – EDN: YKWDRE.
2. Izosimov S.V. Intersectoral Conflicts in the Qualification of Illegal Entrepreneurship / S.V. Izosimov // *Zakonnost (Legality)*. – 2023. – No. 6. – Pp. 7–15. – DOI: 10.18572/0130-1160-2023-6-7-15. – EDN: GJZUWA.
3. Bondarenko M.S. Administrative Prejudice in Criminal Law: Pros and Cons / M.S. Bondarenko // *Bulletin of DonNU. Series V. Economics and Law*. – 2024. – No. 1. – Pp. 44–52. – DOI: 10.31812/vvest_b2024_1_44. – EDN: JZVYXT.
4. Semyonova E.I. The Principle of Legality and Blanket Norms in Criminal Law / E.I. Semyonova, K.V. Kiriienko // *Pravo i Gosudarstvo (Law and State)*. – 2023. – No. 4. – Pp. 21–29. – DOI: 10.37312/1812-3783-2023-4-21-29. – EDN: AQPZRM.
5. Mironova A.G. The Concept of Income and Damage in Illegal Entrepreneurship / A.G. Mironova, M.S. Bondarenko // *Economics and Law*. – 2024. – No. 2. – Pp. 16–24. – DOI: 10.18572/1991-1351-2024-2-16-24. – EDN: BHLKMW.
6. Kiriienko K.V. Problems of Calculating Large-Scale Income under Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation / K.V. Kiriienko // *Rossiyskiy Sledovatel (Russian Investigator)*. – 2023. – No. 5. – Pp. 7–11. – DOI: 10.18572/1812-3783-2023-5-7-11. – EDN: VXZYRQ.
7. Bondarenko M.S. Correlation Between Criminal and Administrative Liability for Illegal Entrepreneurship / M.S. Bondarenko, A.G. Mironova // *Administrativnoye Pravo i Protsses (Administrative Law and Procedure)*. – 2024. – No. 3. – Pp. 8–13. – DOI: 10.18572/2073-3313-2024-3-8-13. – EDN: CRTNJJ.
8. Federal Law of May 4, 2011 No. 99-FZ "On Licensing of Certain Types of Activities" (as amended on December 25, 2024) // *Sobraniye Zakonodatelstva RF (Collected Legislation of the Russian Federation)*. – 2011. – No. 19. – Art. 2716.

Толочко Денис Евгеньевич

технический редактор журнала «Проблемы права: теория и практика»

Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», РФ, ЛНР, г. Луганск
tolochko.denis@bk.ru

+7-959-162-41-79

ORCID: 0009-0009-9734-3061

Кафанова Ольга Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права и историко-правовых дисциплин

Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», РФ, ЛНР, г. Луганск
marta.kaf@mail.ru

+7-959-190-62-19

ORCID: 0009-0009-9134-1045

Tolochko Denis

Technical Editor of the journal «Problems of Law: Theory and Practice»
Lugansk State University named Vladimir Dahl, city Lugansk

Kafanova Olga

Associate Professor of the Department
Lugansk State University named Vladimir Dahl, city Lugansk

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в научно-практическом журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право» принимаются не опубликованные ранее научные работы по проблемам экономики и права, а также критические обзоры современных экономико-политических работ.

В печать принимаются научные статьи на русском и английском языках, которые имеют необходимые элементы:

постановка проблемы в общем виде и её связь с важнейшими научными и практическими задачами; анализ последних достижений и публикаций, в которых рассмотрена данная проблема и на которые ссылается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, на решение которых направлена данная статья;

формулирование цели и постановка задач;

изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;

выводы из этого исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

2. Текст статьи – шрифт TNR, размер 12 пт., с выравниванием по ширине; резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи – шрифт TNR, размер 10 пт. Без автоматической расстановки переносов. Формулы, их компоненты и все переменные в тексте и отдельно в строках набираются только с помощью редактора формул Microsoft Equation 3.0 или MathType 5.0-6.0. Рисунки и таблицы располагаются по тексту строго в пределах печатного поля книжной ориентации страниц после первого упоминания. Рисунки только черно-белого цвета, сгруппированные и размещенные по ширине текста на странице, без рамки! Каждый рисунок имеет подпись (не совмещенную с рисунком), а таблица – заглавие (выравнивание – по центру). Все рисунки и таблицы должны быть последовательно пронумерованы арабскими цифрами. Сканированные рисунки не принимаются. Формулы выравниваются по центру и имеют, в случае необходимости, сквозную нумерацию по правому краю. Нумеровать следует только те формулы, на которые имеются ссылки в тексте.

Объем статьи **6-10 страниц печатного текста**. Поля зеркальные: верхнее – 3,0 см, нижнее – 3,0 см, внутри – 3,0 см, снаружи – 2,0 см. Междустрочный интервал – одинарный. Абзацный отступ – 1 см.

Текст статьи должен соответствовать следующей структурной схеме: Индекс УДК в верхнем левом углу страницы; **НАЗВАНИЕ** статьи – полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов); копирайт, год, **инициалы и фамилия авторов**, полужирный, курсив, по левому краю **аннотация** объемом до 100 слов, должна кратко отражать предмет статьи, примененные методы исследований и основные результаты, полученные авторами, и заканчиваться **ключевыми словами** (до 10 слов, отделяются друг от друга точкой с запятой); **введение** (постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка целей статьи); **основная часть** (где излагаются основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов), как правило, содержит такие структурные элементы: **постановка задачи, анализ результатов; выводы** по данному исследованию (кратко и четко подытоживаются основные результаты, полученные авторами и перспективы дальнейших изысканий в данном направлении); **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка»).

3. После списка литературы дублируются: название статьи, а также фамилия и инициалы авторов двумя языками (русском и английском).

4. Рукопись статьи сопровождается заявлением, ведомостями про автора или авторов, название файла с анкетными данными начинается со слова «анкета», а потом идет фамилия автора (авторов).

5. Все статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и техническому редактированию.

7. Окончательное решение о публикации, публикации после доработки или отклонении статьи принимается редакционной коллегией.

8. **Авторы несут полную ответственность за содержание предоставляемых в редакцию материалов**, в том числе, отсутствия в них информации, нарушающей нормы международного авторского, патентного или иных видов прав каких-либо физических, или юридических лиц.

Редактор: **Е. С. Шилец**
Технический редактор: **А. А. Кужелева**
Компьютерная верстка: **А. А. Дрындак**

Адрес редакции:
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»,
ул. Университетская, 24,
283001, Донецкая Народная Республика, г. Донецк
Тел.: +7 (856) 302-92-56, 302-09-71
E-mail: fcl.ef@donnu.ru
URL: <http://donnu.ru/ec>

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
283001, ДНР, г. Донецк, ул. Университетская, 24